

ISBN 978-99947-738-0-0

ISSN 2412-141X

**МАЪРИФАТ
АДОЛАТ
САДОҚАТ
ҚОНУНИЯТ**

**ПРОСВЕЩЕНИЕ
СПРАВЕДЛИВОСТЬ
ПРЕДАННОСТЬ
ЗАКОННОСТЬ**

**ОСОБИ АКАДЕМИЯИ ВҚД
ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН
(МАҶАЛЛАИ ИЛМИ)**

**ТРУДЫ АКАДЕМИИ МВД
РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН
(НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ)**

**№4 (64)
2024**

ОСОРИ АКАДЕМИЯИ ВКД ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН
№ 4 (64). 2024

Муассис – Академияи Вазорати корҳои дохилии Ҷумҳурии Тоҷикистон. Маҷаллаи илмӣ аз тарафи Вазорати фарҳанги Ҷумҳурии Тоҷикистон ба қайд гирифта шудааст. Шаҳодатнома оид ба қайд гирифтани таҳти № 335/МҶ-97 аз 1-уми март соли 2024.

Маҷаллаи илмӣ аз соли 1998 нашр мегардад.

Маҷаллаи илмӣ соли 2015 ба Шохиси иқтибосоварии илмии Россия (РИНЦ) ворид карда шуд.

Маҷаллаи илмӣ ба Феҳристи нашрияҳои илмии тақризии Комиссияи олии аттестатсионии Вазорати илм ва таҳсилоти олии Федератсияи Россия ва Комиссияи олии аттестатсионии назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон, ки дар онҳо бояд натиҷаҳои асосии илмӣ оид ба дарёфти дараҷаҳои илмии номзоди илмҳо ва доктори илмҳо нашр гарданд, ворид аст.

Дар маҷалла мақолаҳо бо забонҳои тоҷикӣ, русӣ ва англисӣ нашр мешаванд.

РАИСИ ШУРОИ ТАҲРИРӢ:

Раҳимзода Р.Х. – Вазири корҳои дохилии Ҷумҳурии Тоҷикистон, Ҳуқуқшиноси шоистаи Тоҷикистон, доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсент.

АЪЗОӢНИ ШУРОИ ТАҲРИРӢ:

Маҳмудзода М.А. – аъзои пайвастаи Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон, доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор, Ҳуқуқшиноси шоистаи Тоҷикистон; **Раҳимзода М.З.** – аъзои вобастаи Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон, доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор; **Ятимов С.С.** – аъзои вобастаи Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон, доктори илмҳои сиёсатшиносӣ, дотсент; **Гаврилов Б.Я.** – Арбоби шоистаи илми Федератсияи Россия, Ҳуқуқшиноси шоистаи Федератсияи Россия, доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор; **Мулукаев Р.С.** – Арбоби шоистаи илми Федератсияи Россия, доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор; **Салников В.П.** – Арбоби шоистаи илми Федератсияи Россия, доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор; **Михайлов В.А.** – Арбоби шоистаи илми Федератсияи Россия, доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор; **Омелин В.Н.** – Ҳуқуқшиноси шоистаи Федератсияи Россия, доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор; **Ҳабибуллин А.Г.** – Ҳуқуқшиноси шоистаи Федератсияи Россия, доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор; **Ализода З.** – доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор; **Алимов С.Ю.** – доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор; **Буризода Э.Б.** – доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор; **Зонр Ҷ.М.** – доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор; **Иброҳимов С.И.** – доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор; **Искандаров З.Х.** – доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор; **Муртазозода Ҷ.С.** – доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор; **Назарзода Н.Ҷ.** – доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор; **Пулатов Ю.С.** – доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор; **Рачабзода Р.М.** – доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсент; **Ҳоликзода А.Ғ.** – доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор; **Шарипов Т.Ш.** – доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор; **Шарофзода Р.Ш.** – доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор; **Солиев К.Х.** – Ҳуқуқшиноси шоистаи Тоҷикистон, номзоди илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсент; **Федоров А.В.** – номзоди илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор.

РАИСИ ҲАЙАТИ ТАҲРИРӢ:

Насуриён П.А. – сардори Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, номзоди илмҳои ҳуқуқшиносӣ.

МУОВИНИ РАИСИ ҲАЙАТИ ТАҲРИРӢ:

Раҳмадҷонзода Р.Р. – муовини сардори Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон оид ба илм, доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсент.

АЪЗОӢНИ ҲАЙАТИ ТАҲРИРӢ:

Баранов В.М. – Арбоби шоистаи илми Федератсияи Россия, доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор; **Матскевич И.М.** – Арбоби шоистаи илми Федератсияи Россия, доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор; **Ҷоробекова А.М.** – Ҳуқуқшиноси шоистаи Ҷумҳурии Қирғизистон, доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор; **Азиззода У.А.** – доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор; **Раҳмон Д.С.** – доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор; **Диноршоҳ А.М.** – доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор; **Сафарзода А.И.** – доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор; **Золотухин А.В.** – доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор; **Назаров А.К.** – доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор; **Захаргсев С.И.** – доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор; **Гармаев Ю.П.** – доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор; **Аубакирова А.А.** – доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор; **Нематов А.Р.** – доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор; **Абдухамитов В.А.** – доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсент; **Россинский С.Б.** – доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор; **Коомбаев А.А.** – доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсент; **Шарифзода Ф.Р.** – доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсент; **Абдурашидзода А.А.** – номзоди илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсент; **Мансурзода А.М.** – номзоди илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсент; **Самиев Н.М.** – номзоди илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсент; **Сафарзода Ҳ.С.** – номзоди илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсент; **Арипов А.Л.** – номзоди илмҳои ҳуқуқшиносӣ; **Вализода Н.Д.** – номзоди илмҳои ҳуқуқшиносӣ.

Котиби масъул:

Заробидинзода С.З. – номзоди илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсент.

Мухаррирони масъул:

Ҳайруллоев Ф.С. – номзоди илмҳои ҳуқуқшиносӣ;

Саидолим К.С. – номзоди илмҳои филологӣ.

Масъули нашр:

Каримова Л.М.

Труды Академии МВД Республики Таджикистан
№ 4 (64). 2024

Учредитель – Академия Министерства внутренних дел Республики Таджикистан. Научный журнал зарегистрирован Министерством культуры Республики Таджикистан. Свидетельство о регистрации № 335/ЖР-97 от 1 марта 2024 года. Научный журнал издается с 1998 года.

Научный журнал в 2015 году включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Научный журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Высшей аттестационной комиссии при Президенте Республики Таджикистан в которых должны быть опубликованы основные научные результаты на соискание ученых степеней кандидата наук и доктора наук.

В журнале печатаются статьи на таджикском, русском и английском языках.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

Рахимзода Р.Х. – Министр внутренних дел Республики Таджикистан, Заслуженный юрист Таджикистана, доктор юридических наук, доцент,

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

Махмудзода М.А. – действительный член Национальной академии наук Таджикистана, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Таджикистана; **Рахимзода М.З.** – член-корреспондент Национальной академии наук Таджикистана, доктор юридических наук, профессор; **Ятимов С.С.** – член-корреспондент Национальной академии наук Таджикистана, доктор политических наук, доцент; **Гаврилов Б.Я.** – Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Заслуженный юрист России, доктор юридических наук, профессор; **Мулукаев Р.С.** – Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор; **Сальников В.П.** – Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор; **Михайлов В.А.** – Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор; **Омелин В.Н.** – Заслуженный юрист России, доктор юридических наук, профессор; **Хабибуллин А.Г.** – Заслуженный юрист России, доктор юридических наук, профессор; **Ализода З.** – доктор юридических наук, профессор; **Алимов С.Ю.** – доктор юридических наук, профессор; **Буризода Э.Б.** – доктор юридических наук, профессор; **Зоир Д.М.** – доктор юридических наук, профессор; **Ибрагимов С.И.** – доктор юридических наук, профессор; **Искандаров З.Х.** – доктор юридических наук, профессор; **Муртазозода Д.С.** – доктор юридических наук, профессор; **Назарзода Н.Д.** – доктор юридических наук, профессор; **Пулатов Ю.С.** – доктор юридических наук, профессор; **Раджабзода Р.М.** – доктор юридических наук, доцент; **Холикзода А.Г.** – доктор юридических наук, профессор; **Шарипов Т.Ш.** – доктор юридических наук, профессор; **Шарофзода Р.Ш.** – доктор юридических наук, профессор; **Солиев К.Х.** – Заслуженный юрист Таджикистана, кандидат юридических наук, доцент; **Федоров А.В.** – кандидат юридических наук, профессор.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Насурийён П.А. – начальник Академии МВД Республики Таджикистан, кандидат юридических наук.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Рахмадджонзода Р.Р. – заместитель начальника Академии МВД Республики Таджикистан по науке, доктор юридических наук, доцент.

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Баранов В.М. – Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор; **Мацкевич И.М.** – Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор; **Джоробекова А.М.** – Заслуженный юрист Кыргызстана, доктор юридических наук, профессор; **Азиззода У.А.** – доктор юридических наук, профессор; **Рахмон Д.С.** – доктор юридических наук, профессор; **Диноршоҳ А.М.** – доктор юридических наук, профессор; **Сафарзода А.И.** – доктор юридических наук, профессор; **Золотухин А.В.** – доктор юридических наук, профессор; **Назаров А.К.** – доктор юридических наук, профессор; **Захарцев С.И.** – доктор юридических наук, профессор; **Гармаев Ю.П.** – доктор юридических наук, профессор; **Аубакирова А.А.** – доктор юридических наук, профессор; **Нематов А.Р.** – доктор юридических наук, доцент; **Абдухамитов В.А.** – доктор юридических наук, доцент; **Россинский С.Б.** – доктор юридических наук, профессор; **Коомбаев А.А.** – доктор юридических наук, доцент; **Шарифзода Ф.Р.** – доктор юридических наук, доцент; **Абдурашидзода А.А.** – кандидат юридических наук, доцент; **Мансурзода А.М.** – кандидат юридических наук, доцент; **Самиев Н.М.** – кандидат юридических наук, доцент; **Сафарзода Х.С.** – кандидат юридических наук, доцент; **Арипов А.Л.** – кандидат юридических наук; **Вализода Н.Д.** – кандидат юридических наук.

Ответственный секретарь:

Заробидинозода С.З. – кандидат юридических наук, доцент.

Ответственные редакторы:

Хайруллоев Ф.С. – кандидат юридических наук;

Саидолим К.С. – кандидат филологических наук.

Ответственный за выпуск:

Каримова Л.М.

UDC 001:351.741.76 (575.3)
BBK 72+67.99(2)163 (2taj)
0 - 77

PROCEEDINGS OF THE ACADEMY OF MIA OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN
№ 4 (64). 2024

The founder is the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan. The scientific journal is registered by the Ministry of Culture of the Republic of Tajikistan. Certificate of Registration No. 335 / MF-97 dated March 1, 2024. The scientific journal has been published since 1998.

The scientific journal in 2015 is included in the system of the Russian Scientific Citation Index (RINC).

The scientific journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Higher Attestation Commission under the President of the Republic of Tajikistan in which the main scientific results for the academic degrees of Candidate of Sciences and Doctor of Sciences should be published. The journal publishes articles in Tajik, Russian and English.

CHAIRMAN OF THE EDITORIAL COUNCIL:

Rahimzoda R.H. – Minister of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan, Honored Lawyer of Tajikistan, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

MEMBERS OF THE EDITORIAL COUNCIL:

Mahmudzoda m.A. – Full member of the National Academy of Sciences of Tajikistan, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of Tajikistan; **Rakhimzoda M.Z.** – Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Tajikistan, Doctor of Legal Sciences, Professor; **Yatimov S.S.** – Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Tajikistan, Doctor of Political Sciences; assistant professor; **Gavrilov B.Ya.** – Honored lawyer of Science of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Professor; **Mulukaev R.S.** – Honored lawyer of Science of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Professor; **Salnikov V.P.** – Honored lawyer of Science of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Professor; **Mikhailov V.A.** – Honored lawyer of Science of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Professor; **Omelin V.N.** – Honored lawyer of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Professor; **Khabibullin A.G.** – Honored lawyer of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Professor; **Alizoda Z.** – Doctor of Legal Sciences, Professor; **Alimov S.Yu.** – Doctor of Legal Sciences, Professor; **Burizoda E.B.** – Doctor of Legal Sciences, Professor; **Zoir D.M.** – Doctor of Legal Sciences, Professor; **Ibragimov S.I.** – Doctor of Legal Sciences, Professor; **Iskandarov Z.Kh.** – Doctor of Legal Sciences, Professor;

Murtazozoda D.S. – Doctor of Legal Sciences, Professor; **Nazarzoda N.D.** – Doctor of Legal Sciences, Professor; **Pulatov Yu.S.** – Doctor of Legal Sciences, Professor; **Rajabzoda R.M.** – Doctor of Legal Sciences, Associate Professor; **Kholikzoda A.G.** – Doctor of Legal Sciences, Professor; **Sharipov T.Sh.** – Doctor of Legal Sciences, Professor; **Sharofzoda R.Sh.** – Doctor of Legal Sciences, Professor; **Soliev K.Kh.** – Honored Lawyer of Tajikistan, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor; **Fedorov A.V.** – Candidate of legal sciences, professor

CHAIRMAN OF THE EDITORIAL BOARD:

Nasuriyon P.A. – Head of the Academy of the Ministry of the Interior of the Republic of Tajikistan, Candidate of legal sciences.

DEPUTY CHAIRMAN OF THE EDITORIAL BOARD:

Rahmadjonzoda R.R. – Deputy Head of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan for Science, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD:

Baranov V.M. – Honored lawyer of Science of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Professor; **Matskevich I.M.** – Honored lawyer of Science of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Professor; **Dzhorobekova A.M.** – Honored Lawyer of the Kyrgyz Republic, Doctor of Legal Sciences, Professor; **Azizzoda U.A.** – Doctor of Legal Sciences, Professor; **Rahmon D.S.** – Doctor of Legal Sciences, Professor; **Dinorshokh A.M.** – Doctor of Legal Sciences, Professor; **Safarzoda A.I.** – Doctor of Legal Sciences, Professor; **Zolotukhin A.V.** – Doctor of Legal Sciences, Professor; **Nazarov A.K.** – Doctor of Legal Sciences, Professor; **Zakhartsev S.I.** – Doctor of Legal Sciences, Professor; **Garmaev Yu.P.** – Doctor of Legal Sciences, Professor; **Aubakirova A.A.** – Doctor of Legal Sciences, Professor; **Nematov A.R.** – Doctor of Legal Sciences, Associate Professor; **Abdukhamitov V.A.** – Doctor of Legal Sciences, Associate Professor; **Rossinsky S.B.** – Doctor of Legal Sciences, Professor; **A. A. Koombaev** – Doctor of Legal Sciences, Associate Professor; **Sharifzoda F.R.** – Doctor of Legal Sciences, Associate Professor; **Abdurashidzoda A.A.** – Candidate of legal sciences, associate professor; **Mansurzoda A.M.** – Candidate of legal sciences, associate professor; **Samiev N.M.** – Candidate of legal sciences, associate professor; **Safarzoda H.S.** – Candidate of legal sciences, associate professor; **Aripov A.L.** – Candidate of legal sciences; **Valizoda N.D.** – Candidate of legal sciences.

Executive Secretary:	Zarobidinzoda S.Z. – Candidate of Legal Sciences, associate professor.
Responsible editors:	Khairulloev F. S. – Candidate of Legal Sciences; Saidolim K.S. – Candidate of Philology.
Responsible for publication:	Karimova L.M.

**МАСОИЛИ НАЗАРИЯ, ҚОНУНГУЗОРӢ ВА АМАЛИЯ
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ, ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАКТИКИ**

Азиззода, У.А. Мушкilot ва дурнамои ҳамоҳангсозии фаъолияти мақомоти ҳифзи ҳуқуқ дар муқовимат ба идеологияи экстремистӣ-террористӣ	8-14
Бобочонзода, И.Х., Қудратов, Н.А. Проблемаҳои бандубасти ҷиноятҳо аз рӯи аломатҳои баҳодиҳии таркиби ҷиноят	15-25
Искандаров, З.Х., Исозода, Н. Дурнамои танзимои меъёрии муҳофизатӣ-ҷиноятӣ амалҳои тафтишотӣ ва ҷорабиниҳои ба он шабеҳи оперативӣ-ҷустуҷӯӣ: гузориши масъала	26-32
Кальченко, Н.В. Некоторые аспекты соблюдения прав человека в условиях противодействия терроризму	33-38
Мансурзода, А.М. Шури ҳуқуқии конституционӣ ҳамчун асоси таъминкунандаи амнияти ҷомеа	39-46
Нурушев, А.А., Балтабаев, С.А. Криминалистическое исследование следов близкого выстрела на джинсовой ткани, образованных при стрельбе из пистолета Ярыгина «Грач» калибра 9 мм	47-52
Осипова, Н.В. Освобождение от уголовной ответственности участников специальной военной операции: новый закон и новые проблемы	53-60
Попов, В.В. Глобализация и государственный суверенитет: некоторые проблемы	61-68
Сафарзода, Х.С. Основные подходы по определению правового содержания современного экстремизма и перспективы его совершенствования	69-77
Тоҳирзода, О.Т. Оид ба афзалияти шакли протоколии омодакунии маводди тосудӣ зимни муроҷиати шаҳрвандон вобаста ба парвандаҳои айбдоркунии хусусӣ	78-84
Фризен, П.Д. Предупреждение участковым уполномоченным полиции насильственных преступлений в семейно-бытовой сфере	85-90
Шарофзода, Р.С., Зарифзода, Ш.И. Мафҳум, хусусиятҳо ва эътибори ҳуқуқии фармонҳои Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон	91-100

**МИНБАРИ МУҚАРРИЗОН
ТРИБУНА РЕЦЕНЗЕНТОВ**

Искандаров, З.Х. Отзыв официального оппонента на диссертацию Раҳмадҷонзода Р.Р. «Учение об уголовном преследовании в уголовном судопроизводстве Республики Таджикистан»	101-109
Раҳмадҷонзода, Р.Р. Отзыв на автореферат диссертации А.В. Петровского на тему: «Институционально-нормативная система предупреждения преступного поведения: теоретико-прикладное исследование»	110-112

**МИНБАРИ ОЛИМОНИ ҶАВОН
ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ**

Астраханцев, И.В. Теоретико-правовые аспекты определения оптимальной модели транспортной безопасности современного государства	113-122
Джумаева, З.М. Общая характеристика уголовно-правового содержания экстремистско-террористической идеологии	123-131
Кварчия, А.Р. Протоколы следственных и судебных действий как источники документального вида доказательств в Республике Абхазия	132-139

Кордобовская, К.Е. Правовой инфантилизм как проявление деформированности правового сознания	140-148
Латифзода, К.А., Киреев, М.П. Тенденции реформирования МВД Республики Таджикистан	149-159
Набизода, Н.М. Баланд бардоштани маданият ва шуури ҳуқуқи кормандони мақомоти прокуратураи Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳамчун омили такмили фаъолияти ҳуқукатбиққунии онҳо	160-171
Нуруллозода, М. Тавсифи умумии ҳатарҳои ҳолатҳои ғавқулоддаи табииву техногенӣ ва асосҳои назариявии ташкили пешгирӣ ва рафъи оқибатҳои онҳо	172-181
Рахимов, Ф.Д. Уголовно-правовая и криминалистическая характеристика мошенничества, совершенного в сфере инвестиционной деятельности	182-188
Холзода, У.Х. Ограничения, допустимые при избрании личного поручительства по законодательству Российской Федерации и Республики Таджикистан	189-196
Хрысёв, Е.В., Попов, А.А. История и развитие отечественного законодательства в области огнестрельного оружия и перспективы введения в гражданский оборот нарезного короткоствольного огнестрельного оружия в Российской Федерации	197-204
Шомуротзода, Ф. Криминологическая характеристика семейного насилия в Республике Таджикистан	205-212

CONTENT

PROBLEMS OF THE THEORY, LEGISLATION AND PRACTICE

Azizzoda, U.A. Problems and prospects of coordinating the activities of law enforcement agencies to counter extremist and terrorist ideology	8-14
Bobojonzoda, I.H., Kudratov, N.A. Problems of crime qualification by evaluative features of the composition of a crime	15-25
Iskandarov, Z.H., Isozoda, N. Prospects for normative and procedural regulation of investigative actions and identical operational-search activities: posing the question	26-32
Kalchenko N.V. Some aspects of human rights observance in the context of countering Terrorism	33-38
Mansurzoda, A.M. Constitutional legal consciousness as a basis for ensuring the security of society	39-46
Nurushev, A.A., Baltabaev, S.A. Forensic examination of traces of a close shot on denim fabric formed by shooting from a Yarygin «Grach» pistol of 9 mm caliber	47-52
Osipova, N.V. exemption from criminal liability of participants in a special military operation: new law and new problems	53-60
Popov, V.V. Globalization and state sovereignty: some problems	61-68
Safarzoda, H.S. The main approaches to defining the legal content of modern extremism and prospects for its improvement	69-77
Tohirzoda, O.T. On the advantage of the protocol form of pre-trial preparation of materials in the course of citizens' appeals in criminal cases of private prosecution	78-84
Friesen, P.D. Prevention of violent crimes by district police officers in the family and household sphere	85-90
Sharofzoda, R.Sh., Zarifzoda, Sh.I. Concept, features and legal force of the decree of the President of the Republic of Tajikistan	91-100

TRIBUNE REVIEWERS

Iskandarov, Z.H. Review official opponent on the dissertation of Rakhmadzhonzoda R.R. "The doctrine of criminal prosecution in criminal proceedings of the Republic of Tajikistan"	101-109
Rahmadjonzoda, R.R. Review on the abstract of the dissertation of A.V. Petrovsky on the topic: «Institutional and normative system for preventing criminal behavior: theoretical and applied research»	110-112

TRIBUNE OF YOUNG SCIENTISTS

Astrakhantsev, I.V. Theoretical and legal aspects of determining the optimal model of transport security of a modern state	113-122
Djumaeva, Z.M. General characteristics of the criminal-legal content of extremist-terrorist ideology	123-131
Kvarchia, A.R. Protocols of investigative and judicial actions as sources of documentary evidence in the Republic of Abkhazia	132-139
Kordobovskaya, K.E. legal infantilism as a manifestation of the deformity of legal consciousness	140-148
Latifzoda, Q.A., Kireev, M.P. Trends in the reform of the MIA Republic of Tajikistan	149-159

Nabizoda, N.M. Improving the culture and legal awareness of employees of the prosecutor's office of the Republic of Tajikistan as a factor in improving their law enforcement activities	160-171
Nurullozoda, M. General characteristics of the danger of natural and man-made emergencies and the theoretical foundations for organizing the prevention and elimination of their consequences	172-181
Rakhimov, F.D. Criminal-legal and criminalistic characterization of fraud committed in the sphere of investment activity	182-188
Kholzoda, U.Kh. Restrictions permitted when choosing a personal guarantee under the legislation of the Russian Federation and the Republic of Tajikistan	189-196
Khrysev, E.V., Popov, A.A. History and development of domestic legislation in the field of firearms and prospects for the introduction of short-barreled rifled firearms into civilian circulation in the Russian Federation	197-204
Shomurotzoda F. Criminological characteristics of family violence in the Republic of Tajikistan	205-212

МАСОИЛИ НАЗАРИЯ, ҚОНУНГУЗОРӢ ВА АМАЛИЯ

**ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ, ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАКТИКИ
PROBLEMS OF THE THEORY, LEGISLATION AND PRACTICE**

ТДУ 342.518+351.741.76

**МУШКИЛОТ ВА ДУРНАМОИ ҲАМОҲАНГСОЗИИ ФАЪОЛИЯТИ МАҚОМОТИ
ҲИФЗИ ҲУҚУҚ ДАР МУҚОВИМАТ БА ИДЕОЛОГИЯИ
ЭКСТРЕМИСТӢ-ТЕРРОРИСТӢ**

**ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ КООРДИНАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ
ЭКСТРЕМИСТСКО-ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ**

**PROBLEMS AND PROSPECTS OF COORDINATING THE ACTIVITIES OF LAW
ENFORCEMENT AGENCIES TO COUNTER EXTREMIST AND
TERRORIST IDEOLOGY**

Азиззода У.А.
AZIZZODA U.A.

*Мудири кафедраи назария ва таърихи давлат ва ҳуқуқи
факултети ҳуқуқшиносӣ Донишгоҳи милии Тоҷикистон,
доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор
Заведующий кафедрой теории и истории государства и права
юридического факультета Таджикского национального
университета, доктор юридических наук, профессор
Head of the Department of Theory and History of State and Law,
Faculty of Law, Tajik National University,
Doctor of Law, Professor*

e-mail:
h.safarov@mail.ru

Ихтисоси илмӣ: 12.00.11 – Фаъолияти судӣ; фаъолияти прокурорӣ; фаъолияти ҳимояи ҳуқуқ ва фаъолияти ҳифзи ҳуқуқ (5.1.2. Илмҳои ҳуқуқӣ-оммавӣ (ҳуқуқӣ-давлатӣ)).

Науҷнаи специялноҷ: 12.00.11 – Судебнаи деятељноҷ; прокурорскаи деятељноҷ; правоохранитељнаи деятељноҷ и правозащитнаи деятељноҷ (5.1.2. Публично-правовые (государственно–правовые) науќи).

Scientific specialty: 12.00.11 – Judicial activity; prosecutorial activity; law enforcement activity and human rights activities (5.1.2. Public law (state-legal) sciences).

Тақриздиханда: Қудратов Н.А. – Сардори Раёсати илм ва инноватсияи Донишгоҳи байналмилалии сайёҳӣ ва соҳибқорӣи Тоҷикистон, доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор.

Рецензент: Қудратов Н.А. – Начальник Управления науки и инновации Международного университета туризма и предпринимательства Таджикистана, доктор юридических наук, профессор.

Reviewer: KUDRATOV N.A. – Head of the Department of Science and Innovation of the International University of Tourism and Entrepreneurship of Tajikistan, Doctor of Law, Professor.

Аннотатсия: Дар мақола диққати асосӣ ба масъалаҳои ташкили ҳамоҳангии фаъолияти мақомоти ҳифзи ҳуқуқ дар муқовимат ба идеологияи экстремистӣ-террористӣ матраҳ гардида, муаллиф ба ҳуҷҷаҳои меояд, ки дар самти роҳандозӣ намудани чораҳои умумиҷамъиятии таъсиррасонӣ ба идеологияи экстремистӣ-террористӣ нақши мақомоти қорҳои дохилӣ бориз мебошад. Ниҳоди мазкур дар ин самти фаъолият метавонад тамоми мақомоти давлатиро вобаста ба таъинот ва салоҳияташон ҷалб намояд, аммо барои бо таври қомил дар амал татбиқ намудани ин иқдом муқаммалсозии асосҳои ташкиливу ҳуқуқии фаъолияти субъектони дар муқовимат ба экстремизм ва терроризм иштироккунанда ноғузир мебошад.

Вожаҳои калидӣ: муқовимат, идеологияи экстремистӣ-террористӣ, мақомоти қорҳои дохилӣ, вазифа ва функсияҳо, мақомоти давлатӣ, низоми зиддитеррористӣ.

Аннотация: В статье основное внимание уделено проблемам координации деятельности правоохранительных органов по противодействию экстремистско-террористической идеологии. Автор приходит к выводу о том, что роль органов внутренних по реализации общесоциальных мер воздействия на экстремистско-террористическую идеологию, неопределимо. Указанная структура в данной сфере деятельности может привлекать все органы государственной власти в зависимости от их статуса и полномочий. Однако для практической реализации данного шага, неизбежно совершенствование организационно-правовых основ деятельности субъектов, участвующих в противодействии экстремизму и терроризму.

Ключевые слова: противодействие, экстремистско-террористическая идеология, органы внутренних дел, функции и задачи, органы государственной власти, антитеррористическая система.

Annotation: The article focuses on the problems of coordinating the activities of law enforcement agencies to counter extremist and terrorist ideology. The author concludes that the role of internal bodies in implementing general social measures to influence extremist and terrorist ideology is invaluable. The specified structure in this area of activity can involve all government bodies depending on their status and powers. However, for the practical implementation of this step, it is inevitable to improve the organizational and legal framework for the activities of entities involved in countering extremism and terrorism

Key words: counteraction, extremist and terrorist ideology, internal affairs agencies, functions and tasks, government agencies, anti-terrorist system.

Пешгирии умумии иҷтимоии мафкураи экстремистӣ-террористӣ ҳамчун як “раванди мураккаби бисёрҷониба, ки дорои аломатҳои муайяни ягонагӣ мебошад” [7, с. 51], ба «ошқор ва бартараф сохтани сабабу шароитҳои объективи беруна, ки ба содир намудани ҷиноятҳои хусусияти экстремистӣ ва террористидошта мусоидат мекунанд» [8, с. 99] ниғаронида шудааст. Ин самт барои таъсир расонидан ба ҳама гуна сабаб ва шароитҳои ҷинояту ҷинояткорӣ дар маҷмӯъ имкониятҳои бузург дорад. Зеро ки тавре ки В.Н. Кудрявцев меафзояд, «Роҳномаҳои аниқ ва бонизоми идеологӣ, бешубҳа ба эҳёи

маънавиёт, инкишофи маданият, ахлоқ, манфиат, ниятҳои одамон ва бисёр чизҳои дигар таъсир мерасонанд, ки интиҳоби неку бад, рафтори қонунӣ ва ғайриқонунӣ аз онҳо вобаста аст» [9, с. 45].

Ташкили дуруст ва ҳамоҳанг шудани фаъолияти мақомоти давлатӣ вобаста ба ҳамкориҳои мақсадноку бонизом бо воятаҳои ахбори омма дар огоҳони самаранок ва пешгирии ҷиноятҳо мусоидат намуда, ба беҳтар шудани вазъи оперативӣ дар қаламрави кишвар мегардад.

Ба андешаи мо, барои ҳамоҳангсозии ниҳодҳои тафаккурсози давлатӣ дар самти ташкил намудани муқовимати идеологӣ

ба тафаккури экстремистӣ-террористӣ аз ҳисоби воҳидҳои кории тамоми субъектони дар муқовимат ба экстремизм ва терроризм иштироккунанда Маркази Ҳамоҳангсозии муқовимати идеологӣ ба экстремизм ва терроризм дар назди Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон ташкил карда шаванд. Яъне, аз ҳар як ниҳоди давлатии дар муқовимат ба экстремизм ва терроризм иштироккунанда бояд мутахассисони касбии дорои дараҷаи баланди илмӣ, педагогӣ, сиёсӣ, журналистӣ, ҳуқуқӣ, иқтисодӣ, молиявӣ ва ғ. дар доираи як ниҳод бо мақсади Ҳамоҳангсозии доимӣ, ҳаррӯза муттаҳид карда шаванд.

Мутахассисони касбии тахассусҳои гуногун дар доираи ингуна Марказ бояд ҳамчун васлгари фаъолияти тамоми мақомоти давлатӣ дар самти муқовимат ба идеологияи экстремистӣ баромад намуда, дар як маврид дорои табиноти дучониба бошанд. Яъне, ҳам корманди Марказ ва ҳам корманди вазорату идораи дахлдори давлатӣ вобаста ба самти фаъолиятшон дар сатҳи қонунгузорӣ пазируфта шаванд. Чунин талабот аз мақсад, вазифа ва принципҳои муқовимат ба экстремизм бармеояд. Тибқи талаботи моддаи 23 Қонуни конституционии Ҷумҳурии Тоҷикистон “Дар бораи Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон” дар сурати мавҷудияти зарурати Ҳамоҳангсозии фаъолияти мақомоти давлатӣ барои ҳалли вазифаҳои муайян Ҳукумати Тоҷикистон салоҳияти ташкил намудани комиссияҳои доимамалкунанда, муайян намудани вазифаҳо, тартиби фаъолияти онҳо ва тасдиқи низомнома дар бораи фаъолияти онҳоро дорад. Зеро Ҳукумат идоракунӣ ва назорати фаъолияти вазоратҳо, кумитаҳо ва дигар мақомоти давлатиро ба уҳда дошта, салоҳияти дар назди худ ташкил кардани сарраёсатҳо, раёсатҳо, комитетҳо, комиссияҳо, агентҳо, инспексияҳои давлатӣ ва дигар мақомоти идоракунии давлатиро дорад (м. 12) [1].

Масалан, барои муқовимати муташаккилона бурдан ба гардиши ғайриқонунии воситаҳои нашъадор 12 апрели соли 1996 дар Тоҷикистон

Комиссияи давлатии назорати маводи нашъаовар таъсис дода шуда, бо Фармони Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 1 июни соли 1999 № 1218 тибқи Протоколи 27 апрели соли 1999 байни Ҷумҳурии Тоҷикистон ва Идораи СММ оид ба маводи нашъаовар ва ҷинояткорӣ, Агентии назорати маводи нашъаовари назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон таъсис дода шуд. Агентии назорати маводи нашъаовари назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон дар самти номбурда ҳамчун мақомоти махсус ваколатдоркардашудаи давлати функцияи Ҳамоҳангсозии тамоми мақомоти давлатиро ба уҳда дорад. Дар самти муқовимат ба коррупсия [2] ва савдои одамон низ дар сатҳи ҳукумат чунин Комиссияҳо таъсис додашуда, мақоми Ҳамоҳангсозии давлатӣ дар симои яке аз мақомоти хифзи ҳуқуқ муқаррар карда шудаанд.

Тибқи банди 2 моддаи 4 Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон “Дар бораи низомии огоҳонӣ ва пешгирии ҳуқуқвайронкунии ноболиғон”, Ҳамоҳангсозии фаъолияти субъектҳои низомии огоҳонӣ ва пешгирии ҳуқуқвайронкунии ноболиғон бо тартиби муқаррарнамудаи қонунгузории Ҷумҳурии Тоҷикистон аз ҷониби Комиссияи назди Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон оид ба ҳуқуқи кӯдак анҷом дода мешавад [4]. Аммо чихати дар амал бо таври бояду шояд амалӣ сохтани ин самти фаъолияти субъектони сершумори мақомоти давлатӣ Комиссияи мазкур ба натиҷаҳои дилхоҳ дар самти пешгирии ҳуқуқвайронкуниҳо ноил нагардид. Аз ин ҷост, ки тибқи банди 1 боби 1 Нақшаи амалигардонии талаботи Барномаи миллии пешгирии ҳуқуқвайронкунӣ дар байни ноболиғон барои солҳои 2020-2024, ки бо қарори Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 30 июли соли 2020, № 431 тасдиқ гардидааст, бо мақсади мукамалсозии Ҳамоҳангсозии фаъолияти мақомоти давлатӣ дар ин самт “ташкил кардани Гурӯҳи кории байниидоравӣ дар назди Вазорати қорҳои дохилии Ҷумҳурии Тоҷикистон” муқаррар карда шудааст. Яъне, Ҳамоҳангсозии мунтазам ва ҳаррӯзаи фаъолияти мақомоти давлатӣ

дар самти корҳои профилактикӣ бо ноболиғон ба души мақомоти милитсия вогузор гардидааст.

Аз афкори иброзардида бармеояд, ки дар самти ташкили ҳамкорӣ бо ҷомеаи шаҳрвандӣ дар огоҳонӣ ва пешгирии экстремизм ва терроризм мақомоти милитсия бояд нақши ҳамоҳангсозии фаъолияти тамоми мақомоти давлатиро дошта бошад. Зеро талаботи “Стратегияи муқовимат ба экстремизм ва терроризм дар Ҷумҳурии Тоҷикистон барои солҳои 2021 ва 2025” аз 1 июни соли 2021, № 187, ба фаъолияти яққоя ва муташаккилонаи ҳамаи мақомоти давлатӣ ва ҷомеаи шаҳрвандӣ дар роҳи муқовимат ба идеология ва амалҳои экстремистӣ-террористӣ нигаронида шудаанд. Ҷиҳати дар амал татбиқ намудани талаботҳои он тамоми вазорат, кумита, агентӣ, ҳадамот ва мақомоти маҳаллии ҳокимияти давлатӣ, ҷамоати шаҳраку деҳот дар доираи салоҳиятҳои худ ҷорабиниҳои зарурии ташвиқотиву тарғиботӣ, муайян ва бартараф кардани сабаб ва омилҳои экстремизм ва терроризм, ошкор ва пешгирӣ намудани амалҳои экстремистӣ-террористиро роҳандозӣ менамоянд.

Мо ба чунин андешаем, ки мақомоти корҳои дохилӣ бинобар таъиноти худ дар байни дигар мақомоти ҳифзи ҳуқуқи кишвар дар самти ташкили огоҳонидани ҷинойту ҷинойткорӣ, аз ҷумла экстремизм ва терроризм авлавияти бештар дошта, медавнад дар байни вазорату идораҳои «шаҳрвандӣ» ба ҳайси мақомоти ҳамоҳангсоз дар самти огоҳонидани идеологияи экстремистӣ-террористӣ баромад намояд.

Аммо дар самти муқовимат ба экстремизм ва терроризм, ки яке аз хатарҳои бузургтарин дар замони муосир барои минтақа ва ҷаҳон маҳсуб ёфта ва сатҳи ҷинойткорӣ дар ин самт дар даҳсолаи охир рӯ ба афзоиш аст, то айни замон ҳатто Комиссияи доимамалкунада дар назди Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон таъсис дода нашудааст.

Мо чунин мепиндорем, ки муносибати мазкур ба талаботи Консепсияи пешгӯии рушди қонунгузории Ҷумҳурии Тоҷикистон мутобиқат

намекунад, зеро тибқи талаботи он бунёди давлати демократӣ ва ташаккули он «ба сифати қонунҳое вобаста аст, ки волоияти қонунро таъмин намуда, риояи талаботи воқеии шаҳрвандон ва ниёзҳои ҷомеаро фарогир мебошанд» [5].

Ба андешаи мо, яке аз вазифаҳои муҳим дар самти амалӣ сохтани корҳои профилактикии умумиҷамъиятӣ бар зидди экстремизм, терроризм, савдои одамон, гардиши ғайриқонунии воситаҳои нашъадор ва дигар шаклҳои ҷинойту ҷинойткорӣ бояд ба души вазорату идораҳои тафаккурсози давлатӣ, мақомоти маҳаллии ҳокимияти давлатӣ ва ҷамоати шаҳраку деҳот бошад, зеро онҳо дар робитаи наздик ба аҳоли қарор дошта, дар доираи қонунгузории амалкунанда функцияҳои муайяни ҳифзи ҳуқуқи низ иҷро менамоянд.

Маслан, дар Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи мақомоти худидоракунии шаҳрак ва деҳот», ки асосҳои маъмурӣ, ҳуқуқӣ ва иқтисодии ташкил ва фаъолияти мақомоти худидоракунии маҳаллиро танзим менамояд, бо мақсади ҳал намудани масъалаҳои иҷтимоӣ, иқтисодӣ ва фарҳангии дорои аҳамияти маҳаллӣ бо назардошти манфиатҳои умумиҷамъиятӣ, анъанаҳои миллӣ ва хусусиятҳои маҳаллӣ ваколатҳои ҷамоат – мақомоти маҳаллиро дар соҳаҳои гуногуни ҳаёти иҷтимоӣ – иқтисоду молия, қонуният, тартиботи ҷамъиятӣ, мудофия, ҳифзи иҷтимоӣ, беҳбудӣ ва ҳифзи муҳити зист муайян менамояд [3]. Дар баробари ин, ба мақомоти маҳаллии ҳокимияти давлатӣ ваколатҳои алоҳидаи давлатӣ гузошта шудаанд, ки аз инҳо иборатанд:

- назорат аз болои иҷрои қоидаҳои режими шиносномавӣ ва бо тартиби муқарраргардида ба қайд гирифтани омадан ва рафтани шаҳрвандон;
- бақайдгирии оилаҳои камтаъмин ва ташкили дастгирии иҷтимоии онҳо;
- бақайдгирии асноди ҳолати шаҳрвандӣ мутобиқи қонунгузорӣ;
- иҷро баъзе амалҳои нотариалӣ мутобиқи меъёрҳои Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи нотариати давлатӣ»;

– ба шаҳрвандон додани хуччатҳое, ки ҷойи истиқомат, вазъи оилавӣ, ҳайат ва дигар ҳолати онҳоро тасдиқ мекунанд;

– мусоидат дар ташкили даъват ва дигар чорабиниҳои ҳарбӣ;

– таъмини тадбирҳои зарурии муҳофизати заминҳои хоҷагии қишлоқ, пешгирии касалиҳои чорво, муҳофизати чангал ва буттаҳо;

– таҳия ва амалӣ намудани тадбирҳои ҳифзи муҳити зист;

– мусоидат ба ситонидани андозҳо, пардохтҳо ва дигар ваколатҳое, ки дар доираи санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ муайян гардидаанд.

Ҳамин тариқ, новобаста ба он, ки дар доираи Қонуни ҶТ «Дар бораи муқовимат ба экстремизм» ва «Дар бораи муқовимат ба терроризм», мақомоти маҳаллии ҳокимияти давлатӣ ва мақомоти худидоракунии шаҳраку деҳот ба ҳайси субъектони ба экстремизм ва терроризм муқовиматкунанда муайян гардидаанд, дар Қонуни конституцсионии Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 17 майи соли 2004 № 28 «Дар бораи мақомоти маҳаллии ҳокимияти давлатӣ» ва Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи мақомоти худидоракунии шаҳрак ва деҳот» вазифа ва уҳдадорихои онҳо муайян нагардидаанд. Дар дигар санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ самтӣ (низомнома, дастурамал ва ғ.) низ мақоми онҳо дар муқовимат ба экстремизм ва терроризм норавшан бокӣ мемонад.

Муҳимтарин такягоҳи мақомоти худидоракунии ҷамоати шаҳраку деҳот дар муқовимат ба экстремизм ва терроризм мақомоти милитсия маҳсуб меёбад. Зеро яке аз ҳадафҳои асосии ислоҳоти милитсия ташкили ҳамкориҳои зичи полис бо аҳоли, ҷомеаи шаҳрвандӣ ва ВАО мебошад. Милитсия манфиати шаҳрвандонро ҳифз карда, бояд боварии мардумро ба ҷо оварад ва «ба хизмати шабонарӯзи бо доираи васеи хизматрасониҳои иҷтимоӣ табдил ёбад» [6].

Дар баробари дигар сохторҳои ВҚД Ҷумҳурии Тоҷикистон, ки муқовимат ба экстремизм ва терроризмро дар доираи

салоҳиятҳои худ амалӣ менамоянд, нақши калидиро дар самти огоҳонидан ва пешгирии намудани ҳуқуқвайронкунии маъмурии хусусияти экстремистидошта ва дигар омилҳои пайдоиши экстремизм ва терроризм Раёсати огоҳонӣ ва пешгирии ҳуқуқвайронкунии ноболиғону ҷавонон иҷро менамояд.

Тибқи талаботи банди 1 моддаи 10 Қонуни ҶТ «Дар бораи низоми огоҳонӣ ва пешгирии ҳуқуқвайронкунии ноболиғон», мақомоти корҳои дохилӣ дар доираи ваколатҳои пешбининамудаи қонунгузори Ҷумҳурии Тоҷикистон фаъолиятро оид ба огоҳонӣ ва пешгирии ҳуқуқвайронкунии ноболиғону ҷавонон амалӣ менамояд [4].

Ҷиҳати дар амал татбиқ намудани ин функцияи огоҳонии мақомоти корҳои дохилӣ, 25 ноябри с. 2020, № 717 Низомномаи Раёсати огоҳонӣ ва пешгирии ҳуқуқвайронкунии ноболиғону ҷавонони Вазорати корҳои дохилии Ҷумҳурии Тоҷикистон ба тасвиб расид. Тибқи талаботи Низомномаи мазкур, собиқ Хадамоти огоҳонӣ ва пешгирии ҳуқуқвайронкунии ноболиғону ҷавонон ба Раёсати пешгирии ҳуқуқвайронкунии ноболиғону ҷавонон табдил ёфта, дар баробари салоҳиятҳои вобаста ба амалӣ сохтани корҳои огоҳонӣ, салоҳияти амалӣ сохтани фаъолияти оперативӣ-ҷустуҷӯӣ дар ошкор ва пешгирии қардани ҷиноятҳои ноболиғону ҷавонон воғузур карда шуд.

Асосҳои ташкилӣ-ҳуқуқии фаъолияти ин ниҳод дар муқовимат ба ҷинояткорӣ, аз ҷумла, ба экстремизм ва терроризм дар доираи талаботи «Дастурамал оид ба ташкили фаъолияти хизмати кор бо ҷавонон дар мақомоти корҳои дохилӣ», ки аз 23 апрели с. 2021 бо Фармоиши ВҚД Ҷумҳурии Тоҷикистон, № 275 б/з ва талаботи «Дастурамал оид ба ташкили фаъолияти хизмати кор бо ноболиғон дар мақомоти корҳои дохилӣ», ки аз 23 апрели с. 2021 бо Фармоиши ВҚД Ҷумҳурии Тоҷикистон, №276 б/з тасдиқ шудаанд, ба танзим дароварда шудаанд.

Тибқи талаботи ин санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ дохилидоравӣ воҳидҳои сохтори Раёсати огоҳонӣ ва пешгирии ҳуқуқвайронкунии ноболиғону

ҷавонони Вазорати корҳои дохилии Ҷумҳурии Тоҷикистон дар тамоми вилоят, шаҳр ва ноҳияҳои ҷумҳурӣ дар баробари пешгирии нашъамандӣ, фоҳишагӣ, истеъмоли нушокиҳои спиртӣ ва дигар намуди ҳуқуқвайронкуноӣ ва ҷинояткорӣ дар байни ноболиғону ҷавонон, дар огоҳонидан ва пешгирӣ намудани идеологияи экстремистӣ-террористӣ ва дигар сабабу омилҳои онҳо нақши муассир доранд.

Дар асоси афкори иброзгардида пешниҳод ва ҳулосаҳои зеринро дар самти муқовимат ба идеологияи экстремистӣ-террористӣ манфиапазир меҳисобем:

1. Фаъолияти хифзи ҳуқуқи давлатӣ дар муқовимат ба идеологияи экстремистӣ-террористӣ дар фазои интернетӣ дар шароити муосир натавонанд дар доираи низомҳои алоҳидаи мутамарказонидашуда (мақомоти прокуратура, милитсия, амният,) инчунин дар доираи системаҳои, ки фаъолияти онҳо дар доираи тобеияти бевоситаи (субординация) мақомоти ҳизби ҳуқуқ қарор надоранд, амалӣ гардида, аз рӯйи «принсипи ҳамоҳангсозии сатҳи бисёрзинагӣ, ҳамзамон аз нуқтаи назари ҳуқуқӣ бо ҷалби субъектони баробар ҳуқуқи муносибатҳои ҷамъиятӣ амалӣ сохта мешавад.

2. Мақомоти худидоракунии маҳаллӣ дар низоми давлатию ҳуқуқи ҷомеаи муосир ва имкониятҳои иштироки онҳо дар иҷрои вазифаҳои хифзи ҳуқуқ аз

ҷониби давлат ҳамчун як ниҳоди мустақили ҷомеа дар доираи ҳамкорӣ ва мувозинати баробар амал ва инкишоф ёфта, ҳамчун зинаи поёнтарин ва муҳимми ҳокимияти ҷамъиятӣ (ҷомеаи шаҳрвандӣ) баромад менамояд.

3. Бо мақсади ҳамоҳангсозии фаъолияти мақомоти давлатӣ Комиссияҳои давлатӣ дар самти муқовимат ба савдои одамон, коррупсия ва гардиши ғайриқонунии воситаҳои нашъадор, ҳимояи ҳуқуқ ва озодиҳои кӯдак дар назди Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон ташкил карда шудаанд, ки бинобар хусусияти ҷамъиятӣ доштани онҳо фаъолияти онҳо қаноатмандкунанда нест. Аммо таҳдидҳои муосирӣ экстремизм ва терроризм, ки ба асосҳои сохти конститусионӣ ва амнияти миллии Ҷумҳурии Тоҷикистон бевосита таҳдид менамоянд, ҳатто чунин Комиссия таъсис дода нашудааст. Ба андешаи мо барои дар сатҳи зарурӣ муқовимати идеологӣ бурдан ба экстремизм ва терроризм дар назди Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон ташкил намудани Маркази ҳамоҳангсозии муқовимат ба идеологияи экстремистӣ-террористӣ тақозои замон аст.

4. Мақомоти корҳои дохилӣ дар байни дигар мақомоти хифзи ҳуқуқи вобаста ба таъинот ва функсияҳои худ дар самти огоҳонидани ҷинояту ҷинояткорӣ масъул буда, бояд нақши ҳамоҳангсозии фаъолияти тамоми мақомоти давлатиро дар ин самт иҷро намояд.

Адабиёти истифодашуда

1. Қонуни конститусионии Ҷумҳурии Тоҷикистон “Дар бораи Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон” аз 12 майи с. 2001, № 28 // Аҳбори Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон, с. 2001, № 4, мод. 215; с. 2003, № 4, мод. 152; с. 2008, № 1, қ. 1, мод. 1; с. 2009, № 12, мод. 813; с. 2016, № 7, мод. 602 (Қонуни конст. ҚТ аз 22.04.2003 № 22, аз 5.01.2008 № 346, аз 3.12.2009 № 575, аз 23.07.2016, № 1325, аз 18.07.2017 № 1455, аз 18.03.2022, № 1851).

2. Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи Агентии назорати давлатии молиявӣ ва мубориза бо коррупсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон» аз 20 март с. 2008, № 374 // Аҳбори Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон, с. 2008, № 3, мод. 193; с. 2009, № 5, мод. 323; с. 2010, № 3, мод. 154; с. 2011, № 6, мод. 459; с. 2013, № 7, мод. 517; с. 2014, № 11, мод. 645; с. 2016, № 3, мод. 137, с. 2017, № 1-2, мод. 10, мод. 11, мод. 12; № 5, қ. 1, мод. 298; с. 2020, № 1, мод. 10; с. 2020, № 12, мод. 909; с. 2021, № 1-2, мод. 6; с. 2022, № 6, мод. 344; аз 19.07.2022 № 1899, аз 24.12.2022 № 1931, аз 13.11.2024 № 2085).

3. Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи мақомоти худидоракунии шаҳрак ва деҳот» аз 05-уми августи с. 2009, № 549 // Аҳбори Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон, соли 2009, № 7-8, мод. 503; с. 2012, № 4, мод. 277; № 8, мод. 833; с. 2015, № 11, мод. 964; с. 2017, № 5, қ. 1, мод. 288; с. 2019, № 4-5, мод. 226.

4. Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон “Дар бораи низоми огоҳонӣ ва пешгирии ҳуқуқвайронкунии ноқонунӣ” аз 2 январи соли 2020, № 1658 // [Манбаи электронӣ] – Речаи воридшавӣ: <https://mmk.tj/content> (санаи мурочиат: 22.10.2024).

5. Концепсияи пешгӯии рушди қонунгузори Ҷумҳурии Тоҷикистон, ки бо Фармони Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 19 феввали с. 2011 № 1021 тасдиқ шуд // [Манбаи электронӣ] – Речаи воридшавӣ: <http://www.mmk.tj> (санаи мурочиат: 21.10.2023).

6. Стратегияи ислоҳоти милитсия барои солҳои 2013-2020, ки бо Фармони Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон 19 март с. 2013, № 1438 тасдиқ шуд // [Манбаи электронӣ] – Речаи воридшавӣ: <https://www.vkd.tj/108-strategijai-islooti-militsija-baroi-soloi-2013-2020.html> (санаи мурочиат: 21.10.2024).

7. Ковбенко, Н.Д. Криминологическая характеристика и уголовно-правовые меры противодействия мошенничеству: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Николай Дмитриевич Ковбенко. – СПб., 2004. – 156 с.

8. Кудрявцев, А.В., Михайлов, А.Е. Криминология (общая часть) / А.В. Кудрявцев, А.Е. Михайлов. – Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС, 2020. – 220 с.

9. Кудрявцев, В.Н. Стратегии борьбы с преступностью: монография / В.Н. Кудрявцев. - 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2017. – 368 с.

References

1. Constitutional Law of the Republic of Tajikistan “On the Government of the Republic of Tajikistan” of May 12, 2001, No. 28 // Bulletin of the Supreme Assembly of the Republic of Tajikistan, p. 2001, No. 4, art. 215; p. 2003, No. 4, art. 152; p. 2008, No. 1, p. 1, art. 1; p. 2009, No. 12, art. 813; p. 2016, No. 7, art. 602 (Constitutional Law of the Republic of Tajikistan dated 22.04.2003 No. 22, dated 5.01.2008 No. 346, dated 3.12.2009 No. 575, dated 23.07.2016, No. 1325, dated 18.07.2017 No. 1455, dated 18.03.2022, No. 1851).

2. Law of the Republic of Tajikistan “On the Agency for State Financial Control and Combating Corruption of the Republic of Tajikistan” dated March 20, 2008, No. 374 // Bulletin of the Supreme Assembly of the Republic of Tajikistan, p. 2008, No. 3, art. 193; p. 2009, No. 5, art. 323; p. 2010, No. 3, art. 154; p. 2011, No. 6, art. 459; s. 2013, No. 7, Article 517; s. 2014, No. 11, art. 645; s. 2016, No. 3, art. 137, p. 2017, No. 1-2, article 10, article 11, article 12; No. 5, q. 1, article 298; s. 2020, No. 1, art. 10; s. 2020, No. 12, art. 909; s. 2021, No. 1-2, Article 6; s. 2022, No. 6, art. 344; dated 19.07.2022 No. 1899, dated 24.12.2022 No. 1931, dated 13.11.2024 No. 2085).

3. Law of the Republic of Tajikistan “On Self-Government Bodies of Settlements and Villages” dated August 5, 2009, No. 549 // Bulletin of the Supreme Assembly of the Republic of Tajikistan, 2009, No. 7-8, Art. 503; p. 2012, No. 4, Art. 277; No. 8, Art. 833; p. 2015, No. 11, Art. 964; p. 2017, No. 5, p. 1, Art. 288; p. 2019, No. 4-5, Art. 226.

4. Law of the Republic of Tajikistan “On the system of warning and prevention of juvenile delinquency” dated January 2, 2020, No. 1658 // [Electronic resource] – Access schedule: <https://mmk.tj/content> (access date: 22.10.2024).

5. Concept of the forecast development of the legislation of the Republic of Tajikistan, approved by the Decree of the President of the Republic of Tajikistan dated February 19, 2011, No. 1021 // [Electronic resource] – Access schedule: <http://www.mmk.tj> (access date: 21.10.2023).

6. Police Reform Strategy for 2013-2020, approved by the Decree of the President of the Republic of Tajikistan dated March 19, 2013, No. 1438 // [Electronic resource] – Access schedule: <https://www.vkd.tj/108-strategijai-islooti-militsija-baroi-soloi-2013-2020.html> (access date: 21.10.2024).

7. Kovbenko, N.D. Criminological characteristics and criminal-legal measures to combat fraud: dis. ... Cand. of Law: 12.00.08 / Nikolay Dmitrievich Kovbenko. - St. Petersburg, 2004. - 156 p.

8. Kudryavtsev, A.V., Mikhailov, A.E. Criminology (general part) / A.V. Kudryavtsev, A.E. Mikhailov. - Vladimir: Vladimir branch of RANEPА, 2020. - 220 p.

9. Kudryavtsev, V.N. Crime control strategies: monograph / V.N. Kudryavtsev. - 2nd ed., revised and additional. - M.: Norma, 2017. - 368 p.

ТДУ 343.31.7

**ПРОБЛЕМАҲОИ БАНДУБАСТИ ҶИНОЯТҲО АЗ РҶӢИ АЛОМАТҲОИ
БАҲОДИҲИИ ТАРКИБИ ҶИНОЯТ**

**ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО ОЦЕНОЧНЫМ
ПРИЗНАКАМ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ**

**PROBLEMS OF CRIME QUALIFICATION BY EVALUATIVE FEATURES OF THE
COMPOSITION OF A CRIME**

БОБОҶОНЗОДА И.Ҳ.

BOBOJONZODA I.H.

*Мудири шуъбаи масоили назариявии давлат ва ҳуқуқи муосири
Институди фалсафа, сиёсатишиносӣ ва ҳуқуқи ба номи
А. Баҳоваддинови Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон,
доктори илмҳои ҳуқуқишиносӣ, профессор
Заведующий отделом теоретических проблем современного
государства и права Института философии, политологии и
права имени А. Баховаддинова Национальной академии наук
Таджикистана, доктор юридических наук, профессор
Head of the Department of Theoretical Problems of the Modern
State and Law of the Institute of Philosophy, Political Science and
Law named after A. Bahovaddinov of the National Academy of
Sciences of Tajikistan, Doctor of Law, Professor*

E-mail:
bobojonov_i@mail.ru

ҚУДРАТОВ Н.А.

KUDRATOV N.A.

*Сардори Раёсати илм ва инноватсияи Донишгоҳи
байналмилалӣ сайёҳӣ ва соҳибқорӣ Тоҷикистон, доктори
илмҳои ҳуқуқишиносӣ, профессор
Начальник Управления науки и инновации Международного
университета туризма и предпринимательства
Таджикистана, доктор юридических наук, профессор
Head of the Department of Science and Innovation of the
International University of Tourism and Entrepreneurship of
Tajikistan, Doctor of Law, Professor*

E-mail:
nek-kudratov@mail.ru

Ихтисоси илмӣ: 12.00.08 – Ҳуқуқи ҷиноятӣ ва криминология; ҳуқуқи иҷроӣ ҷазои ҷиноятӣ (5.1.4. Илмҳои ҷиноятӣ-ҳуқуқӣ).

Науҷна спещиальность: 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право (5.1.4. Уголовно-правовые науки).

Scientific specialty: 12.00.08 - Criminal law and criminology; penal law (5.1.4. Criminal law sciences).

Тақриздиханда: МЕЛИКОВ У.А. - дотсенти кафедраи ҳуқуқи Донишгоҳи байналмилалӣ сайёҳӣ ва соҳибқорӣ Тоҷикистон, доктори илмҳои ҳуқуқ, дотсент.

Рецензент: МЕЛИКОВ У.А. - доцент кафедри права Международного университета туризма и предпринимательства Таджикистана, доктор юридических наук, доцент.

Reviewer: MELIKOV U.A. - Associate Professor of the Law Department of the International University of Tourism and Entrepreneurship of Tajikistan, Doctor of Law, Associate Professor.

Аннотатсия: Дар мақола проблемаҳои бандубасти ҷиноятҳо аз рӯи аломатҳои баҳодихии таркиби ҷиноят мавриди таҳлил қарор дода шуда, ба мушкилотҳо, маънидонҳои илми аломатҳои баҳодихӣ ва проблемаҳои татбиқи он диққати махсус дода шудааст. Муаллифон масъалаҳои назариявӣ ва амалии ҷудо кардани ҷиноятҳоро бо дарназардошти хусусиятҳои баҳодихии таркиби ҷиноят ба таври муфассал баррасӣ намудаанд. Мушкилоти асосии марбут ба бандубасти дурусти ҷиноятҳо аз рӯи аломатҳои баҳодихии таркиби ҷиноят, инчунин мураккабии амалии татбиқи ин аломатҳо дар низоми ҳуқуқи кишвар таҳлил шуда, амалияи судӣ вобаста ба проблемаҳои бандубасти ҷиноятҳо аз рӯи аломатҳои баҳодихии таркиби ҷиноят таҳлил карда шуда, муайян гардидааст, ки ин ҳолат ба тафсириҳои гуногуни аломатҳои баҳодихӣ ва саҳви судӣ меоварад ва сабаби он дар набудани стандартҳои ягона мебошад. Мақола ҳамчунин пешниҳодҳо ва тавсияҳои муаллифони барои тақмили қонунгузори ҷиноятӣ дар самти бандубаст ва таснифи ҷиноятҳо дар бар мегирад.

Важҳои калидӣ: саҳв, бандубаст, суд, зарар, меъёр, таркиби ҷиноят, объекти ҷиноят, эътибори қорӣ, товони зарари маънавӣ.

Аннотация: В статье анализируются проблемы квалификации преступлений по оценочным признакам состава преступления, причем особое внимание уделяется проблемам научной интерпретации оценочных признаков и проблемам ее реализации. Авторы подробно рассмотрели теоретические и практические вопросы разделения преступлений с учетом особенностей оценки состава преступления. Анализируются основные проблемы, связанные с правильной квалификацией преступлений, исходя из особенностей оценки состава преступления, а также практической сложности применения этих характеристик в правовой системе страны, анализируется судебная практика, связанная с проблемами квалификации преступлений по оценочным признакам состава преступления, и определяется, что данная ситуация приводит к различным толкованиям оценочных признаков и судебным ошибкам, причиной этого является отсутствие единых стандартов. В статью также включены предложения и рекомендации авторов по совершенствованию уголовного законодательства в части квалификации и классификации преступлений.

Ключевые слова: ошибка, квалификация, суд, вред, норма, состав преступления, объект преступления, деловая репутация, компенсация морального вреда.

Annotation: The article analyzes the problems of qualification of crimes by evaluative features of the crime corpus delicti, with special attention paid to the problems of scientific interpretation of evaluative features and the problems of its implementation. The authors examined in detail the theoretical and practical issues of classifying crimes taking into account the features of assessing the crime corpus delicti. The main problems associated with the correct qualification of crimes are analyzed, based on the features of assessing the crime corpus delicti, as well as the practical complexity of applying these characteristics in the legal system of the country, the judicial practice associated with the problems of qualification of crimes by evaluative features of the crime corpus delicti is analyzed, and it is determined that this situation leads to different interpretations of evaluative features and judicial errors, the reason for this is the lack of uniform standards. The article also includes the authors' proposals and recommendations for improving criminal legislation in terms of qualification and classification of crimes.

Key words: error, qualification, court, harm, norm, corpus delicti, object of crime, work reputation, compensation for moral damage.

Бештари иштибоҳ дар бандубасти ҷиноятҳо ба таркибҳои дахл дорад, ки аломатҳои баҳодихӣ доранд. Муваққикон рақамҳоро аз 30 то 60% ва аз он зиёдтар нишон додаанд [4]. Сабаби

чунин гуногунфаҳмӣ дар он аст, ки ҳуди фаҳмиши аломатҳои баҳодихӣ гуногун аст. Ба ғайр аз, воҳиди ченаки аломатҳои баҳодихӣ фарқ мекунад: танҳо дар диспозитсия, дар диспозитсия ва санксия,

дар меъёрҳо оид ба озод кардан аз ҷавобгарии ҷиноятӣ ва ҷазо. Баъзан аломатҳои баҳодихии шартӣ ва бешарт низ фарқ карда мешавад. Барои бандубаст зарур аст, ки аломатҳои баҳодихии танҳо таркибӣ, ки дар диспозитсияи меъёрҳои Кодекси ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон (минбаъд – КҶ ҚТ) сабт шудаанд, таҳлил карда шавад.

Аломатҳои баҳодихии қонуни ҷиноятӣ ин категорияҳо ва истилоҳоти ҳуқуқӣ мебошанд, ки дар меъёрҳои ҳуқуқӣ ҷиноятӣ истифода шуда, дар раванди татбиқи қонун шарҳу мушаххасоти иловагиро тақозо мекунанд. Ин аломатҳо дар қонун мафҳуми аниқ надоранд ва муносибати индивидуалиро ба шарҳи онҳо бо назардошти ҳолатҳои ҳар як ҳолати мушаххас талаб мекунанд. Аломатҳои баҳодихӣ метавонанд мафҳумҳои «зарари ҷиддӣ», «бераҳмӣ махсус», «начандон вазнин» ва ғайраро дар бар гиранд. Истифодаи онҳо дар қонун ба зарурати чандирӣ дар иҷрои қонун вобаста аст, ки ба суд имкон медиҳад хусусиятҳо ва мазмуни кирдори содиршуда, инчунин дараҷаи хатари ҷамъиятии рафтори судшавандаро ба назар гирад. Мушкилии асосии аломатҳои баҳодихӣ дар зарурати дарк ва татбиқи дурустии онҳост, ки аз қонундони мақомоти ҳифзи ҳуқуқ омодагии баланди касбӣ ва таҳлили дақиқи тамоми ҳолатҳои парвандаро талаб мекунад [4, с. 50-58; 5, с. 312].

Маънидоди илмии аломатҳои баҳодихӣ дар эътирофи бисёргунагӣ, номушаххасӣ, умумӣ, вобаста будан аз ҳолатҳои содиршавии ҷиноят ягона мебошад. Гуногунӣ дар баҳодихии нақши мафкураи ҳуқуқии муфаттишон ва судяҳо, аз як тараф, иродаи қонунгузор, аз тарафи дигар ҳангоми бандубасти таркибҳои ҷиноятҳои дорои аломатҳои баҳодихӣ ифода меёбад.

Мушкилоти марбут ба меъёрҳои баҳодихӣ дар қонуни ҷиноятӣ дар ҷанд ҷиҳат зоҳир мешаванд:

1. Номуайяни ва субъективият. Меъёрҳои баҳодихӣ, аз қабилӣ «зарари қалон», «бераҳмӣ махсус», «зарари ҷиддӣ» ва ғайра, аксар вақт хусусияти

возеҳи миқдорӣ ва сифатӣ надоранд. Ин ба он оварда мерасонад, ки мақомоти ҳуқуқтатбиқкунанда метавонанд онҳоро ба таври гуногун шарҳ диҳанд, ки хавфи муносибати субъективии қабули қарорҳо ба вучуд меорад. Ҳолати мазкур метавонад ба душвории зерин оварда расонад:

а) мафҳумҳои, аз қабилӣ «зарари қалон», «бераҳмӣ махсус» ё «зарари ҷиддӣ» вобаста ба дарки шахсии қонундони мақомоти ҳуқуқтатбиқкунанда ё ҳолатҳои мушаххаси парванди метавонанд ба таври гуногун дарк карда шаванд. Набудани маҳакҳои қатъии баҳодихӣ чунин аломатҳоро номуайян месозад;

б) аз сабаби аломати субъективият доштани категорияи баҳодихӣ, судяҳо, прокурорҳо, муфаттишон ва таҳқиқбарандагон метавонанд ҷиноятҳои шабехро ба таври гуногун бандубаст кунанд, ки ин боиси ихтилофот дар амалияи татбиқи ҳуқуқ гардида, пешгӯии адолати судиро коҳиш медиҳад;

в) нишонаҳои баҳодихӣ метавонанд дар заминаҳои гуногуни фарҳангӣ ва иҷтимоӣ ба таври гуногун қабул карда шаванд. Масалан, он чизе, ки дар як минтақа метавонад «ночиз» ҳисобида шавад, дар дигар минтақа метавонад ҳамчун «зарари ҷиддӣ» арзёбӣ шавад;

г) ҳангоми қабули қарорҳо омили субъективӣ метавонад нақши асосиро бозад, ки баъзан боиси саҳви адолати судӣ ё ҳукмҳои ноодилона мегардад, хусусан агар қонундони мақомоти ҳуқуқтатбиқкунанда барои дуруст шарҳ додани меъёрҳои баҳодихӣ таҷриба ва таҳассуси кофӣ надошта бошанд. Ҳалли ин мушкилот дар қонунгузорӣ мушаххасоти бештар ва таҳияи стандартҳои ягонаи тафсири хусусиятҳои баҳодихиро талаб мекунад.

2. Тафовут дар амалияи судӣ. Азбаски аломатҳои баҳодихӣ ба шарҳдиҳӣ ниёз доранд, судҳо метавонанд дар парвандаҳои ҳамшабех қарорҳои гуногун қабул кунанд. Ин боиси ихтилофоти амалияи судӣ мегардад, ки боиси вайрон гардидани принсипи адолат мешавад. Ҷанбаҳои асосие, ки ба чунин

фарқиятҳо таъсир мерасонанд, инҳоянд [6, с. 12-21]:

а) тафсирҳои гуногуни аломатҳои баҳодихӣ - судяҳо ва мақомоти тафтишотӣ ва таҳқиқ метавонанд як меъёрҳои баҳодихиро ба таври гуногун шарҳ диҳанд, аз қабилӣ «бераҳмии махсус», «зарари чиддӣ» ё «зарари калон». Вобаста ба таҷрибаи шахсӣ ё фаҳмиш, як судя метавонад як ҳолатро нисбат ба дигараш вазнинтар ҳисоб кунад, ки дар натиҷа барои ҷиноятҳои ҳамшабех қабули ҳукмҳои гуногунро ба вучуд меорад;

б) саҳви судӣ - аз сабаби номуайянии аломатҳои баҳодихӣ, иштибоҳ дар бандубасти кирдорҳо имконпазиранд. Дар як ҳолат ҷиноят ҳамчун начандон вазнин бандубаст карда шуда, дар ҳолати дигар - вазнинтар бандубаст карда мешавад, ки боиси тафовути чиддӣ дар қарорҳои судӣ мегардад;

в) таъсири дарки шахсӣ - шахсият, эътиқоди ботинӣ ва таҷрибаи иҷтимоии судяҳо низ метавонанд дар баҳодихии онҳо ба ҷиноятҳо нақш бозанд, ки баъзан боиси бархӯрди субъективӣ ҳангоми қабули ҳукм мегардад;

г) набудани стандартҳои ягона - набудани дастур ё тавсияҳои дақиқ оид ба истифодаи меъёрҳои баҳодихӣ аз ҷониби мақомоти болоии судӣ метавонад боиси он гардад, ки судҳои поёни мустақилона меъёрҳои баҳодихии ҳолатҳои мушаххаси парвандаро таҳия намуда, номуайянии ҳуқуқиро ба вучуд меоранд. Барои кам кардани тафовут дар таҷрибаи судӣ танзими дақиқи меъёрҳои баҳодихӣ дар қонунгузорӣ ва таҳияи равишҳои ягонаи татбиқи онҳо зарур аст.

3. Мушқилот барои ҳуқуқтатбиқкунандагон. Меъёрҳои баҳодихӣ аз судяҳо, муфаттишон ва прокурорҳо талаб мекунад, ки онҳо дар масъалаи мазкур қобилият ва маҳорати баланди таҳлили ҳолатҳои парвандаҳоро, ки бо меъёрҳои баҳодихӣ алоқаманданд, дошта бошанд. Тайёрии нокифоя ё набудани таҷриба метавонад боиси саҳвҳо ва қабули қарорҳои ноодилона ва ғайриқонунӣ гардад. Мушқилот барои ҳуқуқтатбиқкунандагон

ҳангоми татбиқи меъёрҳои баҳодихӣ бо якҷанд ҷанбаҳои асосӣ алоқаманд аст:

а) меъёрҳои баҳодихӣ аксар вақт дар қонун мафҳуми дақиқ ва ҳамаҷониба надоранд, ва ин ҳолат татбиқи дурусти онҳоро дар амалия душвор мегардонад. Қарорҳои мақомоти ҳифзи ҳуқуқ маҷбур мешаванд, ки ин аломатҳоро дар ҳар як ҳолат бо назардошти таҷрибаи андӯхтаи худ шарҳ диҳанд, ки ин метавонад боиси саҳвҳо ё қабули қарорҳои субъективӣ гардад;

б) ҳар як амали ҷиноятӣ беназир аст ва қарорҳои мақомоти ҳифзи ҳуқуқ бояд омилҳои гуногун - дараҷаи гуноҳ, вазнинии оқибатҳо, ҷанбаҳои ахлоқӣ ва иҷтимоиро баҳо диҳанд. Ин ба он оварда мерасонад, ки ҷиноятҳои аслан якхела метавонанд вобаста ба вазъияти мушаххас баҳои гуногун гиранд;

в) аз сабаби номуайян будани хусусиятҳои баҳодихӣ шумораи баҳсҳо вобаста ба бандубасти кирдорҳои ҷиноятӣ зиёд мешавад, ки ин боиси душвории иловагӣ дар рафти тафтишот ва мурофияи судӣ мегардад. Масалан, ҳолатҳои баҳснок аксар вақт гузаронидани экспертиза ва ё тавзеҳи иловагиро талаб мекунад, ки раванди мурофияи судии ҷиноятиро ба таъхир меандозад;

г) саҳвҳо дар татбиқи меъёрҳои баҳодихӣ метавонанд барои баррасии парвандаҳо дар марҳилаҳои кассатсионӣ асос гарданд, ки сарбории низоми судиро зиёд намуда, ҳалли ниҳии парвандаҳоро душвор мегардонад.

4. Баҳодихӣ аз нуқтаи назари ахлоқи ҷамъиятӣ. Баъзе сифатҳои баҳодихӣ, аз қабилӣ “амалҳои бадахлоқона (м. 142 ҚҶ ҚТ)”, категорияҳои маънавӣ ва ахлоқиро дарбар мегиранд, ки метавонанд бо мурури замон тағйир ё дар байни гурӯҳҳои иҷтимоӣ фарқ кунанд. Ин ҳолат номуайяниро ба вучуд меоварад ва метавонад дар баҳодихии кирдори ҷиноятӣ зиддиятро ба вучуд орад. Баҳодихӣ аз нуқтаи назари ахлоқи ҷамъиятӣ мушкили дигаре дар татбиқи меъёрҳои баҳодихӣ дар қонуни ҷиноятӣ мебошад. Меъёрҳои ахлоқӣ дар ҷомеа метавонанд бо мурури замон тағйир ёбанд ва вобаста ба омилҳои фарҳангӣ, иҷтимоӣ

ё динӣ низ метавонанд фарқ кунанд. Ин ҳолат хатареро ба вучуд меорад, ки як амал вобаста ба дарки субъективии меъёрҳои ахлоқии корманди мақомоти ҳифзи ҳуқуқ ба таври гуногун баҳо дода шавад. Дар натиҷа, ҳолатҳое ба вучуд меоянд, ки баҳои ахлоқӣ ба қарорҳои судӣ таъсир мерасонанд, ки ин метавонанд ба номувофиқати дар амалияи татбиқи ҳуқуқ оварда расонанд.

5. Сӯиистифода ва худсарӣ. Дар шароити номуайянии хусусиятҳои баҳодихӣ, хатари сӯиистифода аз ҷониби кормандони мақомоти ҳифзи ҳуқуқ вучуд дорад, вақте ки баҳодихии субъективӣ метавонад ба воситаи фишор ё маҳкумияти беадолатона табдил ёбад.

Барои ҳалли ин мушкилоти болозикр лозим аст, ки:

– таҳияи возеҳи меъёрҳое, ки ба суд ва дигар мақомоти ҳифзи ҳуқуқ барои дақиқтар шарҳ додани меъёрҳои баҳодихӣ кӯмак меkunанд, зарур аст;

– таъсиси таҷрибаи ягонаи судӣ бо мақсади пешгирии ихтилофот коркард карда шавад;

– таҳассуси кормандони мақомоти ҳифзи ҳуқуқ аз нуқтаи назари таҳлил ва истифодаи мафҳумҳои баҳодихӣ баланд бардошта шавад.

Е.В. Кобзева дар мисоли ҚҶ Федератсияи Россия чунин менависад, ки моддаҳои дорои аломатҳои баҳодихӣ дар шумораи танҳо – 50%, аз ду то чор – 25%, бештар аз панҷ аломатҳои баҳодихӣ дар 7%, яъне дар маҷмӯъ 83% моддаҳои ҚҶ мебошанд [7, с. 64]. Н.Ф. Кузнетсова чунин мешуморад, ки ҳатто дар мавриди ба инобат гирифтани на танҳо диспозитсия, балки санксияи меъёрҳои ҚҶ низ чунин шумора аз ҳад баланд нишон дода шудааст [9, с. 134]. Ба ақидаи ӯ ба ин гурӯҳ таркибҳое ворид шудаанд, ки дорои аломатҳои баҳодихӣ эътироф намудани онҳо баҳснок аст. Масалан, ба ин доира зӯрварие, ки ба ҳаёт ва саломатӣ хавфнок аст ва зӯрварие, ки ба ҳаёт ва саломатӣ хавфнок нест, ворид шудааст. Ҳол он ки дар м.м. 110, 111, 112, 116 ҚҶ ҚТ ин аломатҳо мушаххасан тасвир шудаанд.

Дар асл аломатҳои баҳодихӣ дар меъёрҳои ҚҶ чандон зиёд нестанд.

Шумораи онҳо тахминан ба зиёда аз сӣ таркиб баробар аст. Онҳо дар солҳои охир хусусияти ба худ хос гирифтаанд. Ҳоло тӯҳмат ва тақбир бо озодии сухан, «матбуоти зард» бо даҳолат ба ҳаёти хусусӣ ва ғайра то дараҷае омехта шудаанд, ки дар таҷриба ба мушкилоти зиёд оварда мерасонад. Дар ҳар маврид вобаста ба ҳолатҳои мушаххаси кор ҳуқуқтатбиқкунандаро мебояд, ки ба ҳар як ҳаракат баҳои бисёр нозуки ҳуқуқӣ диҳад. Дар акси ҳол аз ҷониби гурӯҳи алоҳидаи аҳоли воқуниши ҷиддие ба вучуд меояд. Махсусан мақоми судӣ дар ҳолати ногувор қарор дорад. Воситаҳои ахбори омма баъзан надониста ва баъзан дониста (шояд бо супориши махсус) ба ҳокимияти судӣ таъсир мерасонад. Ҳолатҳое шудааст, ки судҳо бо аризаи даъвогӣ аз болои онҳо муроҷиат кардаанд. Вале намояндагони воситаҳои ахбори омма ба чунин амалҳои қонунӣ ҷомаи сиёсӣ пӯшонида, бо ҳамин роҳ ба нуқтаи нозук сӯзан мезананд. Бо мақсади роҳ надодан ба нофаҳмию нооромӣ чунин муроғияҳо бенатиҷа анҷом меёбанд.

Судҳоро мебояд байни озодии сухан (матбуот) ва дахлнопазирии ҳаёти хусусӣ (дигар манфиатҳои бо қонун ҳифзшаванда) хати сурхро дуруст дарёбанд, дар акси ҳол таҷрибаи судӣ ё ба самти сазодихӣ (маҳдудкунии озодии сухан, демократия), ё бетартибӣ (даҳолати беасос ба ҳаёти хусусии дигар шахсон, таъсир ба ҳокимияти судӣ ва ғайра) инкишоф меёбад. Ба ҳар ду ин амали канора набояд роҳ дода шавад.

Таркиби дуздӣ (м. 244 ҚҶ ҚТ) чунин ба назар мерасад, ки дақиқ аст - тасарруфи ниҳонии молу мулки ғайр. Саволе ба вучуд меояд, ки калимаи «ниҳонӣ» - барои кӣ ва шахси «ғайр» киро дар бар мегирад (моликияти умумиро низ дар назар дорад ё не). Дигар ин ки мафҳуми «молу мулк» мафҳуми ҳуқуқии маданӣ аст ё мафҳуми ҳуқуқии ҷиноятӣ?

Масалан, А. либосҳоеро, ки барои хушконидаи овехта шуда буд, дар ҳузури Б. тасарруф кардааст. Ӯ чунин шуморида буд, ки Б. ҳаракатҳои ӯро назорат дорад, яъне тасарруф ошкоро сурат гирифта истодааст. Вале дар асл Б. нобино буда, ин

ҳолатро ҳатто дарк накарда буд. Бандубасти ҷиноят дар чунин ҳолат аз тафсири калимаи «ниҳонӣ» вобаста аст. Агар аз нуқтаи назари он муносибат намоем, ки ниҳонӣ ё ошкоро будан аз мавқеи гунаҳгор вобаста аст, пас дар ин маврид ҳолати ғоратгарӣ ҷой дорад. Саҳв дар шакли тасарруф аз рӯи маҳаки субъективӣ ҳал карда мешавад – мазмуни гуноҳ, ангега ва мақсад. Вале дар таҷрибаи ҳуқуқтатбиқкунӣ исботи ин ҳолат бисёр душвор аст [8, с. 164].

Аз ин рӯ, дар адабиёти ҳуқуқӣ баъзан чунин ақида ҷой дорад, ки аломатҳои баҳодихиро на қонун, балки муфаттиш ва судяҳо аз рӯи мафкураи ҳуқуқӣ муайян мекунанд.

Масалан, А.В. Наумов ба сифати аломатҳои баҳодихӣ «он аломатҳои таркиби ҷиноят, ки на аз ҷониби қонун ё дигар санади меъёрии ҳуқуқӣ, балки аз ҷониби мафкураи ҳуқуқии шахсе, ки меъёри мазкурро вобаста ба ҳолатҳои мушаххаси қонун муайян мешаванд» мефаҳмад [12, с. 113]. Н.А. Лопашенко чунин менависад, ки «мақулаи баҳодихӣ – ин мақулаест, ки на аз ҷониби қонуни ҷиноятӣ муайян мешавад, вале моҳиятан тафсири гуногуни онро руҳсат медиҳад» [10, с. 42].

Бо ақидаи он ки аломатҳои баҳодихӣ аз ҷониби на қонун, балки аз ҷониби ҳуқуқтатбиқкунанда муайян карда мешавад, розӣ шудан лозим нест. Он ба принсипи қонуният ва талаботи «Nullum crimen sine lege», инчунин мафҳуми ҷиноят ҷавобгӯ нест. Бе қонуни ҷиноятӣ таркиби ҷиноят ва аломатҳои баҳодихии он ҷой дошта наметавонад.

Тамоми ақидаҳои олимони дар масъалаи фаҳмиши аломатҳои баҳодихӣ ба се гурӯҳ ҷудо кардан мумкин аст. Муаллифон аломатҳои баҳодихиро аз рӯи се омил – қонун, мафкураи ҳуқуқии татбиқкунандаи ҳуқуқ ва ҳолатҳои мушаххаси қонун муайян кардаанд. Дар маҷмӯъ бо чунин муносибат розӣ шудан мумкин аст, вале як тавзеҳ бояд дода шавад – афзалият дар он бояд ба қонуни ҷиноятӣ дода шавад. Дар меъёрҳои бланкетии қонунгузорӣ як ё ду унсурҳои таркиби ҷиноят, бештар мавзӯи он –

силоҳ, воситаҳои нақлиёт ва ғайра муайян карда мешавад. Бинобар ин, ақидае, ки аломатҳои баҳодихӣ чунин хусусияти худро аз даст медиҳанд, агар аломатҳои онро дигар санад муайян кунад, асос надорад. Ин аломатҳои бланкетӣ мебошанд, на аломатҳои баҳодихӣ. Е.В. Кобзева ва дигар олимони дуруст қайд мекунанд, ки аломатҳои баҳодихӣ ҷиноят будан ё набудани қирдорро муайян карда наметавонанд [7, с. 68].

Муҳаққиқони аломатҳои баҳодихӣ дуруст эътироф мекунанд, ки онҳо дар қонун тавсифи умумӣ доранд. Ин техникаи қонунгузорӣ боиси он мегардад, ки аломатҳои баҳодихӣ бисёргуна шуда, аз таркибҳои мушаххас фарқ мекунанд.

А.А. Малиновский қайд мекунад, ки мафҳуми баҳодихӣ ин «зӯҳуроти умумӣ ва раванди фаъолияти ҳуқуқӣ мебошад, ки дар қонунгузорӣ бо роҳи нишон додани аломатҳои нисбатан умумии зӯҳурот ва раванд сабт карда мешавад. Аломатҳои махсус ва алоҳидаи мафҳуми баҳодихӣ дар қонунгузорӣ мавҷуд нест ва онҳо бо роҳи маънидодкунии меъёрҳои ҳуқуқӣ муайян карда мешаванд, ҳамчунин бо роҳи шарҳу дақиқсозиҳое, ки таҷрибаи судӣ ва санадҳои зерқонунӣ медиҳанд» [11, с. 268].

Ҳамин тавр, аломатҳои баҳодихии диспозитсияи меъёрҳои ҳуқуқии ҷиноятӣ ва таркибҳои дар он тавсифшуда хислати умумӣ доранд. Онҳо аз ҷониби ҳуқуқтатбиқкунандаҳо ба таври тафсири илмии ғайрирасмӣ мушаххас карда мешаванд.

Қонуни ҷиноятӣ хислати ба ҷамъият хавфнокӣ, сифат ва мазмуни қирдорро муайян мекунад. Ин аз объекти ҷиноят – ҷинсӣ (соҳавӣ), намудӣ, бевосита, мазмуни зарар, шакли гуноҳ, тарзҳои таркибсоз вобаста аст.

Дарачаи ба ҷамъият хавфнокии қирдор ҳамчун хосияти миқдорӣ баркашида мешавад, агар он аз ҷониби ҳуқуқтатбиқкунанда тасвия наёфта бошанд. Дарачаи ба ҷамъият хавфнокӣ аз ҳаҷми зарар, дарачаи гуноҳ, ангега, тарзи зарарноки содир намудани ҷиноят, аз ҷумла бо истифодаи ваколатҳои мансабӣ ва фиреб вобаста аст.

Дар адабиёти ҳуқуқӣ намудҳои гуногуни бандубасти аломатҳои баҳодихӣ вобаста ба маҳакҳои гуногун пешниҳод карда шудааст. Барои бандубаст, пеш аз ҳама, таснифи аломатҳои баҳодихӣ ба мутлақ ва нисбӣ (шартӣ) аҳаммият дорад [11, с. 269].

Аломатҳои баҳодихии мутлақ расмӣ карда намешаванд. Онҳоро бо роҳи андозаи зарар, тарз ва ғайра тасвир карда намешавад. Аломатҳои баҳодихии дуҷум аз ҷониби қонунгузор расмӣ ва тасвир карда мешаванд. Он, масалан, ба зарари калон, махсусан калон ва ғайра дахл доранд.

Диалектикаи таъсири мутақобилаи сифат ва миқдори тамоми мақулаҳо ҷудокунии аломатҳои баҳодихиро ба сифатӣ, миқдорӣ ва омехта инкор менамояд [13, с. 21]. Аз рӯи қонуни диалектика ҳамаи онҳо дар асл омехта мебошанд. Ба ҷамъият хавфнокии тамоми кирдорҳо хислат ва дараҷа дорад. Ҳангоми шарҳи аломатҳои баҳодихӣ сарфи назар аз душвориҳои зиёд бояд ба муқарраркунии дараҷаи ба ҷамъият хавфнокии кирдор дар доираи хусусияти ба ҷамъият хавфнокӣ кӯшиш карда шавад. Аломатҳои баҳодихии ҷиноят бештари вақт бо арзишҳои ахлоқӣ ва иҷтимоӣ фарҳангӣ алоқаманд аст. Масалан, дар таркиби одамкушӣ ҳаяҷони сахти рӯҳӣ, таҳқир, дашноми қабех, ҳаракатҳои дигари зиддиҳуқуқӣ баҳодихӣ мебошанд. Дар таркиби қасдан расонидани зарари вазнин ба саломатӣ (м. 110 ҚЧ ҚТ) бадсуратии ислоҳнопазирии рӯй аломати баҳодихӣ мебошад. Дар таркиби қасдан расонидани зарари вазнин ба саломатӣ дар ҳолати ҳаяҷони сахти рӯҳӣ (м. 113 ҚЧ ҚТ), ҳолати ҳаяҷони сахти рӯҳӣ баҳодихӣ мебошад ва ғайра.

Дар маҷмӯъ ин ҳолатҳо чандон зиёд нестанд – кирдори зиддиҳуқуқӣ, бадсураткунии рӯй, обрӯю эътибор, кирдорҳои зидди ахлоқӣ, порнография, бераҳмӣ.

Азбаски хусусияти ба ҷамъият хавфнокии кирдор, аз ҷумла унсурҳои дорои аломатҳои баҳодихӣ аз ҷониби қонунгузор аз рӯи объект муайян карда мешаванд, яқум коре, ки бояд иҷро карда

шавад, ин объектҳои ҷинсӣ (соҳавӣ), намудӣ ва бевоситаи ҷиноят мебошад. Обрӯю эътибор объекти равонии ҳудогоҳии шахсият ва аҳаммияти ҷамъиятии он мебошанд. «Эътибори корӣ» - обрӯи касбии корманди тамоми соҳаи фаъолият мебошад. Объектҳои таҳқир ва тӯҳмат дар ҷиноятҳои ба муқобили шахсият ягона мебошад. Объекти таҳқир дар дигар бобҳои ҚЧ дигар мебошанд. Масалан, таркиби моддаи 330 ҚЧ ҚТ - таҳқири оммавии намоёнҳои ҳокимият хангоми иҷрои вазифаҳои хизматӣ ё вобаста ба иҷрои онҳо. Объекти бевосита дар ҷунин ҳолат фаъолияти мӯътадили мақомоти ҳокимият мебошад [1].

Дар иртибот бо ин бандубасти кирдор тибқи моддаи 137 ҚЧ ҚТ (Таҳқири оммавии Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон ё тӯҳмат кардан ба ӯ) ва ё моддаи 137(1) (Таҳқири оммавии Асосгузори сулҳу ваҳдати миллӣ - Пешвои миллат ё тӯҳмат кардан ба ӯ), пешбинӣ гардидаанд [1], аммо ҳуди таҳқир ҷиро дараназар дорад, дода нашудааст, ки ба андешаи мо таҳқир, яъне беадабона, бо алфози қабех паст задани обрӯ ва эътибори шахси дигар аст, ки онро суд бо гузаронидани ташхисҳои махсус муайян мекунад ва баҳо медиҳад. Пеш аз ҳама муайян кардани мафҳуми «беадабона» хислати субъективӣ гирифта метавонад. Дигар ин ҷо ин моддаҳо объектҳоеро мавриди ҳимоя қарор додаанд, ки онҳоро Кодекси маданияти Ҷумҳурии Тоҷикистон (минбаъд - КМ ҚТ) ба неъматҳои ғайримоддӣ дохил кардааст – эътибори шахсият, дахлнопазирии шахсият, обрӯ ва эътибор, номи нек, эътибори корӣ, сирри шахсӣ ва оилавӣ ва ғайра.

Дар м. 16 КМ ҚТ «Товони зарари маънавӣ», мафҳуми зарари маънавӣ муқаррар карда шудааст: «Агар ба шахси воқеӣ дар натиҷаи амалҳои вайронкунондаи ҳуқуқҳои шахсии ғайримолумулкиаш ё амалҳои суиқасдкунанда ба неъматҳои дигари ғайримолумулкиаш, инчунин дар ҳолатҳои дигари пешбининамудаи қонун зарари маънавӣ (азоби руҳӣ ё ҷисмонӣ) расонда шуда бошад, суд метавонад шахси

вайронкардаро ба товони зарар уҳдадор кунад».

Дар асоси қ. 3 м. 1226 КМ ҚТ бошад, Хусусиятҳои азоби рӯҳӣ ё ҷисмонӣ аз ҷониби суд бо назардошти ҳолатҳои воқеӣ, ки дар натиҷаи он зарари маънавӣ расонида шудааст ва ҳолатҳои инфиродии ҷабрдида баҳо дода мешавад» [2].

Дараҷаи азобу шиканҷаи ҷисмонӣ ва рӯҳӣ бо нишондодҳои тиббӣ дар хусуси ҳолати ҷабрдида ва ҳам хусусиятҳои инфиродии он – хурдсолӣ, маъҷубӣ, пиронсолӣ ва ғайра исбот карда мешавад. Дараҷаи гуноҳи субъекти ҷиноят мисли дигар ҳолатҳои содир шудани ҷиноят муайян карда мешавад.

Мутобиқи банди 15 қарори Пленуми Суди Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон №7 «Дар бораи аз ҷониби судҳо татбиқ намудани қонунгузорӣ оид ба ҳифзи шаъну шараф ва эътибори қорӣ шаҳрвандон ва шахсони ҳуқуқӣ» аз 23 декабри соли 2011 «...Ҳангоми муайян кардани андозаи товони зарари маънавӣ судҳо бояд ба ҳолатҳои дар қ. 2 ва қ. 3 м. 1226 КМ ҚТ зикргардида ва дигар ҳолатҳои қобили тавачҷуҳ аҳаммият диҳанд. Агар маълумотҳои пастзанандаи шаъну шараф ва эътибори қорӣ, ки ба ҳақиқат мувофиқ намебошанд дар воситаҳои ахбори омма паҳн шудааст, суд ҳангоми муайян кардани андозаи зарари маънавӣ бояд хусусият ва мазмуни нашр, инчунин дараҷаи паҳншавии маълумоти мазкурро ба инобат гирад.

Ҳамзамон, маблағи товони зарари маънавӣ, ки рӯёнида мешавад бояд мутаносибан ба зарари расонидашуда буда, ...агар ҳаёти таҳририяи воситаҳои ахбори умум раддияро, ки даъвогарро қонеъ мегардонад ихтиёран ба таъбу нашр расонидааст, суд ҳолати мазкурро ҳангоми муайян кардани андозаи ҷабрдидаи зарари маънавӣ ба инобат мегирад.».

Аз ин таҳлили сатҳӣ аллақай ба ҳулосае омадан мумкин аст, ки маҳз қонунгузор маҳакҳои аломатҳои баҳодихии ҷиноятро муайян мекунад. Дар доираи ҳуқуқвайронкуниҳои маданӣ маълум мегардад, ки барои ошкор намудани маҳакҳои аломатҳои баҳодихӣ қонунгузори маданӣ мусоидат мекунад.

Тӯҳмат ва таҳқир танҳо дар шакли гуноҳи қасдона содир мешаванд. Агар шахс бе мушаххаснамоӣ, бе унвонии муайян, вале дашном диҳад, ҳолатҳои ҷойнадоштаро ифода намояд, дар бораи хусусиятҳои манфии шахсият ё рафтори ӯ ақидаашро баён намояд, пас таркиби таҳқир ва ё тӯҳмат ҷой надорад.

Беадабӣ дар чунин ҳолат шаклан ҷой дорад, вале паст задани обрӯю эътиборро инъикос наменамояд. Масалан, шахси бечогоардро фоҳиша номидан мумкин аст. Дар чунин ҳолат шакли амал ғайриахлоқӣ аст, вале ҷиноят нест. Ақида, эътиқод ҳарчанд дар шакли қабех ифода ёфта бошад ҳам, таҳқир нест, зеро мақсади паст задани обрӯю эътиборро надорад [9, с. 143].

Мувофиқи қ. 1 м. 10 Конвенсия дар бораи ҳимояи ҳуқуқҳои инсон ва озодиҳои асосӣ ҳар шахс ҳуқуқ дорад ақидаи худро озодона баён намояд. Ин ҳуқуқ имконият медиҳад, ки ақидаи худро шахс дастгирӣ намояд, иттилоот ва ғояҳоро бе мудохилаи мақомоти давлатӣ ба даст орад, паҳн намояд [3].

Мутобиқи банди 9 қарори Пленуми Суди Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон № 7 «Дар бораи аз ҷониби судҳо татбиқ намудани қонунгузорӣ оид ба ҳифзи шаъну шараф ва эътибори қорӣ шаҳрвандон ва шахсони ҳуқуқӣ» аз 23 декабри соли 2011 «...м. 30 Конституцияи Ҷумҳурии Тоҷикистон ба ҳар кас озодии сухан, нашр, ҳуқуқи истифодаи воситаҳои ахборро кафолат додааст [6, с. 13-14]. Аз ин рӯ, ҳангоми баррасии парвандаҳо оид ба ҳифзи шаъну шараф ва эътибори қорӣ, судҳо бояд ба он диққат диҳанд, ки мулоҳизаҳои баҳодихӣ, фикру ақидаҳо, мавзӯи баҳси судӣ оид ба ҳимояи шаъну шараф ва эътибори қорӣ тибқи моддаҳои 229-231 КМ ҚТ намебошанд, зеро онҳо ифодаи фикру ақидаи субъективии шахс буда, мавриди санҷиш қарор дода намешаванд».

Ҳангоми бандубасти аломатҳои баҳодихии зарари иҷтимоӣ маънавӣ дар ҳолати зарурӣ барои муайян намудани ҷой доштани ”зарари иҷтимоӣ маънавӣ” бояд экспертизаи махсус таъин карда шавад. Масалан, экспертизаи забонӣ

барои таҳқиқи матни ҳуччати хаттӣ ё сухани шифохӣ бо мақсади фаҳмиши маъноӣ аслии он лозим аст.

Ҳамин тавр, муайян кардани аломатҳои баҳодихӣ аз иродаи қонунгузор иборат буда, аз ҷониби таҳқиқбарандагон, муфаттиш ва судяҳо он татбиқ карда мешавад. Дар сурате, ки мафкураи ҳуқуқии таҳқиқбарандагон, муфаттиш ва суд барои бандубасти аломатҳои баҳодихӣ ноқофӣ мебошад, бояд экспертиза таъин карда шуда, мутахассис ҷалб карда шавад.

Қоидаҳои бандубасти аломатҳои баҳодихии мутлақи таркиби ҷиноят аз инҳо иборат мебошанд:

1. Ҳангоми тафсири онҳо бояд аз нуқтаи назари хусусияти ба ҷамъият хавфнокии муайянкардаи қонунгузори ҷиноятӣ муносибат намуд (объектҳои ҷинсӣ, намудӣ ва бевоситаи ҷинояти дахлдор, аломатҳои ҷабрдида, мазмуни зараре, ки ба объект ва ҷабрдида расонида шудааст, қасд, ангега ва мақсад номбар карда шавад).

2. Ҳуқуқтатбиқкунанда аломатҳои баҳодихии умумиро аз рӯйи дараҷаи хавфнокии унсурҳои дахлдори таркиб вобаста ба ҳолатҳои алоҳидаи қор мушаххас мегардонад (бо роҳи ҷенақгирии андозаи зарар, ҷой, вақт ва ҳолатҳои содир шудани ҷиноят).

3. Ҳангоми мушаххасгардонии дараҷаи ба ҷамъият хавфнокии унсурҳои қирдори дорой аломатҳои баҳодихӣ баромадан аз ҳадди қирдор ва ҳислати хавфнокии ҷиноят, яъне ҷаҳорҷӯбаи объект, мавзу, ҷабрдида, мазмуни зарар, шакли қасдонаи зарар, ангега ва мақсадҳои қирдор ҷоиз нест.

4. Тасвири мазмуни зарар мисли дигар ҷиноятҳо аз ҷониби қонунгузор амалӣ карда мешавад, аз ин рӯ, зарари маънавӣ аз рӯйи маҳакҳои объективӣ баҳо дода мешавад, на аз лиҳози тасаввуроти субъективӣ ва эҳсосии ҷабрдида.

5. Бо мақсади роҳ надодан ба саҳв ҳангоми бандубасти ҷиноятҳо бо татбиқи меъёрҳои дорой аломатҳои баҳодихӣ таваҷҷӯҳ ба тавсияи махсуси унсурҳои ба вучудорандаи ҷиноят бояд карда шавад. Дар таҳқиқ ин «беадабона», дар тӯҳмат ин «маълумоти бардурӯғ», дар вайрон кардани дахлнопазирии ҳаёти хусусӣ – сирри «шахсӣ» ё «оилавӣ» мебошанд.

6. Агар дар меъёри ҳуқуқии ҷиноятӣ калимаи «ғайриқонунӣ» бошад, ин ишора ба бланкетӣ будани он аст. Дар ҷунин ҳолат бояд меъёрҳои оид ба қонунӣ будани ҳаракатҳои қонунӣ дарёфт шуда, бо роҳи муқобилгузори ғайриқонунӣ будани қирдорҳои дахлдор ошқор карда шавад.

7. Ҳангоми ошқор кардани аломатҳои баҳодихӣ бояд аз тарзи тафсири низомнок истифода карда шуда, онҳо бо аломатҳои ҳамном ё истилоҳи наздики ҚҶ ҚТ ва дигар соҳаҳои ҳуқуқ муқобил гузошта шаванд. Зимнан ҷунин муқобилгузори набояд ба қиёси қонун бурда расонад.

8. Бештари аломатҳои баҳодихӣ ба аломатҳои шартӣ, нисбатан баҳодихӣ дохил мешаванд. Дар байни онҳо истилоҳи «дигар» истифода мешавад, дар бештари ҳолатҳо оқибатҳои ба ҷамъият хавфнок.

Зарар аз рӯйи андоза ба аломатҳои баҳодихии ба истилоҳ «нисбӣ» дохил шуда, бо аломатҳои баҳодихӣ ҳисоб карда мешавад, аз рӯйи андоза – зарари қиддӣ, қалон ва махсусан қалон мешавад. Андозаи онҳо аз ҷониби қонунгузор пешакӣ муайян карда шудааст, ки дар амал татбиқи он душворӣ надорад. Дар сурати мутлақ будани ҷунин зарар, масалан, дар м. 255 ҚҶ ҚТ «зарари қиддӣ», ҳуқуқтатбиқкунанда вобаста ба ҳолатҳои мушаххаси қор ба он баҳо дода, аз мафкураи ҳуқуқии онҳо дар доираи қонун вобаста аст.

Адабиёти истифодашуда

1. Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 21 майи соли 1998, № 574 бо тағйироту иловаҳо дар ҳолати 20 июни с. 2024, № 2050 // [Манбаи электронӣ] – Речаи воридшавӣ: <http://mmk.tj>. (санаи муроҷиат: 25.09.2024).

2. Кодекси маданияи Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 24 декабри с. 2022, № 1918 (аз 01 июли с. 2023 мавриди амал қарор дода // [Манбаи электронӣ] – Реҷаи воридшавӣ: <https://mmk.tj/content/кодекси-маданияи-ҷумҳурии-тоҷикистон> (санаи мурочиат: 25.09.2024).

3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г. (с изм. от 13.05.2004, вместе с протоколами № 1, № 4 и № 7 // [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://sudact.ru/law/konventsiiia-o-zashchite-prav-cheloveka-i-osnovnykh/konventsiiia/razdel-i/statia-10/> (дата обращения: 25.09.2024).

4. Бободжонзода, И.Х., Кудратов, Н.А. Некоторые вопросы совершенствования общей части нового проекта Уголовного кодекса Республики Таджикистан / И.Х. Бободжонзода, Н.А. Кудратов // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2023. – № 4(38). – С. 50-58.

5. Бобочонзода, И.Х., Кудратов, Н.А., Файратов, Т.М. Навгониҳо ва проблемаҳои ҷиноятҳо ба муқобили асосҳои соҳти конститусионӣ ва амнияти давлат дар лоиҳаи нави Кодекси ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон / И.Х. Бобочонзода, Н.А. Кудратов, Т.М. Файратов // Паёми Донишгоҳи давлатии тичорати Тоҷикистон. – 2023. – №. 3(48). – С. 312-319.

6. Бобочонзода, И.Х., Кудратов, Н.А., Қодирзода, Т.Қ. Проблемаҳои назариявии институтҳои ҷиноят ва ҷазо дар лоиҳаи Кодекси нави ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон / Бобочонзода, Н.А. Кудратов, Т.Қ. Қодирзода // Маҷаллаи академияи ҳуқуқ. – 2023. – №. 2(46). – С. 12-21.

7. Кобзева, Е.В. Оценочные признаки в уголовном законе: дис...канд. юрид.наук: 12.00.08 / Елена Васильевна Кобзева. – Саратов, - 2004. – 264 с.

8. Кудратов, Н.А. Уголовное право Республики Таджикистан. Общая часть. – Душанбе: Таджикский государственный университет коммерции, 2020. – 366 с.

9. Кузнецова, Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: Основы квалификации преступлений / Науч. ред. и предисл. академика В.Н. Кудрявцева. – М.: Издательский Дом «Городец», 2007. – 336 с.

10. Лопашенко, Н.А. Размышления об уголовном праве: Принципы уголовного законодательства. Уголовный закон. Преступление. Проступок и состав преступления: авторский курс: монография. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 440 с.

11. Малиновский, А.А. Оценочные понятия в законодательстве / А.А. Малиновский // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование. – Н. Новгород, 2001. – Т. 1. – С. 268-273.

12. Оносов, Ю.В. Теоретические аспекты соотношения «оценочного понятия» и понятия «усмотрение в праве» // Электронный научный журнал «Век качества». – 2020. – № 4. – С. 112-122 // [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://www.agequal.ru/pdf/2020/420008.pdf>

13. Питецкий, В.В. Оценочные признаки уголовного закона (сущность, функции, перспективы использования в законодательстве) / В.В. Питецкий. - Красноярск, 1993. – 88 с.

References

1. Criminal Code of the Republic of Tajikistan dated May 21, 1998, No. 574, as amended and supplemented as of June 20, 2024, No. 2050 // [Electronic resource] – Access schedule: <http://mmk.tj>. (access date: 25.09.2024).

2. Civil Code of the Republic of Tajikistan dated December 24, 2022, No. 1918 (entered into force on July 1, 2023 // [Electronic resource] – Access schedule: <https://mmk.tj/content/> (access date: 25.09.2024).

3. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. Concluded in Rome on November 4, 1950 (as amended on May 13, 2004, together with protocols No. 1, No. 4 and No. 7 // [Electronic resource] - Access mode: <https://sudact.ru/law/konventsiiia-o-zashchite-prav-cheloveka-i-osnovnykh/konventsiiia/razdel-i/statia-10/> (date of access: 25.09.2024).

4. Bobojonzoda, I.Kh., Kudratov, N.A. Some issues of improving the general part of the new draft Criminal Code of the Republic of Tajikistan / I.Kh. Bobojonzoda, N.A. Kudratov // Bulletin of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation. - 2023. - No. 4 (38). - Pp. 50-58.

5. Bobojonzoda, I.H., Kudratov, N.A., Gayratov, T.M. Innovations and problems of crimes against the foundations of the constitutional system and state security in the new draft of the Criminal Code of the Republic of Tajikistan / I.H. Bobojonzoda, N.A. Kudratov, T.M. Gayratov // Message of the Tajik State University of Trade. – 2023. – No. 3(48). – Pp. 312-319.

6. Bobojonzoda, I.H., Kudratov, N.A., Qodirzoda, T.Q. Theoretical problems of crime and punishment institutes in the draft of the new Criminal Code of the Republic of Tajikistan / Bobojonzoda, N.A. Kudratov, T.Q. Qodirzoda // Journal of the Academy of Law. - 2023. - №. 2(46). - Pp. 12-21.
7. Kobzeva, E.V. Evaluative features in the criminal law: diss... cand. of law: 12.00.08 / Elena Vasilievna Kobzeva. - Saratov, - 2004. - 264 p.
8. Kudratov, N.A. Criminal law of the Republic of Tajikistan. General part: educational and methodological complex. - Dushanbe: Tajik State University of Commerce, 2020. - 366 p.
9. Kuznetsova, N.F. Problems of qualification of crimes: lectures on the special course "Fundamentals of qualification of crimes" / Scientific. ed. and foreword. academician V.N. Kudryavtsev. - M.: Publishing House "Gorodets", 2007. - 336 p.
10. Lopashenko, N.A. Reflections on criminal law: Principles of criminal legislation. Criminal law. Crime. Misdemeanor and elements of a crime: author's course: monograph. - M.: Yurlitinform, 2020. - 440 p.
11. Malinovsky, A.A. Evaluation concepts in legislation / A.A. Malinovsky // Legislative technique of modern Russia: state, problems, improvement. - N. Novgorod, 2001. -- Vol. 1. - Pp. 268-273.
12. Onosov, Yu.V. Theoretical aspects of the relationship between the "evaluation concept" and the concept of "discretion in law" // Electronic scientific journal "Century of Quality". - 2020. -- No. 4. - Pp. 112-122 // [Electronic resource] - Access mode: <http://www.agequal.ru/pdf/2020/420008.pdf>
13. Pitetsky, V.V. Evaluative features of criminal law (essence, functions, prospects for use in legislation) / V.V. Pitetsky. - Krasnoyarsk, 1993. - 88 p.

ТДУ 343.102

**ДУРНАМОИ ТАНЗИМОТИ МЕЪЁРИИ МУРОФИАВӢ-ЧИНОЯТИИ АМАЛӢОИ
ТАФТИШОТӢ ВА ЧОРАБИНИӢОИ БА ОН ШАБЕӢИ ОПЕРАТИВӢ-ӢУСТУӢӢӢ:
ГУЗОРИШИ МАСЪАЛА**

**ПЕРСПЕКТИВЫ НОРМАТИВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ
СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ И ИДЕНТИЧНЫХ ИМ
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ: ПОСТАНОВКА ВОПРОСА**

**PROSPECTS FOR NORMATIVE AND PROCEDURAL REGULATION OF
INVESTIGATIVE ACTIONS AND IDENTICAL OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITIES:
POSING THE QUESTION**

ИСКАНДАРОВ З.Х.
ISKANDAROV Z.H.

*Профессори кафедраи ҳуқуқи судӣ ва назорати прокурорӣ
факултети ҳуқуқшиносӣ Донишгоҳи миллии Тоҷикистон,
доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор
Профессор кафедры судебного права и прокурорского надзора
юридического факультета Таджикского
национального университета, доктор юридических наук,
профессор
Professor of the Department judicial law and prosecutorial
supervision of the faculty of law of the Tajik National University,
doctor of law*

e-mail:
ziskan@mail.ru

ИСОЗОДА Н.
ISOZODA N.

*Унвонҷӯи Академияи ВҚД Ҷумҳурии Тоҷикистон,
полковники милитсия
Соискатель Академии МВД Республики Таджикистан,
полковник милиции
Applicant of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the
Republic of Tajikistan, Colonel of militia*

e-mail:
ziskan@mail.ru

*Ихтисоси илмӣ: 12.00.09 – Ҳуқуқи муурофияи чиноятӣ (5.1.4. Илмҳои ҳуқуқӣ-чиноятӣ).
Научная специальность: 12.00.09 – Уголовно–процессуальное право (5.1.4. Уголовно–
правовые науки).*

Scientific specialty: 12.00.09 – Criminal procedure law (5.1.4. Criminal law sciences).

*Тақриздиханда: РАҲМАДЖОНЗОДА Р.Р. – муовини сардори Академияи ВҚД Ҷумҳурии
Тоҷикистон оид ба илм, доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсент, подполковники милитсия.*

*Рецензент: РАҲМАДЖОНЗОДА Р.Р. – заместитель начальника Академии МВД Респуб-
лики Таджикистан по науке, доктор юридических наук, доцент, подполковник милиции.*

*Reviewer: RAHMADZHONZODA R.R. – Deputy Head of the Academy of the Ministry of In-
ternal Affairs of the Republic of Tajikistan for Science, Doctor of Law, Associate Professor, Lieu-
tenant Colonel of militia.*

Аннотатсия: Ҳамроҳ намудани маълумотҳое, ки бо роҳи ғайримуруфиавӣ гирифта шудааст, ба қатори далелҳои парвандаи ҷиноятӣ яке аз масъалаҳои муҳимми илми муруфиавӣ-ҷиноятӣ маҳсуб меёбад. Миёни олимони ва таҷрибадорон андешаҳои мавҷуданд, ки дар муруфияи ҷиноятӣ бе истифодаи чорабиниҳои оперативӣ-чустучӯӣ ба муваффақият ноил гаштан амри маҳол аст. Бинобар ин ва азбаски зарурати истифода намудани чорабиниҳои оперативӣ-чустучӯӣ зимни муруфияи ҷиноятӣ мавҷуд аст, муаллифон зарур медонанд, ки ин чораҳо тавассути Кодекси муруфиавии ҷиноятӣ ба танзим дароварда шуда, мазмун ва моҳияти муруфиавӣ гиранд ва маълумотҳое, ки бо фаъолияти оперативӣ-чустучӯӣ ҷамъоварӣ мешаванд, дигар далел маҳсуб шуда, сирри тафтишотро ташкил намојанд. Муаллифон табдили чорабиниҳои ҳаммонанди оперативӣ-чустучӯӣ ба амалҳои тафтишотӣ омӯзишу таҳқиқи алоҳида ва ҳулосабарориҳои илмиро тақозо менамојанд, гӯён мавзӯи мазкурро масъалагузорӣ намуданд.

Вожҳои калидӣ: амалҳои тафтишотӣ, чорабиниҳо, фаъолияти оперативӣ-чустучӯӣ, муруфияи ҷиноятӣ, маълумот, далелҳо, ҳимояи ҳуқуқи инсон, ҷиноят, парвандаи ҷиноятӣ.

Аннотация: Приобщение к уголовному делу сведений в качестве доказательств, полученных непроцессуальным путем, является одним из важных вопросов уголовного судопроизводства. Среди ученых и практиков бытует мнение о том, что без применения оперативно-розыскных мероприятий добиться успеха в уголовном судопроизводстве невозможно. В связи с этим, а также в связи с необходимостью применения оперативно-розыскных мероприятий в ходе уголовного судопроизводства, авторы считают необходимым регламентировать данные мероприятия в Уголовно-процессуальном кодексе с учетом их процессуального содержания, а также использовать в качестве основы для сбора информации, полученной в ходе оперативно-розыскной деятельности, которая может быть иными доказательствами и составлять тайну следствия. Авторы утверждают, что трансформация подобных оперативно-розыскных мероприятий в следственные действия требует отдельного изучения, исследования и научных выводов.

Ключевые слова: следственные действия, мероприятия, оперативно-розыскная деятельность, уголовный процесс, сведения, доказательства, защита прав человека, преступление, уголовное дело.

Annotation: The inclusion of information as evidence obtained by non-procedural means in a criminal case is one of the important issues of criminal proceedings. There is an opinion among scientists and practitioners that it is impossible to achieve success in criminal proceedings without the use of operational-search measures. In this regard, as well as in connection with the need to use operational-search measures in the course of criminal proceedings, the authors consider it necessary to regulate these measures in the Criminal Procedure Code taking into account their procedural content, and also to use them as a basis for collecting information obtained in the course of operational-search activities, which may be other evidence and constitute a secret of the investigation. The authors argue that the transformation of such operational-search measures into investigative actions requires separate study, research and scientific conclusions.

Key words: investigative actions, activities, operational-search activities, criminal proceedings, information, evidence, protection of human rights, crime, criminal case.

Инсоният кӯшиш менамојанд, ки дар шароити оромӣ субот, аз рӯи оини муайян, бидуни зулму истибдот ва эмин аз ҳамагуна таҷовузҳо умр ба сар барад. Бо гузашти замонаҳо, бо талошҳои зиёд халқи тоҷик ба шароити хуби зиндагӣ то ба андозаи ният ва имконияту амаломон ноил ҳам гаштем.

Имрӯз Тоҷикистон ҳамчун давлати демокративу ҳуқуқбунёд дар шароити сулҳу оромӣ, амниятӣ созандагӣ қарор дошта, халқ бо роҳбарии хирадмандонаи Асосгузори сулҳу ваҳдати миллӣ, Пешвои миллат, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон, муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон корҳои ба сомон мерасонад, ки баҳри фароҳам овардани шароити мусоид барои

зиндагии арзанда, инкишофи озоди шахс, бунёди ҷомеаи адолатпарвару орий аз фасоду ифрот равона карда шудааст. Хушбахтона, ҳарчанд ҳолу қоламон бад нест ва ниятамон ҳам нек аст, вале ҳануз кулли башар натавонист, ки ҷиноят ва ҷинояткориро комилан решақан намояд. Дар ҷомеа, бинобар сабабҳои гуногун афрод ва ё гуруҳи он даст ба ҷиноят мезананд. Бинобар ин, давлат бо мақсади ҳифзи инсон, ҳуқуқ ва манфиатҳои ӯ, амнияти ҷамъияти ва саломати аҳоли, тартиботи ҷамъияти ва ахлоқи ҳамида, асосҳои сохтори конституционӣ ва дигар арзишҳои тавассути қабул намудани қонунҳои кирдори ба ҷамъият ҳафноку зиёноварро мамнӯъ эълон намуда, теъдод аз онҳоро чун ҷиноят дар Кодекси ҷинояти пешбинӣ намудааст.

Мувофиқи Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон, ҷиноят кирдори гунаҳгоронаи барои ҷамъият хавфноке мебошад, ки номгуӣ онро Кодекси мазкур пешбинӣ намуда, бо таҳдиди татбиқи ҷазо манъ кардааст [1]. Яъне, Кодекси ҷинояти муқаррар менамояд, ки шахсе, ки ҷиноят содир менамояд, ногузир ба ҷавобгарии ҷиноятии қашида шуда, ба ӯ ҷазои муносиб дода шуда, ҳуқуқ ва манфиатҳои поймолшудаи шахс, ҷамеа ва давлат барқарор карда шуда, ҳимоя карда мешавад. Вале барои он, ки шахс ба сифати айбдоршаванда ба ҷавобгарии ҷиноятии қашида шуда, минбаъд сазовори ҷазои муносиб гардад, ҳадди ақал, ақли солим, баъд Кодекси мурофиавии ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон (минбаъд – КМҶ ҚТ) тақозо менамояд, ки пеш аз ҳама аз ҳодисаи ҷинояти содиршуда мақомоти масъули давлатӣ бояд хабардор шавад, то ки гумонбаршаванда дар ин кирдор – дастгир, парвандаи ҷинояти – оғоз, ҳодисаи ҷиноят – ошқору, гунаҳгории шахс исбот карда шавад. Яъне, дар ин кор пеш аз ҳама давлат, мақомоти ҳифзи ҳуқуқи он муваззаф гардидааст. Аз ин ҷой, ба назар чунин мерасад, ки мазмуни мурофиаи ҷиноятиро танҳо фаъолияти мақомоти давлатӣ оид ба дастгир намудани шахс дар содир намудани ҷиноят, оғоз намудани парвандаи ҷинояти, ошқор намудани

ҳодисаи ҷиноят ва фаш намудани гунаҳгории шахс ташкил менамуда бошад.

Дар асл бошад чунин нест, мурофиаи ҷинояти тарзи маъруфи ҳимояи ҳуқуқи инсон, манфиати ҷомеаву давлат аз таҷовузҳои ҷинояткорона, аз таъқиботи беасос, гайриқонунӣ маҳдуд кардани ҳуқуқ ва озодии инсон буда, бо КМҶ ин тарзи пешбурд пешбинӣ карда шуда, баҳри таъмин намудани ҳақиқат, адолат ва ё осоиши ҳуқуқи оид ба парвандаҳои ҷинояти муайян шудааст, ки иҷроиши он барои ҳама ҳатмист. Ин тарзи маъруф, тартиботи махсуси мурофиавист, ки чун қоида ошқоро барои иштирокчиён шароити мусоиди баробар ба миён меорад, то ки онҳо аз он истифода намуда, ба осоиши ҳуқуқи ва ё адолат бирасанд. Вале ин тарзи маъруф дар ҳолатҳои муайян дар асоси қонун аз роҳу василаҳои дигар, ба мисли фаъолияти адвокатӣ, фаъолияти оперативӣ-ҷустуҷӯӣ (минбаъд – ФОҶ), фаъолияти ташхисӣ истифода менамояд, ки амри зарурист.

Мурофиаи ҷинояти ва фаъолияти оперативӣ-ҷустуҷӯӣ ду ҷорабиниҳои оммавии давлатие, ки ҷомеаи инсонӣ ба он ниёз дорад ва имрӯз бе ташкил ва ба роҳ мондани онҳо, таъмини мутаносибияти онҳо кори ошқор намудани ҷиноят беҳ намегардад. Ҳарду хеле таърихи тӯлонӣ дошта, бо баробари пурқувват гаштани ҳокимияти оммавӣ давлатӣ ташаққул ёфтаанд. Таҳаввули ташаққул ёфтани он дар таърихи навини давлатдорӣ мо қариб такрор меёбад. Ҳанӯз аз замони «сюртеи франсузҳо» ё «дарвешони тоҷикон», «сыски (кофтукови русҳо)» давлат аз қувваю неруи ҳуди ҷинояткорон васеъ истифода намудааст. Вале мурофиаи ҷинояти таърихи қадима дошта, маъмул гашта, бо меъёрҳои ҳуқуқ ба танзим дароварда шуда, аввал чун мурофиаи кофтуковӣ, баъдтар ҳамчун фаъолияти мақомоти давлатӣ ва шахсони мансабдор оид ба оғоз таҳқиқу тафтишот, муҳокимаи парванда дар суд ва иҷроиши ҳукм ва имрӯз чун тарзи маъруфи ҳимояи ҳуқуқи инсон пазируфта шуда, ба дараҷаи тартиботи дахлдори ҳуқуқи мубадал гаштааст, аммо ба ҳар сурат вай натавонистааст бидуни

истифодаи ҶОҶ ба ҳадафҳои худ бирасад [6, с. 52].

Олими шинохтаи ҷумҳурӣ, асосгузори илми ҳуқуқи оперативӣ-ҷустуҷӯӣ, доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ Р.Х. Раҳимзода барҳақ дар бораи аҳамияти ҶОҶ дар ҷараёни муҳофизати ҷиноятӣ чунин нигоштааст, ки «... нақши фаъолияти оперативӣ-ҷустуҷӯӣ дар ошкор намудан, огоҳонидан, пешгирӣ кардан ва кушодани ҷиноятҳо, ҳамчунин муайян намудани шахсони ин ҷиноятҳоро тайёркунанда, содиркунанда ё содиркарда, дар ҷустуҷӯи шахсони аз мақомоти таҳқиқ, тафтиш ва суд пинҳоншуда... ниҳоят муҳим буда, аҳамияти аввалиндараҷа дорад» [10, с. 35].

Бинобар ин, мавҷудияти ҶОҶ тақозои муҳофизати маълумоти ҷиноятӣ буда, пештар камтанзими ҳуқуқӣ, имрӯз бо меъёри ҳуқуқ сертанзимтар шудааст ва ин амри воқеист. Танзими меъёрӣ-ҳуқуқии ҶОҶ қадами калон ба пеш буда, талаботи речаи демократии давлати ҳуқуқбунёд ва ҷомеаи шахрвандӣ аст. Танҳо дар замони истиқлолияти давлатӣ се маротиба қонунгузори ҶОҶ (солҳои 1993, 1998, 2011) тақмил дода шуд.

Аз мазмуни гуфтаҳои боло пай бурдан мумкин аст, ки ҳам фаъолияти оперативӣ-ҷустуҷӯӣ ва ҳам фаъолияти муҳофизати ҷиноятӣ пеш аз ҳама бо ҷиноят алоқаманд аст. Объекте, ки ҳарду ин фаъолият ба он нигаронида шудааст, ҷиноят буда, ҳар ду фаъолият аз ҷониби мақомоти муайяни ваколатдори давлатӣ тибқи қонун ба амал бароварда мешавад. Вале агар зимни муҳофизати ҷиноятӣ мақомот ва шахси мансабдори салоҳиятдор бо ҷинояте, ки аз содир шудани он ба тариқи расмӣ хабар расидааст, ошкоро, ба тарзи маъруф сару кор гиранд, зимни ҶОҶ мақомот ва шахсони масъул пеш аз ҳама маҳз барои пешгирӣ намудани ҷиноят ва ҷинояткорӣ, оқибатҳои зарарбори он ба тариқи ошкорову пинҳонӣ машғул буда, баъдтар бо супориши муфаттиш, прокурор ва суд баҳри таъмин намудани муҳофизати ҷиноятӣ бо маълумотҳои лозима, дарёфти шахсони аз тафтишот пинҳонгашта, фароҳам овардани шароит барои таллофи

намудани зарари бо ҷиноят расонидашуда, ҷорачӯиҳо менамоянд.

Ин ду намуди фаъолият алоқамандии зич дошта, барои иҷрои вазифаҳои ҳамдигарияшон мусоидат менамоянд. Мисол, пурсиши судию тафтишотӣ ба хоҳири легализатсияи иттилооте, ки бо роҳи ҶОҶ ба даст дароварда шудааст, гузаронида мешавад. Ё ҳоло табодули тарзи ҳуҷҷатии қонунигирдонии истифодаи маълумотҳое, ки дар замони ҶОҶ ба даст оварда шудааст, на бо роҳи пешниҳод ва истифодаи ҳуҷҷатҳои оперативӣ, балки бо роҳи муҳофизати, яъне ба тариқи шифоҳӣ пурсидани кормандони ҶОҶ дар маҷлиси судӣ рузмарра шуда истодааст. Дар ҷараёни пурсиши муҳофизати ҷиноятӣ мутаасифона эътибор ба кормандони ҶОҶ кам буда, бояд мо муносибатро дигар намуда, баҳри истифодаи дурусти онҳо аз нуқтаи назари илми муҳофизати ҷиноятӣ, криминалистика ва криминология тақлифҳои судмандро пешниҳод намоем. Ҳамроҳ намудани маълумотҳое, ки бо роҳи ғайримуҳофизати гирифта шудааст, ба қатори далелҳои парвандаи ҷиноятӣ яке аз масъалаҳои муҳими илми муҳофизати ҷиноятӣ маҳсуб меёбад, чунки ҳоло муҳофизати ҷиноятӣ ҳамагуна маълумотҳое, ки берун аз муносибатҳои муҳофизати ҷиноятӣ гирифта шудааст, маълумоти ғайримуҳофизати гуён - далели ғайриқобили қабул меонад, ки чунин муносибат қуҳна гаштааст ва ё ба дастовардҳои илмҳои дигари муҳофизати мувофиқат намекунад.

Мисоли дигари ҳалталаб - истифода намудани натиҷаҳои ҶОҶ дар муҳофизати ҷиноятӣ: як гуруҳи олимони андешадоранд, ки натиҷаи ҶОҶ-ро ба сифати асосӣ баргузор намудани амалҳои тафтишотӣ истифода намудан мумкин аст [9, с. 43], дигарон фикр мекунанд, ки онҳо чун маълумотҳои дуҷуминдараҷа барои ба нақша гирифтани амалҳои тафтишотӣ истифода шуданашон мумкин аст [7, с. 146]. Ба ҳамин монанд, масоили истифодаи натиҷаи ҶОҶ ё маводди он низ дар адабиётҳои ҳуқуқӣ муҳофизати ҷиноятӣ буда, ҳанӯз ҳалли комили худро наёфтаасту дар амалия мушкилотро ба бор овардаанд.

Бо маҳорати касбӣ дар таносуби андар якдигар истифода намуда тавонистани амали тафтишотӣ бо чораҳои оперативӣ-чустучӯӣ (минбаъд – ЧОЧ), албатта шартҳои муҳимми баланд бардоштани сифати тафтишоти пешакӣ маҳсуб меёбад. Натиҷаҳои ФОЧ метавонад асоси баргузор намудани амалҳои тафтишотӣ буда, дар навбати худ амалҳои гузаронидашуда метавонанд барои муайян намудани зарурати баргузор кардани ЧОЧ гашта, ба характер ва тактикаи гузаронидани он таъсири қиддӣ расонанд. Ҳамин тариқ, то ҳатто андешаҳои мавҷуд аст, ки дар асоси маълумоти ФОЧ баргузор намудани амали тафтишотиро чун шартҳои умумии тафтишоти пешакӣ пешниҳод менамоянд [5, с. 12].

Яке аз самтҳои муҳимми муносибати судманди ФОЧ бо мурофияи ҷиноятӣ танзимоти ҳуқуқии тартиб ва пешбурди ба он монанд чораҳои зимни мурофияи ҷиноятӣ мебошад, ки на танҳо мутахассисин, балки қонунгузори баъзе аз кишварҳои ИДМ онро чун амалҳои тафтишотии ғайриошкоро дар Кодекси мурофиявии ҷиноятӣ-шон пешбинӣ намудаанд (мисол, Боби 30 КМҶ Ҷумҳурии Қазоқистон [4]). Аз ин ҷост, ки номгӯӣ, асос, шартҳои баргузорӣ, тартиботи мурофиявии гузаронидани он, расмиёти мурофиявии онро қор қарда, пешбинӣ намудаанд, ки шояд пажӯҳиши он моро низ ба ҳулосаҳои лозима орад, то ки дар қонунгузории миллӣ ва ҳам дар амалияи ҳуқуқӣ, аз он намунаҳои истифода намоем. Ба мисли назорати пинҳонии почта ва дигар фиристодаҳо; пинҳонӣ даромадан ва (ё) муоинаи макон; мушоҳидаи ғайриошкорои шахс ва ё ҷой, назорати пинҳонӣ, боздошт ва гирифтани маълумоти тавассути шабакаҳои алоқаи барқӣ (телекоммуникатсионӣ) интиқолёфта ва ғайра. Аз ин рӯ, зарурати муайян намудани мафҳуми амалҳои ғайриошкорои тафтишотӣ ба миён меояд.

Миёни олимони ва таҷрибадорон андешаҳои мавҷуданд, ки дар мурофияи ҷиноятӣ бе истифодаи ЧОЧ ба муваффақият ноил намегардем, бинобар ин, ва азбаски зарурати истехсолии истифода намудани ЧОЧ зимни мурофияи ҷиноятӣ мавҷуд аст, шояд зарур бошад, ки ин

чораҳои тавассути КМҶ ба танзим дароварда шуда, онҳо мазмун ва моҳияти мурофиявӣ гиранд ва маълумотҳои, ки бо ФОЧ ҷамъоварӣ мешаванд, дигар далел маҳсуб шуда, сирри тафтишотро ташкил намоянд. Аз ин ҳулоса баровардан мумкин аст, ки табдили чорабиниҳои ҳаммонанди оперативӣ-чустучӯӣ ба амалҳои тафтишотӣ омузишу таҳқиқи алоҳида ва ҳулосабарориҳои илмиро тақозо менамояд.

Рушди илм имконият медиҳад, ки шаклҳои нави мурофиявӣ қор қарда шаванд, то ки онҳо ба иҷроиши вазифаҳои мурофияи ҷиноятӣ мусоидат намуда, ба талаботҳои қонунӣ ва асоснок будани амалҳои маҳсули тафтишотӣ ҷавобгӯ бошанд.

Амали тафтишотии «нишон додан барои шинохтан», ки дар м. 205 КМҶ ҚТ пешбинӣ қарда шудааст, бо чорабиниҳои оперативӣ-чустучӯӣ «ҳаммонандкунии оперативии шахсият...», ки дар м. 1 Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи фаъолияти оперативӣ-чустучӯӣ» нишон дода шудааст, қаробати наздик дошта, бо мақсади пешгирӣ ва огоҳу ошкор намудани ҳодисаи ҷиноят истифода қарда мешаванд [2; 3]. Вале онҳо аз ҳамдигар аз рӯи табиати ҳуқуқӣ, мазмун, тартиби мурофиявии гузаронидани онҳо, шартҳои оқибатҳои ҳуқуқӣ фарқ намуда, «ҳаммонандкунии оперативии шахсият» чун ЧОЧ на танҳо амали тафтишотии «нишон додан барои шинохтан»-ро минбаъд метавонад пурра гардонад, балки вай асос барои гузаронидани дигар амалҳои мурофиявӣ ҳам ҳисоб шаванд. Бинобар ин, онҳоро дар қиёс омехтан, ҳулосабарориву истифода намудан аз манфиат ҳолӣ нест, мисол натиҷаҳои ҳаммонандкунии оперативии шахсият, ки бо истифода аз воситаҳои техникӣ ба даст дароварда шудааст, ҷӣ сон дар мурофияи ҷиноятӣ истифода қарда мешавад, ба шумули масъалаҳои марбут аст, ки мебошад таҳқиқи ҳулоса намуд.

Муоинаи оперативии манзил, ҳуҷраҳои, биноҳои, иншоот, қитъаҳои маҳал ва воситаҳои нақлиёт чун ЧОЧ муайян шуда (м.1), дар асоси қ. 2 м. 8 Қонуни ҚТ «Дар бораи фаъолияти оперативӣ-чустучӯӣ» танҳо нисбат ба гузаронидани

муоинаи оперативии манзили истиқоматӣ ризоияти прокурор ва суд талаб карда мешавад [3]. Дар дигар ҳолатҳо, ба мисли муоинаи оперативии пинҳонӣ бо воридшудан ба ҳучраҳо, биноҳо иншоот, қитъаҳои маҳал ва воситаҳои нақлиёт то ҳатто иҷозати роҳбари мақомот пешбинӣ нашудааст, бо ташаббуси худи корманди оперативӣ гузаронида мешавад. Дар ҳамин гуна ҳолатҳо мафҳуми манзил чӣ гуна тавсиф карда мешавад, дар кадом ҳолат барои гузаронидани онҳо иҷозати суд ва ё қарори роҳбари мақомот гирифта мешавад ё умуман бидуни иҷозат бо ташаббуси корманд гузаронида мешавад, оё ба ҳангоми пешниҳод намудани натиҷаҳои ин чораи оперативӣ ба муфаттиш, прокурор ва суд магар қарори иҷозати гузаронидани он пешниҳод карда

мешавад ё не, саволҳои онд, ки бояд ҷавобӣ асоснок гуфт.

Ҳамин тариқ, дар асоси гуфтаҳои боло, бо мақсади дарёфти ҷавобҳои дуруст ба саволҳои гузашташуда, омӯзиши назарияи илмӣ алоқаманд ба масъалаҳои амали тафтишотӣ ва ФОҶ, муайян намудани қаробат ва фарқияти онҳо, асосҳои меъёрӣ-ҳуқуқии танзими онҳо, аниқ ва мушаххас намудани мушкилоти муаммоҳои амалӣ, дарёфти роҳҳои ҳалли онҳо, тақлифҳои судманд баҳри рушди мурофиаи ҷиноятӣ дар ин самт мавзӯи мазкур ба сифати предмети тадқиқот интихоб карда шуда, барои муҳокимаи шумо – ҳонандагон чун гузориши масъала бо мақсади бедор намудан ва дарёфти андешаҳои судманд, пешниҳод карда мешавад.

Адабиёти истифодашуда

1. Кодекси ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 21 майи с. 1998, № 574 // Ахбори Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон с. 1998, № 9, мод. 68, мод. 69, № 22, мод. 306; с. 1999, № 12, мод. 316; с. 2001, № 4, мод. 149, мод. 167 (бо тағйири иловаҳо аз 13.11.2023, № 1984, аз 13.11.2023, № 1985, аз 20.06.2024, № 2050).
2. Кодекси мурофиаи ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 3-юми декабри соли 2009, таҳти № 564 // Ахбори Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон, аз соли 2009, №12, мод. 815, мод. 816; (бо тағйири иловаҳо аз 03.01.2024 № 2017).
3. Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон “Дар бораи фаъолияти оперативӣ-ҷустуҷӯӣ” аз 25 марти соли 2011, таҳти №687 // Ахбори Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон, 2011, №3, мод. 155; 2014, №7, қ. 1, мод. 387; Қонуни ҚТ аз 18. 07. 2017, №1447.
4. Кодекси мурофиаи-ҷиноятӣ Ҷумҳурии Қазоқистон аз 4 июли с. 2014, № 231-V ЗРК // [Манбаи электронӣ] - Речаи воридшавӣ: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> (санаи мурочиат: 14.09.2024 г.).
5. Бочинин, С.А. Следственные действия как способ собирания доказательства в досудебном производстве: автореф... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Сергей Александрович Бочинин. – М., 2014. – 27 с.
6. Искандаров, З.Ҳ., Сафарзода, А. Истифодаи натиҷаҳои фаъолияти оперативӣ-ҷустуҷӯӣ дар мурофиаи ҷиноятӣ / З.Ҳ. Искандаров, А. Сафарзода // Осори Академияи ВҚД Ҷумҳурии Тоҷикистон. - 2019. – № 3 (43). – С. 51-57.
7. Маркушин, А.Г. Оперативно-розыскная деятельность / А.Г. Маркушин. - 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2024. - 375 с.
8. Мачидзода, Ҷ.З. Тафсир ба Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи фаъолияти оперативӣ-ҷустуҷӯӣ». – Душанбе, 2015. - 440 с.
9. Махмудов, И.Т. Истифодаи натиҷаҳои фаъолияти оперативӣ-ҷустуҷӯӣ дар фаъолияти исботкунӣ бо парвандаҳои ҷиноятӣ / И.Т. Махмудов // Қонуният. Нашри махсус. – 2014. – № 5. – С. 42-47.
10. Раҳимзода, Р.Ҳ. Фаъолияти оперативӣ-ҷустуҷӯӣ. Қисми умумӣ. Нашри 5-ум. – Душанбе: «ЭР-граф», 2022. – 776 с.

References

1. Criminal Code of the Republic of Tajikistan dated May 21, 1998, No. 574 // Bulletin of the Supreme Assembly of the Republic of Tajikistan dated 1998, No. 9, Art. 68, Art. 69, No. 22, Art. 306; dated

1999, No. 12, Art. 316; dated 2001, No. 4, Art. 149, Art. 167 (as amended and supplemented on 13.11.2023, No. 1984, dated 13.11.2023, No. 1985, dated 20.06.2024, No. 2050).

2. Criminal Procedure Code of the Republic of Tajikistan dated December 3, 2009, No. 564 // Bulletin of the Supreme Assembly of the Republic of Tajikistan, dated 2009, No. 12, Art. 815, Art. 816; (as amended and supplemented from 03.01.2024 No. 2017).

3. Law of the Republic of Tajikistan “On Operational-Search Activities” dated March 25, 2011, No. 687 // Bulletin of the Supreme Assembly of the Republic of Tajikistan, 2011, No. 3, Art. 155; 2014, No. 7, p. 1, Art. 387; Law of the Republic of Tajikistan dated 18. 07. 2017, No. 1447.

4. Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan dated July 4, 2014, No. 231-V ZRK // [Electronic resource] - Access schedule: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> (access date: 14.09.2024).

5. Bochinin, S.A. Investigative actions as a method of collecting evidence in pre-trial proceedings: author's abstract... candidate of legal sciences: 12.00.09 / Sergey Aleksandrovich Bochinin. - M., 2014. - 27 p.

6. Iskandarov, Z.N., Safarzoda, A. The use of the results of operational-search activities in criminal proceedings / Z.N. Iskandarov, A. Safarzoda // Proceedings of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan. - 2019. - No. 3 (43). - Pp. 51-57.

7. Markushin, A.G. Operational-search activity / A.G. Markushin. - 6th ed., revised and enlarged. - M.: Yurait, 2024. - 375 p.

8. Majidzoda, J.Z. Commentary on the Law of the Republic of Tajikistan “On operational-search activities”. – Dushanbe, 2015. - 440 p.

9. Mahmudov, I.T. The use of the results of operational-search activities in evidentiary activities in criminal cases / I.T. Mahmudov // Law. Special edition. – 2014. – No. 5. – Pp. 42-47.

10. Rahimzoda, R.H. Operational-search activities. General part. 5th edition. – Dushanbe: “ER-graf”, 2022. – 776 p.

УДК 342.76

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ**

**БАЪЗЕ ҶАНБАҲОИ РИОЯИ ҲУҚУҚИ ИНСОН ДАР ШАРОИТИ МУҚОВИМАТ
БА ТЕРРОРИЗМ**

**SOME ASPECTS OF HUMAN RIGHTS OBSERVANCE IN THE CONTEXT
OF COUNTERING TERRORISM**

КАЛЬЧЕНКО Н.В.
KALCHENKO N.V.

*Доцент кафедры теории и истории права и государства
Волгоградской Академии МВД России, кандидат
юридических наук, доцент
Дотсенти кафедраи назария ва таърихи ҳуқуқ ва давлати
Академияи ВҚД Россия дар ш. Волгоград,
номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсент
Associate Professor at the Department of Theory and History of
Law and State of Volgograd Academy of the MIA of Russia,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor*

e-mail:
kalchenko_nv@mail

Научная специальность: 12.00.02 – Конституционное право; право конституционного судебного процесса; правовое регулирование местной власти (5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки).

Ихтисоси илмӣ: 12.00.02 – Ҳуқуқи конституционӣ; ҳуқуқи муҳофизати судии конституционӣ; танзими ҳуқуқи ҳокимияти маҳаллӣ (5.1.2. Илмҳои ҳуқуқӣ-оммавӣ (ҳуқуқӣ-давлатӣ)).

Scientific specialty: 12.00.02 – Constitutional law; constitutional litigation; legal regulation of local authorities (5.1.2. Public law (state law) sciences).

Рецензент: Лукьяновская О.В. – доцент кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин Волгоградского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), кандидат юридических наук, доцент.

Тақриздиханда: ЛУКЯНОВСКАЯ О.В. – дотсенти кафедраи назария ҳуқуқ ва фанҳои давлатӣ-ҳуқуқи Донишкадаи идоракунии Академияи Россиягии хоҷагии халқ ва хизмати давлатии назди Президенти Федератсияи Россия (АРХХваХД) дар ш. Волгоград, номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсент.

Reviewer: LUKYANOVSKAYA O.V. – Associate Professor of the Department of Theory of Law and State and Legal Disciplines of the Volgograd Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPА), Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Аннотация: Объектом исследования в статье являются некоторые аспекты государственного механизма противодействия терроризму. Автор обращает внимание на позицию Организации Объединенных Наций по данному вопросу, а также анализирует отдельные положения российских нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность, связанную с ограничением прав человека в ходе контртеррористической операции и в условиях правового режима контртеррористической операции.

Ключевые слова: противодействие терроризму, правовой режим, контртеррористическая операция, ограничения прав человека.

Аннотатсия: Объекти тадқиқоти мақола баъзе ҷанбаҳои механизми давлатии мубориза бо терроризм мебошад. Муаллиф ба ақидаи Созмони Милали Муттаҳидро дар ин масъала таваҷҷуҳ намуда, инчунин муқаррароти алоҳидаи санадҳои меъёрии ҳуқуқии россиягиро, ки ғайриқонунӣ ва ба маҳдуд кардани ҳуқуқи инсон дар ҷараёни гузаронидани амалиёти зиддитеррористӣ ва дар заминаи речаи ҳуқуқии амалиёти зиддитеррористӣ танзим мекунад, таҳлил кардааст.

Возжаҳои калидӣ: муқовимат ба терроризм, речаи ҳуқуқӣ, амалиёти зиддитеррористӣ, маҳдуд кардани ҳуқуқи инсон.

Annotation: The object of the research in the article is some aspects of the state mechanism for countering terrorism. The author draws attention to the position of the United Nations on this issue, and also analyzes certain provisions of Russian normative legal acts regulating activities associated with the restriction of human rights during a counter-terrorist operation and in the conditions of the legal regime of a counter-terrorist operation.

Key words: countering terrorism, the legal regime of counter-terrorist operations, restrictions on human rights.

Анализ современной социально-политической обстановки в России позволяет признать наличие перманентного состояния террористической угрозы. С течением времени меняются ее формы, цели и исполнители, но неизменной остается агрессивная деструктивная сущность, а также способность влиять на состояние национальной безопасности в целом. Мотивы идеологов, организаторов и исполнителей террористических актов не могут служить оправданием их априори бесчеловечной деятельности; терроризм как радикальный способ достижения какой бы то ни было цели, должен быть порицаем.

Заметим, что указанные факторы государствами, борющимися с терроризмом, могут рассматриваться в качестве решающих аргументов при выборе жестких методов противодействия данному злу. Известный принцип «цель оправдывает средства» нередко воспринимается ими буквально, в качестве своего рода индульгенции, позволяющей бороться с терроризмом методами, сопряженными с грубыми нарушениями прав человека. К ним относятся: пытки, жестокое обращение, ликвидация террористов, скрывшихся с места преступления и обнаруженных спустя какое-то время (без предоставления им возможности добровольной сдачи, без права на юридическую защиту и презумпцию невиновности), а также иные

действия, как правило, запрещенные уголовным законом государства.

Подобная модель противодействия терроризму не нова и давно практикуется рядом государств (США, Израиль). Специалисты отмечают ее неконституционный характер, поскольку она со всей очевидностью приводит к нарушению баланса конституционно значимых ценностей [7].

Отметим, что к числу таковых относятся интересы публичного (общественная безопасность) и частного (личная безопасность) характера, в равной мере гарантируемые конституцией.

Таким образом, особое значение приобретает вопрос соотношения этих интересов и возможность придания приоритета первому (отражающему интересы всего общества) по отношению ко второму (отражающему интересы отдельной личности). Очевидно, что применение репрессивных мер повышает результативность противодействия террору. Вместе с тем, существует реальная опасность «привыкания» государства к использованию неконституционных и в целом противозаконных, но при этом быстрых и эффективных способов решения поставленных задач. Отмечу высокую степень вероятности возникновения соблазна обращения к ним вновь и вновь,

причем ареал достигаемых при этом целей может существенно расширяться. Подобная практика, опирающаяся на известный принцип «цель оправдывает средства», деструктивно воздействует на общественное сознание, укореняя в нем представления о допустимости незаконного насилия как способа достижения общественного благополучия. Обретая характер вектора правовой политики государства, она постепенно приводит к умалению его роли как оплота законности и справедливости.

Сказанное подчеркивает необходимость формирования на государственном уровне механизма противодействия терроризму, органично сочетающего эффективность в достижении поставленных целей с гуманизмом и уважением прав человека. Эта идея не нова, она была закреплена еще в 2006 г. в Глобальной контртеррористической стратегии Организации Объединенных Наций, принятой в виде резолюции государствами-членами. В этом документе подчеркивается обязанность государств обеспечить положение, при котором «любые меры, принимаемые в целях борьбы с терроризмом, соответствовали бы их обязательствам по международному праву, в частности, нормам в области прав человека, беженскому праву и международному гуманитарному праву» [2].

Следует добавить, что контртеррористическим комитетом Совета Безопасности ООН неоднократно делался акцент на проблемах практики противодействия терроризму в разных государствах. Особое внимание Совет уделял следующим проблемам: наличию расплывчатых определений понятия «террористические акты» в национальном законодательстве; отсутствию четкой регламентации правовой процедуры обращения с подозреваемыми в терроризме, основанной на международных стандартах в этой области; дискриминации в отношении указанных субъектов; злоупотреблению контртеррористическими мерами; отсутствию независимых механизмов надзора и т.д. [5].

Российский законодатель определяет понятие «противодействие терроризму» как

деятельность, осуществляемую по трем направлениям:

- предупреждение (профилактика) терроризма,
- выявление, предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование террористического акта (борьба с терроризмом);
- минимизация и (или) ликвидация последствий проявлений терроризма [1].

Результативность усилий государства по каждому из направлений достижима лишь в условиях применения принудительных мер, сопряженных с ограничением прав и свобод человека.

Институт ограничения прав и свобод в условиях любого общества, на любой стадии его эволюционного развития выступает традиционным элементом механизма государственного управления, однако в условиях перманентной террористической угрозы он со всей очевидностью приобретает масштаб и характер существенного вторжения в сферу личных и иных интересов индивида, затрагивая его личное пространство, частную жизнь, личную неприкосновенность и иные блага. Указанное обстоятельство подчеркивает необходимость, во-первых, четкой законодательной регламентации всех ограничительных мер, применяемых от имени государства (закономерно, что данная проблема оказалась в фокусе внимания Совета Безопасности ООН), а во-вторых - обоснование их необходимости, особенно при применении в отношении законопослушных граждан. Это, в частности, касается ограничений, применяемых в условиях правового режима контртеррористической операции и затрагивающих всех лиц, находящихся на территории его действия.

В любом законе, устанавливающем ограничения прав и свобод человека, наиболее уязвимыми являются правовые конструкции, использующие оценочные категории и понятия, поскольку их толкование возлагается на правоприменителя и всецело зависит от его усмотрения. В тексте ФЗ «О противодействии терроризму» обращает на себя внимание положение, касающееся обязанности руководителя федерального

органа исполнительной власти в области обеспечения безопасности уведомлять о введении правового режима контртеррористической операции и о территории, в пределах которой она проводится, Президента Российской Федерации и иных высших должностных лиц государства. Указанная обязанность возникает в случае, «если для проведения контртеррористической операции требуются *значительные* силы и средства и она охватывает территорию, на которой проживает *значительное* число людей». Понятие «значительный» в качестве количественного показателя носит однозначно субъективный характер, что, по мнению исследователей, дает правоприменителю возможность произвольно трактовать нормы, и, следовательно, злоупотреблять предоставленными ему правами [8].

Конституционный Суд РФ неоднократно обращал внимание на необходимость соразмерности публичных и частных интересов при реализации ограничительных мер, а также отмечал, что «принципы определенности и соразмерности требуют установления законодателем четких и разумных временных рамок допускаемых ограничений прав и свобод» [4].

Правовой режим контртеррористической операции (далее - КТО) вводится в соответствии с ч. 1 ст. 11 ФЗ «О противодействии терроризму» на период проведения этой операции, однако конкретные сроки, либо их зависимость от определенных событий законодателем не установлены. Срок проведения самой КТО законом не ограничивается и определяется ее руководителем в зависимости от конкретных условий и вариантов развития ситуации. Логично предположить, что длительность этого срока выгодна субъектам противодействия терроризму, поскольку, во-первых, в условиях массовых ограничений прав и свобод человека проще достигать поставленных целей служебной деятельности, а во-вторых, в условиях режима КТО сотрудники правоохранительных органов получают соответствующие денежные надбавки.

Однако законопослушные граждане, осуществляющие жизнедеятельность в условиях данного режима, могут испытывать дискомфорт от длительного воздействия массовых ограничительных мер. Например, в Чеченской Республике режим КТО (вторая кампания) длился более девяти лет. Подобное положение представляется недопустимым; чрезмерно длительное ограничение прав и свобод фактически приводит к их нарушению. Законодателю необходимо установить максимальный временной предел продолжительности периода режима контртеррористической операции. Не следует исключать возможность продления его сроков по аналогии с процедурой продления режима чрезвычайного положения. Во всяком случае, этот вопрос может стать предметом обсуждения.

В соответствии с Концепцией противодействия терроризму в Российской Федерации соответствующая нормативно-правовая база должна отвечать следующим требованиям:

- а) гибко и адекватно реагировать на постоянные изменения способов, форм, методов и тактики деятельности субъектов террористической деятельности;
- б) учитывать международный опыт, реальные социально-политические, национальные, этноконфессиональные и другие факторы;
- в) определять компетенцию субъектов противодействия терроризму, адекватную угрозам террористических актов;
- г) устанавливать ответственность физических и юридических лиц за несоблюдение требований законодательства Российской Федерации в области противодействия терроризму;
- д) определять адекватные угрозам террористических актов меры стимулирования и социальной защиты лиц, участвующих в мероприятиях по противодействию терроризму;
- е) обеспечивать эффективность уголовного преследования за террористическую деятельность [3].

К данному перечню целесообразно добавить ряд условий, которые должны быть

учтены в процессе нормативно-правовой регламентации ограничений прав и свобод человека.

1. Ограничения должны быть предусмотрены федеральными конституционными, либо федеральными законами; подзаконные нормативно-правовые акты могут устанавливать механизм их реализации, но не могут расширять ни перечень самих мер, ни перечень оснований допустимого их применения, ни круг субъектов, которым они адресованы.

2. Ограничения должны быть мерой исключительного характера, применяться по мере востребованности и преследовать только те цели, которые охватываются понятием «противодействие терроризму».

3. Ограничительные меры не должны принимать форму дискриминации личности по этническому, расовому, религиозному и т.п. признакам.

Последнее из названных условий особенно актуально для государств, отличающихся полиэтничным и поликонфессиональным разнообразием. К сожалению, можно констатировать, что практика противодействия терроризму (особенно в форме предупреждения) в новейшей истории ряда государств характеризуется предвзятым отношением к представителям определенных этнических, расовых и конфессиональных групп. Указанные лица нередко становятся объектом внимания со стороны правоохранительных органов в силу своей этнической

и т.п. принадлежности. Более того, это влечет применение в отношении них ряда ограничительных мер (проверка документов, личный досмотр, досмотр вещей и автотранспорта и др.), причем осуществляемых как выборочно, так и массово. Разумеется, подобные методы предупреждения преступлений в целом и терроризма в частности имеют характер нарушений прав человека.

Следует также отметить, что соблюдение законодательно установленных оснований и пределов ограничений прав и свобод должно исключать ситуации, когда применяемое от имени государства принуждение фактически становится средством внесудебного наказания (например, при умышленном нанесении увечья лицу, задержанному по подозрению в совершении теракта). В этом случае вред причиняется не только лицу, но и государству, авторитет которого может пострадать в глазах как собственных граждан, и мирового сообщества в целом.

Проблема обеспечения прав человека в условиях противодействия терроризму многоаспектна и сложна. Государству, стремящемуся к обеспечению режима террористической безопасности, следует выстраивать свою правовую политику в данном направлении очень взвешенно, избегая возможности трансформации права в инструмент репрессивного воздействия, ибо, как точно заметил Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин, «сон права рождает произвол» [6].

Использованная литература

1. Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06 марта 2006 г., № 35-ФЗ (ред. от 10.07.2023) // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.08.2024).
2. Глобальная контртеррористическая стратегия Организации Объединенных Наций: Резолюция 60/288 Генеральной Ассамблеи ООН от 08 сентября 2006 г. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/terrorism/strategy-counter-terrorism.shtml> (дата обращения 01.08.2024).
3. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации: утверждена Президентом Российской Федерации 05 октября 2009 г. // Российская газета. – № 198. 20.10.2009 г.
4. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 1998 г., № 86-О «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» по жалобе гражданки И.Г. Черновой» // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.08.2024).
5. Контртеррористический комитет Совета Безопасности Организации Объединенных Наций: официальный сайт // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.un.org/securitycouncil/ctc/ru/content/human-rights> (дата обращения: 01.08.2024).

6. Зоркин, В. Сон права рождает произвол // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rg.ru/2017/06/06/valerij-zorkin-son-prava-rozhdaet-proizvol.html> (дата обращения: 01.08.2024).

7. Нардина, О.В. Конституционно-правовые модели противодействия терроризму / О.В. Нардина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2021. Т. 21, – Вып. 4. – С. 458-467 // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionno-pravovye-modeli-protivodeystviya-terrorizmu> (дата обращения: 01.08.2024).

8. Нардина, О.В. Является ли исключительным режим контртеррористической операции? Различия в конституционно-правовом регулировании в зависимости от ответа на поставленный вопрос / О.В. Нардина // Вести Волгоградского государственного университета. Серия 5. Юриспруденция. – 2011. – № 5-14. – С. 61-66 // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/yavlyaetsya-li-isklyuchitelnyim-rezhim-kontrterroristicheskoy-operatsii-razlichiya-v-konstitutsionno-pravovom-regulirovanii-v> (дата обращения: 01.08.2024).

References

1. Federal Law "On Combating Terrorism" of March 6, 2006, No. 35-FZ (as amended on July 10, 2023) // [Electronic resource] - Access mode: <https://www.consultant.ru/> (date of access: August 1, 2024).

2. The United Nations Global Counter-Terrorism Strategy: UN General Assembly Resolution 60/288 of September 8, 2006 // [Electronic resource] - Access mode: <http://www.un.org/ru/terrorism/strategy-counter-terrorism.shtml> (date of access 08/01/2024).

3. The Concept of Countering Terrorism in the Russian Federation: approved by the President of the Russian Federation on October 5, 2009 // Rossiyskaya Gazeta. – No. 198. 10/20/2009

4. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 14, 1998, No. 86-О "On the case of verifying the constitutionality of certain provisions of the Federal Law "On operational-search activities" based on the complaint of citizen I.G. Chernova" // [Electronic resource] - Access mode: <https://www.consultant.ru/> (date of access: 08/01/2024).

5. Counter-Terrorism Committee of the United Nations Security Council: official website // [Electronic resource] - Access mode: <https://www.un.org/securitycouncil/ctc/ru/content/human-rights> (date of access: 08/01/2024).

6. Zorkin, V. The Sleep of Law Gives Birth to Arbitrariness // [Electronic resource] - Access mode: <https://rg.ru/2017/06/06/valerij-zorkin-son-prava-rozhdaet-proizvol.html> (date of access: 08/01/2024).

7. Nardina, O. V. Constitutional and legal models of counteracting terrorism / O. V. Nardina // Bulletin of the Saratov University. New series. Series: Economics. Management. Law. - 2021. V. 21, - Issue. 4. - P. 458-467 // [Electronic resource] - Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionno-pravovye-modeli-protivodeystviya-terrorizmu> (date of access: 08/01/2024).

8. Nardina, O.V. Is the counter-terrorism operation regime exceptional? Differences in constitutional and legal regulation depending on the answer to the question posed / O.V. Nardina // Vesti of Volgograd State University. Series 5. Jurisprudence. - 2011. - No. 5-14. - P. 61-66 // [Electronic resource] - Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/yavlyaetsya-li-isklyuchitelnyim-rezhim-kontrterroristicheskoy-operatsii-razlichiya-v-konstitutsionno-pravovom-regulirovanii-v> (date of access: 01.08.2024).

ТДУ 342.4:340.11

**ШУУРИ ҲУҚУҚИИ КОНСТИТУТСИОНӢ ҲАМЧУН АСОСИ ТАЪМИНКУНАНДАИ
АМНИЯТИ ҶОМЕА**

**КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВОСОЗНАНИЕ КАК ОСНОВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ
БЕЗОПАСНОСТИ ОБЩЕСТВА**

**CONSTITUTIONAL LEGAL CONSCIOUSNESS AS A BASIS FOR ENSURING THE
SECURITY OF SOCIETY**

МАНСУРЗОДА А.М.
MANSURZODA A.M.

*Сардори факултети № 2-юми Академияи ВҚД
Ҷумҳурии Тоҷикистон, номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсент,
подполковники милиция*

*Начальник факультета № 2 Академии МВД Республики
Таджикистан, кандидат юридических наук, доцент,
подполковник милиции*

*Head of the faculty No. 2 of the Academy of the MIA of the Republic
of Tajikistan, candidate of Law, associate professor,
lieutenant colonel of militia*

e-mail:
tam300986@mail.ru

Ихтисоси илмӣ: 12.00.02 – Ҳуқуқи конститусионӣ; ҳуқуқи муҳофизати судии конститусионӣ; танзими ҳуқуқи ҳокимияти маҳаллӣ (5.1.2. Илмҳои ҳуқуқӣ-оммавӣ (ҳуқуқӣ-давлатӣ)).

Научная специальность: 12.00.02 – Конституционное право; право конституционного судебного процесса; правовое регулирование местной власти (5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки).

Scientific specialty: 12.00.02 – Constitutional law; constitutional litigation; legal regulation of local authorities (5.1.2. Public law (state law) sciences).

Тақриздиханда: РАҶАБЗОДА Р.М. - Раиси Кумитаи Маҷлиси намояндагони Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон оид ба қонунгузорӣ ва ҳуқуқи инсон, доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсент.

Рецензент: РАДЖАБЗОДА Р.М. - Председатель Комитета Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан по законодательству и правам человека, доктор юридических наук, доцент.

Reviewer: RAJABZODA R.M. - Chairman of the Committee of the Majlisi Namoyandagon of the Majlisi Oli of the Republic of Tajikistan on Legislation and Human Rights, Doctor of Law, Associate Professor.

Анотатсия: Дар мақола вобаста ба масъалаи шуури ҳуқуқи конститусионӣ ибрази андеша карда шудааст. Гуфта мешавад, ки шуури ҳуқуқи конститусионӣ барои таъмини амнияти ҷомеа нақши муҳим дорад. Сиёсати ҳуқуқи давлат аз Конститутсия сарчашма мегирад ва омӯзиши муҳтавои он бояд дар сатҳи зарурӣ ба роҳ монда шавад. Юа ақидаи муаллиф, норасоии омӯзгорони фанни асосҳои давлат ва ҳуқуқ яке аз масъалаҳои муҳим доништа мешавад. Маҳз барои ин, мутобиқи таҳлил вазъи шуури ҳуқуқи конститусионии аҳоли имрӯз беҳбудиро тақозо менамояд.

Важҳҳои калидӣ: Конститутсия, шуури ҳуқуқӣ, амнияти ҷомеа, таҳсилоти умумӣ, сиёсати ҳуқуқӣ, сиёсати давлатӣ, асосҳои давлат ва ҳуқуқ.

Аннотация: В статье изложено авторское мнение относительно вопроса конституционного правосознания. Отмечается, что конституционное правосознание играет важную роль в обеспечении общественной безопасности. Правовая политика государства берет свое начало от Конституции и изучение ее содержания должно проводиться на необходимом уровне. По мнению автора, одной из важных проблем является нехватка преподавателей по предмету основ государства и права. Именно поэтому, согласно проведенному анализу, состояние конституционного правосознания населения на сегодняшний день требует переосмысления.

Ключевые слова: Конституция, правосознание, общественная безопасность, общее образование, правовая политика, государственная политика, основы государства и права.

Annotation: The article presents the author's opinion on the issue of constitutional legal consciousness. It is noted that constitutional legal consciousness plays an important role in ensuring public safety. The legal policy of the state originates from the Constitution and the study of its content should be carried out at the required level. According to the author, one of the important problems is the lack of teachers on the subject of the fundamentals of state and law. That is why, according to the analysis, the state of constitutional legal consciousness of the population today requires rethinking.

Key words: Constitution, legal consciousness, public safety, general education, legal policy, state policy, foundations of the state and law.

Дар замони муосир бунёди ҷомеаи демократӣ ва ҳуқуқбунёдро бе рушди шуури ҳуқуқӣ, пеш аз ҳама шуури ҳуқуқии конституционӣ тасаввур намудан ғайри имкон аст. Маҳз шуури ҳуқуқии конституционӣ имконият медиҳад, ки шахс аз сиёсати давлатӣ ва сиёсати ҳуқуқии мамлакат боҳабар гардад.

Бояд ибраз намуд, ки шуур худ калимаи арабиас буда, маънояш хис кардан, дарёфттан, идрок, фаросат, фаҳм, шуур доштан, фаросат доштан, соҳиби идрок будан мебошад [14, с. 362].

Шуури ҳуқуқии конституционӣ бошад ин маҷмуи ҳиссиёт, тасаввурот, идрок ва эҳсосоти одамон оид ба Конститутсия, падида ва меъёрҳои он мебошад. Профессор Н.В. Мамитова шуури ҳуқуқии конституциониро ҳамчун чузби шуури ҷамъиятӣ ва шуури ҳуқуқӣ баён намуда, онро ҳамчун ифодакунандаи муносибати ҷомеа ба ғояҳо ва арзишҳои конституционӣ медонад [11, с. 13]. Ба андешаи Э.Э. Баринов шуури ҳуқуқии конституционӣ ин шакли олии шуури ҳуқуқӣ буда, муносибати шахс, коллектив ва дар умум ҷомеа ро нисбат ба қонуни асосӣ ва дигар санадҳои меъёрии ҳуқуқии конституционӣ, инчунин амалияи тадбиқи онҳо «...» инъикос менамояд. Аз ин рӯ, ибраз карда мешавад, ки шуури ҳуқуқии конституционӣ асоси ташаккул ва инъикоси дигар

шаклҳои соҳавии шуури ҳуқуқиро ташкил медиҳад [9, с. 10].

Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон (минбаъд: Конститутсия) вобаста ба мақом дар низоми санадҳои меъёрии ҳуқуқии кишвар дар ҷойи аввал қарор дорад [3]. Конститутсия асоси сиёсати ҳуқуқии Ҷумҳурии Тоҷикистонро ташкил медиҳад. Дар маҷмуъ низоми ҳуқуқии кишвар аз Конститутсия сарчашма мегирад ва бояд ба он мутобиқат намояд. Қонунҳо ва дигар санадҳои меъёрии ҳуқуқие, ки ба Конститутсия муҳолифат менамоянд, эътибори ҳуқуқӣ надоранд.

Бояд таъкид дод, ки Конститутсия санади олии ҳуқуқӣ мебошад, ки пойдоории давлату миллат аз он вобаста аст. Дар он муносибати муҳимми ҷамъиятӣ, аз қабилҳои асосҳои сохтори конституционӣ, ҳуқуқу озодиҳои асосии инсон ва шахрванд, муносибати байниҳамдигарии шахс ва давлат, тарзи ташкили мақомоти олии ҳокимияти давлатӣ ва муносибати байниҳамдигарии онҳо ба танзим дароварда шудааст. Гузашта аз ин, дар Конститутсия масъулият ва вазифаи ҳалқи тоҷик дар назди наслҳои гузашта, ҳозира ва оянда дарҷ гардидааст, ки дарки ҳамаҷонибаи муҳтавои он барои ҳар як шахс муҳим ва зарур мебошад.

Конститутсияи Тоҷикистони соҳибистиклол ҳамчун ҳуҷҷати

сарнавиштсоз дар роҳи эъмори давлатдорӣ навини тоҷикон, пайвастанӣ он бо ҷомеаи ҷаҳонӣ ва ҳифзи манфиатҳои милливу давлатӣ, таъмини сулҳу субот, ваҳдати милли ва ҳуқуқу озодихоӣ инсон нақши барҷастаи таърихӣ дорад [7]. Бояд иброз намуд, ки солҳои аввали Истиқлоли давлатӣ зуд омода ва қабул нагардидани Конститутсия ва таҳи ҷаҳор сол идома ёфтани раванди омодамоии ин санади тақдирсоз як андоза вазъи ҷомеаро мушкил гардонид. Дар ҳамон шабу рӯз омода ва қабул намудани Конститутсия – ҳамчун хуччати муҳимми стратегӣ, ки роҳи минбаъдаи рушди ҷомеа ва давлатро муайян месохт, амри зарурӣ ба ҳисоб мерафт. Набудани санади асосии ҳуқуқӣ дар низомӣ қонунгузорӣ ва давлатдорӣ кишвар муҳити холигиро дар ҷомеа ба вучуд овард.

Вобаста ба ин масъала профессор З. Ализода ба маврид иброз менамоянд, ки Сарвари давлат муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон аз рӯзҳои аввали раиси Шурои Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон интиҳоб гардидашон ба масъалаи ҳарчи зудтар омода ва қабул намудани қонуни асосӣ таваҷҷуҳ менамуданд. Аз ҷумла, муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон иброз намуда буданд, ки «Яке аз омилҳои асосии устувории иҷтимоӣ сиёсии ҷомеа Қонуни асосӣ ва қонунҳои мебошанд, ки ба талаботи шароити замон ҷавобгӯ ҳастанд. Як қатор бахшҳои муҳимми Қонуни асосии ҷумҳурӣ ва дигар қонунҳои, ки дар заминаи онҳо таҳия гардидаанд, куҷо шудаанд ва ба меъёрҳои ҳуқуқи байналмилалӣ рост намеоянд. Аз ин рӯ, имрӯз барои мо вазифаи аз ҳама муҳим ин тайёр намудан ва қабул кардани Қонуни асосии кишварамон мебошад» [10]. Хушбахтона, зеро сиёсати хирадмандона ва дурбинонаи Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон – ҳамчун раиси Комиссияи конституционӣ омода ва қабул гардидани Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон марҳила ба марҳила низомӣ давлатдориро ба танзим дароварда, ҷиҳати барқарор гардидани сулҳу субот ва амният дар ҷомеа мусоидат намуд.

Имрӯз яке аз заминаҳои рушд ва пойдорӣ давлат, инчунин таъмини амнияти

шаҳрвандон аз сатҳи шуури ҳуқуқии конституционӣ аҳоли вобаста мебошад. Сатҳи зарурии донишҳои конституционӣ шароит фароҳам меорад, ки шахс аз ҳуқуқу озодӣ ва вазифаҳои инсон ва шаҳрванд боҳабар гардида, дар ҳалли масъалаҳои ҷамъиятӣ таҳаммулпазирона муносибат намуда, дар ҳаёти ҷамъиятиву сиёсӣ фаъолона ширкат варзида, ба имрӯзу ояндаи миллат бо назари неқ нигоҳ меафканад. Паст будани сатҳи шуури ҳуқуқии конституционӣ шаҳрвандон метавонад сабабгори омилҳои зиёди манфӣ гардад. Аз ҷумла, хангоми паст будани сатҳи шуури ҳуқуқии конституционӣ шахс аз сиёсати ҳуқуқӣ ва сиёсати давлатӣ боҳабар намегардад ва чунин шахсон зуд метавонанд фирифтаи ҳаргуна гуруҳҳои ҷиноятпеша гарданд. Масалан, бо надони-стани меъёрҳои Конститутсия шахс наме-тавонад дар ҳаёти сиёсии кишвар фаъолона ва дуруст иштирок намояд. Таъсис додани ҳизбҳои сиёсӣ, иттиҳодияҳои ҷамъиятӣ ва созмонҳо, инчунин иштирок дар ҳайати онҳо аз шахс донишҳои зарурии сиёсиву ҳуқуқиро тақозо менамояд.

Ҳар як амали нодуруст ва хилофи қонун дар ин самт ба амнияти давлату ҷамъият ва истиқлолияти давлатӣ метавонад хатар эҷод намояд. Мисоли равшан ин раванди демократикунонии босуръати ноозмуда дар охири солҳои 80-ум ва аввали солҳои 90-уми асри гузашта буд, ки боиси сар задани муноқишаҳои мусаллаҳона дар ҳудуди як қатор кишварҳо ва дар ниҳояти қор пош хӯрдани Иттифоқи Ҷумҳуриҳои Шуравии Сотсиалистӣ гардид. Инчунин, амалу фаъолияти нодурусти ҳизбу ҳаракатҳои навтаъсис ва ё худпешбар дар солҳои аввали ба даст овардани Истиқлолияти давлатӣ дар Тоҷикистон сабабгори ҷанги шаҳрвандӣ ва бӯҳрони сиёсиву иқтисодӣ ва иҷтимоиву фарҳангӣ гардиданд [12, с. 93].

Профессор Ҷ.М. Зоир дуруст иброз менамоянд, ки харобшавӣ, «Диффузия»-и ҳокимият дар оғози солҳои 90-ум нафақат натиҷаи сусти сиёсии он ва бетаҷрибагии роҳбарияти ҷумҳурии тозаистиқлол, балки оқибати набудани заминаи хуби ҳуқуқии ташкили фаъолияти институтҳои

асосии ҳокимияти давлатӣ мебошад, ки он аз 24 августи соли 1990 аз рӯзи қабули Эълومияи истиқлолияти Тоҷикистон сарчашма мегирад. Системаи ҳуқуқии дар ин давра дар Тоҷикистон ҳукмрон буда аз рӯи мундариҷа ва вазифаҳои худ ба речаи дигари сиёсӣ ҳуқуқӣ, ба воқеияти дигари иҷтимоӣ иқтисодӣ мутобиқ карда шуд [13, с. 64]. Дар воқеъ ҳангоми гузариш аз як низом ба низомӣ дигар сиёсати ҳуқуқӣ низ тағйир меёбад. Аз ин рӯ, мутобиқ намудани низомӣ нави давлатдорӣ танҳо тавассути қонунгузорӣ, пеш аз ҳама Конститутсия амри зарурӣ мебошад.

Гузашта аз ин, сатҳи пасти шуури ҳуқуқии конститусионӣ яке аз омилҳои бенизомӣ ва содир намудани ҳуқуқвайронкуниҳо мебошад. Меъёрҳои Конститутсия ҳуқуқу озодӣ ва вазифаҳои ҳар як касро муайян намудааст. Санади мазкур вазифадор менамояд, ки ҳар як шахс Конститутсия ва қонунҳоро риоя кунад, ҳуқуқ озодӣ шаъну шарафи дигаронро эҳтиром намояд. Чунин донишҳои заминавӣ бояд маҳз дар давраи мактабӣ дастрасӣ ҳамагон гардад. Мактаби миёна дар ташаккули шуури ҳуқуқии конститусионӣ ва ба ин васила, омода намудани насли наврас дар руҳияи эҳтироми байниҳамдигарии шахс ва давлатсозиву давлатдорӣ нақши калидӣ дорад. Зеро на ҳама ба факултетҳои ҳуқуқшиносӣ дохил гардида соҳиби маълумоти ҳуқуқшиносӣ мегарданд. Лекин тибқи Конститутсия таълими умумии асосӣ барои ҳар як шахс ҳатмист. Аз ин рӯ, дар ташаккули шуури ҳуқуқии конститусионӣ нақши мактаби миёна назаррас мебошад.

Дур мондан аз таълиму тадрис дар бисёр мавридҳо шахсро ба кирдорҳои зиддиҳуқуқӣ моил месозад. Таҳлили омор дар 5 сол (аз соли 2018 то соли 2022) собит месозад, ки дар умум дар миқёси ҷумҳурӣ 114012 ҷиноят ба қайд гирифта шудааст*. Бояд иброз намуд, ки аз шумораи умумии ҷиноятҳои ба қайд гирифташуда, танҳо 7,8%—ро шахсони дорои маълумоти олий ва

миёнаи махсус ва 64 %—ро шахсоне, ки дорои маълумоти миёна мебошанд содир намудаанд.

Масъалаи дигаре, ки ҷомеаи кишварро ба ташвиш овардааст ин ҷинояткорӣ байни ноболиғон мебошад, ки қор дар ин самт беҳбудиро тақозо менамояд. Масалан, дар панҷсолаи гузашта солҳои 2016-2020 ҷиноятҳои аз ҷониби ноболиғон ё бо иштироки онҳо содиршуда 3917 (2016-693, 2017-690, 2018-907, 2019-873, 2020-754) ададро ташкил медиҳанд. Масъалаи мазкур то ба имрӯз ташвишовар буда, аз ҷониби онҳо содир намудани ҷиноятҳои гуногун ва дигар ҳуқуқвайронкуниҳо ҷой дорад.

Аз таҳлили мазкур бармеояд, ки сатҳи дониш ва касбияти шахс ҷиҳати пешгирии қачрафторӣ, амалҳои зиддиҳуқуқӣ, аз ҷумла, ҷинояткорӣ мусоидат менамояд. Бесабаб нест, ки мутобиқи қисми 2 моддаи 26 Эълумияи умумии ҳуқуқи инсон мақсади таълим бояд рушди ҳамаҷонибаи шахсияти инсон, афзоиши эҳтиром ба ҳуқуқу озодиҳои инсон бошад. Таълим бояд ба ҳусни тафохум, бурдборию дӯстии миёни тамоми миллатҳо, гурӯҳҳои наҷодӣ ва мазҳабӣ ва ҳамчунин ба вусъати фаъолияти Созмони Милали Муттаҳид дар роҳи ҳифзи сулҳ мусоидат намояд [2]. Аз ин рӯ, бояд ноболиғону ҷавонон ба таълим фаро гирифта шаванд. Тибқи стандартҳои милливу байналмилалӣ мақсади таълим пеш аз ҳама ба ташаккул додани шахсият равона гардидааст. Дур мондан аз ин раванд оқибатҳои манфири барои ҷомеа ба вучуд меорад.

Сабаби асосии ҳуқуқвайронкунӣ байни ноболиғон ин пеш аз ҳама аз таълим дур мондани онҳо мебошад. Дар баъзе ҳолат падару модарон ва ё шахсони онҳоро ивазқунанда, низ ба чунин раванд мусоидат менамоянд ва ё ин ки аз худ бемасъулиятӣ зоҳир мекунанд. Мисоли равшан ин аст, ки дар 10 соли охир аз ҷониби мақомоти ҳифзи ҳуқуқ 1320 ҷинояти монё шудани волидайн ба

* Дар ин давра агар аз ҷониби шахсоне, ки дорои маълумоти олий ва миёнаи махсус мебошанд, дар умум 8904 (дар соли 2018-1993, 2019-1330, 2020-1808, 2021-2400 ва 2022-1373) ҷиноят содир гардида

бошад, пас дар ҳамаи давра аз ҷониби шахсоне, ки дорои маълумоти миёна (пурра ва нопурра) мебошанд дар умум 72864 дар соли 2018-14265, 2019-15636, 2020-14280, 2021-14527 ва 2022-14156) ҷиноят содир гардидааст.

гирифтани таҳсилоти миёнаи асосии фарзандон ошкор гардидааст [8]. Вақте кӯдак аз таълими асосӣ дур мемонад ба кирдорҳои қачрафторона ва ё таълими ғайриқонунии динӣ рӯй меорад, ки оқибати он ба бесаводӣ ва ё ҳамроҳ гардидани ноболиғону ҷавонон ба гурӯҳҳои ҷинояткор оварда мерасонад. Таҳлили омор шаҳодат аз он медиҳад, ки ҷалби ноболиғон ба таълими ғайриқонунии динӣ кам набуда, яке аз масъалаҳои ташвишвар боқӣ мемонад. Мисоли равшан ин дар давраи аз соли 2020 то соли 2023 дар кишвар 680 ҳолати ба таълими ғайриқонунии динӣ фаро гирифтани 5000 нафар таълимгиранда мебошад. Танҳо соли 2023-юм 300 ҳолати таълими ғайриқонунии динӣ ошкор ва ҷалби беш аз 4100 нафар пешгирӣ карда шудааст, ки аз вусъати раванди мағзшуйии кӯдакон, наврасон ва ҷавонон дарак медиҳад [8].

Дар асоси Стратегияи муқовимат ба экстремизм ва терроризм дар Ҷумҳурии Тоҷикистон барои солҳои 2021-2025 Интиқоли ҷангиён-террористон аз минтақаи Ироку Сурия ба минтақаҳои дигар ва дар ин замина тақвият ёфтани мавқеи ташкилоти террористии «Давлати исломӣ» дар Ҷумҳурии Ислонии Афғонистон барои кишварҳои Осиёи Марказӣ хавфи зиёдро ба миён овардааст. Ҳамчунин, созмонҳои экстремистии террористӣ ҷиҳати ба сафҳои худ ҷалб намудани ҷавонон роҳу воситаҳои гуногунро роҳандозӣ менамоянд [5], ки ноболиғону ҷавонони аз таълим дурмонда ҳадафи асосии онҳо мебошанд.

Имрӯз амниятуболи суботи ҷомеа аз сатҳи баланди шуури ҳуқуқии конститусионӣ вобаста аст. Бархурдор будан аз меъёрҳои Конститутсия имконият медиҳад, ки шахс аз ҳуқуқу озодиҳои худ ва дигарон, инчунин, аз вазифаҳои конститусионии шахс огоҳӣ пайдо намояд. Донишмандони ҳуқуқу озодӣ ва вазифаҳои асосӣ имконият фароҳам меорад, ки шахс дар муносибатҳои ҷамъиятӣ аз рӯи қонун амал намояд. Ҳеҷ як шахс наметавонад ба пуррагӣ тамоми санадҳои меъёрии ҳуқуқиро азхуд намояд вале ӯ метавонад як санади ҳуқуқӣ – Конститутсия ва 100

моддаи онро мутолиа намуда, аз муҳтавои он бохабар гардад. Бояд ибтидор намуд, ки меъёрҳои Конститутсия дар маҷмӯи инъикоскунандаи сиёсати ҳуқуқии Ҷумҳурии Тоҷикистон буда, дигар соҳаҳои ҳуқуқ аз он сарчашма мегиранд. Ҳангоми бархурдор будани шахс аз меъёрҳои Конститутсия ин шахс метавонад ҳуқуқу манфиатҳои худро дар дилхоҳ соҳаи ҳуқуқ ҳимоя намояд.

Гузашта аз ин, бо донишмандони меъёрҳои Конститутсия шахс аз сиёсати давлатӣ низ бархурдор мегардад. Чунин донишмандон имконият медиҳад, ки шахс аз шакли идоракунӣ, шакли сохти давлатӣ ва режими сиёсӣ, ҳуқуқу озодӣ ва вазифаҳои асосии инсон ва шаҳрванд, масъулияти байниҳамдигарии шахс ва давлат бохабар гардида, дар асоси он муносибати худро дар ҳаёти ҷамъиятӣ дуруст ба роҳ монанд. Надоштани чунин донишмандон шахсро дар ҳаёт ба гумроҳӣ ва мушкилиҳои рӯ ба рӯ мебарорад.

Омӯзиши ҳамаҷонибаи Конститутсия амнияти худӣ шахс ва амнияти ҷомеа-аву давлатро таъмин месозад. Чихеле дар боло ибтидор карда шуд марҳилаи асосии омӯзиши Конститутсия маҳз дар зинаи таҳсилоти умумӣ муҳим мебошад. Дур мондан аз чунин таълимот шаҳрвандонро наметавонад дар руҳияи худшиносӣ худогоҳӣ тарбия намояд. Аз ин рӯ, Вазорати маориф ва илми Ҷумҳурии Тоҷикистонро зарур аст, ки ҳангоми таҳия намудани барномаи таълимии зинаи таҳсилоти умумӣ ба омӯзиши Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон таваҷҷуҳи хоса зоҳир намояд. Дар доираи фанни таълимии «Асосҳои давлат ва ҳуқуқ» ба таври васеъ ба роҳ мондани омӯзиши Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон, ҳар як боб ва моддаҳои он мувофиқи мақсад мебошад.

Масъалаи дигаре, ки имрӯз беҳбудиро тақозо менамояд ин сатҳи касбият ва норасоии омӯзгорони фанҳои таълимии «Асосҳои давлат ва ҳуқуқ» ва «Ҳуқуқи инсон» дар зинаи таҳсилоти умумӣ мебошад. Маҳз дар ин зинаи таҳсилот шахс ташаккул меёбад. Дар ин марҳила бояд омӯзгорони дорои донишҳои баланди ҳуқуқӣ ба толибилмон дарс гӯянд. Аз ин рӯ, дар заминаи факултети ҳуқуқшиносии

Донишгоҳи миллии Тоҷикистон ба мисли даврони пешин аз рӯи ихтисоси «Ҳуқуқшинос омӯзгор» омода намудани мутахассисон мувофиқи мақсад ва амри зарурӣ мебошад. Айни ҳол омӯзгорони фанҳои номбурда дар заминаи Донишгоҳи давлатии омӯзгорӣ ба номи С. Айни бо ихтисоси «Муаллими таърих ва ҳуқуқ» омода карда мешаванд, аммо таҷрибаи амалӣ, захираҳои илмиву таълимӣ вобаста ба ҳар як соҳаи илми ҳуқуқшиносӣ асос мебошанд, ки омӯзгорони фанҳои ҳуқуқӣ маҳз дар заминаи факултети ҳуқуқшиносии Донишгоҳи миллии Тоҷикистон дар ҳамкорӣ бо Донишгоҳи давлатии омӯзгорӣ ба номи С. Айни омода гарданд.

Рӯйдодҳои замони муосир шаҳодат аз он медиҳад, ки имрӯз бояд дар ҳама зинаҳои таҳсилот омӯзиши фанҳои таълимӣ дар сатҳи зарурӣ ба роҳ монда шаванд. Дар баробари дигар фанҳо, инчунин дар сатҳи зарурӣ ба роҳ мондани омӯзиши фанҳои ҳуқуқӣ аз ҷумла мавзуи Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон яке аз масъалаҳои муҳим мебошад. Зеро дар доираи фанҳои таълимии «Асосҳои давлат ва ҳуқуқ» муҳтавои сиёсати давлатӣ ва сиёсати ҳуқуқии Ҷумҳурии Тоҷикистон ба ҳонанда омӯзонидани мешавад.

Пешвои муаззамии миллат муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон вобаста ба муҳимияти масъалаи иброз менамоянд, ки «Мо имрӯз шоҳиди ҳол ҳастем, ки дар баъзе кишварҳои ҷаҳон бинобар сарфи назар гардидани меъёрҳои Конститутсия ва қонунгузорӣ ва риоя накардани онҳо давлату ҷомеа ба хатарҳои вазнин ва мушкилоти сангин рӯ ба рӯ гашта, гирифтори ихтилофи мафкуравию мазҳабӣ ва бархӯрди манфиатҳои сиёсиву иқтисодӣ гардида, ҳатто хатарҳои парокандагӣ ва тақсимшавии давлатҳоро ба миён овардааст. Мо бояд ҳаргиз фаромӯш накунем ва ба ҷавонони имрӯза низ талқин намоем, ки аз оғози солҳои 90-ум ҳалқи Тоҷикистон бо сабаби поймол гардидани меъёрҳои ҳуқуқӣ, хусусан меъёрҳои конститутсионӣ оқибатҳои дахшатноку фоҷиабори муҳолифати мусаллаҳона ва ҷанги таҳмилии шаҳрвандиро бо ҷашми худ дид ва ин

моҷаро давлати моро қариб ба вартаи нобудшавӣ оварда расонид» [7].

Аз ин рӯ, Конститутсия ҳамчун муқаддасот бояд дар ҷомеаи мақоми олии дошта бошад. Мавҷудияти он дар ҳар як хонадон, инчунин аз ҳудуд намудани меъёрҳои он дар ҳалқҳои оилаи ин қавили сулҳу субот ва эҳтиромгузоштан ба Ватан ва ватандорист. Инчунин, омӯзиши Конститутсия аз ҷониби хизматчиёни давлатӣ ва аз ҷониби онҳо доштани сатҳи баланди шуури ҳуқуқии конститутсионӣ амри воқӣ мебошад.

Дар Консепсияи сиёсати ҳуқуқии Ҷумҳурии Тоҷикистон барои солҳои 2018-2028 ба маврид омадааст, ки татбиқи бевоситаи меъёрҳои ҳуқуқии конститутсионӣ ба тақмил ниёз дорад [4]. Ҳоло он, ки тибқи моддаҳои 10 ва 42 Конститутсия дар Тоҷикистон ҳар шахс вазирад аст, ки Конститутсия ва қонунҳоро риоя ва иҷро намояд [1].

Пешвои муаззамии миллат муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон ҳангоми таҷлили 30-солагии Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон ба маврид иброз намуданд, ки тавре равандҳои рушди ҷомеаи ҷаҳонӣ собит месозанд, танҳо ҷомеае ба пешрафту тараққиёт ноил шуда метавонад, ки дар он Конститутсия ва қонунҳо бечунучаро риоя ва иҷро шуда, волоияти қонун ҳамчун арзиши муҳимми давлати ҳуқуқбунёд таъмин гардад. Аз ин рӯ, таъкид намуданд, ки омӯзиши Конститутсия ва қонунҳо дар давлати ҳуқуқбунёд масъалаи меҳварии ҷомеа мебошад ва аз ҷониби тамоми кишварҳои ҷомеа бояд амалӣ карда шаванд [6].

Мутаассифона, таҳлили вазъии донишҳои конститутсионии шаҳрвандон беҳбудии куллиро тақозо менамояд. Бо мақсади муайян намудани сатҳи шуури ҳуқуқии конститутсионӣ байни 120 нафар сокинони шаҳри Душанбе ва ноҳияҳои тобеи он назарсанҷӣ гузаронида шуд. Натиҷаи назарсанҷӣ собит сохт, ки аз 120 нафар пурсидашудагон ба саволи кадом ҳуқуқҳои шахсӣ, сиёсӣ, иқтисодӣ, иҷтимоӣ ва фарҳангии худро медонед? Ҳамагӣ 27 нафар вобаста ба ин ё он ҳуқуқҳо посух пешниҳод намуданд, ки қисман дуруст буданд. Инчунин, ба ҳамин шумора

шаҳрвандон пешниҳод карда шуд, ки вазифаҳои конститусионии худро номбар намоянд, дар натиҷа 26 нафар қисман вазифаҳои худро баён карданд. Ба саволи мутобиқи Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон дар самти таъсиси хизмҳои хусусияти миллӣ ва динидошта чӣ гуфта шудааст? 18 нафар посух манзур намуданд, ки пурра набуданд. Ҳамчунин, ба саволҳои вобаста ба таъсис ва фаъолияти мақомти давлатӣ ҳамаги 10-12 нафар посухҳои нопурра манзур карданд, ки чунин сатҳи дониши шаҳрвандон ташвишвар боқӣ мемонад.

Ҳамин тавр бояд иброн намуд, ки Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон асоси сиёсати ҳуқуқӣ ва давлатиро муайян месозад. Низоми қонунгузорӣ аз он сарчашма мегирад. Шуури ҳуқуқии

конститусионӣ заминаи асосии амалигардонии мақсадҳои давлат ва таъмини амнияти ҳома мебошад. Дур мондан аз таълиму тарбия, аз ҷумла аз ҷониби хонандагон дар сатҳи зарурӣ азхуд накардани донишҳои ҳуқуқӣ ба амнияти ҳома таҳдид менамояд. Сатҳи ҷинойт ва дигар ҳуқуқвайронкуниҳо байни ноболиғону ҷавонон имрӯз нигароникунанда боқӣ мемонад. Норасоии омӯзгорони фанҳои «Асосҳои давлат ва ҳуқуқ» ва «Ҳуқуқи инсон» дар мактабҳои миёна ва инчунин сатҳи касбияти онҳо беҳбудиро меҳақад. Сатҳи шуури ҳуқуқии конститусионии шаҳрвандон яке аз масъалаҳои дигари рӯз боқӣ мемонад. Имрӯз ба хоҳири ояндаи давлату миллат иҷро намудани вазифаҳои конститусионӣ ҳамчун омили ватандӯстӣ бояд доништа шавад.

Адабиёти истифодашуда

1. Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон бо тағйири иловаҳо аз 26.09.1999, 22.06.2003 ва 22.05.2016 // [Манбаи электронӣ] - Речаи воридшавӣ: http://base.mmk.tj/view_sanadholist.php (санаи мурочиат 27.11.2024).
2. Эълонии умумии ҳуқуқи инсон, 10 декабри с. 1948 аз тарафи Ассамблеяи Генералии СММ қабул гардид // Маҷмуаи санадҳои асосии байналмилалӣ ва миллӣ оид ба ҳуқуқи инсон / З. Ализода, Б. Сафаров, Ҷ. Саидзода, С. Қодирӣ, А. Солиев. – Душанбе: Контраст, 2018. – 460 с.
3. Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ» аз 30 майи с. 2017, № 1414 / Аҳбори Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон, с. 2017, № 5, қ. 1, мод. 271 (Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 19.07.2019 № 1632, аз 23.12.2021 № 1820, аз 03.01.2024 № 2024).
4. Консепсияи сиёсати ҳуқуқии Ҷумҳурии Тоҷикистон барои солҳои 2018-2028 аз 6 феввали соли 2018, № 1005 / [Манбаи электронӣ] - Речаи воридшавӣ: <http://portali-huquqi.tj> (санаи мурочиат 07.11.2024).
5. Стратегияи муқовимат ба экстремизм ва терроризм дар Ҷумҳурии Тоҷикистон барои солҳои 2021-2025 аз 1 июни соли 2021, № 187 / [Манбаи электронӣ] - Речаи воридшавӣ: <http://portali-huquqi.tj> (санаи мурочиат 23.10.2024).
6. Суханронии Асосгузори сулҳу ваҳдати миллӣ, Пешвои миллат, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон дар маҷлиси тантанавӣ ба ифтихори 30-солагии қабули Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 06.11.2024 // [Манбаи электронӣ] - Речаи воридшавӣ: <http://president.tj/node/7811> (санаи мурочиат: 18.11.2024).
7. Суханронии Асосгузори сулҳу ваҳдати миллӣ – Пешвои миллат, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон дар маҷлиси тантанавӣ бахшида ба таҷлили 20-умин солгарди Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 05.11.2014 / [Манбаи электронӣ] - Речаи воридшавӣ: <http://president.tj/node/7811> (санаи мурочиат: 18.11.2023)
8. Суханронии Асосгузори сулҳу ваҳдати миллӣ – Пешвои миллат, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон дар мулоқот бо фаёлон, намояндагони ҳома ва ходимони дини кишвар аз 09.03.2024 / [Манбаи электронӣ] - Речаи воридшавӣ: <https://president.tj/event/speeches/37084> (Санаи мурочиат: 28.11.2024)
9. Ализода, З. Э. Раҳмон - асосгузори Конститутсияи Тоҷикистон соҳибистиклол / Ҷумҳурият. – № 199. 11.10.2024.
10. Баринов, Э.Э. Конституционное правосознание в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Эмиль Эдуардович Баринов. – М., 2001. – 32 с.
11. Мамитова, Н.В. Российский конституционализм: история и современность: автореф. дис. ... док. юрид. наук: 12.00.01 / Наталия Викторовна Мамитова. – М., 2006. – 45 с.
12. Мансурзода, А.М. Баъзе аз масъалаҳои шуури ҳуқуқии конститусионӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон / А.М. Мансурзода // Масоили мубрами тақмили Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон дар

шароити муосир: маводи конференсияи ҷумҳуриявӣ илмию назариявӣ (1 ноябри с. 2023) / Зери таҳрири н.и.х., дотсент Мирзозода П.З. – Душанбе: Матбааи ДМТ, 2023. – С. 92-95.

13. Мачидзода, Ҷ.З. Конститутсияи ҳаҷмчун санади созишӣ ва танзими сиёсӣ-ҳуқуқии ислоҳоти конститутсионӣ / Ҷ.З. Мачидзода // Масоили мубрами такмили Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон дар шароити муосир: маводи конференсияи ҷумҳуриявӣ илмию назариявӣ (1 ноябри с. 2023) / Зери таҳрири н.и.х., дотсент Мирзозода П.З. – Душанбе: Матбааи ДМТ, 2023. – С. 64-68.

14. Фарҳанги тафсири забони тоҷикӣ. Иборат аз 2 ҷилд. Ҷ. 2 / дар зери таҳрири С. Назарзода, А. Сангинов [ва диг.]. – Машҳад-Душанбе: ҚММ «Ксероксленд», 2008. – 944 с.

References

1. Constitution of the Republic of Tajikistan with amendments and additions from 26.09.1999, 22.06.2003 and 22.05.2016 // [Electronic resource] - Access schedule: http://base.mmk.tj/view_sanadholist.php (access date 27.11.2024).
2. Universal Declaration of Human Rights, December 10, 1948 adopted by the UN General Assembly // Collection of basic international and national documents on human rights / Z. Alizoda, B. Safarov, J. Saidzoda, S. Qodiri, A. Soliev. – Dushanbe: Kontrast, 2018. – 460 p.
3. Law of the Republic of Tajikistan “On normative legal acts” from May 30, 2017, No. 1414 / News of the Supreme Assembly of the Republic of Tajikistan, p. 2017, No. 5, p. 1, art. 271 (Law of the Republic of Tajikistan dated 19.07.2019 No. 1632, dated 23.12.2021 No. 1820, dated 03.01.2024 No. 2024).
4. Concept of legal policy of the Republic of Tajikistan for 2018-2028 dated February 6, 2018, No. 1005 / [Electronic resource] - Access schedule: <http://portali-huquqi.tj> (access date 07.11.2024).
5. Strategy for Countering Extremism and Terrorism in the Republic of Tajikistan for 2021-2025 from June 1, 2021, No. 187 / [Electronic resource] - Access schedule: <http://portali-huquqi.tj> (access date: 10/23/2024).
6. Speech of the Founder of Peace and National Unity, Leader of the Nation, President of the Republic of Tajikistan, Honorable Emomali Rahmon at the ceremonial meeting in honor of the 30th anniversary of the adoption of the Constitution of the Republic of Tajikistan from 06.11.2024 // [Electronic resource] - Access schedule: <http://president.tj/node/7811> (access date: 11/18/2024).
7. Speech of the Founder of Peace and National Unity - Leader of the Nation, President of the Republic of Tajikistan, Honorable Emomali Rahmon at the solemn meeting dedicated to the celebration of the 20th anniversary of the Constitution of the Republic of Tajikistan from 05.11.2014 / [Electronic resource] - Access schedule: <http://president.tj/node/7811> (access date: 18.11.2023)
8. Speech of the Founder of Peace and National Unity - Leader of the Nation, President of the Republic of Tajikistan, Honorable Emomali Rahmon at a meeting with activists, representatives of society and religious figures of the country from 09.03.2024 / [Electronic resource] - Access schedule: <https://president.tj/event/speeches/37084> (access date: 28.11.2024)
9. Alizoda, Z.E. Rahmon - the founder of the Constitution of Tajikistan of independence / Republic. – No. 199. 11.10.2024.
10. Barinov, E.E. Constitutional legal consciousness in the Russian Federation: author's abstract. dis. ... candidate of legal sciences: 12.00.02 / Emil Eduardovich Barinov. - M., 2001. - 32 p.
11. Mamitova, N.V. Russian constitutionalism: history and modernity: author's abstract. dis. ... doctor of legal sciences: 12.00.01 / Natalia Viktorovna Mamitova. - M., 2006. - 45 p.
12. Mansurzoda, A.M. Some issues of constitutional legal consciousness in the Republic of Tajikistan / A.M. Mansurzoda // Current issues of improving the Constitution of the Republic of Tajikistan in modern conditions: materials of the Republican scientific and theoretical conference (November 1, 2023) / Edited by N.I.H., Associate Professor Mirzozoda P.Z. – Dushanbe: DMT Printing House, 2023. – Pp. 92-95.
13. Majidzoda, J.Z. The Constitution as a document of agreement and political-legal regulation of constitutional reforms / J.Z. Majidzoda // Current issues of improving the Constitution of the Republic of Tajikistan in modern conditions: materials of the Republican scientific and theoretical conference (November 1, 2023) / Edited by the editor-in-chief, associate professor Mirzozoda P.Z. – Dushanbe: DMT Printing House, 2023. – Pp. 64-68.
14. Dictionary of interpretation of the Tajik language. Consists of 2 volumes. Vol. 2 / edited by S. Nazarzoda, A. Sanginov [et al.]. – Mashhad-Dushanbe: Xeroxland LLC, 2008. – 944 p.

УДК 343.982.34

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СЛЕДОВ БЛИЗКОГО ВЫСТРЕЛА НА
ДЖИНСОВОЙ ТКАНИ, ОБРАЗОВАННЫХ ПРИ СТРЕЛЬБЕ ИЗ ПИСТОЛЕТА
ЯРЫГИНА «ГРАЧ» КАЛИБРА 9 ММ.**

**ТАШХИСИ КРИМИНАЛИСТИИ ПАЙҲОИ ТИРИ НАЗДИК ДАР МАТОИ ЧИНС,
КИ АЗ ТИРПАРРОНӢ АЗ ТАППОҶАИ «ГРАЧ»-И ЯРИГИНИ КАЛИБРИ
9 ММ ПАЙДО ШУДААНД**

**FORENSIC EXAMINATION OF TRACES OF A CLOSE SHOT ON DENIM FABRIC
FORMED BY SHOOTING FROM A YARYGIN «GRACH» PISTOL OF 9 MM CALIBER**

НУРУШЕВ А.А.
NURUSHEV A.A.

*Доцент кафедры трасологии и баллистики Учебно-научного
комплекса экспертно-криминалистической деятельности
Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических
наук, доцент, полковник полиции*

*Дотсенти кафедраи трасология ва баллистикаи Комплекси
таълимӣ-илмӣи фаъолияти экспертӣ-криминалистити
Академияи ВҚД Россия дар ш. Волгоград, номзоди илмҳои
ҳуқуқшиносӣ, дотсент, полковники полиция*

*Associate Professor of the Department of Traceology and Ballistics of
the Educational and Scientific Complex of Expert-Criminalistic
Activity of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs
of Russia, Candidate of Law, Associate Professor, Police Colonel*

E-mail:
arsik.nur@yandex.ru

БАЛТАБАЕВ С.А.
BALTABAEV S.A.

*Кандидат юридических наук, профессор, академик
Международной Академии Информатизации Республики
Казахстан, полковник полиции*

*Номзоди илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор, академики Академияи
байналмилалӣи иттилооткунонии Ҷумҳурии Қазоқистон,
полковники полиция*

*Candidate of Law, Professor, Academician of the International
Academy of Informatization of the Republic of Kazakhstan,
Police Colonel*

E-mail:
baltabaev.sabyrgali@mail.ru

Научная специальность: 12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность (5.1.4. Уголовно-правовые науки).

Ихтисоси илмӣ: 12.00.12 – Криминалистика; фаъолияти судӣ-экспертӣ; фаъолияти оперативӣ-ҷустуҷӯӣ (5.1.4. Илмҳои ҳуқуқӣ-ҷиноятӣ).

Scientific specialties: 12.00.12 – Criminalistics; forensic activities; operational-search activity (5.1.4. Criminal law sciences).

Рецензент: СИМОНОВА С.В. – начальник кафедры исследования документов Учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент, полковник полиции.

Тақриздиханда: СИМОНОВА С.В. – сардори кафедраи тадқиқоти ҳуҷҷатҳои Комплекси таълимӣ-илмӣи фаъолияти экспертӣ-криминалистии Академияи ВҚД Россия дар ш. Волгоград, номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсент, полковники политсия.

Reviewer: SIMONOVA S.V. – Head of the Department of Document Research of the Educational and Scientific Complex of Forensic Science Activities of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law, Associate Professor, Police Colonel.

Аннотация: В статье рассмотрены и проиллюстрированы особенности проявления следов близкого выстрела на белой джинсовой ткани, образованные пулями, выстрелянными из пистолета Ярыгина «Грач» калибра 9х19мм. Кроме того, статья содержит общие сведения и некоторые тактико-технические данные данного оружия.

Ключевые слова: пистолет Ярыгина «Грач», выстрел, пороховые газы, следы близкого выстрела, зерна пороха.

Аннотатсия: Дар мақола хусусиятҳои пайдоиши пайҳои тири наздик дар матои чинси сафед, ки аз тирҳои аз таппончаи Яригини «Грач»-и калибри 9х19 мм парронда шуд, баррасӣ ва нишон дода шудаанд. Илова бар ин, мақола маълумоти умумӣ ва баъзе маълумотҳои тактикӣ-техникии силоҳи мазкур дар бар мегирад.

Вожаҳои калидӣ: таппончаи Яригини «Грач», тирпарронӣ, гази борутӣ, пайи тири наздик, зарраҳои борут.

Annotation: The article examines and illustrates the features of the manifestation of traces of a close shot on white denim fabric, formed by bullets fired from the Yarygin «Grach» pistol of 9x19mm caliber. In addition, the article contains general information and some tactical and technical data of this weapon.

Key words: Yarygin «Grach» pistol, shot, powder gases, traces of a close shot, gunpowder grains.

Разрешение ряда экспертных задач по установлению дистанции выстрела, направления выстрела, угла встречи пули с преградой, а также установлению типа и вида примененного огнестрельного оружия по следам выстрела не новизна в криминалистической практике [3].

Изучению данного вопроса посвятили многие ученые криминалисты нашей страны, а также они опубликовали свои многочисленные научные работы, статьи, диссертации, справочные пособия и т.д. [5].

Так, например, И.В. Виноградов в 1952 году обнаружил и объяснил возможность отложения дополнительных следов выстрела вокруг огнестрельных повреждений за пределами близких дистанций.

Периодический анализ экспертной практики показывает, что в настоящее время на баллистическое исследование часто поступают объекты со следами выстрела (фрагменты одежды, стекла, древесины, обоев и т.д.), по которым эксперту - баллисту необходимо ответить на следующие вопросы:

1. Имеются ли на представленном объекте следы (повреждения), образованные огнестрельным оружием?

2. Если да, то каков тип, вид данного огнестрельного оружия?

3. Каков калибр огнестрельного оружия, направление выстрела, какова дистанция выстрела?

Для ответа на данные вопросы необходимо знать не только понятие основного и дополнительного факторов выстрела. Необходимо знать виды огнестрельных повреждений на различных преградах. Также уметь выявлять и оценивать морфологические характеристики огнестрельных повреждений. А также распознавать локализацию и топографию дополнительных следов выстрела в зоне огнестрельного повреждения и вокруг него [4].

Ключевой задачей определения расстояния, с которого произошел выстрел, является то, что при производстве выстрелов из разных типов и образцов огнестрельного оружия, по разным объектам дополнительные следы выстрела на разноименных

расстояниях определенно отражаются по-разному.

Поэтому в распоряжении эксперта необходимо иметь большое количество справочной литературы с иллюстрациями и описанием следов близкого выстрела образованными различными моделями оружия [2].

Проанализировав литературу в области криминалистики и судебной медицины, можно прийти к выводу, что преобладающая информация в литературе основывается на методах и образцах оружия прошлых лет и не охватывают все то многообразие современного огнестрельного оружия. А именно в особенности огнестрельного оружия, появившегося в последние годы. Это существенно затрудняет решение экспертных задач по исследованию отдельных моделей оружия и следов их применения.

Поэтому в данной статье будут рассмотрены и проиллюстрированы особенности проявления следов близкого выстрела на белой джинсовой ткани, прострелянной из пистолета Ярыгина «Грач» калибра 9х19мм (далее - пистолет Ярыгина «Грач»).

Пистолет Ярыгина «Грач» имеет индекс ГРАУ-6П35. Используемый патрон 9х19мм. Пистолет является современным, короткоствольным, самозарядным огнестрельным оружием. Разработан в период с 1993 по 2000 годы коллективом конструкторов под руководством В.А. Ярыгина. Серийное производство данного пистолета освоено на Ижевском механическом заводе.

В 2003 году пистолет Ярыгина «Грач» был принят на вооружение Вооруженными силами Российской Федерации. На начало 2010 года пистолеты Ярыгина начали также поступать на вооружение подразделений Вооруженных сил России, внутренних войск и специальных подразделений МВД России [1].

Также на основе боевого образца изготовлены гражданские модели: МР-353 (травматический, под патрон 45 Rubber), МР - 356 (травматический, под патрон 10х28Т), спортивная версия МР - 446С «Викинг».

Итак, пистолет Ярыгина «Грач» имеет начальную скорость пули 420 м/с. Пистолет включает в себя следующие части:

- а) магазин, емкость которого 18 патронов 9х19;
- б) рамку с рукояткой и спусковой скобой;
- в) затвор с прицельными приспособлениями, ударником и выбрасывателем;
- г) ствол, с возвратной пружиной и направляющей;
- д) ударно-спусковой механизм,
- е) предохранитель и затворную задержку.

Работа механизмов пистолета осуществляется за счет использования энергии пороховых газов при коротком ходе ствола. Ударно-спусковой механизм ударникового типа.

Общая длина пистолета – 198 мм, прицельная дальность - 50 м, длина ствола – 112,8 мм, длина нарезной части ствола – 50 мм, шаг нарезов канала ствола – 350, число нарезов – 6 (правых), вес (с магазином, без патронов) - 0,95 кг, скорострельность выстрелов/мин – 30.

Для изучения следов близкого выстрела, образующихся на белой джинсовой ткани при стрельбе из пистолета Ярыгина «Грач» были изготовлены 10 мишеней из плотного картона размером 270х270мм. На каждую мишень с помощью степлера были закреплены отрезки джинсовой белой ткани. Далее по данным мишеням производилась экспериментальная стрельба из исправного пистолета Ярыгина «Грач» штатными патронами калибра 9Х19 ПФО. Стрельба осуществлялась на дистанциях от 0 см (упор) до 100 см в мишени под углом 90°.

Описание следов близкого выстрела при стрельбе из пистолета Ярыгина «Грач».

При дистанции: 0 см (упор)

(рис. № 1)

Последовательность и механизм отображения: формирование повреждения осуществляется газопороховой струей и предпульным столбом воздуха.

Параметры поврежденной ткани: неправильный четырехугольник.

Размеры тканевого дефекта: 4x5 мм.

Полное отсутствие пояска обтирания.

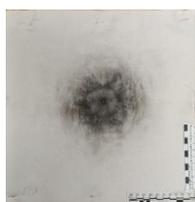
Характер механического воздействия пороховых газов и предпульного столба воздуха: разрыв ткани выраженный, сформированный в виде округлой формы сверху и снизу по контуру с усеченными краями; окраины разрывов ткани имеют неровные нити; направленность тканевых волокон в просвет повреждения;

Характер наслоения копоти выстрела: наслоения выделенные, характеризуются наличием центральной и периферийной зон. Наслоение копоти в области центра более интенсивное, имеет черный цвет, формат наслоения близок к округлой форме, размерные характеристики достигают от 5 до 7 мм между углами. Наслоение серого цвета в периферийной зоне в виде овальной формы размером 20x35мм.

Отсутствует наслоение частиц зерен пороха. Не выражено визуально механическое воздействие частиц пороховых зерен на ткани.

Не выражено визуально термическое действие пороховых газов и зерен пороха на ткани. Штанцмарка - присутствует.

При дистанции: 5 см.

(рис. № 2)

Последовательность и механизм отображения: повреждение формируется пулей.

Параметры поврежденной ткани: неправильный четырехугольник.

Размеры тканевого дефекта: 5x5 мм.

Полное отсутствие пояска обтирания.

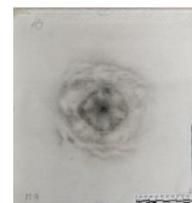
Характер механического воздействия пороховых газов и предпульного столба воздуха: отсутствует.

Характер наслоения копоти выстрела: наслоения выделенные, характеризуются наличием центральной и периферийной зон. Наслоение копоти в области центра интенсивное, имеет серо-черный цвет, формат

наслоения близок к круглой, радиусом 100 мм, с расходящимися от центра двенадцатью лучевидными направлениями, длиной от 15 до 20 мм.

Отсутствует наслоение частиц зерен пороха. Не выражено визуально механическое воздействие частиц пороховых зерен на ткани. Не выражено визуально термическое действие пороховых газов и зерен пороха на ткани.

При дистанции: 10 см.

(рис. № 3)

Последовательность и механизм отображения: повреждение формируется пулей.

Параметры поврежденной ткани: неправильный четырехугольник.

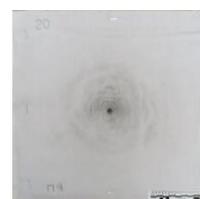
Размеры тканевого дефекта: 4x5 мм.

Присутствует поясок обтирания диаметром 8мм. Характер механического воздействия пороховых газов и предпульного столба воздуха: отсутствует.

Характер наслоения копоти выстрела: наслоения менее выделенные, характеризуются наличием центральной и периферийной зон. Наслоение копоти в области центра интенсивное, имеет серо-черный цвет, формат наслоения близок к круглой, радиусом от 60 до 800 мм. В периферийной зоне наслоение в виде серого- черного цвета, по форме близкой к овальному диаметру 110мм с расходящимися от центра лучевидными направлениями, длиной от 15 до 20 мм.

Отсутствует наслоение частиц зерен пороха. Не выражено визуально механическое воздействие частиц пороховых зерен на ткани. Не выражено визуально термическое действие пороховых газов и зерен пороха на ткани.

При дистанции: 20 см.

(рис. № 4)

Последовательность и механизм отображения: повреждение формируется пулей.

Параметры поврежденной ткани: неправильный четырехугольник.

Размеры тканевого дефекта: диаметр 4x5 мм.

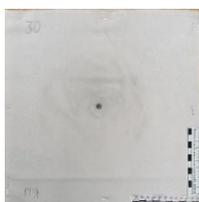
Присутствует поясок обтирания диаметром 9 мм.

Характер механического воздействия пороховых газов и предпульного столба воздуха: отсутствует.

Характер наслоения копоти выстрела: наслоения менее выделенные, характеризуются наличием центральной и периферийной зон. Наслоение копоти в области центра интенсивное, имеет серый цвет, формат наслоения близок к круглой, радиусом от 15 до 25 мм. В периферийной зоне наслоение в виде серого цвета, по форме близкой к овальному диаметру 110 мм. Отсутствует наслоение частиц зерен пороха.

Не выражено визуально механическое воздействие частиц пороховых зерен на ткани. Не выражено визуально термическое действие пороховых газов и зерен пороха на ткани.

При дистанции: 30 см.

(рис. № 5)

Последовательность и механизм отображения: повреждение формируется пулей.

Параметры поврежденной ткани: круглая, диаметр отверстия 4мм.

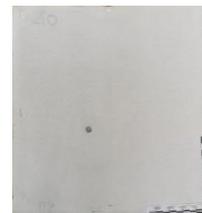
Размеры тканевого дефекта: диаметр 4мм. Присутствует поясок обтирания диаметром 8-9 мм. Характер механического воздействия пороховых газов и предпульного столба воздуха: отсутствует.

Характер наслоения копоти выстрела: наслоения наименее выделенные, характеризуются наличием центральной и периферийной зон. Наслоение копоти в области центра интенсивное, имеет серый цвет, формат наслоения близок к круглой, радиусом от 15 до 30 мм. В периферийной зоне наслоение в виде серого цвета, по форме близкой к

овальному диаметру 100 мм. Отсутствует наслоение частиц зерен пороха. Не выражено визуально механическое воздействие частиц пороховых зерен на ткани.

Не выражено визуально термическое действие пороховых газов и зерен пороха на ткани.

При дистанции: 40 см.

(рис. № 6)

Последовательность и механизм отображения: повреждение формируется пулей.

Параметры поврежденной ткани: форма близкая к овальной.

Размеры тканевого дефекта: диаметр 3мм. Присутствует поясок обтирания диаметром 8 мм.

Характер механического воздействия пороховых газов и предпульного столба воздуха: отсутствует.

Характер наслоения копоти выстрела: наслоения наименее выделенные, характеризуются слабо обозначенной периферийной зоной.

Наслоение копоти в области центра мало интенсивное, имеет светло серый цвет, формат наслоения мало интенсивен, близок к круглой, диаметром 80 мм.

Отсутствует наслоение частиц зерен пороха. Не выражено визуально механическое воздействие частиц пороховых зерен на ткани.

Не выражено визуально термическое действие пороховых газов и зерен пороха на ткани.

При дистанции: 60 -100 см.

(рис. № 7)

Последовательность и механизм отображения: повреждение формируется пулей.

Форма повреждения: неправильный шестиугольник.

Размеры тканевого дефекта: диаметр 3мм. Присутствует поясok обтирания диаметром 9 мм.

Характер механического воздействия пороховых газов и предпульного столба воздуха: отсутствует.

Характер наслоения копоти выстрела: на поверхности ткани следы копоти от выстрела отсутствуют. Отсутствует наслоение частиц зерен пороха.

Не выражено визуально механическое воздействие частиц пороховых зерен на ткани.

Не выражено визуально термическое действие пороховых газов и зерен пороха на ткани.

Подводя итог полагаем, что приведенные в работе характеристики и описание следов близкого выстрела, образованные на белой джинсовой ткани при стрельбе из данного пистолета, с применением патрона 9x19, позволит экспертам - баллистам более точно устанавливать дистанцию выстрела на исследуемых объектах, изъятых с мест происшествий, связанных с криминальным использованием пистолета Ярыгина «Грач».

Используемая литература

1. 9-мм пистолет Ярыгина ПЯ // Большая Российская энциклопедия - [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://bigenc.ru/c/9-mm-pistolet-iarygina-pia-076118?ysclid=m651h9mhrf538143555> (дата обращения: 05.10.2024).
2. Латышов, И.В. Стрелковое огнестрельное оружие и его следы на пулях, гильзах и преградах Часть общая / И. В. Латышов [и др.]. – Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2011. – 116 с.
3. Стрелковое и холодное оружие, боеприпасы, взрывные устройства и взрывчатые вещества: учебное пособие / С. А. Едресов, В. М. Юрин, С. А. Балтабаев, А. А. Нурушев [и др.]; Костанайская академия МВД Республики Казахстан. – Алматы: Лантар Трейд, 2021. – 197 с. // [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://va-mvd.ru/MegaPro/Web> (дата обращения: 05.10.2024).
4. Стрелковое огнестрельное оружие и его следы на пулях, гильзах и преградах: справочно-методическое пособие. Ч. 19: 9,0 мм пистолет Ярыгина (ПЯ) МР-443 «Грач» / А. С. Копанев, И. В. Латышов, И. И. Никитин, В. А. Ручкин [и др.]. – Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2012. – 90 с.
5. Стрелковое огнестрельное, пневматическое, газовое ствольное оружие, огнестрельное оружие ограниченного поражения и патроны к нему / под ред. В. А. Ручкина. – Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2015. – 222 с.

References

1. 9-mm Yarygina P.Y. pistol // The Great Russian Encyclopedia - [Electronic resource] - Access mode: <https://bigenc.ru/c/9-mm-pistolet-iarygina-pia-076118?ysclid=m651h9mhrf538143555> (accessed: 05.10.2024).
2. Latyshov, I.V. Small arms and their traces on bullets, cartridges and obstacles: General part / I.V. Latyshov [et al.]. - Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2011. - 116 p.
3. Small arms and bladed weapons, ammunition, explosive devices and explosives: a study guide / S. A. Edresov, V. M. Yurin, S. A. Baltabaev, A. A. Nurushev [et al.]; Kostanay Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan. - Almaty: Lantar Trade, 2021. - 197 p. // [Electronic resource] - Access mode: <http://va-mvd.ru/MegaPro/Web> (date accessed: 05.10.2024).
4. Small arms and their traces on bullets, cartridges and obstacles: a reference and methodological manual. Part 19: 9.0 mm Yarygin pistol (PY) MP-443 «Grach» / A. S. Kopanев, I. V. Latyshov, I. I. Nikitin, V. A. Ruchkin [and others]. - Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2012. - 90 p.
5. Small arms, firearms, pneumatic, gas barrel weapons, firearms of limited destruction and cartridges for them / edited by V. A. Ruchkin. - Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2015. - 222 p.

УДК 343.1

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ УЧАСТНИКОВ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ: НОВЫЙ ЗАКОН И НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

ОЗОД КАРДАН АЗ ҶАВОБГАРИИ ҶИНОЯТИИ ИШТИРОКЧИЁНИ АМАЛИЁТИ МАХСУСИ ҲАРБӢ: ҚОНУНИ НАВ ВА МАСОИЛИ НАВ

EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY OF PARTICIPANTS IN A SPECIAL MILITARY OPERATION: NEW LAW AND NEW PROBLEMS

ОСИПОВА Н.В.

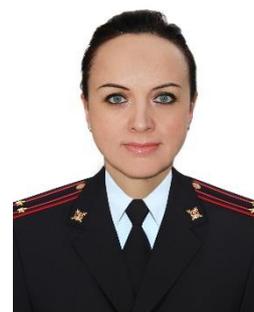
OSIROVA N. V.

*Старший преподаватель кафедры уголовного процесса Уфимского
юридического института МВД России, кандидат юридических наук,
подполковник полиции*

*Омӯзгори калони кафедраи муҳофизаи ҷиноятии Донишкадаи
ҳуқуқшиносии ВҚД Россия дар ш. Уфа, номзади илмҳои
ҳуқуқшиносӣ, подполковники полиция*

Senior Lecturer, Department of Criminal Procedure,

*Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of
Legal Sciences, Police Lieutenant Colonel*

E- mail:
sovetnadejdu@mail.ru

Научная специальность: 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право (5.1.4. Уголовно-правовые науки).

Ихтисоси илмӣ: 12.00.08 – Ҳуқуқи ҷиноятӣ ва криминология; ҳуқуқи иҷроӣ ҷазои ҷиноятӣ (5.1.4. Илмҳои ҷиноятӣ-ҳуқуқӣ).

Scientific specialty: 12.00.08 - Criminal law and criminology; penal law (5.1.4. Criminal law sciences).

Рецензент: МАЛИКОВА Н.В. – доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент, полковник полиции.

Тақриздиханда: МАЛИКОВА Н.В. – дотсенти кафедраи муҳофизаи ҷиноятии Донишкадаи ҳуқуқшиносии ВҚД Россия дар ш.Уфа, номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсент, полковники полиция.

Reviewer: MALIKOVA N.V. – Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Police Colonel.

Аннотация: В статье проводится анализ основных недоработок Федерального закона от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», допускающего освобождение от уголовной ответственности и наказания лиц в связи с прохождением ими военной службы в период мобилизации, в период военного положения или в военное время.

Ключевые слова: участник специальной военной операции, мобилизация, военное время, военное положение, освобождение от уголовной ответственности, освобождение от наказания, награждение государственной наградой, контракт, изменение обстановки, деятельное раскаяние.

Аннотатсия: Дар мақола норасоихои асосии Қонуни федералии № 64-ФЗ аз 23 марти соли 2024 «Дар бораи ворид намудани тағйиротҳо ба Кодекси ҷиноятии Федератсияи Россия ва Кодекси муҳофизаи ҷиноятии Федератсияи Россия», ки барои озод кардан аз ҷавобгарии ҷиноятӣ ва ҷазои шахсоне, ки бинобар адои хизмати ҳарбӣ дар давраи

сафарбаркунӣ, дар давраи вазъияти ҳарбӣ ва ё дар замони ҷангӣ имкон медиҳад, таҳлил карда мешавад.

Возсаҳои калидӣ: иштирокчи амалиёти махсуси ҳарбӣ, сафарбаркунӣ, замони ҷанг, вазъияти ҳарбӣ, озод кардан аз ҷавобгарии ҷиноятӣ, озод кардан аз ҷазо, мукофотҳои давлатӣ, шартнома, тағйирёбии вазъият, пушаймонӣ.

Annotation: The article analyzes the main shortcomings of the Federal Law of March 23, 2024 No. 64-FZ “On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation,” which allows for exemption from criminal liability and punishment of persons in connection with the passage of their military service during the period of mobilization, during martial law or in wartime

Key words: participants in a special military operation, mobilization, wartime, martial law, exemption from criminal liability, exemption from punishment, state awards, contract with the Armed Forces of the Russian Federation, change in the situation, active repentance.

Принятие руководством России решения по проведению специальной военной операции изменило жизнь не только самой России и народных республик Донбасса, запросивших у нее военную помощь, но и всего мира. Сумев оправиться от экономических ударов недоброжелателей, Россия показала остальным странам возможность развиваться суверенно, оставаясь полноправным участником мирового сообщества, даже несмотря на беспрецедентные санкции.

Продвижение государством важнейших политических решений обусловило интенсивное развитие национальной правовой системы Российской Федерации, пересмотр пределов юрисдикции международных судебных органов. Конституционная реформа и выход России из Совета Европы стали важным этапом в процессе возникшего противостояния со странами коллективного Запада и свидетельством приоритета выводов Конституционного Суда Российской Федерации над прецедентной практикой Европейского суда по правам человека.

Процесс освобождения от колониальной зависимости и возрождение утраченной государственности обеспечиваются мерами по охране суверенитета и территориальной целостности России, в том числе защитой от внешних опасностей и военных угроз. В связи с этим подвиг, совершенный российскими военными и простыми солдатами в условиях специальной военной операции, переоценить невозможно – он в очередной раз показал, что Россия на поле боя непобедима. Представители разных конфессий,

народов, профессий сплотились, встав на защиту своей Родины. Не остались равнодушными к призыву защитить интересы Российской Федерации и те, кто по какой-то причине оступился, для кого это единственный шанс вернуть доброе имя и репутацию.

Закономерно, что такие участники специальной военной операции не могли не получить определенные гарантии от государства, что и было осуществлено с принятием 23 марта 2024 соответствующих поправок в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) [2].

Новый федеральный закон освобождает от уголовной ответственности и наказания лиц в связи с призывом на военную службу в период мобилизации или в военное время либо заключением в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы, а равно в связи с прохождением военной службы в указанные периоды или время. Однако несмотря на явные преимущества данного закона, многие вопросы он все же не разрешил, оставляя зачастую правоприменителя в сложной ситуации.

Первое, что бросается в глаза, – закон не распространяет свое действие на участников именно специальной военной операции, упоминая лишь периоды военного положения, военного времени и мобилизации.

Военным положением, в силу части 1 статьи 1 Федерального конституционного закона «О военном положении», является

особый правовой режим, вводимый на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях в соответствии с Конституцией Российской Федерации Президентом Российской Федерации в случае агрессии против Российской Федерации или непосредственной угрозы агрессии [1].

Указом Президента Российской Федерации «О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей» соответствующее положение введено на данных территориях с нуля часов 20 октября 2022 года [7]. Правом вводить на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях чрезвычайное положение статья 88 Конституции Российской Федерации наделяет Президента Российской Федерации при обстоятельствах и в порядке, предусмотренных федеральным конституционным законом, с незамедлительным сообщением об этом Совету Федерации и Государственной Думе.

Термин «военное время» упоминается в УК РФ, Федеральном законе «Об обороне» [3] и раскрывается в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» [8]. Часть 2 данного постановления под «военным временем» понимает период с момента объявления состояния войны в случае вооруженного нападения (агрессии) на Российскую Федерацию другого государства или группы государств, вводимого в установленном порядке федеральным законом, а также в случае необходимости выполнения международных договоров Российской Федерации либо с момента фактического начала военных действий до момента объявления об их прекращении, но не ранее фактического прекращения.

Федеральный закон «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» осуществляет правовое регулирование в области мобилизационной подготовки и мобилизации в Российской Федерации, устанавливает права, обязанности и ответственность в этой области органов государственной власти, органов местного самоуправления, а также организаций независимо

от форм собственности (их должностных лиц и граждан) [4].

Поскольку ни один из перечисленных режимов в настоящее время на территории Российской Федерации не действует, возникает вопрос о правомерности освобождения от уголовной ответственности участников специальной военной операции, и это обстоятельство имеет практический смысл в рамках рассматриваемой проблемы.

В соответствии с ч. 3 ст. 23 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» [5], не подлежат призыву на военную службу граждане, отбывающие наказание в виде обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы, ареста или лишения свободы; имеющие неснятую или непогашенную судимость за совершение преступления; в отношении которых ведется дознание либо предварительное следствие или уголовное дело в отношении которых передано в суд.

Таким образом, подозреваемые, обвиняемые и осужденные, которые не успели пройти военную службу по призыву, либо по каким-то причинам не были на нее призваны, после совершения преступления до погашения судимости поступить на нее уже не могут. Соответственно, они лишаются возможности попасть под мобилизацию, которая распространяется только на тех, кто состоит в запасе, то есть прошел военную службу по призыву до совершения преступления и имеет военно-учетную специальность.

Однако готовность участвовать в специальной военной операции выразили и продолжают выражать обвиняемые и осужденные, которые не привлекались к исполнению воинской обязанности в Вооруженных Силах Российской Федерации, то есть те, кто не прошел службу по призыву. Буквальное толкование закона не позволяет вербовать подобный контингент для участия в специальной военной операции, хотя польза такой практики для российской армии очевидна. В сложившихся условиях положения вышеуказанного закона можно считать явным упущением, так как практика привлечения данных лиц нерегулярными войсками показала, что цели наказания по исправлению даже рецидивистов и предупреждения совершения ими

новых преступлений достигаются намного эффективнее именно в условиях специальной военной операции, а не полной изоляции от общества.

Как бы мы не относились к частным военным компаниям и добровольческим формированиям, нельзя не признать, что они достаточно эффективно выполняли свои боевые задачи. При этом основной контингент этих формирований составляли именно лица, имевшие криминальный опыт. Можно много рассуждать о моральной стороне этого явления, о том, что воевать может не каждый, что и на войне необходимо академическое образование. Однако факт остается фактом: содержать за бюджетные средства в изоляции здоровых и сильных, не давая им шанса исправить допущенную когда-то ошибку, отправляя на передовую тех, у кого подобной мотивации нет, – недальновидно и неоправданно дорого.

Многие осужденные довольно хорошо могут быть знакомы с оружием, обладают необходимыми для военнослужащих качествами – мужеством, смелостью, отвагой, умением вести за собой, силой, героизмом. Большая часть мужчин с такой природой совершают насильственные преступления, потому что этим качествам не нашлось применения в мирной жизни, они не сумели реализовать себя, прославиться. Можем ли мы рассчитывать, что в условиях изоляции эти люди исправятся? Можно корректировать их поведение страхом, пропагандой, железной дисциплиной, но в большинстве случаев это работает лишь в пределах колючей проволоки. На свободе основная часть возвращается к своим привычкам, поскольку природу человека переделать невозможно. Однако государство может предоставить таким гражданам здоровую альтернативу, предложить проявить себя в условиях реальных боевых действий.

Так называемые «штрафные воинские подразделения» до сих пор существуют во многих странах, но Россия в условиях специальной военной операции, получив опыт формирования боеспособных добровольческих отрядов из круга лиц, осужденных к лишению свободы, может сформировать новую, легальную, цивилизованную

концепцию данного явления. Более того, практика показала, что получая помилование, бывшие заключенные практически полностью оставляют свое криминальное прошлое. Вновь преступления совершают единицы, однако мало кто обращается к исследованию данного явления.

Если к началу специальной военной операции еще не было однозначного отношения к частным военным компаниям, к возможности привлечения осужденных к участию в боевых действиях, то по прошествии времени уже можно сделать определенные выводы, извлечь первые уроки. Последние события показали, что в трудный период в Вооруженных Силах Российской Федерации есть место для осужденных, обвиняемых и подозреваемых, хотя и не для всех. Сделанное законом исключение для контрабандистов, террористов, экстремистов и некоторых других категорий осужденных понятно, его следует только приветствовать. Однако по действующему закону задействовать лиц, не проходивших службу по призыву, в боевых действиях по защите интересов Российской Федерации лиц нельзя, не урегулированы порядок и последствия привлечения осужденных в добровольческие формирования и организации.

Конституция Российской Федерации (ст. 19) устанавливает равенство граждан перед законом и судом, гарантируя равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения и прочих обстоятельств. Данный конституционный принцип ставится под сомнение, когда закон предоставляет возможности и привилегии в одних и тех же обстоятельствах лишь ограниченной, избранной категории граждан.

Изменения в Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе» [5] снимают часть проблемы, официально позволяя заключать в период мобилизации, в период военного положения и в военное время соответствующие контракты о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации гражданам, имеющим судимость, за исключением судимости за совершение преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних и

других преступлений, лицам, совершившим преступления небольшой или средней тяжести, за исключением преступлений, предусмотренных частью первой ст. 205.2, частями первой и второй ст. 220, частью первой ст. 221 и ст. 280 УК РФ, в отношении которых предварительное расследование приостановлено по ходатайству командования воинской части (учреждения) и отбывшим наказание в виде лишения свободы, судимость которых снята или погашена (пункт 5.1 статьи 34), однако данная норма вступила в силу только 1 января 2024 года, снова оставив открытым вопрос об освобождении от уголовной ответственности тех, кто заключил контракт и сражался за Российскую Федерацию с начала специальной военной операции.

В связи с тем что состояние войны в Российской Федерации в настоящее время отсутствует, вооруженное нападение (агрессия) на Российскую Федерацию со стороны другого государства не признано, режим военного времени не вводился, а военное положение действует только на территориях Донецкой и Луганской Народных Республик, Запорожской и Херсонской областей, осужденные, не прошедшие службу по призыву, остались не у дел, и рассчитывать на прекращение уголовного преследования, несмотря на свое желание загладить вину, не вправе, так как «легальный» призыв на военную службу по мобилизации возможен лишь в отношении фигурантов уголовных дел, прошедших военную службу по призыву.

В начале специальной военной операции этот недостаток компенсировали частные военные компании, которым позволялось заключать контракты с заключенными, не имеющими военного билета. Основные критерии отбора – выносливость и мотивированность. Паника и дезертирство пресекались немедленно и жестоко. Призрак смерти побуждал новобранцев усваивать военную науку быстро и качественно. Когда на кону стояла целостность страны, такие компании были на слуху, подвиг их освещался на федеральных каналах, и на защиту этих бойцов, бывших заключенных, прежде всего, должен был быть направлен новый закон,

однако он им такой гарантии так и не предоставил.

Участники частных военных компаний и иных добровольческих формирований, в том числе осужденные, проявили не только героизм, но показали высокую эффективность, сражаясь наравне с мобилизованными и профессиональными военными, порой подвергая себя несравненно большему риску. Хотя никто не сомневается, что поправки в закон связаны именно с проведением специальной военной операции, буквальное толкование статьи 78.1 УК РФ не позволяет однозначно сделать вывод о возможности освобождения от уголовной ответственности ее участников.

Разумно ли то, что те, кто честно выполнил свой долг, кто встал на защиту Отечества именно тогда, когда оно остро в этом нуждалось, так и останутся в положении негодяев и преступников? Такие участники специальной военной операции побывали в самых горячих точках не в условиях сделки с правосудием, поэтому тем более должны получить защиту со стороны закона, поскольку это право им гарантирует конституционный принцип равенства перед законом и судом – обратная сила уголовного закона (ст. 10 УК РФ).

Эта несправедливость подтверждается еще одним тезисом Федерального закона от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ, в пункте «а» части 1 статьи 78.1 которого сказано, что лицо, совершившее преступление, освобождается от уголовной ответственности со дня награждения государственной наградой, полученной в период прохождения военной службы. То есть бойцы добровольческих формирований и частных военных компаний, проявившие мужество и героизм в период специальной военной операции, поощренные негосударственными наградами, помилованы быть не могут.

Другой вопрос, который нуждается в доработке в связи с принятием закона, касается прекращения уголовного преследования в связи с призывом на военную службу в период мобилизации или в военное время либо заключением в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной

службы, а равно в связи с прохождением военной службы в указанные периоды или время.

Согласно ч. 1 ст. 28.2 УПК РФ следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора прекращает уголовное преследование в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, в отношении которого предварительное расследование было приостановлено по ходатайству командования воинской части (учреждения), при получении информации от уполномоченных органов о случаях, предусмотренных ч. 1 ст. 78.1 УК РФ. Анализ данного основания прекращения уголовного преследования позволяет сделать вывод, что оно является нереабилитирующим и распространяется только на стадию предварительного расследования.

Ситуации, когда фигурант уголовного дела после поступления его в суд заключает контракт с Вооруженными силами, либо в отношении участника специальной военной операции приговор был отменен вышестоящей судебной инстанцией, либо когда производство по уголовному делу было возобновлено ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, остались не урегулированы.

Буквальное толкование закона позволяет сделать вывод, что решение о прекращении уголовного преследования по ст. 28.2 УПК РФ уполномочены принимать лишь следователь либо дознаватель, но не суд, что также ставит участников специальной военной операции в неравные условия в зависимости от их процессуального статуса, и данный пробел закона должен быть устранен.

Судебная практика в подобных случаях идет по пути рассмотрения уголовного дела по существу с вынесением итогового решения – обвинительного приговора с назначением наказания и освобождением от его отбывания, однако такая процедура сформировалась ввиду законодательного пробела и свидетельствует о попытке правоприменителя адаптироваться к новым реалиям. Как известно, рассмотрение уголовного дела в некоторых случаях занимает несколько месяцев, в связи с чем не понятен смысл проведения подобной дорогостоящей процедуры с

заранее известным финалом. Помимо этого, в урегулировании нуждается положение об освобождении от уголовной ответственности совершивших преступление лиц со дня награждения государственной наградой (п. «а» ч. 1 ст. 78.1 УК РФ).

Исходя из пункта «б» статьи 89 Конституции Российской Федерации, вопросы награждения государственными наградами Российской Федерации, присвоения почетных званий и высших воинских и высших специальных званий относятся к компетенции Президента Российской Федерации, при этом вопросы государственных наград в силу пункта «с» статьи 71 Конституции Российской Федерации в целом отнесены к ведению Российской Федерации. Указом Президента Российской Федерации «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации» [6] установлено, что в государственную наградную систему Российской Федерации входят высшие звания Российской Федерации, ордена, знаки отличия ордена Святого Георгия: Георгиевский Крест, медали, почетный знак «За успехи в труде», знаки отличия, почетные звания Российской Федерации.

В условиях специальной военной операции для содействия в выполнении боевых задач задействованы не только непосредственно Вооруженные Силы Российской Федерации. В целях защиты интересов Российской Федерации выступили добровольческие формирования и другие организации. Их легальный статус обеспечивает в том числе законодательный запрет публичных действий, направленных на их дискредитацию (ст. 20.3.3 КоАП РФ), уголовное преследование публичного распространения заведомо ложной информации об оказании добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации или войска национальной гвардии Российской Федерации (ст. 207.3 и 280.3 УК РФ).

Исходя из того, что награды соответствующих организаций и формирований не входят в государственную наградную систему Российской Федерации, вопрос об освобождении их участников от уголовной

ответственности в случае награждения негосударственными наградами также остался не решенным. Участники специальной военной операции, совершившие подвиг, зачастую поощряются наградами от компании, но процедуры представления таких бойцов к «официальным» наградам, либо перевода, зачета наград не существует, что, однако, не умаляет подвиг бойцов, их заслуживших.

В целом указанные проблемы могли быть решены возвращением в уголовно-процессуальное законодательство и реформированием института прекращения уголовного дела в связи с изменением обстановки.

Внесение поправок в ст. 28 УПК РФ «Прекращение уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием», а именно возможность такого прекращения в отношении контрактников в случаях, прямо

предусмотренных законом, по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях, за исключением тех преступлений, которые названы в ч. 1 ст. 78.1 УК РФ, также могло бы способствовать снятию правовой неопределенности.

Специальная военная операция продолжается. После того как на законодательном уровне лица, в отношении которых осуществляется уголовное преследование или имеющие судимость, получили право в период проведения военных действий заключать контракт о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации, таких проблем может становиться все больше и решаться они должны своевременно и оперативно. Это тот минимум, который государство обязано обеспечить своим защитникам.

Использованная литература

1. Федеральный конституционный закон «О военном положении» от 30 января 2002 г., № 1-ФКЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 05.05.2024).
2. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 23 марта 2024 г., № 64-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 05.05.2024).
3. Федеральный закон «Об обороне» от 31 мая 1996 г., № 61-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 05.05.2024).
4. Федеральный закон «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» от 26 февраля 1997 г., № 31-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 05.05.2024).
5. Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе» от 28 марта 1998 г., № 53-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 05.05.2024).
6. Указ Президента Российской Федерации «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации» от 7 сентября 2010 г., № 1099 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 05.05.2024).
7. Указ Президента Российской Федерации «О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей» от 19 октября 2022 г., № 756 // Российская газета: официальный сайт. – Режим доступа: www.rg.ru (дата обращения: 05.05.2024).
8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» от 18 мая 2023 г., № 11 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 05.05.2024).

References

1. Federal Constitutional Law «On Martial Law» of January 30, 2002, No. 1-FKZ // Access from the reference and legal system «ConsultantPlus». - Access mode: <https://www.consultant.ru/> (date of access: 05.05.2024).

2. Federal Law «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation» of March 23, 2024, No. 64-FZ // Access from the reference and legal system «ConsultantPlus». - Access mode: <https://www.consultant.ru/> (date of access: 05.05.2024).
3. Federal Law «On Defense» of May 31, 1996, No. 61-FZ // Access from the reference and legal system «ConsultantPlus». - Access mode: <https://www.consultant.ru/> (date of access: 05.05.2024).
4. Federal Law «On Mobilization Preparation and Mobilization in the Russian Federation» of February 26, 1997, No. 31-FZ // Access from the reference and legal system «ConsultantPlus». - Access mode: <https://www.consultant.ru/> (date of access: 05.05.2024).
5. Federal Law «On Military Duty and Military Service» of March 28, 1998, No. 53-FZ // Access from the reference and legal system «ConsultantPlus». – Access mode: <https://www.consultant.ru/> (date of access: 05.05.2024).
6. Decree of the President of the Russian Federation «On measures to improve the state awards system of the Russian Federation» dated September 7, 2010, No. 1099 // Access from the reference and legal system «ConsultantPlus». – URL: <https://www.consultant.ru/> (date of access: 05.05.2024).
7. Decree of the President of the Russian Federation «On the introduction of martial law in the territories of the Donetsk People's Republic, Lugansk People's Republic, Zaporizhia and Kherson regions» dated October 19, 2022, No. 756 // Rossiyskaya Gazeta: official website. – Access mode: www.rg.ru (date of access: 05.05.2024).
8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation «On the practice of considering criminal cases on crimes against military service by courts» dated May 18, 2023, No. 11 // Access from the reference and legal system «ConsultantPlus». - Access mode: <https://www.consultant.ru/> (date of access: 05.05.2024).

УДК 342.31+321.011:005.44

**ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ:
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ**

ҶАҲОНИШАВӢ ВА ИСТИҚЛОЛИЯТИ ДАВЛАТӢ: БАЪЗЕ МАСОИЛ

GLOBALIZATION AND STATE SOVEREIGNTY: SOME PROBLEMS

ПОПОВ В.В.
РОРОВ V.V.

*Доцент кафедры теории и истории права и государства
Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук,
доцент, полковник полиции*

*Дотсенти кафедраи назария ва таърихи ҳуқуқ ва давлати Академияи
ВҚД Россия дар ш. Волгоград, номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ,
дотсент, полковники полиция*

*Associate Professor of the Department of Theory and History of Law and
State of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of
Russia, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Police Colonel*

e-mail:
lkj5@mail.ru

Научная специальность: 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве (5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки)

Ихтисоси илмӣ: 12.00.01 – Назария ва таърихи ҳуқуқ ва давлат; таърихи таълимот дар бораи ҳуқуқ ва давлат (5.1.1. Илмҳои ҳуқуқии назариявӣ-таърихӣ).

Scientific specialties: 12.00.01 – Theory and history of law and state; history of the doctrines of law and the state (5.1.1. Theoretical and historical legal sciences).

Рецензент: Рудковский В.А. – профессор кафедры теории и истории права и государства Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, доцент.

Тақриздиханда: Рудковский В.А. – профессори кафедраи назария ва таърихи ҳуқуқ ва давлати Донишгоҳи давлатии ш. Волгоград, доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсент.

Reviewer: RUDKOVSKY V.A. – professor of the department of theory and history of law and state of Volgograd State University, doctor of law, associate professor.

Аннотация: В статье автор утверждает, что использование теории управления в общеправовой науке и государствоведении позволяет правильно выявлять и интерпретировать различные субъективные сценарии осуществления глобализации как объективного мирового процесса, являющегося ключевой детерминантой для внутренней и внешней политики любого государства. О мнению автора, правильное понимание современного государства как системы суверенного управления, направленной на развитие народа с сохранением его национально-культурной идентичности, позволяет понять опасности существующих моделей глобализации и сформировать правильный научно-методологический фундамент защиты государственного суверенитета и обеспечения национальной безопасности.

Ключевые слова: глобализация, модели глобализации, государственный суверенитет, государственное управление, национальная безопасность.

Аннотатсия: Дар мақола муаллиф таъкид мекунад, ки истифодаи назарияи идоракунӣ дар илми ҳуқуқшиносӣ умумӣ ва давлатшиносӣ имкон медиҳад, ки сценарияҳои гуногуни субъективӣ татбиқи ҷаҳонишавӣ ҳамчун раванди объективӣ ҷаҳонӣ, ки омили асосӣ муайянкунандаи фаъолияти сиёсати дохилӣ ва хориҷӣ ҳар як давлат мебошад, дуруст муайян ва шарҳ намояд. Ба ақидаи муаллиф, дарки дурусти давлати муосир ҳамчун низомӣ

идоракунии соҳибхтиёр, ки ба рушди ҷамъият бо ҳифзи ҳувиати миллӣ-фарҳангии он нигаронида мешавад, имконият медиҳад, ки хатарҳои моделҳои мавҷудбудаи ҷаҳонишавӣ фаҳмида, заминаи дурусти илмӣ-методии ҳифзи соҳибхтиёрии давлат ва таъмини амнияти миллӣ ташаккул карда тавонад.

Вожаҳои калидӣ: ҷаҳонишавӣ, моделҳои ҷаҳонишавӣ, истиқлолияти давлатӣ, идоракунии давлатӣ, амнияти миллӣ.

Annotation: In the article, the author argues that the use of management theory in general legal science and political science allows us to correctly identify and interpret various subjective scenarios for the implementation of globalization as an objective global process that is a key determinant for the domestic and foreign policy of any state. According to the author, understanding the state as a system of sovereign governance aimed at the development or at least the survival of the people while preserving their national and cultural identity, functioning using various schemes, methods and means of governance, allows us to understand the dangers of existing models of globalization and to form the correct scientific and methodological foundation for protecting state sovereignty and ensuring national security of any modern state.

Key words: globalization, models of globalization, state sovereignty, public administration, national security.

В настоящее время можно признать наличие фактического изгнания теории управления из юридических [8, с. 182-187] и иных смежных наук. Следствием этого разрыва является отсутствие в юриспруденции и иных науках достаточно полных представлений о способах, схемах, средствах, алгоритмах управления. Это порождает массу негативных последствий.

В частности, одной из серьезных проблем современного правоведения и государствоведения является не вполне точное представление об истоках и границах государственного суверенитета, несмотря на наличие целого ряда научных работ по проблематике государственного суверенитета. В свою очередь это не позволяет выстраивать сколь-нибудь точные теоретические модели государственного управления, функций государства, правовой политики вообще и правового регулирования в частности. Особую актуальность эта проблема приобретает в связи с приобретением глобализацией на современном этапе ее развития довольно специфических черт, создающих угрозу не только сохранения государствами национально-культурной идентичности, но и самому существованию национальных государств.

Да, глобализация действительно представляет собой объективный мировой процесс единения человечества. Это особая форма интеграции и взаимодействия людей.

Такое единение происходит в самых различных аспектах, практически во всех сферах жизни людей [1; 3; 5; 7]. Истоки глобализации можно считать, как минимум, уходящими корнями еще в те времена, когда Великий Шелковый путь, проходя через Азию, соединял Китай с европейскими государствами [4, с. 907-931]. Современный этап глобализации, принято считать начавшимся после второй мировой войны. К его основным этапам принято относить создание мировой финансовой системы и Международного валютного фонда, когда, говоря словами еще президента США Тафта, дипломатия канонеров была заменена на дипломатию доллара [2, с. 48], создание Всемирной торговой организации, Евросоюза, «Кеннеди – раунд» в рамках Генерального соглашения по тарифам и торговле [6, с. 306-310] и ряд иных процессов. И на данном этапе глобализация оказывает особое ключевое влияние на все государства мира в условиях нынешней техногенной цивилизации.

Важнейшими социальными причинами, обуславливающими глобализацию, являются, прежде всего, такие факторы, как:

1) относительная общность природных основ человеческого бытия. Все народы, независимо от общественного устройства и образа жизни, существуют на одной планете, с единой, общей для всех биосферой.

2) Взаимодетерминированность информационных, политических и экономических процессов, протекающих в различных регионах Земли. Современный миропорядок начинает базироваться на совокупности исторически закономерных процессов развития тех или иных обществ и характеризоваться глобальными тенденциями к взаимосвязи в области научно-технического прогресса, развития международных экономических, политических, культурных и других отношений.

3) Углубление тенденции интернационализации экономической жизни человечества. Современное мировое хозяйство становится единым организмом, вне которого не может развиваться ни одно государство, к какой бы общественной системе оно не относилось и на каком бы экономическом уровне не находилось.

Вместе с тем, следует понимать, что моделей осуществления глобализации может быть много. При этом история идей о моделях глобализации уходит корнями, в первую очередь, к идеям глобального государства (соединенных штатов Земли, всемирной федерации, мирового правительства). Данные идеи развивались (в основном) в западной политико-правовой мысли, а потому мировое правительство и мировое право фактически мыслились как политическое и правовое доминирование Запада, управляющего цивилизационными пространствами планеты согласно своим моделям глобализации.

В данной связи следует различать глобализацию и так называемый глобализм, как одну из моделей глобализации. В настоящее время в контексте глобализма было бы корректнее говорить не об американской [11, с. 58-66], но о западной модели глобализации. Подчеркнем, что точнее говорить не о либеральной/неолиберальной модели глобализации, поскольку либерализм и неолиберализм – это явления все же относительно новые, но именно о западной модели, поскольку речь идет о навязываемой миру модели социального политического, экономического, культурного и другого доминирования западной цивилизации, причем, в широком понимании западной цивилизации.

Справедливости ради заметим, что иногда принято выделять несколько иные модели глобализации. В частности, например, В.К. Левашов говорит о таких моделях (называя их стратегиями), как североамериканская, европейская, китайская, арабская, еврейско-израильская [9, с. 27]. Не проводя подробный сравнительный анализ каждой из предлагаемых моделей, отметим все же, что приводимые В.К. Левашовым модели («стратегии») имеют схожие сущностные свойства при отличиях несущественных для контекста настоящей работы и видимых при их интерпретации через использование методологического аппарата, позволяющего различать способы, схемы, средства, и полный набор этапов управления. В силу этого и можно говорить об особой – экспансивной модели глобализации.

Сами идеи глобального доминирования стран западной цивилизации уходят корнями в далекое прошлое и подобное доминирование шло в разное время под эгидой, например, Великой Римской Империи, Испании, Голландии, Англии и других стран. В нынешнее время глобализм реализуется под эгидой США и стран Евросоюза. И сказанное как раз не означает, что имела место быть римская, испанская, голландская, английская модели, а сейчас американо-евросоюзовская. Но речь идет именно о западной модели, которая, по сути, и не отличается от иных моделей, которые привел, например, В.К. Левашов.

Вместе с тем, тысячелетнюю историю имеет и сопротивление подобному глобализму со стороны России. И в данной связи неслучайно речь зачастую ведут о русской, российской и советской цивилизациях в преемственности поколений и субкультуры управления. Фактически речь можно вести об одной цивилизации, которая в своей концептуальной основе довольно серьезно отличается от западной цивилизации. Будем называть ее российской цивилизацией. Характер различий между российской и западной цивилизациями вызывает немало споров. Не рассматривая их по существу, отметим, что в контексте глобального управления, различия выражаются в следующем.

В ходе развития различных регионов (в том числе и уже состоявшихся как государства) иногда возникают ситуации, когда происходит потеря управления каким-либо центром по внутренним причинам региона, главной из которых является исчерпание запаса устойчивости в тех или иных аспектах по избранному вектору развития.

В таком случае появляются два варианта возможного будущего развития. Первый вариант типичен для западной цивилизации. Он представляет собой дальнейшее умышленное усугубление управленческого кризиса со стороны иных регионов/одного, наиболее сильного региона с дальнейшим поглощением обломков ослабевшего конкурента. Это происходит самыми различными путями: через уничтожение управленческих структур и их элементной базы, искажение, перехват информационных связей в контурах управления, создание конкурирующих управленческих структур и т.д. В общем и целом, такой подход описан в известном выражении «Разделяй и властвуй».

Такой вариант агрессивной модели глобализации может быть условно назван экспансивным, колониальным. Он отражает интересы правящей «элиты» «избранных» государств. В качестве примера можно привести идеи, например, Джона Локка, которого зачастую называли и называют не меньше, чем «интеллектуальным вождем 17 века». Локк полагал, что англичане обладают естественным правом англичан «распорядиться дарами Господа с умом». А такими дарами (господа) он называл разнообразные ресурсы, находящиеся на колонизируемых территориях. Соответственно, Локк полагал, что умом обладали лишь англичане, а потому чужие ресурсы якобы принадлежали им по естественному праву! И, как известно, подобные идеи не были просто досужими домыслами, но они были призваны оправдать общеизвестную практику колонизации, например, американского и африканского континентов, что и являлось одной из форм глобализации западного типа. Глобалисты-колонизаторы изымали такие «дары господ», как природные ресурсы, чужие земли. «Дарами господ» считались даже люди, которых колонизаторы обращали в рабов.

Впрочем, справедливости ради стоит заметить, что оправдание рабства – это идея не Локка, но еще такого «любимца» западных (впрочем, не только западных) «интеллектуалов», как Аристотеля, писавшего в своей работе «Политика», что охотиться можно не только на диких животных, так и на людей. На тех людей, которые, будучи от природы предназначенными к подчинению, не желают подчиняться. Такая охота идет в ходе войны и такая война по своей природе якобы справедлива.

В принципе Локка можно считать последователем Аристотеля, если обратить внимание на некий парадокс его жизни Локка. С одной стороны, Локк довольно много писал о таких ценностях, которые принято относить к неким столпам западного мира, оправдывающих выбор именно западной модели глобализации - свобода и права человека. Однако такую политическую философию Локк необычайно «остроумно» совмещал с собственным участием в работорговле. В частности, Локк вложил все свои деньги в работорговлю, когда стал одним из первых акционеров такого монополиста работорговли в Великобритании, как Королевская африканская компания, созданная королевским декретом в 1682 г. именно Локк вложил все свои деньги в работорговлю. А в 1669 г.) Локк был одним из соавторов конституции Каролины, юридически закрепившей негритянское рабство [10, с. 15-16].

Говоря о западной модели глобализации, чрезвычайно важно понять причины такого парадокса. Здесь важно увидеть, что Локк очень ярко и откровенно выражал специфическое мировоззрение западной «элиты», которая далеко не всех людей вообще считала людьми. В частности, к людям этой «элитой» было принято относить тех, кого, например, несколько позднее стали называть WASP – white anglo-saxon protestants, т.е. белые англо-саксонские протестанты. Из этого следовало, что, например, индейцев, негров, представителей иных расовых, этнических групп к людям относить было неправильно, а потому на них какие-либо права и свободы человека не распространялись. Соответственно, при осуществлении глобализации в форме колонизации к

таким «неполноценным людям» можно было относиться, например, как к животным.

При этом следует понимать, что экспансивная модель глобализации далеко не всегда предполагает прямое насилие. Дело в том, что те, кого «белые господа» считали неполноценными людьми иногда давали довольно жесткий отпор «лучшим людям». А потому «высокородные» колонизаторы действовали довольно изоциренно. В частности, следует помнить, что управление бывает не только структурным, но также и виртуально-структурным и бесструктурным [12, с. 32]. Если подчинить какое-то государство через разрушение его государственности, общественных устоев структурным способом (например, через силовое разрушение) не удастся, то используются бесструктурный и виртуально-структурный способы, при осуществлении которых используются невоенные, несиловые средства управления.

Соответственно, война – это не только прямая военная агрессия. Это также и целый комплекс невоенных мер, направленный на захват чужих ресурсов. И это будут природные, энергетические, человеческие ресурсы. Поэтому говорят о войнах гибридных, сетцентрических и т.д. [3; 7]. В ходе таких войн применяются средства несилового воздействия, т.н. мягкой силы [5, с. 11], но это средства разрушения, это сила разрушения, хотя она и воспринимается как мягкая. В ходе такой войны идет *одностороннее* воздействие одной системы на другую, своеобразный «экспорт» самых разнообразных информационных модулей, культуры, ценностей посредством различных каналов информационного влияния (СМИ, наука, образование, искусство и т.д.) при жестком доминировании одной культуры над другой.

Следует четко понимать, что современные страны Запада и в настоящее время точно так же считают себя носителями исключительных и естественных прав на все ресурсы, которыми обладает Россия, а также все государства, входившие ранее в состав СССР, а также все иные государства Азии и Африки, они рассматривают исключительно как совокупность ресурсов, в которых «остро нуждается Запад», т.е. эти страны для Запада – «еда», которая подлежит поглощению

Западом. Однако было бы в корне неверно рассматривать Запад лишь как некий геополитический конкурент России. Об обычной геополитической конкуренции можно речь вести на примере других стран, но не России.

Россия по отношению к Западу является именно альтернативной цивилизацией, а потому, противостояние России и Запада – это глобальное противостояние различных моделей будущего возможного развития планеты. Потому здесь речь идет о стратегическом противостоянии. И предпосылки такого противостояния заложены именно в альтернативной модели глобализации, во втором ее варианте.

Этот второй вариант предполагает ситуацию, когда некий регион-лидер, обогнавший в развитии потенциальных конкурентов, выходит из состояния конкуренции, переходя в союзнические отношения. При этом лидер упреждающе разворачивает свою деятельность так, чтобы «конкуренты», достигнув определённого уровня развития, сами вливались в русло развития лидера. Такое развитие присуще нашей, отечественной государственности. Это путь расширения российского государства. Такая модель глобализации может быть названа конвергентной, партнерской моделью, предполагающей не диктат, но именно диалог цивилизаций, диалог культур.

Характеризуя два приведенных типа развития различных регионов как возможных моделей глобализации, достаточно сравнить результаты колонизаторской деятельности стран Запада в рамках экспансивной, агрессивной модели, включающей в себя даже факты прямого геноцида отдельных народов и особенности конвергентного создания многонационального государства на территории нашей страны, когда практически ни один народ не погиб, не исчез как самобытная национальная единица. Это два пути возможного будущего развития, две модели, противостоящие друг другу.

Модель глобализации, предлагаемая Россией, фактически предполагает такое объединение, когда происходит сохранение национально-культурной идентичности, но при этом весь позитивный опыт цивилизационного развития стран и народов

заимствуется и сохраняется. Такая модель отражает и выражает следующее определение государства – это система (суверенного) (само)управления народа на определенной территории, обеспечивающая такую защиту от факторов давления среды, которая позволяет народу развиваться или хотя бы выживать *без потери его национально-культурной идентичности*. И первый серьезный вывод в контексте рассуждения о соотношении национальной безопасности и глобализации, осуществляемой в рамках западной, экспансивной, колониальной модели, состоит в том, что в аспекте сохранения государством своего суверенитета можно отметить наличие некоего парадокса.

Дело в том, что западная модель глобализации в силу того, что она предполагает наличие определенных специфических международных организаций, например, Международного валютного фонда, Всемирного банка реконструкции и развития, Всемирной торговой организации и др. Здесь следует четко понимать, что указанные субъекты зачастую связаны с современными технологиями, особенно в финансово-экономической и иных сферах гораздо теснее, нежели многие государства. И в силу этого данные структуры не только обладают значительными финансовыми ресурсами, но и управляют ими, а потому в финансовом плане они гораздо богаче и влиятельнее, чем многие государства. Результатом наличия таких свойств является то, что указанные международные структуры берут на себя некоторые государственные функции.

В результате этого мы видим, что государственное управление и такая модель глобализации опасна даже для самих стран Запада, поскольку создает серьезнейшую конкуренцию государственному суверенитету, бросает вызов любому национальному государству, когда верховная власть в условиях глобализации уже не может претендовать на реальное верховенство в пределах своей территории. Фактически это ведет к уходу государства из целого ряда сфер управления жизнью общества, т.е. его функции существенно

ограничиваются, причем, даже в самых могущественных государствах.

Второй проблемой является утрата именно национально-культурной идентичности конкретными государствами, причем опять - даже государствами Запада. В определенном смысле такая глобализация фактически поглощает самих же своих создателей, если исходить из того, что основной управленческой целью любого государства является не просто выживание и развитие своего народа, но также и сохранением этим народом своей национально-культурной идентичности.

Наличие двух этих проблем означает, что глобализация, реализуемая в рамках западной экспансивной модели, представляет собой экзистенциальную угрозу для любого государства, пытающегося действовать в рамках политики развития или выживания своего народа с сохранением его национально-культурной идентичности.

Именно поэтому вглубь веков и тысячелетий уходит проходящее в той или иной форме противостояние нашей страны, народов, проживающих на территории России, агрессивной модели глобализации со стороны коллективного Запада. Именно поэтому история отношений Руси-России-СССР с Западом предстает в одном из своих аспектов как череда постоянных войн, причем:

1) войн агрессивных со стороны именно Запада;

2) войн, ведущихся не только с применением традиционного оружия, но войн, понимаемых в широком смысле, как комплекса средств, направленных на захват чужих ресурсов (природных, энергетических и человеческих). В настоящее время подобные войны принято называть гибридными, сетевыми и т.п. Это напрямую влияет на государственную безопасность, государственный суверенитет, предопределяет сущность и содержание, конкретные управленческие решения, принимаемые в рамках глобальной, региональной и внутренней политики любого современного государства.

Следует понимать и учитывать, что подобное противостояние двух моделей

глобализации это вовсе не означает тактического, локального противостояния. Это именно глобальное противостояние, парадокс которого заключается в том, что при гипотетической победе экспансивной модели глобализации ущерб понесут, в том числе и те государства, которые сами являются движущей силой этого сценария глобализации. Все эти обстоятельства требуют выработки научно обоснованных моделей, позволяющих различать субъектов управления и их

инструменты даже среди различных государств и отдельных механизмов в составе данных государств. Кроме того, подобный научный фундамент позволит создать теоретические модели реализации не только структурного, но и бесструктурного способов управления при использовании интеллектуальных предикционных схем и широкого спектра средств несилового управления в самых различных направлениях деятельности государства.

Использованная литература

1. Арсеньева, И.И. Глобализация и перспективы мирового развития / И.И. Арсеньева // Журнал Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 81. – С. 7-15.
2. Бабунов, С.В. О разрушении мировой финансовой системы / С.В. Бабунов // Научный вестник оборонно-промышленного комплекса России. – 2012. – № 1. – С. 45-63.
3. Бартош, А.А. Стратегия и контр-стратегия гибридной войны / А.А. Бартош // Военная Мысль. – 2018. – № 10. – С. 5-21.
4. Дергачева, Е.А. Социально-философский анализ глобализации / Е.А. Дергачева // Современные исследования социальных проблем. – 2012. – № 1. – С. 907-931.
5. Джозеф, С. Най. Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике / Най Джозеф С.; пер. [с англ.] В.И. Супруна. – Новосибирск; Москва: Фонд социо-прогностических исследований «Тренды», 2006. – 221 с.
6. Зуева, И.А. Эволюция ГАТТ и создание ВТО в процессе глобализации / И.А. Зуева // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2010. – № 6. – С. 306-310.
7. Коровин, В.М. Третья мировая сетевая война / В.М. Коровин. – СПб.: Питер, 2014. – 354 с.
8. Костюченко, Н.И. Проблемы государственного управления, связанные с отсутствием в Российской Федерации специальности «наука управления» / Н.И. Костюченко // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2019. – № 1. – С. 182-187.
9. Левашов, В.К. Морально-политическая консолидация российского общества в условиях неолиберальных трансформаций / В.К. Левашов // Социологические исследования. – 2004. – № 7. – С. 27-45.
10. Маккарти, Т. Либеральный империализм и дилемма развития / Т. Маккарти // Логос. – 2006. – № 6 (56). – С. 15-16.
11. Скородумова, О.Б. Американская модель глобализации, ее социокультурные истоки и последствия / О.Б. Скородумова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2008. – № 3-1. – С. 58-66.
12. Солонько, И.В. Власть и общество: от иллюзий к реалиям / И.В. Солонько. – М.: Концептуал, 2018. – 232 с.

References

1. Arsenyeva, I.I. Globalization and Prospects of World Development / I.I. Arsenyeva // Bulletin of the Herzen State Pedagogical University of Russia. - 2008. - No. 81. - Pp. 7-15.
2. Babunov, S.V. On the Destruction of the Global Financial System / S.V. Babunov // Scientific Bulletin of the Defense Industrial Complex of Russia. - 2012. - No. 1. - Pp. 45-63.
3. Bartosh, A.A. Strategy and Counter-Strategy of Hybrid Warfare / A.A. Bartosh // Military Thought. - 2018. - No. 10. - Pp. 5-21.
4. Dergacheva, E.A. Social and Philosophical Analysis of Globalization / E.A. Dergacheva // Modern studies of social problems. - 2012. - No. 1. - Pp. 907-931.
5. Joseph, S. Nye. Flexible power: how to achieve success in world politics / Nye Joseph S.; trans. [from English] V.I. Suprun. - Novosibirsk; Moscow: Foundation for Socio-Prognostic Research "Trends", 2006. - 221 p.

6. Zueva, I.A. Evolution of GATT and the creation of the WTO in the process of globalization / I.A. Zueva // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. - 2010. - No. 6. - Pp. 306-310.
7. Korovin, V.M. The Third World Network War / V.M. Korovin. – SPb.: Piter, 2014. – 354 p.
8. Kostyuchenko, N.I. Problems of public administration associated with the absence of the specialty "management science" in the Russian Federation / N.I. Kostyuchenko // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2019. – No. 1. – Pp. 182-187.
9. Levashov, V.K. Moral and political consolidation of Russian society in the context of neoliberal transformations / V.K. Levashov // Sociological studies. – 2004. – No. 7. – P. 27-45.
10. McCarthy, T. Liberal imperialism and the development dilemma / T. McCarthy // Logos. – 2006. – No. 6 (56). – Pp. 15-16.
11. Skorodumova, O.B. The American model of globalization, its socio-cultural origins and consequences / O.B. Skorodumova // Bulletin of the Vyatka State Humanitarian University. - 2008. - No. 3-1. - Pp. 58-66.
12. Solonko, I.V. Power and society: from illusions to realities / I.V. Solonko. - M .: Conceptual, 2018 . - 232 p.

УДК 343.341.1

**ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ ПО ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПРАВОВОГО СОДЕРЖАНИЯ
СОВРЕМЕННОГО ЭКСТРЕМИЗМА И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ**

**РӮЙКАРДҲОИ АСОСИИ МУАЙЯННАМОИИ МАЗМУНИ ҲУҚУҚИИ
ЭКСТРЕМИЗМИ МУОСИР ВА ДУРНАМОИ ТАКМИЛИ ОН**

**THE MAIN APPROACHES TO DEFINING THE LEGAL CONTENT OF MODERN
EXTREMISM AND PROSPECTS FOR ITS IMPROVEMENT**

САФАРЗОДА Х.С.
SAFARZODA H.S.

Профессор кафедры предупреждения террористических преступлений и обеспечения общественной безопасности факультета № 6 Академии МВД Республики Таджикистан, кандидат юридических наук, доцент, полковник милиции
Профессори кафедраи пешгирии ҷиноятҳои террористӣ ва таъмини амнияти ҷамъиятии факултети № 6 Академияи ВҚД Ҷумҳурии Тоҷикистон, номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсент, полковники милитсия
Professor of the Department of Prevention of Terrorist Crimes and Public Safety of Faculty No. 6 of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan, Candidate of Law, Associate Professor, Colonel of militia

e-mail:
h.safarov@mail.ru

Научная специальность: 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право (5.1.4. Уголовно-правовые науки).

Ихтисоси илмӣ: 12.00.08 – Ҳуқуқи ҷиноятӣ ва криминология; ҳуқуқи иҷроии ҷазои ҷиноятӣ (5.1.4. Илмҳои ҷиноятӣ-ҳуқуқӣ).

Scientific specialty: 12.00.08 - Criminal law and criminology; penal law (5.1.4. Criminal law sciences).

Рецензент: Зоир Дж.М. – заведующий отделом государственного права Института философии, политологии и права им. А. Баховаддинова Национальной академии наук Таджикистана, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник Таджикистана, генерал-майор милиции.

Тақриздиханда: Зоир Ҷ.М. – мудири шӯбаи ҳуқуқи давлатии Институти фалсафа, сиёсатшиносӣ ва ҳуқуқи ба номи А. Баховаддинови Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон, доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор, корманди шоистаи Тоҷикистон, генерал-майори милитсия.

Reviewer: ZOIR J.M. – Head of the Department of State Law of the Institute of Philosophy, Political Science and Law named after A. Bahovaddinov of the National Academy of Sciences of Tajikistan, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Tajikistan, Major General of Police.

Аннотация: В статье рассмотрены основные подходы по определению сущности правового содержания современного экстремизма. Автор приходит к выводу, что многочисленные виды и формы экстремизма, по существу, определяют разные стороны одного то и того же преступного явления. Однако в пределах уголовного права должны найти отражения те характерные признаки экстремизма, которые подчеркивают его общественную опасность, в том числе его мотивы, групповой и организованный характер, формы публичного проявления, с учетом его дифференциации на соответствующие части самостоятельной

статьи под названием «экстремизм», т.к. действующие нормы уголовного закона об ответственности за преступления экстремистского характера очень растяжимы и противоречивы, соответственно, не эффективны с точки зрения науки уголовного права.

Ключевые слова: экстремизм, экстремистская деятельность, экстремистские мотивы, вражда, рознь, основы конституционного строя, состав преступления, дифференциация, совершенствование.

Аннотатсия: Дар мақола рӯйдодҳои асосии муайян кардани мазмуни ҳуқуқи экстремизми муосир мавриди баррасӣ қарор дода шудаанд. Муаллиф ба ҳулосае меояд, ки шакли намудҳои сершумори экстремизм ҷанбаҳои гуногуни як падидаи ҷиноятиро моҳиятан муайян мекунад. Аммо дар доираи қонуни ҷиноятӣ он аломатҳои хосси экстремизм, ки хатари ҷамъиятии онро таъкид мекунад, бояд ангезаҳо, моҳияти гурӯҳӣ ва муташаккилӣ, шаклҳои зуҳури оммавӣ бо назардошти тафриқаи он ба қисмҳои дахлдор дар моддаи алоҳида бо номи «экстремизм» инъикос карда шаванд, ҷунки меъёрҳои мавҷудаи қонуни ҷиноятӣ оид ба ҷавобгарӣ барои ҷиноятҳои дорои хусусияти экстремистӣ хеле тағйирпазир ва зиддиятноканд, бинобар ин онҳо аз нуқтаи назари илми ҳуқуқи ҷиноятӣ самаранок нестанд.

Важсаҳои калидӣ: экстремизм, ғаъолияти экстремистӣ, ангезаҳои экстремистӣ, ҳусумат, душманӣ, асосҳои сохти конститусионӣ, таркиби ҷиноят, тафриқанамоӣ, такмилдиҳӣ.

Annotation: The article examines the main approaches to defining the essence of the legal content of modern extremism. The author comes to the conclusion that numerous types and forms of extremism essentially define different sides of the same criminal phenomenon. However, within the criminal law, those characteristic features of extremism that emphasize its social danger should be reflected, including its motives, group and organized nature, forms of public manifestation, taking into account its differentiation into the corresponding parts of an independent article called extremism. Since the current norms of the criminal law on liability for crimes of an extremist nature are very elastic and contradictory, accordingly, they are not effective from the point of view of the science of criminal law.

Key words: extremism, extremist activity, extremist motives, hostility, discord, foundations of the constitutional system, elements of a crime, differentiation, improvement.

Современный экстремизм является сложным и многомерным уголовно-правовым явлением, посягающим на многие объекты жизнедеятельности людей. В силу его комплексного характера разработка уголовно-правовых границ является одним из самых сложных вопросов науки уголовного права. более того, наравне с правовым аспектом, экстремизм затрагивает еще и идеологические, информационные, политические, религиозные, экономические, психологические, исторические, философские, технологические и многие другие проблемы.

Осознавая всю трудность определения понятия «экстремизм», В. Третьяков отмечает, что «...как только экстремизм начинают детально квалифицировать, он сразу же исчезает, ... или превращается в такое неопределенное (хоть и содержащееся в Уголовном кодексе) деяние, как «возбуждение

национальной, расовой или религиозной вражды»» [22, с. 141].

О сложности понятийного аппарата экстремизма, В.В. Лунеев отмечает, что «даже специалисту очень трудно разобратся в законотворчестве об экстремизме...» [16, с. 58].

В энциклопедических словарях экстремизм определяется как «приверженность к крайним взглядам, мерам (обычно в политике)» [25, с. 52]. А в словаре С.И. Ожегова под «взглядами» понимается «мнение, суждение», а «меры» представляются как «средство для осуществления чего-нибудь, мероприятие» [19, с. 77].

Необходимо отметить, что в отечественной научной литературе обычно выделяют три основные формы проявления экстремизма: политический, национальный и религиозный [7, с. 34]. Выделенные формы экстремизма, как правило, никогда в

действительности не выступают в «чистом» виде [11, с. 14].

При попытке разработки характерных признаков современного экстремизма (в зависимости от конкретных обстоятельств, где развиваются экстремистские проявления) на почве политических мотивов, многие ученые непроизвольно отмечают и о его религиозных [10, с. 12; 18, с. 584; 24, с. 6; 26, с. 44] и националистических мотивах [15, с. 7; 21, с. 108; 28, с. 27].

Экстремизм классифицируется также в зависимости от возрастных [8, с. 19], групповых качеств [23, с. 4], насильственного [20, с. 258] и не насильственного характера [27, с. 7]. В зависимости от сферы человеческой деятельности и психического состояние индивида, некоторые авторы отмечают о социально-экономический и бытовой, экологический, культурный, спортивный и психопатический характер экстремизма [12, с. 42].

В зависимости от развития современных общественных отношений и появления новых информационно-телекоммуникационных технологий, СМИ и Интернета, в последние годы, ученые предлагают понятие «информационный экстремизм» и обосновывают характерные его признаки [17, с. 5].

В.Н. Кудрявцев справедливо отмечает, что состав преступления содержит не случайный набор признаков, а те, которые вскрывают сущность явления, за которым кроется объективная закономерность реальной действительности» [14, с. 36].

Однако в современном законодательстве стран-участников СНГ для определения уголовно-правовых границ экстремизма необходимо обратиться к содержанию растяжимых юридических дефиниций, таких, как «преступления экстремистского характера» или более широкого понятия «экстремистская деятельность».

В этом отношении прав М.П. Киреев, говоря о том, что «на сегодняшний день нет общепризнанного определения экстремизма, а понятие, данное в законодательстве Российской Федерации, справедливо подвергается критике как не раскрывающее всей его

сути, отождествляющее экстремизм с экстремистской деятельностью ...» [13, с. 97].

Как было сказано выше, исследователи данной проблемы предлагают десятки определений понятию современного экстремизма, где мотивы этого феномена выступают в качестве критерия классификации видов экстремизма, а способы их совершения (информационный, публичный, групповой, организованный, насильственный, не насильственный т.д.) служат основой для дифференциации уголовной и административной ответственности за данное деяние.

«Многоликий экстремизм» стал основой в появлении на законодательном уровне десятков преступлений экстремистского характера и других юридических дефиниций, связанных с экстремистской деятельностью, тем самым, усложняя квалификацию экстремистских проявлений, правоприменительной практики, соответственно, эффективной практики борьбы с ним.

Мы солидарны с мнением С.В. Борисова о том, что «своеобразным прообразом, основой для Модельного закона послужил Федеральный закон Российской Федерации «О противодействии экстремистской деятельности». Ученый отмечает, что «при разработке Модельного закона не были учтены многие проблемы национального законодательства и правоприменения, такие как: 1) отсутствие разделения или иное определение соотношения правовых понятий экстремистской деятельности (экстремизма) и терроризма; 2) отсутствие нормативного определения критериев для отнесения того или иного деяния к экстремистской деятельности (экстремизму), кроме соответствующего перечня действий; 3) включение в данный перечень как уголовно, так и административно наказуемых деяний» [9, с. 119].

Справедлив С.В. Борисов и в том, что «установление и реализация административной ответственности является более эффективным средством предупреждения возбуждения ненависти либо вражды, осуществляемого путем действий, не связанных с какими-либо общественно опасными деяниями, например, с применением насилия. Если же такие действия, не проявлялись в общественно опасном деянии, касаются

конкретного человека или группы людей, то защита их прав возможна и за счет гражданско-правовых средств» [9, с. 105].

В Законе Республики Таджикистан «О борьбе с экстремизмом», принятом 8 декабря 2003 года (ныне не действует) «экстремизм» представлял собой «проявление юридическими и физическими лицами выражения крайних форм действий, призывающих к дестабилизации, изменению конституционного строя в стране, захвату власти и присвоению ее полномочий, разжиганию расовой, национальной, социальной и религиозной вражды» [6].

С принятием нового Закона Республики Таджикистан «О противодействии экстремизму» в январе 2020 года, ситуация не только не нормализовалась, а наоборот усугубилась. В указанном Законе появились три нижеследующих понятия экстремизма:

1) Экстремизм - выражение идеологии и экстремистской деятельности, направленное на решение политических, общественных, социальных, национальных, расовых, региональных и религиозных вопросов насильственным путем и другими противоправными действиями (п.1 ст.1);

2) экстремистская деятельность - деятельность политических партий, общественных или религиозных объединений, средств массовой информации или иных организаций, в том числе международных организаций и физических лиц по планированию, организации, подготовке и совершению действий, направленных на совершение экстремистской деятельности, нестабильности национальной безопасности и обороноспособности государства, а также публичные призывы к насильственному захвату государственной власти или насильственному изменению конституционного строя и действия, направленные к возбуждению национальной, расовой, региональной или религиозной вражды или розни (п. 2 ст. 1);

3) деятельность, признанная в Республике Таджикистан экстремистской:

– насильственное свержение или изменение основ конституционного строя, нарушение суверенитета, независимости и целостности Республики Таджикистан, а также содействие этим действиям;

– разжигание расовой, национальной, региональной, религиозной и социальной вражды, а также пропаганда исключительности, превосходства граждан по признаку их религиозной, конфессиональной, языковой, национальной, расовой или региональной принадлежности публично или с использованием средств массовой информации или совершение этих действий с применением насилия или угрозой его применения;

– действия, направленные на подрыв безопасности Республики Таджикистан; действия, направленные на захват или присвоение властных полномочий; создание незаконных вооружённых формирований или участие в них;

– унижение национального достоинства; нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в связи с его социальной, расовой, национальной, клановой, региональной, религиозной, языковой принадлежностью или его отношением к религии;

– привлечение к участию в экстремистских действиях, а также изучению экстремистской идеологии;

– воспрепятствование либо принуждение к изменению характера законной деятельности органов государственной власти, местного самоуправления, избирательных комиссий, других организаций, объединений и их должностных лиц;

– применение насилия, либо угрозы его применения в отношении сотрудников правоохранительных органов либо других государственных учреждений, их близких с целью мести за действия, связанные с осуществлением служебной деятельности, либо угроза применения насилия по этим мотивам;

– пропаганда и публичная демонстрация герба, флага или других символов организации, признанной судом экстремистской;

– публичный призыв к осуществлению экстремистских действий, либо распространение экстремистских материалов, а равно их изготовление и хранение в целях распространения;

– издание и (или) распространение печатных, аудио, аудиовизуальных и иных материалов экстремистского характера в средствах массовой информации, интернете, сетях электрической связи (п. 2 ст. 3) [3].

В силу растяжимости определений понятий «экстремизм» и «экстремистская деятельность», таджикский законодатель не обошёлся без взаимной ссылки на термин «экстремистская деятельность», но из содержания понятия «экстремизм» вытекает, что он имеет насильственную (соответственно, уголовно-правовую природу) и ненасильственную (административно-правовую) природу. При этом политические, националистические, расовые, и религиозные составляющие экстремизма обозначаются в общем виде, а общественный, социальный, региональный характер экстремизма загружают его суть элементами тавтологии и неопределённости.

В ст. 1 Федерального закона Российской Федерации «О противодействии экстремистской деятельности», понятия «экстремизм» и «экстремистская деятельность» закреплены равнозначно под одним названием, представляющие собой, почти аналогичные деяния, которые нашли отражения в Модельном законе [4].

Положительным моментом российского специального закона является предусмотренный пункт о «совершении преступлений по мотивам, указанным в пункте «е» ч. 1 ст. 63 Уголовного кодекса Российской Федерации» (далее – УК РФ), который определяет экстремистский характер преступлений предусмотренных по всему периметру УК РФ [2].

И неслучайно таджикский законодатель в конструкции ч. 1 ст. 307(2) Уголовного кодекса Республики Таджикистан (далее – УК РТ), указывая экстремистские мотивы, перечисляет некоторые распространенные виды экстремизма, такие, как политический, идеологический, расовый, национальный, местнический и религиозный [1]. Аналогичная ситуация прослеживается и в конструкции ст. 282(1) УК РФ, в прим. 2 к которой говорится, что «Под преступлениями экстремистской направленности в

настоящем Кодексе понимаются преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса...» [2].

Несмотря на то, что понятие «экстремистская деятельность» (экстремизм) является комплексным (не строго определенным), в силу формальности уголовно-правовых границ для практического применения растяжим.

В Модельном уголовном кодексе Содружества Независимых Государств мотив национальной, расовой либо религиозной ненависти или вражды указывается в качестве квалифицирующего признака таких преступлений, как убийство (п. «м» ч. 2 ст. 111); причинение тяжкого вреда здоровью (п. «м» ч. 2 ст. 119); причинение вреда здоровью средней тяжести (п. «е» ч. 2 ст. 120); истязание (п. «ж» ч. 2 ст. 126); надругательство над телами умерших и местами их захоронения (ч. 2 ст. 239). В п. «д» ч. 2 ст. 252 Модельного кодекса указывается на совершение умышленного уничтожения или повреждения чужого имущества по мотивам национальной или расовой вражды либо религиозного фанатизма [5].

Почти аналогичные экстремистские мотивы в качестве квалифицирующих признаков нашли отражение в ряде статей УК РТ (убийство (п. «м» ч. 2 ст. 104; умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (п. «м» ч. 2 ст. 110); умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (п. «е» ч. 2 ст. 111); истязание (п. «з» ч. 2 ст. 117); (терроризм п. «в» ч. 2 ст. 179), надругательство над телами умерших и местами их захоронения (п. «б» ч. 2 ст. 243), геноцид (ч. 1 ст. 398)).

С учетом вышеизложенного, возможно сделать ряд выводов:

1. Современный экстремизм проявляется в любой сфере общественной жизни (в культуре, спорте, экономике, экологии и т.д.), где сталкиваются различные интересы и точки зрения. Однако, «крайние» взгляды и меры (в зависимости от субъектов,

осуществляющих экстремистскую деятельность) могут быть сопряжены с обоснованием публичного распространения насильственной идеологии по отношению к оппонентам, причинения им физического, материального, духовного вреда или же без таковых. В связи с этим в науке и праве появились две формы современного экстремизма: «насильственный экстремизм» и «ненасильственный экстремизм», соответственно, их уголовно-правовой и административно-правовой характер.

2. В уголовных законодательствах стран участников СНГ до принятия законов «О борьбе с экстремизмом» (2003 г.) существовали две нормы, аналогичные ст. 189 УК РТ (Возбуждение национальной, расовой, местнической или религиозной вражды) и ст. 307 УК РТ (Публичные призывы к насильственному изменению конститутивного строя Республики Таджикистан). Диспозиция и соответствующие части этих норм практически охватывали суть многочисленных видов современного экстремизма, способы их проявления (публичные призывы, насаждение розни и вражды), а также групповой и организованный их характер.

3. Сложность и размытость границ многочисленных новых статей уголовных кодексов стран участников СНГ, аналогичных статьям 307(1) УК РТ (Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности и публичное оправдание экстремизма), ст. 307(2) УК РТ (Организация экстремистского сообщества), ст. 307 (3). УК РТ (Организация деятельности экстремистской организации) ст. 307(4) УК РТ (Организация учебы или учебной группы религиозно-экстремистского характера) не отвечают основополагающим принципам теории уголовного права, так как они находятся в конкуренции со ст. 189 УК РТ (Возбуждение национальной, расовой, местнической или религиозной вражды) и ст. 307 УК РТ (Публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя Республики Таджикистан), которые и составляют суть реального (не вымышленного) экстремизма.

4. Есть необходимость объединить вышеуказанные статьи в один совершенный самостоятельный состав под названием «Экстремизм» с учетом основополагающих принципов о криминализации преступного деяния и дифференциации уголовной ответственности.

Использованная литература

1. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г., № 574 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 1998 г., № 9, ст. 68, ст. 69, № 22, ст. 306 (Закон РТ от 20.04.2021 г., № 1776.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ (ред. от 02.02.2024) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Консультант Плюс http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
3. Закон Республики Таджикистан «О противодействии экстремизму» от 2 января 2020 г., № 1655 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.jumhuriyat.tj/index.php?art_id=39276
4. Федеральный закон Российской Федерации «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г., № 114-ФЗ [Электронный ресурс]. / – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/ips>
5. Модельный Уголовный кодекс для государств - участников СНГ: принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств участников СНГ 17 февраля 1996 г. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/2566472/>.
6. Закон Республики Таджикистан «О борьбе с экстремизмом» от 8 декабря 2003 г., за № 69 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2003 г., № 12, ст. 697; 2007 г., № 3, ст. 158; 27.11.2014 г., № 11, ст. 655 (утратил силу)
7. Абдухамитов, В.А. Борьба с религиозным экстремизмом: уголовно-правовые, криминологические проблемы (на материалах Республики Таджикистан): монография / В.А. Абдухамитов / под общ. ред. Л.Ч. Сыдыковой. – Бишкек: «Belprint», 2015. – 260 с
8. Аминов, Д.И., Оганян, Р.Э. Молодежный экстремизм / Д. И. Аминов, Р. Э. Оганян; под науч. ред. Р. А. Адельханяна. – М.: Триада ЛТД, 2005. – 194 с.
9. Борисов, С.В. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Борисов Сергей Викторович. – М., 2012. – 484 с.

10. Бурковская, В.А. Криминальный религиозный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические основы противодействия: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Бурковская Виктория Алексеевна. – М., 2006. – 469 с.
11. Верховский, А. Политический экстремизм в России: общественно-политическая литература / А. Верховский, А. Папп, В. Прибыловский. – М.: Ин-т экспериментальной социологии, 1996. – 356 с.
12. Иванов, Н.Г. Нюансы уголовно-правового регулирования экстремистской деятельности как разновидности группового совершения преступлений / Н.Г. Иванов // Государство и право. – 2003. – № 5. – С. 42-48.
13. Киреев, М.П. Противодействие экстремизму в современной России и задачи органов внутренних дел / М.П. Киреев // Труды Академии управления МВД России. – 2009. – № 2 (10). – С. 97-101.
14. Кудрявцев, В.Н. Общая теория квалификации преступлений / В.Н. Кудрявцев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: «Юрист», 2001. – 301 с.
15. Лабунец, М.И. Политический экстремизм: этнонациональная регионализация: автореф. дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Лабунец Михаил Иванович. – Ростов н/Д, 2002. – 21 с.
16. Лунева, В.В. Проблемы криминализации и противодействия экстремизму // Государство и право. – 2009. – № 9. – С. 44-64.
17. Мозговой В.Э. Информационный экстремизм в условиях социкоммуникативных трансформации российского общества: дис... канд. соц. наук: 22.00.04 / Владимир Эдуардович Мозговой. – Краснодар, 2015. – 146 с.
18. Нуруллаев, А.А. Преодоление религиозного политического экстремизма - важное условие укрепления национальной безопасности России / А.А. Нуруллаев // Безопасность Евразии. – 2002. – № 1 (январь-март). – С. 544-549.
19. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов / под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. – 24-е изд., испр. – М.: Издательский дом «ОНИКС 21 век»: «Издательство мир и Образование», 2005. – 787 с.
20. Павлинов А.В. Насильственный экстремизм. / А.В. Павлинов; [Предисл.: С.В. Максимов]; – М.: Лика, 2004. – 258 с.
21. Русанова, О.А. Этнорелигиозный экстремизм как социальное явление в российском обществе (на примере северокавказского региона) // Вестник московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2005. – № 2. – С. 107-109.
22. Силаева, Н.А. Правовые аспекты предупреждения преступлений, посягающих на политическую систему России / Н.А. Силаева // Национальная безопасность. – 2013. – № 1. – С. 140-151.
23. Сиоридзе А.Т. Групповой молодежный экстремизм: криминологическое исследование: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Андрей Теймуразович Сиоридзе. – М., 2007. – 212 с.
24. Скворцова, Т.А. Религиозный экстремизм в контексте государственно-правового обеспечения национальной безопасности современной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 23.00.02 / Скворцова Татьяна Александровна. – Ростов н/Д, 2004. – 22 с.
25. Советский энциклопедический словарь / Научно-редакционный совет: А.М. Прохоров (пред.). – М.: «Советская энциклопедия», 1981. – 1600 с.
26. Степанов, Н.В. Криминологические проблемы противодействия преступлениям, связанным с политическим и религиозным экстремизмом: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Степанов Николай Владимирович. – М., 2003. – 182 с.
27. Хлебушкин, А.Г. Уголовно-правовая политика Российской Федерации в сфере охраны основ конституционного строя: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Хлебушкин Артем Геннадьевич. – СПб., 2016. – 480 с.
28. Чичановский, А.А. Национальный экстремизм и проблемы информационной безопасности страны / А.А. Чичановский // Материалы регионального круглого стола «Национальное согласие и национальный экстремизм в современной России: исторические корни, реалии и перспективы». – Саратов, 2000. – С. 27-30.

References

1. Criminal Code of the Republic of Tajikistan of May 21, 1998, No. 574 // Akhbori Majlisi Oli of the Republic of Tajikistan, 1998, No. 9, Art. 68, Art. 69, No. 22, Art. 306 (Law of the Republic of Tajikistan dated 20.04.2021, No. 1776).
2. Criminal Code of the Russian Federation dated June 13, 1996, No. 63-FZ (as amended on 02.02.2024) [Electronic resource]. - Access mode: Consultant Plus <http://www.consultant.ru/document>

/cons_doc_LAW_10699/

3. Law of the Republic of Tajikistan "On Counteracting Extremism" dated January 2, 2020, No. 1655 // [Electronic resource]. - Access mode: http://www.jumhuriyat.tj/index.php?art_id=39276
4. Federal Law of the Russian Federation «On Counteracting Extremist Activity» dated July 25, 2002, No. 114-FZ [Electronic resource]. / – Access mode: <http://pravo.gov.ru/ips>
5. Model Criminal Code for the CIS Member States: adopted by the Resolution of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States on February 17, 1996) // [Electronic resource]. – Access mode: <http://base.garant.ru/2566472/>.
6. Law of the Republic of Tajikistan "On Combating Extremism" dated December 8, 2003, No. 69 // Akhbori Majlisi Oli of the Republic of Tajikistan, 2003, No. 12, Art. 697; 2007, No. 3, Art. 158; 27.11.2014, No. 11, Art. 655 (no longer in effect)
7. Abdukhamitov, V.A. Combating religious extremism: criminal-legal, criminological problems (based on the materials of the Republic of Tajikistan): monograph / V.A. Abdukhamitov / under the general editorship of L.Ch. Sydykova. - Bishkek: «Belprint», 2015. - 260 p.
8. Aminov, D.I., Oganyan, R.E. Youth extremism / D.I. Aminov, R.E. Oganyan; under the scientific editorship of R.A. Adelkhanyan. - M.: Triada LTD, 2005. - 194 p.
9. Borisov, S.V. Extremist crimes: problems of legislation and law enforcement: dis. ... Dr. of Law: 12.00.08 / Borisov Sergey Viktorovich. - M., 2012. - 484 p.
10. Burkovskaya, V.A. Criminal religious extremism: criminal-legal and criminological foundations of counteraction: dis. ... Doctor of Law: 12.00.08 / Burkovskaya Victoria Alekseevna. - M., 2006. - 469 p.
11. Verkhovsky, A. Political extremism in Russia: socio-political literature / A. Verkhovsky, A. Papp, V. Pribylovsky. - M.: Institute of Experimental Sociology, 1996. - 356 p.
12. Ivanov, N.G. Nuances of criminal-legal regulation of extremist activity as a type of group crime / N.G. Ivanov // State and Law. - 2003. - No. 5. - Pp. 42-48.
13. Kireev, M.P. Counteracting Extremism in Modern Russia and the Tasks of the Internal Affairs Bodies / M.P. Kireev // Works of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2009. - No. 2 (10). - Pp. 97-101.
14. Kudryavtsev, V.N. General Theory of Crime Qualification / V.N. Kudryavtsev. - 2nd ed., revised and enlarged. - M.: «Yurist», 2001. - 301 p.
15. Labunets, M.I. Political Extremism: Ethno-National Regionalization: Abstract of Cand. Sci. (Polit.): 23.00.02 / Labunets Mikhail Ivanovich. - Rostov n / D, 2002. - 21 p.
16. Luneev, V.V. Problems of Criminalization and Counteracting Extremism // State and Law. – 2009. – № 9. – Pp. 44-64.
17. Mozgovoy V.E. Information extremism in the context of socio-communicative transformation of Russian society: diss... Cand. of Social Sciences: 22.00.04 / Vladimir Eduardovich Mozgovoy. – Krasnodar, 2015. – 146 p.
18. Nurullaev, A.A. Overcoming religious political extremism is an important condition for strengthening Russia's national security / A.A. Nurullaev // Security of Eurasia. – 2002. – № 1 (January-March). – Pp. 544-549.
19. Ozhegov, S.I. Dictionary of the Russian language / S.I. Ozhegov / under the general editorship of prof. L.I. Skvortsov. – 24th ed., corrected. – M.: Publishing house «ONIX 21 century»: «Publishing house world and Education», 2005. – 787 p.
20. Pavlinov AV Violent extremism. / AV Pavlinov; [Preface: SV Maksimov]; -M.: Lika, 2004. - 258 p.
21. Rusanova, OA Ethnoreligious extremism as a social phenomenon in Russian society (on the example of the North Caucasus region) // Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and political science. – 2005. – No. 2. – Pp. 107-109.
22. Silaeva, NA Legal aspects of preventing crimes that encroach on the political system of Russia / NA Silaeva // National security. – 2013. – No. 1. – Pp. 140-151.
23. Sioridze A.T. Group youth extremism: criminological study: dis. ... candidate of legal sciences: 12.00.08 / Andrey Teimurazovich Sioridze. – M., 2007. – 212 p.
24. Skvortsova, T.A. Religious extremism in the context of state and legal support of national security of modern Russia: author's abstract. dis. ... candidate of legal sciences: 23.00.02 / Skvortsova Tatyana Aleksandrovna. – Rostov n / D, 2004. – 22 p.
25. Soviet encyclopedic dictionary / Scientific editorial board: A.M. Prokhorov (chairman). – M.: “Soviet Encyclopedia”, 1981. – 1600 p.

26. Stepanov, N.V. Criminological problems of combating crimes related to political and religious extremism: dis. ... candidate of legal sciences: 12.00.08 / Stepanov Nikolay Vladimirovich. – М., 2003. – 182 p.

27. Khlebushkin, A.G. Criminal-legal policy of the Russian Federation in the sphere of protection of the foundations of the constitutional system: diss. ... Doctor of Law: 12.00.08 / Artem Gennadievich Khlebushkin. - St. Petersburg, 2016. - 480 p.

28. Chichanovsky, A.A. National extremism and problems of information security of the country / A.A. Chichanovsky // Materials of the regional round table «National harmony and national extremism in modern Russia: historical roots, realities and prospects». - Saratov, 2000. - Pp. 27-30.

ТДУ 343.123.66

**ОИД БА АФЗАЛИЯТИ ШАКЛИ ПРОТОКОЛИИ ОМОДАКУНИИ МАВОДДИ
ТОСУДӢ ЗИМНИ МУРОҶИАТИ ШАҲРВАНДОН ВОБАСТА БА ПАРВАНДАҶОИ
АЙБДОРКУНИИ ХУСУСӢ**

**О ПРЕИМУЩЕСТВЕ ПРОТОКОЛЬНОЙ ФОРМЫ ДОСУДЕБНОЙ ПОДГОТОВКИ
МАТЕРИАЛОВ В ХОДЕ ОБРАЩЕНИЙ ГРАЖДАН ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ
ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ**

**ON THE ADVANTAGE OF THE PROTOCOL FORM OF PRE-TRIAL PREPARATION OF
MATERIALS IN THE COURSE OF CITIZENS' APPEALS IN CRIMINAL CASES OF
PRIVATE PROSECUTION**

ТОҲИРЗОДА О.Т.
TONIRZODA O.T.

Профессори кафедраи ташкили тактикаи фаъолияти оперативӣ-ҷустуҷӯии факултети № 6 Академияи ВҚД Ҷумҳурии Тоҷикистон, номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, полковники милитсия
Профессор кафедры организации тактики оперативно-розыскной деятельности факультета № 6 Академии МВД Республики Таджикистан, кандидат юридических наук, полковник милиции
Professor of the Department of Organization of tactics of operational-search activities Faculty № 6 of the Academy of the MIA of the Republic of Tajikistan, candidate of legal sciences, colonel of militia

E-mail:
otohirzoda@yandex.ru

Ихтисоси илмӣ: 12.00.09 – Ҳуқуқи муҳофизати ҷиноятӣ (5.1.4. Илмҳои ҳуқуқӣ-ҷиноятӣ).

Научная специальность: 12.00.09 – Уголовно–процессуальное право (5.1.4. Уголовно–правовые науки).

Scientific specialty: 12.00.09 – Criminal procedure law (5.1.4. Criminal law sciences).

Тақриздиханда: АБДУЛЛОЗОДА П.С. – дотсенти кафедраи ҳуқуқи судӣ ва назорати прокурорӣ факултети ҳуқуқшиносӣ Донишгоҳи миллии Тоҷикистон, доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ.

Рецензент: АБДУЛЛОЗОДА П.С. – доцент кафедри судебного права и прокурорского надзора юридического факультета Таджикского национального университета, доктор юридических наук.

Reviewer: ABDULLOZODA P.S. – Associate Professor of the Department of Judicial Law and Prosecutor's Supervision of the Law Faculty of the Tajik National University, Doctor of Law.

Аннотатсия: Дар мақола як қатор муаммоҳо, доир ба шикоятҳои шаҳрвандоне, ки ба мақомоти ҳифзи ҳуқуқ вобаста ба парвандаҳои айбдоркунии хусусӣ муроҷиат мекунанд, баррасӣ карда мешавад. Таҳлили ретроспективӣ ва муосири тартиби муроҷиати шаҳрвандон оид ба муносибатҳои ҳуқуқии мазкур нишон дода мешавад. Ақидаи назариявӣ доир ба мақсаднок будани муроҷиати алтернативии шаҳрвандон вобаста ба парвандаҳои айбдоркунии хусусӣ ба мақомоти таҳқиқ, ки бо он имконияти дар шакли протоколии омодакунии маводди тосудӣ гузаронидани чорабиниҳои зарурӣ муяссар мегардад, дарҷ шудааст. Фикру андешаҳо асоснок карда шудааст, ки дар доираи пешбурди мазкур манфиатҳои шахсонӣ хусусӣ бештар ҳимоя карда мешаванд, аз сабаби он, ки санҷиши ҳолати содиршавии ҷиноят ва ҷамъоварии далелҳо аз ҷониби субъекти ваколатдори исбот гузаронида мешавад. Ин боиси дар ҳаҷми кофӣ ба суд таъҷилан пешниҳод намудани мавод мегардад. Зарурати аз

тарафи маҳз чабрдида дар муҳокимаи судӣ дастгир намудани айбдоркунӣ бидуни иштироки мақомоти давлатӣ қайд карда мешавад.

Возсаҳои калидӣ: тафриқанамой, айбдоркунии хусусӣ, шакли протоколӣ, аризадиҳанда, ҳуқуқвайронкунанда, суд.

Аннотация: В статье отмечается о некоторых проблемах при жалобе граждан в правоохранительные органы в ходе производства по делам о преступлениях, отнесенных к категории частного обвинения. Проводится ретроспективный и современный анализ порядка обращения граждан в данной сфере правоотношений. Указывается о целесообразности альтернативного обращения граждан по делам частного обвинения в органы дознания, позволяющая по протокольной форме досудебной подготовки материалов провести необходимые действия. Обосновывается вывод о том, что в рамках указанного производства интересы частных лиц наиболее защищены в связи с тем, что проверка обстоятельств совершения преступления и собирание доказательств осуществляется полноценным субъектом доказывания, который в достаточном объеме способен собрать необходимый материал и быстро представить их суду. Подчеркивается, что в судебном разбирательстве именно потерпевший без участия публичных органов обязан поддерживать обвинение.

Ключевые слова: дифференциация, частное обвинение, протокольная форма, заявитель, правонарушитель, суд.

Annotation: The article discusses about some problems when citizens complain to law enforcement agencies during the proceedings on crimes classified as private charges. A retrospective and modern analysis of the procedure of citizens' treatment in this area of legal relations is carried out. It is indicated about the expediency of an alternative appeal of citizens in cases of private prosecution to the bodies of inquiry, which allows, according to the protocol form of pre-trial preparation of materials, to carry out some necessary actions. The conclusion is substantiated that within the framework of the specified proceedings, the interests of private individuals are most protected due to the fact that the verification of the circumstances of the commission of a crime and the collection of evidence is carried out by a full-fledged subject of proof, who collects material to the required extent and quickly submits them to the court. It is emphasized that in court proceedings it is the victim who, without the participation of public authorities, is obliged to support the prosecution.

Key words: differentiation; private prosecution; protocol form; applicant; offender; court.

Дар ҷаҳони муосир стандартҳои байналмилалӣ ва миллии адлияи ҷиноятӣ, ки махсусан барои такмили додани волеияти қонун, тақвият бахшидани ҳуқуқи шахс дар самти дастраси ба адолати судӣ, аз ҷумла тавассути таъҷилан наздик кардани таъиноти ҷазо ё ҳаллу фасл кардани баҳси ҳуқуқӣ ба лаҳзаи содиркунии ҷиноят равона шудаанд, мунтазам босуръат рушд ёфта истодааст.

Аз ин лиҳоз, иҷрои вазифаҳои гузошташуда бо назардошти муҳлати оқилона бояд ба гузаронидани тартиби (ҳаракатҳои) “зиёдатӣ, дилгиркунанда” ва дар муҳлати кӯтоҳ бо назардошти мушкилиҳои воқеӣ ва ҳуқуқии парвандаи ҷиноятӣ, инчунин ҳаҷми кофии амалҳо бо мақсади саривақт гузаронидани таъқиби

ҷиноятӣ ҳуқуқвайронкунанда ва (ё) қабули қароре, ки барои таъҷилан ҳаллу фасл кардани муноқишаи ҳуқуқӣ-ҷиноятӣ равона шудааст, доир карда шавад. Бинобар ин, масъалаҳое, ки ҷиҳати такмил додани тафриқанамоеи (пешбурди дигаргунаи парванда) муҳофизаи ҷиноятӣ ҳамавақт ақтуалӣ ҳастанд, барои маҳфуз нигоҳ доштани принципҳои инсондӯстӣ ва оқилонаи ҳуқуқ равона шудаанд. Консепсияи мазкур ҷиҳати дарёфт намудани механизми ҳуқуқии муносиб бо роҳи рад кардани баъзе қоидаҳои умумии муқарраршуда ва дар доираи тартиби махсуси алоҳида пешбинӣ шудааст.

Дар ин робита, П.Г. Сычев қайд мекунад, ки тафриқанамой ин падидаи умумиҷаҳонӣ аст ва он бо сабабҳои иҷтимоӣ-иқтисодӣ ва сиёсӣ алоқамандӣ

дорад [9, с. 31]. Ба доктринаи адлияи ҷаҳонӣ ҳамчунин шакли пешбурди тафриқанамоӣ мансуб аст, ки он аз тақмили қонунгузорӣ ва ислоҳоти судӣ-ҳуқуқӣ гувоҳи медиҳад. Бинобар ин, барои содир намудани баъзе аз намудҳои ҷиноятҳо, давлат кӯшиш ба харҷ медиҳад, ки барои ҳал намудани баҳси ҳуқуқӣ тавозуни оқилонаро дарёфт намояд, аз ҷумла тавассути ҳамҷоягии асосҳои айбдоркунии умумӣ (давлатӣ) ва хусусӣ. Мисол, барои содир намудани ҷиноятҳое, ки барои ҷамъият феълан хавфнок нестанд ва бо тартиби хусусӣ таъкиб карда мешаванд, таъиноти мурофияи ҷиноятӣ ба ақидаи мо метавонад, ки аз ҳисоби миқдори ками сарфаи қувва ва вақти мақомоти давлатӣ амалӣ карда шавад. Ба чунин ҷиноятҳои начандон вазнин, парвандаҳои айбдоркунии хусусӣ ба ҳисоб меравад. Ғайриоддӣ ва махсус будани пешбурди парвандаҳои мазкур дар мавҷуд набудани марҳилаҳои оғоз намудани парвандаи ҷиноятӣ ва тафтишоти пешакӣ ифода меёбад. Ин ягона пешбурдест, ки мақомоти таъкиби ҷиноятӣ тафтишоти тосудии анъанавиро намегузаронад (ба ғайр аз ҳолатҳои истисноӣ).

Масъалаи оғози парвандаи ҷиноятӣ аз хоҳиши бевосита аризадиҳанда вобастагӣ дошта, дастгир намудани айбдоркунӣ дар муҳокимаи судӣ низ бо пуррагӣ ба уҳдаи ҷабрдида (намояндаи ӯ) вогузор карда шудааст. Ҳолати оштишавии тарафҳои муноқиша барои қатъ гардидани парвандаи ҷиноятӣ бе ягон шартҳои иловагӣ асос меёбад. Мутаносибан, тартиби мурочиати шахсони аз ҷиноятҳои категорияи мазкур зарардида, аз тартиби умумии пешбурдҳои ғайр куллан фарқ мекунад. Чунин вазъият пешбурди мазкурро ҳамчун шакли махсуси тафриқанамоии мурофияи ҷиноятӣ муайян менамояд.

Хотиррасон менамоем, ки ба ҷиноятҳои категорияи мазкур моддаҳои 112 (қасдан расонидани зарари сабук ба саломатӣ), 116 (лату кӯб), қ.қ. 1, 2 м. 156 (вайрон кардани ҳуқуқҳои муаллиф) Кодекси ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон (минбаъд – ҚЧ ҚТ) мансуб мебошанд [2]. Аммо, дар қонун ворид намудани

пешбурди махсуси тафриқанамоӣ якқатор проблемаҳои назариявӣ ва амалиро ба миён овардааст. Чунин проблемаҳо дар мурофияи ҷиноятӣ Федератсияи Россия, ки низоми ҳуқуқии ӯ ба Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳаммонанд аст, мушоҳида карда мешавад. Ҳарчанд бо парвандаҳои мазкур шахсони хусусӣ метавонанд, ки бевосита ба суд мурочиат намоянд, аммо, зимни пешниҳоди ариза, ҷабрдида водор аст, ки талаботи қ. 3 м. 354 Кодекси мурофиявии ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистонро (минбаъд- ҚМЧ ҚТ) иҷро намояд (баён кардани ҳодисаи ҷиноят, макон ва вақти содиршавии он бо нишон додани далелҳо; маълумот нисбати шахси ба ҷавобгарии ҷиноятӣ ҷалбшаванда; рӯйхати шохидон ва ғайра) [1]. Вазъияти ба вучудомада, дар амалия ба ҷабрдида зарари ҷиддӣ мерасонад.

Сабаби асосии он, ин надоштани маълумоти ҳуқуқшиносӣ, ваколатҳои умумӣ/давлатӣ, маблағи молиявӣ барои пардохти хизматрасонии ҷимоятгар ва ғайраҳо мебошад. Чунин ҳолат ба амалияи ҳуқуктабиккунӣ таъсири манфӣ расонид, аз ҷумла бо баҳонаи он, ки маълумоти манзуркардаи ҷабрдида ба талаботи ҚМЧ ҚТ мувофиқат намекунад, суд дар аксар вақт ба пешбурд қабул намудани аризаи ӯро рад менамояд. Чунин вазъият, ҳуқуқи дастраси ба адолати судӣ ва ҳуди идеяи тартиби соддаи ҷимояи судиро дар доираи пешбурди парвандаи айбдоркунии хусусӣ вайрон мекунад. Аз ин сабаб, аризадиҳандагон маҷбур мешаванд, ки дар бисёр ҳолатҳо барои ҷимояи ҳуқуқҳои худ ба мақомоти қорҳои дохилӣ мурочиат намоянд, ҳарчанд хабардор ҳастанд, ки мурочиати онҳо мавзуи салоҳияти судӣ аст. Дар навбати худ, шахсони мансабдори мақомоти таҳқиқ инчунин маҷбур мешаванд, ки қарор дар бораи рад намудан аз оғози парвандаи ҷиноятиро қабул намоянд.

Ҳамин тариқ, новобаста аз зиёд шудани теъдоди арзҳои айбдоркунии хусусӣ ва аз тарафи суд ба пешбурд қабул нашудани он, вазъи ҷинояткорӣ дар самти мазкури муносибатҳои ҳуқуқӣ зуд тағйир ёфт. Чунончӣ, дар солҳои 2007-2009 дар

давраи амали КМЧ ҚШСТ аз с. 1961 бо парвандаҳое, ки дар асоси шикояти шаҳрвандон оғоз мешуд 2598 парвандаи ҷиноятӣ оғоз гардидааст. Аммо, пас аз қабули КМЧ ҚТ-и амалкунанда дар с. 2009 дар солҳои 2018-2022 танҳо 293 парвандаи ҷиноятӣ марбут ба айбдоркунии хусусӣ оғоз шудаасту халос*. Ҳол он, ки дар давраи мазкур ба мақомоти хифзи ҳуқуқ доир ба ин категория ҷиноят зиёда аз 30000 муроҷиат ворид гардидааст. Ин маънои онро дорад, ки ҷабрдиаро то ҳол дар вазъияти ногувор қарор доранд.

Агар ба гузашта назар кунем, пас маълум мешавад, ки дар нимаи дуҷуми давраи шӯравӣ бо КМЧ ҚШСТ аз 1961 с. бо парвандаҳои дар асоси аризаи шаҳрвандон оғозшуда, мақомоти таҳқиқ асосан ҳолати ҷиноят ва шахсияти ҳуқуқвайронкунандаро муайян менамуд, ахбори тавсифкунанда мегирифт, аз мавсуф, аризадиханда ва шахсони холис баёнот мегирифт. Санҷиши ариза бо дастрасии м.м. 406-412 КМЧ ҚШСТ то 10 рӯз ба анҷом мерасид, одатан дар шакли протоколи омодакунии маводди тосудӣ (минбаъд – шакли протоколӣ) [3].

Баъди анҷоми санҷиши ҳолати соди-ршавии ҷиноят протокол тартиб дода шуда, он бо маводди ҷамъовардашуда ва бо рухсати (санксия) прокурор ба суд ра-вон карда мешуд. Зимни мавҷудияти асосҳои кофӣ, суд парвандаи ҷиноятӣ оғоз карда, онро моҳиятан баррасӣ мекард. То ба машваратхонаи судӣ рафтани суд, та-рафҳо имконияти ошӣ шуданро доштанд, ки ин боиси бе шартҳои иловагӣ қатъ шу-дани парванда мегардид. Сифати хосси асосии шакли протоколӣ дар он буд, ки пешбурди он бе оғози парвандаи ҷиноятӣ ба роҳ монда шуда, ҳамчун намуди таҳқиқот ё тафтиши пешакӣ ба ҳисоб намерафт, иштирокчиёни муроғиати ҷиноятӣ – ҷабрдида, шоҳид ё гумонбар вучуд надоштанд (охирин ҳуқуқвайронкунанда номида мешуд). Пешбурди мазкур, чи тавре Б.Я. Гаврилов қайд намудааст ва мо ин ақидаро ҷонибдорӣ менамоем, имкон меод, ки таъини ҷазоро ба лаҳзаи соди-ршавии

ҷиноят босуръат наздик намояд ва ҳуқуқҳои ҷабрдиаро барои дастрасии ғайрӣ ба адолати судиро таъмин намояд [6, с. 14].

Афзалияти дигари шакли протоколӣ дар он буд, ки ҷамъоварии далелҳоро ҷабрдида неву, мақомоти таҳқиқ анҷом меод. Самаранокии пешбурди мазкур бошад зуд натиҷаи мусбӣ дод. Ҷунонҷӣ, бо қабули шакли протоколӣ с. 1985 дар ҚФШСР ва баъдан дар Тоҷикистони со-ветӣ, Арманистон, Беларус, Гурҷистон, Литва, Молдава ва Украина аз ҳисоби шу-мораи парвандаҳои ҷиноятӣ, ки хотима ёфтаанд, бо шакли мазкур ба суд аз 29,1% то 51,2% парванда фиристода шудааст [8, с. 175]. Аммо, оғоз намудани парвандаи ҷиноятӣ аз тарафи суд ба принципи мувоҳида ва баробарии тарафҳо мувоҳи-фат мекард. Аз ин лиҳоз, меъёри қ. 1 м. 418 КМЧ ҚФШФР, ки ба суд ҳуқуқи оғози парвандаи ҷиноятӣ ва ташаккули айбдор-куниро имкон меод, тибқи қарори Суди Конститусионии Федератсияи Россия моҳи ноябри 1996 ғайриконститусионӣ эътироф карда шуд [4]. Баъдан, шакли пешбурди протоколӣ давра ба давра аҳамияти худро гум кард ва бо қабули КМЧ ҚТ с. 2001 он аз қонуни Федератсияи Россия хориҷ карда шуд.

Дар Тоҷикистон низ бо қабули КМЧ ҚТ с. 2009 шакли протоколӣ аз муроғиати ҷиноятӣ ихтисор карда мешавад. Айни за-мон оғози парвандаи ҷиноятӣ айбдорку-нии хусусӣ тавассути ба пешбурд қабул намудани ариза аз тарафи судья амалӣ карда мешавад. То қабули ариза, судья ба талаботи КМЧ ҚТ мутобиқат кардани онро месанҷад ва дар ҳолати муайян наму-дани ҳолати вайронкунии меъёрҳо ӯ ҳуқуқ дорад, ки аризаро барои баргараф кар-дани камбудихо бозпас гардонад. Дар муқоиса бо КМЧ ҚШСТ 1961 с., бо КМЧ ҚТ аз с. 2009 тартиб ва шакли оғоз наму-дани парвандаи ҷиноятӣ категорияи маз-кур каме тағйир ёфтааст, аммо моҳияти он чун пештара боқӣ мондааст – масъалаи оғоз намудани парвандаи ҷиноятӣ ва сар-шавии муроғиавии судӣ аз иқдоми худӣ

* Ахбори Сармаркази иттилоотӣ-таҳлилии ВҚД Ҷумҳурии Тоҷикистон (ба ҳолати 05.01.2023 с.).

субъекти ваколатдор, яъне судя вобастагӣ дорад.

Новобаста аз ин, ба ақидаи мо иқтидори шакли протоколӣ метавонад, ки дар шароити имрӯза вобаста ба пешбурди парвандаҳои айбдоркунии хусусӣ самаранок истифода бурда шавад. Чунончӣ, бо назардошти арзишҳои ахлоқии муурофияи ҷиноятӣ ва бо мақсади озод намудани ҷабрдида аз функцияҳои ба ӯ бегона ҷиҳати ҷамъоварии далелҳо бо манзур кардани он ба суд, дар ин замина аз тарафи мо пешниҳод карда мешавад, ки ба қонунгузори муурофиявӣ шакли нави протоколии омодакунии маводди тосудӣ ворид карда шавад. Дар тарҳи (моделӣ) манзуршуда иштироки муайяни шахсони мансабдори давлатӣ дар назар дошта шудааст, аммо ин ҳолат ба моҳияти пешбурди парвандаи айбдоркунии хусусӣ муҳолифат набояд кард. Баракс, Л.А. Александрова қайд мекунад, ки ҳатто бо парвандаи мазкур бе мусоидати давлат фаъолият кардан ғайриимкон аст [5, с. 60].

Иштироки шахсони мансабдори мақомоти таҳқиқ дар тарҳи мазкур танҳо барои мусоидат кардан ба шахсони хусусӣ ҷиҳати амалӣ намудани ҳуқуқ ва манфиатҳои онҳо дар давраи тосудӣ равона карда шудааст. Дар марҳилаи судӣ бошад иштироки шахсони мансабдори мақомоти давлатӣ манъ аст. Аз ин лиҳоз, дар муҳокимаи судӣ ҳуди аризадиханда (ҷабрдида) дар мақоми айбдоркунандаи хусусӣ бояд айбдоркуниро дастгирӣ карда, гуноҳи айбдоршавандаро дар содиркунии ҷиноят исбот намояд. Аз тарафи мақомоти таҳқиқ гузаронидани санҷиши тосудии ариза дар доираи шакли протоколӣ имкон медиҳад, ки бештар ва самаранок ҳолати сар задани ҷиноят ва омилҳои онро муайян намояд ва чунин фаъолият таъкиби ҷиноятии пурра эътироф карда намешавад. Муҳтавои он аз амалу қарорҳои иборат аст, ки барои ҷамъоварии маълумоти аввалиндараҷа равона шудааст - муайян кардани мавҷудият ё набудани аломатҳои ҷиноятии конкретӣ дар доираи шакли махсуси муурофиявӣ ва ғайра. Лаҳзаҳои асосии оғоз ва қатъ шудани пешбурд, чун пештара аз хоҳиши ҳуди ҷабрдида вобастагӣ дорад. Дар шакли

умумӣ тарҳи мазкурро мумкин аст, ки бо таври зайл дарҷ намоем:

1. Дар сурати ба мақомоти таҳқиқ пешниҳод шудани ариза дар бораи содиршавии ҷиноят мансуб ба категорияи айбдоркунии хусусӣ, шахси мансабдор уҳдадор аст, ки дар муддати 3 шабонарӯз амалҳои санҷиширо доир намояд.

2. Дар ҷараёни санҷиш амалҳои маҳдуди муурофиявие, ки барои муайянкунии ҳолати содиршавии ҷиноят ва шахсияти ҳуқуқвайронкунанда, инчунин аз ӯ, аризадиханда, шахсони холис ва дигар шахсон гирифтани баёнот, гирифтани ҳуҷҷатҳои гуногун ва дигар маълумоте, ки барои пешбурди қор аҳамият доранд, мумкин аст, ки гузаронида шавад.

3. Баъди анҷоми санҷиш протокол тартиб дода шуда, дар мундариҷаи он ҳодисаи ҷиноят, шахсияти ҳуқуқвайронкунанда ва маълумоте ки, даст ба ҷиноят задани ӯ бо банду басти ҷиноят ва дигар ҳолатҳоро нишон медиҳад, сабт карда мешавад. Протоколро роҳбари мақомоти таҳқиқ тасдиқ менамояд.

4. Маводди ҷамъоварии санҷиш барои шиносӣ ба ҳуқуқвайронкунанда манзур карда мешавад, ки аз натиҷаи он дар протокол қайди дахлдор ва имзои ӯ гузошта мешавад. Протокол бо мавод барои баррасӣ ба суд фиристода мешавад.

5. Судя маводди воридшударо барои баррасӣ намудан дар муурофияи судӣ кофӣ ҳисобида, барои ба пешбурд қабул кардани ариза (оғози парвандаи ҷиноятӣ) ва ба суд додани ҳуқуқвайронкунанда, қарор мебарорад. Муҳокимаи судӣ дар муҳлати на дертар аз даҳ шабонарӯз оғоз карда мешавад.

6. Дар ҳолати зарурат, судя бе бозпас гардонидани маводди воридшуда ҳуқуқ дорад, ки ба мақомоти таҳқиқ барои гузаронидани санҷиши иловагӣ супориш диҳад. Мақомоти таҳқиқ дар муддати се шабонарӯз аз лаҳзаҳои ворид шудани супориши судя уҳдадор аст, ки санҷиши заруриро гузаронида, натиҷаи онро ба ташаббускор равон намояд.

Ҳамин тариқ, тарҳи манзуршуда имкон медиҳад, ки тартиби хусусӣ-даъвоӣ ва

шакли омехташудаи мурофияи ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон дар сатҳи идеологӣ бо роҳи бунёди пешбурди махсуси тосудӣ мансуб ба ҷиноятҳои категорияи айбдоркунии хусусӣ баробарандоза ва мутобик карда шавад. Дар амалия, тарҳи мазкур ба суд воридшавии маводди тайёр ва санҷидашударо таъмин менамояд, ки дар дохили он маълумоти кофӣ дар бораи аломатҳои ҷиноят ҷамъоварӣ карда шудааст. Ин имкон медиҳад, ки судя аз функсияҳои иловагӣ – гузаронидани тафтиши пешакӣ озод карда шавад. Ба ғайр аз ин, тарҳи нав ваколатҳои дискретсионии (ихтиёрии) судяро ҷиҳати аз тарафи ӯ баргардонидани мавод ба аризадиханда ё ба мақомоти таҳқиқро истисно менамояд. Бори дигар қайд мекунем, ки тарҳи мазкур иштироки субъектони таъқиби ҷиноятиро, аз ҷумла иштироки прокурорро қуллан истисно менамояд. Функсияи мақомоти таҳқиқ дар ин ҳолат танҳо бо ҷамъоварӣ ва санҷиши маълумоти барои исбот кардани мавҷудияти аломатҳои ҷинояти айбдоркунии хусусӣ маҳдуд карда мешавад. Ҳамзамон, хело муҳим аст, ки дар қонунгузори мурофияи ҷиноятӣ, шакли протоколӣ набояд ҳуқуқи ҷабридаро барои мустақилона муроҷиат кардани ӯро ба суд инкор намояд.

Яъне, аризадиханда барои ҷимоя намудани ҳуқуқҳои худ, ду имконияти алтернативиро пайдо менамояд: 1) тавассути муроҷиати бевосита ба суд; ё 2) ба мақомоти таҳқиқ. Дар ин самт ҳатман асосҳои ихтиёрдорӣ (диспозитивӣ) нигоҳ дошта мешавад, ки он на танҳо ҳуқуқи ҷабридаро дар мустақилона анҷом додани таъқиби ҷиноятӣ, балки ба ӯ имкони интиҳоби механизми муносиби ҷимояи манфиатҳоро вобаста ба ҳолати аниқи ҳуқуқӣ ва воқея, фароҳам меорад. Дар ин раванд К.В. Муравев менависад, ки агар ҷабрида бо сабабҳои гуногун натавонад ё нахоҳад мустақилона ҳуқуқҳои худро барои таъқиби ҷиноятӣ истифода барад, пас дар асоси аризаи ӯ пешбурд бояд аз рӯи тартиби муқаррарӣ (хусусӣ-умумӣ) амалӣ карда шавад [7, с. 305].

Ба ақидаи мо, дар ин ҷода суҳан набояд дар бораи воғузур намудани

ваколатҳои (ҳуқуқи) таъқиби ҷиноятӣ ба ӯҳдаи мақомоти таъқиб равад. Вагарна ҷунин муносибат моҳияти айбдоркунии хусусиро таҳти танқиду муҳолифат қарор меод. Мо пешниҳод менамоем, ки имкониятҳои давлат ҳамчун кафили ҷимояи ҳуқуқи шаҳрвандон дар соҳаи мурофияи ҷиноятӣ дар мадди аввал барои дастраси ба адолати судӣ истифода бурда шавад. Ихтиёрдорӣ дар доираи институти айбдоркунии хусусӣ танҳо кафолати иловагии ҳуқуқи ҷабридагон мебошад ва набояд ба маҳдуд шудани ҳуқуқҳои онҳо оварда расонад. Тартиби батанзимдарории қонунгузори асосҳои хусусӣ доир ба категорияи мазкур, уҳдадорӣ давлатро барои ҷимоя намудани ҳуқуқи озодиҳои шахс аз таҳдиду фишори ҷиноятқорона раҳо намекунад.

Дар асоси гуфтаҳои боло, фикр мекунем, ки ба ҚМҶ ҚТ ворид намудани институти нави шакли протоколӣ баъзе вазифаҳои идеологии мурофияи судии ҷиноятӣ ва проблемаҳои актуалии давраи тосудиро, ки дар доираи пешбурди парвандаи айбдоркунии хусусӣ сурат мегирад, бо пуррагӣ аз байн мебарад. Ба аризадиханда имкон додани интиҳоби механизми ҳуқуқии ҷимояи манфиатҳои худ – тавассути муроҷиати бевоситаи ӯ ба суд ё ба мақомоти таҳқиқ мувофиқи мақсад аст.

Бо назардошти он, ки аризадиханда зимни шикоят қардан ба суд дар аксар ҳолатҳо ба мушкилиҳо дучор мешавад, мусоидати маҳз мақомоти таҳқиқ барои самаранок ҷимоя қардани ҳуқуқи манфиатҳои шаҳрвандон бештар натиҷаи самаранок медиҳад. Ҷабрида зимни арз қардан ба суд аз уҳдадорӣ ҷамъоварии далелҳо раҳо меёбад, чунки дар доираи пешбурди шакли протоколӣ мақомоти таҳқиқ феълан ва расман имкон дорад, ки дар ҳаҷми қифоя ҳуҷжатҳои заруриро ҷамъоварӣ намуда, маводро бо риояи талаботи ҚМҶ ҚТ ба суд манзур намояд. Ҷунин тартиб имкон медиҳад, ки судя дар муносибатҳои ҳуқуқӣ бо тарафҳои муноқишаи мурофия, аз ҷумла дар ҷамъоварии далелҳо ё гузаронидани санҷиши пешакӣ фаъол набояд ва ба

таври зарурӣ барои таъин намудани
чаласаи судӣ омодагӣ бинад.

Адабиёти истифодашуда

1. Кодекси муурофиавии ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 3-юми декабри соли 2009, таҳти № 564 // Ахбори Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон, аз соли 2009, №12, мод. 815, мод. 816; (бо тағйиру иловаҳо аз 03.01.2024 № 2017).
2. Кодекси ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 21 майи с. 1998, № 574 // Ахбори Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон, соли 1998, № 9, мод. 68, мод. 69 (бо тағйироту иловаҳо бо Қонунҳои ҚТ аз 19.07.2022 № 1896, аз 24.12.2022 № 1924, № 1925, аз 13.11.2023 № 1984, аз 13.11.2023 № 1985, аз 20.06.2024 № 2050).
3. Кодекси муурофиавӣ-ҷиноятӣ Ҷумҳурии Шӯравии Сотсиалистии Тоҷикистон аз 17.08.1961 с. (ба ҳолати 18.03.2008 с.) // «Ҷумҳурият». 30.03.2008 с.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 28 ноября 1996 года № 19-П по делу о проверке конституционности статьи 418 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края // Российская газета. 1996. – 6 декабря.
5. Александрова, Л.А. Публичность как основание уголовно-процессуального права / Л.А. Александрова. – М.: Юрлитинформ, 2007. – 138 с.
6. Гаврилов, Б.Я. Протокольная форма досудебного производства – генезис, современное состояние, перспективы развития / Б.Я. Гаврилов // Вестник экономической безопасности. – 2016. – № 5. – С. 12-18.
7. Муравьев, К.В. Оптимизация уголовного процесса как формы применения уголовного закона: дис... докт. юрид. Наук: 12.00.09 / Кирилл Владимирович Муравьев. – Омск, 2017. – 505 с.
8. Никифорова, Ю.Л. Новое – хорошо забытое старое: советская протокольная форма как перспективная модель суммарного производства по уголовным делам / Ю.Л. Никифорова // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 3 (35). – С. 174-179.
9. Сычев, П.Г. Становление и понятие теории дифференциации уголовного судопроизводства / П.Г. Сычев // Российская юстиция. – 2015. – № 9. – С. 31-35.

References

1. Criminal Procedure Code of the Republic of Tajikistan dated December 3, 2009, No. 564 // Bulletin of the Supreme Assembly of the Republic of Tajikistan, dated 2009, No. 12, Art. 815, Art. 816; (as amended and supplemented from 03.01.2024 No. 2017).
2. Criminal Code of the Republic of Tajikistan dated May 21, 1998, No. 574 // Bulletin of the Supreme Assembly of the Republic of Tajikistan, 1998, No. 9, Art. 68, Art. 69 (as amended and supplemented by the Laws of the Republic of Tajikistan dated 19.07.2022 No. 1896, dated 24.12.2022 No. 1924, No. 1925, dated 13.11.2023 No. 1984, dated 13.11.2023 No. 1985, dated 20.06.2024 No. 2050).
3. Criminal Procedure Code of the Tajik Soviet Socialist Republic dated 17.08.1961 (as of 18.03.2008) // "Republic". 30.03.2008 p.
4. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 28, 1996 No. 19-P on the case of verifying the constitutionality of Article 418 of the Criminal Procedure Code of the RSFSR in connection with the request of the Karatuz District Court of Krasnoyarsk Krai // Rossiyskaya Gazeta. 1996. - December 6.
5. Aleksandrova, L.A. Publicity as a basis for criminal procedural law / L.A. Aleksandrova. - M.: Yurlitinform, 2007. -- 138 p.
6. Gavrilov, B.Ya. Protocol form of pre-trial proceedings - genesis, current state, development prospects / B.Ya. Gavrilov // Bulletin of Economic Security. - 2016. - No. 5. - Pp. 12-18.
7. Muravyov, K.V. Optimization of criminal proceedings as a form of application of criminal law: diss... doc. jurid. Nauk: 12.00.09 / Kirill Vladimirovich Muravyov. - Omsk, 2017. - 505 p.
8. Nikiforenko, Yu.L. New is a well-forgotten old: the Soviet protocol form as a promising model of summary proceedings in criminal cases / Yu.L. Nikiforenko // Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2016. - No. 3 (35). - Pp. 174-179.
9. Sychev, P.G. Formation and concept of the theory of differentiation of criminal proceedings / P.G. Sychev // Russian justice. - 2015. - No. 9. - Pp. 31-35.

УДК 343.85:351.74

**ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ УЧАСТКОВЫМ УПОЛНОМОЧЕННЫМ ПОЛИЦИИ
НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СЕМЕЙНО-БЫТОВОЙ СФЕРЕ**

**ПЕШГИРИИ ҶИНОЯТҲОИ ЗҶУРОВАРОНАИ ОИЛАВӢ-МАИШӢ
АЗ ТАРАФИ ВАКОЛАТДОРИ МИНТАҚАВИИ ПОЛИТСИЯ**

**PREVENTION OF VIOLENT CRIMES BY DISTRICT POLICE OFFICERS
IN THE FAMILY AND HOUSEHOLD SPHERE**

ФРИЗЕН П.Д.

FRIESEN P.D.

*Профессор кафедры теории и истории права и государства
Барнаульского юридического института МВД России, кандидат
юридических наук, доцент*

*Профессори кафедраи назария ва таърихи ҳуқуқ ва давлати
Донишкадаи ВҚД Россия дар ш. Барнаул, номзади илмҳои
ҳуқуқшиносӣ, дотсент*

*Professor of the Department of Theory and History of Law and State,
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor*

e-mail:
frizenpd@mail.ru

Научная специальность: 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право (5.1.4. Уголовно-правовые науки).

Ихтисоси илмӣ: 12.00.08 – Ҳуқуқи ҷиноятӣ ва криминология; ҳуқуқи иҷроӣ ҷазои ҷиноятӣ (5.1.4. Илмҳои ҷиноятӣ-ҳуқуқӣ).

Scientific specialty: 12.00.08 - Criminal law and criminology; penal law (5.1.4. Criminal law sciences).

Рецензент: СЕМЕНЮК Р.А. – заведующий кафедрой гражданского права, основ правозащитной и правоохранительной деятельности Алтайского института экономики – филиала Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, кандидат юридических наук, доцент.

Тақриздиханда: СЕМЕНЮК Р.А. – мудири кафедраи ҳуқуқи маданӣ, асосҳои фаъолияти химояи ҳуқуқ ва хифзи ҳуқуқи Донишкадаи иқтисодии Алтай – филиали Донишгоҳи технологияҳои идоракунии ва иқтисодии ш. Санкт-Петербург, номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсент.

Reviewer: SEMENUK R.A. – Head of the Department of Civil Law, Fundamentals of Human Rights and Law Enforcement Activities of the Altai Institute of Economics – a branch of the St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Аннотация: Автором рассматривается проблема предотвращения насильственных преступлений, совершаемых в области семейно-бытовых отношений. Обращается внимание на особые детерминанты данного вида преступности, а также на специально-криминологические меры по его предупреждению. Особая роль уделяется участковому уполномоченному полиции как субъекту предупреждения насильственной преступности. Рассматривая действующее отечественное законодательство и принимая во внимание специфику деятельности участкового уполномоченного полиции, автор формулирует возможные способы повышения предупредительного потенциала органов внутренних дел Российской Федерации.

Ключевые слова: предупреждение преступлений, участковый уполномоченный полиции, семейно-бытовое насилие, детерминанты преступности, меры профилактического воздействия.

Аннотатсия: Муаллиф масъалаи пешгирии ҷиноятҳои зӯрваронаро дар соҳаи муносибатҳои оилавӣ-маишӣ баррасӣ мекунад. Диққат ба омилҳои махсуси ин намуди ҷинояткорӣ, инчунин ба ҷораҳои махсуси криминологии пешгирии он ҷалб карда мешавад. Ба ваколатдори минтақавии политсия ҳамчун субъекти пешгирии ҷинояткории зӯрварона нақши махсус дода мешавад. Бо дарназардошти қонунгузориҳои ҷорӣ дохилӣ ва хусусиятҳои фаъолияти ваколатдори минтақавии политсия, муаллиф роҳҳои имконпазири баланд бардоштани иқтидори пешгирикунандаи мақомоти қорҳои дохилии Федератсияи Россияро муайян мекунад.

Вожаҳои калидӣ: пешгирии ҷиноятҳо, ваколатдори минтақавии политсия, зӯрварии оилавӣ-маишӣ, омилҳои ҷинояткорӣ, тадбирҳои пешгирикунанда.

Annotation: The author examines the problem of preventing violent crimes committed in the sphere of family and domestic relations. Attention is drawn to the special determinants of this type of crime, as well as to special criminological measures for its prevention. A special role is given to the district police officer as a subject of preventing violent crime. Considering the current domestic legislation and taking into account the specifics of the activities of the district police officer, the author formulates possible ways to increase the preventive potential of the internal affairs agencies of the Russian Federation.

Key words: crime prevention, district police officer, domestic violence, determinants of crime, preventive measures.

Совершение преступных посягательств представляет серьезную угрозу для общественного порядка и общественной безопасности нашего государства. Негативные тенденции, отражающиеся в показателях преступности, требуют своевременного и соответствующего ответа со стороны правоохранительных структур, главенствующей из которых являются органы внутренних дел Российской Федерации (далее - ОВД РФ).

Одним из основных направлений деятельности ОВД РФ согласно п. 2 ч. 1 ст. 2 Федерального закона № 3-ФЗ «О полиции» признается предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений [2]. Рассматривая предупредительную деятельность ОВД РФ, невозможно не отметить особую роль участковых уполномоченных полиции, призванных проводить профилактическую работу с различными категориями лиц, проживающих на закрепленном за ними административном участке.

Подчеркнем, что в научной литературе не отмечается единство мнений относительно понимания сущности такого явления как предупреждение преступлений. Нередко оно разделяется по своему содержанию с профилактикой преступлений,

противодействием преступности, борьбой с преступностью и проч. [7, с. 113-114]. В рамках исследования, под предупреждением преступлений мы будем понимать воздействие как общественных, так и государственных институтов на детерминанты общественно опасных деяний в целях недопущения вовлечения лиц в противоправную деятельность.

Думается, что в качестве задач ОВД РФ по предупреждению преступлений выступают:

- выявление причин и условий совершения конкретного преступления;
- установление лиц, имеющих намерение совершить преступление, осуществление с ними профилактической работы;
- вовлечение граждан и общественных объединений в предупредительную работу;
- противодействие безнадзорности, беспризорности и правонарушениям, совершаемым несовершеннолетними;
- проведение контроля (надзора) за соблюдением лицами установленных им в

соответствии с законодательством нашей страны ограничений и запретов.

Применяемые при этом меры предупреждения преступлений должны иметь специальный характер, поскольку ОВД РФ уделяют внимание устранению причин и условий отдельно взятого преступления, осуществлению профилактического воздействия по отношению к персонифицированному лицу, поведение которого вызывает обоснованную озабоченность.

Отправной точкой для углубления в обозначенный нами вопрос является определение перечня тех насильственных преступлений, которые могут быть совершены в семейно-бытовой сфере. Прежде всего заметим, что на страницах юридической печати выражаются различные мнения относительно определения такого явления как насилие. Отталкиваясь от его обобщенного видения, отметим, что насилие может быть:

1. Физическим (причинение вреда здоровью; нанесение ударов, приводящих к появлению гематом, ссадин, кровоподтеков; ограничение свободы и проч.);

2. Моральным (психическим) (выражение угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью; приобретение потерпевшим психических заболеваний в результате издевательств над ним и т. д.);

3. Сексуальным (совершение насильственных действий сексуального характера, изнасилования и иное);

4. Экономическим (уничтожение или повреждение чужого имущества; хищение имущества с применением насилия или угрозой его применения; использование материальной зависимости потерпевшего при совершении преступления и проч.) [4, с. 8].

4. Более того, данные преступления совершаются между родственниками, членами семьи, сожителями, ведущими совместное домохозяйство и проживающими вместе.

Следовательно, в данную сферу может быть отнесена достаточно обширная группа преступлений, например: ст.ст. 105, 111, 112, 115, 116, 116.1, 117, 119, 127, 131, 132, 161,

167 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее - УК РФ) [1].

Значимость предупреждения семейно-бытового насилия объясняется еще и тем, что совершаемое первоначально виновным лицом деяние, предусмотренное ст. 6.1.1 КоАП РФ или ст. 116, ст. 116.1 УК РФ нередко перерастает в более общественно-опасное - причинение тяжкого вреда здоровью или даже убийство [8, с. 157]. Данный тезис справедлив и относительно ст. 119 УК РФ [9, с. 4].

Особо важно, что согласно ведомственному Приказу участковый уполномоченный полиции должен осуществлять превентивные меры по снижению риска совершения преступлений лицами, имеющими неснятую (непогашенную) судимость, уделяя внимание выявлению преступлений, изложенных в ст.ст. 112, 115, 116, 116.1, 117, 119 УК РФ, и ст. 6.1.1 КоАП РФ [3].

В том случае, если уголовное преследование за данные преступления было прекращено по нереабилитирующим основаниям (например, примирение с потерпевшим) это не отменяет основания для проведения индивидуальной профилактической работы с лицом, которая может происходить в течении года, однако, упомянутый срок может быть продлен. Также, именно участковым уполномоченным полиции проводится индивидуальная профилактическая работа с лицами, состоящими на профилактическом учете

Подчеркнем, что в качестве основных детерминантов рассматриваемой преступности следует выделять:

1. Пьянство (алкоголизм) и наркоманию. Как известно, алкогольное (наркотическое) опьянение оказывает отрицательное влияние на психические процессы, ведет к утрате контроля за своими действиями, подавляет работу нервной системы [10, с. 265]. Именно состояние опьянения может стать основным фактором, повлиявшим на применение насилия со стороны виновного лица;

2. Практика привлечения лица к административной ответственности за совершение правонарушений против здоровья населения (ст. 6.1.1. КоАП РФ).

При этом, виновное лицо не делает должных выводов, применяемое к нему наказание по своему содержанию не способно заставить его претерпеть существенные ограничения, что внушает некоторым из них уверенность в своей безнаказанности [6, с. 59];

3. Недостаточность применяемых правоохранительными органами мер реагирования на случаи насилия в семье (отсутствие своевременной постановки на профилактический учет и оказания нужного профилактического воздействия на субъект профилактики, незначительная работа с лицами, обладающими повышенной степенью виктимности, и иное);

4. Неэффективность работы социальных служб по снижению угрозы насилия по отношению к несовершеннолетним, беспомощным лицам, слабая организация оказания психологической поддержки лицам, ставшими потерпевшими от насилия, а равно воздействия на лиц, имеющих психические заболевания.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что именно участковые уполномоченные полиции обладают оперативной информацией о гражданах, проживающих на закрепленном за ними административном участке, они выявляют тех лиц, которые допускают противоправное поведение в быту, контролируют применение к ним мер воздействия, ставят их на профилактический учет, проводят с ними воспитательные беседы.

Следовательно, целесообразно предложить следующие направления мер сдерживания со стороны участкового уполномоченного полиции, которые могут быть эффективными в вопросе предупреждения рассматриваемой нами группы преступлений:

1. Усиление взаимодействия с педагогическим составом учебных заведений, поскольку классными руководителями, учителями, школьными психологами могут быть получены данные о том, что в семье имеются факты насилия, в т.ч. когда потерпевшими от него выступают несовершеннолетние;

2. Активизация деятельности по пресечению такого насилия на ранней стадии

(совершение административного правонарушения, предусмотренного ст. 6.1.1 КоАП РФ), в целях исключения более тяжкого общественно опасного деяния, что требует регулярного и планового характера работы. Так, во время профилактического обхода административного участка особое внимание должно уделяться лицам, склонным к совершению преступлений (они могут быть одновременно страдающими алкоголизмом или наркоманией, имеющими психические расстройства).

3. Улучшение взаимодействия с проживающими на административном участке гражданами, которым должна быть вручена визитная карточка с контактными данными участкового уполномоченного полиции. Именно они могут предоставить информацию о ссорах, ругани, применения насилия и т.д. Задействование «Горячей линии», что облегчит обращение потерпевших, которые боятся за свои жизнь и здоровье [5, с. 177].

4. Контактное взаимодействие с медицинскими организациями (диспансерами), в которых состоят на учете больные пагубными привычками лица, в т.ч. имеющие психиатрические аномалии. Привлечение сотрудников реабилитационных центров, социальных служб к разрешению напряженности и агрессии между членами семьи.

5. Проведение правового информирования об ответственности за такие действия. Кроме того, эффективно использование официального предостережения, поскольку в основном личность семейного-дебошира не способна к сопротивлению представителям власти, которые могут применить меры наказания, а может лишь вымещать злобу на беззащитных и находящихся в материальной зависимости лицах

Использованная литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 01.02.2024) // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» - Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
2. Федеральный закон «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» - Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116988/
3. Приказ МВД России «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» от 29 марта 2019 г., № 205 (ред. от 06.02.2024) // Доступ из информационно-правового портала Гарант.ру - Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72188134/>.
4. Аврутин, Р.Ю., Шихалов, А.О. Особенности деятельности участкового уполномоченного по профилактике правонарушений в семейно-бытовой сфере / Р.Ю. Аврутин, А.О. Шихалов // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2023. – № 2. – С. 5-11.
5. Заброда, Д.Г., Овсепян, Г.М., Бровко, Н.В. Деятельность участковых уполномоченных полиции по оказанию профилактического воздействия на лиц, допускающих правонарушения в семейно-бытовой сфере / Д.Г. Заброда, Г.М. Овсепян, Н.В. Бровко // Юристы-Правоведы. – 2020. – № 4. – С. 174-178.
6. Ильин, И.В. Характеристика мер административного принуждения как способа предупредительного воздействия на преступность / И.В. Ильин // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2012. – № 2. – С. 58-61.
7. Майоров, А.В. Понятие и структура системы противодействия преступности / А.В. Майоров // Правопорядок: история, теория, практика. – 2014. – № 1. – С. 112-116.
8. Федоров, А.Ф. О влиянии частичной декриминализации на современное состояние побоев в России / А.Ф. Федоров // Алтайский юридический вестник. – 2023. – № 3. – С. 154-160.
9. Шутова, Ю.А. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4. / Юлия Александровна Шутова. – СПб., 2024. – 23 с.
10. Якунина, С.Н. О проблеме влияния алкоголя на преступность в современном обществе: уголовно-правовой путь преодоления / С.Н. Якунина // Теория и практика общественного развития. – 2011. – № 3. – С. 264-265.

References

1. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 N 63-FZ (as amended on 01.02.2024) // Access from the reference and legal system «ConsultantPlus» - Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
2. Federal Law "On Police" of February 7, 2011 N 3-FZ (as amended on 04.08.2023) // Access from the reference and legal system «ConsultantPlus» - Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116988/
3. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia «On the performance of service by district police officers in the serviced administrative area and the organization of this activity» dated March 29, 2019, № 205 (as amended on 06.02.2024) // Access from the information and legal portal Garant.ru - Access mode: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72188134/>.
4. Avrutin, R. Yu., Shikhalov, A. O. Features of the activities of a district police officer to prevent offenses in the family and everyday sphere / R. Yu. Avrutin, A. O. Shikhalov // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2023. - No. 2. - Pp. 5-11.
5. Zabroda, D. G., Ovsepyan, G. M., Brovko, N. V. Activities of district police officers to provide preventive impact on persons committing offenses in the family and everyday sphere / D. G. Zabroda, G. M. Ovsepyan, N.V. Brovko // Jurist-Pravoved. - 2020. - No. 4. - Pp. 174-178.
6. Ilyin, I.V. Characteristics of administrative coercion measures as a method of preventive influence on crime / I.V. Ilyin // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2012. - No. 2. - Pp. 58-61.
7. Mayorov, A.V. Concept and structure of the anti-crime system / A.V. Mayorov // Law and order: history, theory, practice. - 2014. - No. 1. - Pp. 112-116.

8. Fedorov, A.F. On the influence of partial decriminalization on the current state of beatings in Russia / A.F. Fedorov // *Altai Legal Bulletin*. – 2023. – No. 3. – Pp. 154-160.

9. Shutova, Yu.A. Criminal-legal and criminological characteristics of the threat of murder or causing grievous bodily harm: author's abstract. dis. ... candidate of legal sciences: 5.1.4. / Yulia Aleksandrovna Shutova. – St. Petersburg, 2024. – 23 p.

10. Yakunina, S.N. On the problem of the influence of alcohol on crime in modern society: the criminal-legal way to overcome it / S.N. Yakunina // *Theory and practice of social development*. – 2011. – No. 3. – Pp. 264-265.

ТДУ 340.130.55

**МАФҲУМ, ХУСУСИЯТҲО ВА ЭЪТИБОРИ ҲУҚУҚИИ ФАРМОНҲОИ
ПРЕЗИДЕНТИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН**

**ПОНЯТИЕ, ОСОБЕННОСТИ И ЮРИДИЧЕСКАЯ СИЛА УКАЗОВ ПРЕЗИДЕНТА
РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН**

**CONCEPT, FEATURES AND LEGAL FORCE OF THE DECREE OF THE PRESIDENT
OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN**

ШАРОФЗОДА Р.Ш.
(Сотиволдиев Р.Ш.)
SHAROFZODA R.SH.
(Sotivoldyev R.SH.)

*Профессори кафедраи назария ва таърихи давлат ва ҳуқуқи
факултети ҳуқуқшиносии Донишгоҳи миллии Тоҷикистон,
доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор
Профессор кафедры теории и истории государства и права
юридического факультета Таджикского национального
университета, доктор юридических наук, профессор
Professor of the Department of Theory and History of State and
Law of the Law Faculty of the Tajik National University, Doctor of
Law, Professor*

E-mail:
www-rustam-tj@mail.ru

ЗАРИФЗОДА Ш.И.
ZARIFZODA SH.I.

*Увонҷӯи кафедраи назария ва таърихи давлат ва ҳуқуқи
факултети ҳуқуқшиносии Донишгоҳи миллии Тоҷикистон
Соискатель кафедры теории и истории государства и права
юридического факультета Таджикского
национального университета
Applicant for the Department of Theory and History of State and
Law of the Law Faculty of the Tajik National University*

E-mail:
shohruh.zarifov@mail.ru

Ихтисоси илмӣ: 12.00.01 – Назария ва таърихи ҳуқуқ ва давлат; таърихи таълимот дар бораи ҳуқуқ ва давлат (5.1.1. Илмҳои ҳуқуқии назариявӣ-таърихӣ).

Научная специальность: 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве (5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки).

Scientific specialty: 12.00.01 – Theory and history of law and state; history of the doctrines of law and the state (5.1.1. Theoretical and historical legal sciences).

Тақриздиханда: НАЗАРЗОДА Н.Ҷ. – профессори кафедраи ташкили идоракунии фаъолияти ҳифзи ҳуқуқи факултети № 1 Академияи ВҚД Ҷумҳурии Тоҷикистон, доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, полковники милитсия.

Рецензент: НАЗАРЗОДА Н.Дж. – профессор кафедраи организации управления правоохранительной деятельности факультета № 1 Академии МВД Республики Таджикистан, доктор юридических наук, полковник милиции.

Reviewer: NAZARZODA N.J. – professor of the department of organization of management of law enforcement activities of faculty No. 1 of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan, doctor of legal sciences, colonel of militia.

Аннотатсия: Дар мақола мафҳум, нишонаҳо, намудҳои фармонҳо ва дигар санадҳои ҳуқуқии Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон таҳқиқ мешаванд. Таваҷҷуҳи асосӣ ба хусусиятҳои фаъолияти ҳуқуқэҷодкунии Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон, таносуби санадҳои ҳуқуқии сарвари давлат бо низоми таҷзияи ҳокимият, тартиби таҳия ва интишори санадҳои ҳуқуқии Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон дода мешавад. Хусусиятҳои фармонҳои Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон бо дарназардошти вазъи ҳуқуқии Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳамчун сарвари давлат ва ҳокимияти иҷроия (Раиси Ҳукумат), салоҳияти номаҳдуди сарвари давлат, фаъолияти ҳуқуқэҷодкунии сарвари давлат, салоҳияти истисноии сарвари давлат дар соҳаи ҳуқуқэҷодкунӣ муайян карда мешаванд. Хулосаҳо оид ба мустақилияти ҳокимияти президентӣ ва таносуби он бо шохаҳои анъанавии ҳокимият пешниҳод мешаванд.

Важҳаҳои калидӣ: Президент, таҷзияи ҳокимият, санадҳои ҳуқуқии Президент, фармонҳои Президент, намудҳои санадҳои ҳуқуқӣ, эътибори ҳуқуқӣ.

Аннотация: В статье анализируются понятие, свойства, виды правовых актов Президента Республики Таджикистан. Основное внимание уделяется анализу особенностей правотворческой деятельности Президента Республики Таджикистан, соотношения правовых актов главы государства с системой разделения властей, порядка разработки проектов и опубликования правовых актов Президента республики. Свойства указов Президента Республики Таджикистан определяются в контексте правового статуса Президента как главы государства и исполнительной власти (Председателя Правительства), неограниченных полномочий главы государства, правотворческой деятельности главы государства, исключительных полномочий главы государства в сфере правотворчества. Обоснованы выводы о самостоятельности президентской власти и ее соотношения с традиционными ветвями власти.

Ключевые слова: Президент, разделение властей, правовые акты Президента, указы Президента, виды правовых актов, юридическая сила.

Annotation: The article analyzes the concept, properties, types of legal acts of the President of the Republic of Tajikistan. The main attention is paid to the analysis of the peculiarities of the law-making activity of the President of the Republic of Tajikistan, the relationship of legal acts of the head of state with the system of separation of powers, the procedure for developing projects and publishing legal acts of the President of the Republic. The properties of the decrees of the President of the Republic of Tajikistan are determined in the context of the legal status of the President as the head of state and executive power (Chairman of the Government), unlimited powers of the head of state, law-making activity of the head of state, exclusive powers of the head of state in the sphere of law-making. Conclusions about the independence of presidential power and its relationship with the traditional branches of government are substantiated.

Key words: President, separation of powers, legal acts of the President, decrees of the President, types of legal acts, legal force.

Дар низоми ҳуқуқии давлатҳои ҷаҳон фармони сарвари давлат мавқеи маҳсус дорад. Дар кишварҳои Аврупо фармон ба ду маъно истифода мешавад: санади меъёрии ҳуқуқии зерқонунии сарвари давлат ва санаде, ки эътибори қонунро дорад. Дар бештари давлатҳои фармони сарвари давлат ба маънои

санади меъёрии зерқонунӣ, ки дар доираи салоҳияташ қабул мешавад, маъмулан истифода мешавад. Айни замон дар як қатор давлатҳои аврупоӣ фармони сарвари давлат, ки дар ҳолатҳои фавқуллода қабул мешавад, эътибори қонунро дорад.

Санадҳои ҳуқуқии Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон дар доираи

салоҳияти сарвари давлат, ки дар м. 69 Конституцияи Ҷумҳурии Тоҷикистон муайян карда шудаанд, қабул карда мешаванд. Таҳлили моддаи мазкур нишон медиҳад, ки салоҳияти Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон васеъ буда, доир ба онҳо имконияти қабули намудҳои гуногуни санадҳои ҳуқуқӣ, аз ҷумла санадҳои меъёрӣ ва ғайримаъёрӣ вучуд дорад. Тибқи м. 70 Конституцияи Ҷумҳурии Тоҷикистон Президент дар доираи салоҳияти худ фармон мебарорад ва амр медиҳад [1].

Тибқи м. 9 Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи санадҳои меъёрӣ ҳуқуқӣ», ба низоми санадҳои меъёрӣ ҳуқуқӣ Тоҷикистон фармонҳои Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон дохил мешаванд [4]. Айни замон танҳо фармонҳои меъёрӣ Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон ба низоми санадҳои меъёрӣ ҳуқуқӣ дохил мешаванд. Дар м. 22 қонуни мазкур ду намуди санадҳои Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон муайян карда мешаванд. Тибқи моддаи мазкур Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон дар доираи салоҳияти худ фармон мебарорад ва амр медиҳад. Тибқи банди 2 моддаи мазкур санадҳои меъёрӣ ҳуқуқӣ Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон дар шакли фармон бароварда мешаванд. Тибқи банди 3 моддаи зикршуда фармонҳои Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон, ки хусусияти фардӣ доранд, инчунин, амрҳои Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон санадҳои меъёрӣ ҳуқуқӣ намебошанд [4].

Дар асарҳои олимони ватанӣ фармонҳои Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳамчун санади меъёрӣ ҳуқуқӣ шарҳ дода шуда, нақши муҳимми онҳо дар низоми қонунгузорӣ пазируфта мешавад. аломатҳо ва хусусиятҳои фармонҳои сарвари давлат одатан бо дарназардошти Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи санадҳои меъёрӣ ҳуқуқӣ», ки дар он меъёрҳои алоҳида ба фармонҳои сарвари давлат бахшида мешаванд, муайян карда мешавад [7; 21; 22; 25].

Дар асарҳои илмии олимони Россия фармонҳои Президент дар робита бо таноуби фармонҳо ва қонунҳо, ҳокимияти

президентӣ, ҳуқуқэҷодкунӣ таҳқиқ мешаванд [10; 11; 12; 13; 23].

Санадҳои ҳуқуқии Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон намудҳои гуногун дошта, хусусиятҳои худро доранд. Чунончи, фармони меъёрӣ Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон хусусиятҳои зерин дорад:

1) дар доираи салоҳияти Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон, ки дар Конституция муайян карда шудаанд, бароварда мешавад;

2) меъёрҳои ҳуқуқиро муқаррар мекунад, тағйир медиҳад ё қатъ мегардонад;

3) дар доираи салоҳияти Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳамчун сарвари давлат ва раиси Ҳукумат бароварда мешавад ва аз ин хотир, бо хусусиятҳои аз дигар санадҳои меъёрӣ ҳуқуқӣ зерқонунӣ фарқ дорад;

4) сарчашмаи ҳуқуқ мебошанд.

Дар асарҳои илмӣ мафҳуми «фармони меъёрӣ» бо мақсади ҷудо намудани фармонҳои меъёрӣ ва фармонҳои ғайримаъёрӣ васеъ истифода мешавад [18, с. 94-96]. Ба инбат гирифтани тафовути мазкур барои муайян намудани хусусиятҳо ва эътибори ҳуқуқии санадҳои меъёрӣ ва ғайримаъёрӣ сарвари давлат аҳамият дорад.

Дар Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи санадҳои меъёрӣ ҳуқуқӣ» фармонҳои меъёрӣ ва фармонҳои хусусияти фардӣ доранд, инчунин, амрҳои Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон ҷудо карда мешаванд. Мутобиқи қонуни мазкур фармонҳои хусусияти фардӣ доранд, санадҳои меъёрӣ ҳуқуқӣ намебошанд. Айни замон фармонҳои ғайримаъёрӣ Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон на танҳо фардӣ, балки санадҳои ҳуқуқатбиқкунӣ мебошанд, ки дар ҳолатҳои мушаххас, оид ба масъалаҳои ташкилии ҳуқуқӣ, аз он ҷумла кадрӣ қабул мешаванд.

Дар асарҳои илмӣ мубоҳисаҳои илмӣ оид ба хусусиятҳои санадҳои ҳуқуқии сарвари давлат дар робита бо таъзияи ҳокимият ҷой доранд. Табиист, ки фармонҳои меъёрӣ, фардӣ ва амрҳои Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон санадҳои зерқонунӣ мебошанд, чунки дар асоси

Конститутсия ва қонун қабул мешаванд. Айни замон Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон сарвари давлат мебошад. Тибқи м. 64 Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон Президент кафили «мураттабии фаъолияти мақомоти давлатӣ ва ҳамкориҳои онҳо» аст [1]. Аз ин бармеояд, ки Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳамчун сарвари давлат мураттабӣ ва ҳамкориҳои ҳамаи мақомоти давлатӣ, аз он ҷумла, мақомоти қонунгузор, иҷроия ва судиро таъмин мекунад.

Бо дарназардошти ҳолати мазкур, ки дар таҷрибаи давлатҳои ҳамсоя ҷой дорад, олимони ҳокимияти Президентро ба ягон аз шохаҳои ҳокимият дохил намекунад [15, с. 332-336]. Илова бар ин, назарияи таҷзияи ҳокимият бо пешрафти ҷомеа ба шароити нави амалияи давлатдорӣ мутобиқ карда мешавад» [20, с. 352]. Бо пешрафти ҷомеа ва тақмили механизми давлат табиист, ки мақомоти нави давлатӣ таъсис дода мешаванд, нуфузи сохторҳои сиёсӣ дар идоракунии давлат баланд мешавад.

Ҷунончи, дар асарҳои олимони Аврупо бо дарназардошти тағйири ҳаёти сиёсӣ, аз ҷумла болоравии нуфузи ҳизбҳои сиёсӣ, иштироки бевоситаи ҳизбҳо дар идоракунии давлат, инчунин, таъсири ҳалқунандаи интихобот ба ҳаёти давлатӣ ақидаҳо ва тақлифҳо оид ба зарурати мутобиқ намудани назарияи таҷзияи ҳокимият ба шароити нави ҳаёт, инчунин, назарияҳои гуногун оид ба зарурати ҷудо намудани ҷор ва аз ин зиёд шохаҳои ҳокимияти давлатӣ, аз ҷумла тавассути ворид намудани ҳизбҳои сиёсӣ ба низомии таҷзияи ҳокимият, эътирофи воситаҳои ахбори омма ҳамчун шохаҳои нави ҳокимият ва ғайра пешниҳод мешаванд [20, с. 352]. Ин ақидаву тақлифҳо дар робита бо таъсири ҳалқунандаи интихоботи Президент ё парламент ба ҳаёти ҷомеа, ки дар таҷрибаи ИМА, Франция, Олмон, Австрия ва давлатҳои дигар мушоҳида мешавад, пешниҳод карда мешаванд. Ин ҳолатро бештари муҳаққиқон қайд мекунад [9, с. 89].

Илова бар ин, вазъи ҳуқуқӣ, аз ҷумла салоҳияти як қатор мақомоти нави давлатӣ, ки дар давлатҳои гуногун, аз он ҷумла дар Тоҷикистон таъсис дода

шудаанд, ба мисли Палати ҳисоб, Комиссияи раёйпурсӣ ва интихобот, дигар мақомоти назоратӣ ва санҷишӣ имконияти дохил намудани онҳоро ба низомии таҷзияи ҳокимияти давлатӣ душвор мегардонад. Ҳамчунин, дар асарҳои илмӣ олимони ва муҳаққиқони кишварҳои дигар, аз он ҷумла Тоҷикистон баҳси илмӣ оид ба ворид намудани мақомоти прокуратура ба низомии таҷзияи ҳокимият то ҳол идома дорад.

Дар таҷрибаи давлатҳои хориҷӣ фаъолияти мақомоти назоратӣ ва санҷишӣ бо низомии таҷзияи ҳокимият вобаста карда намешавад, чунки мақомоти мазкур ҳамаи шохаҳои ҳокимиятро зерин назорат ва санҷиш қарор медиҳанд. Дар як қатор давлатҳои аврупоӣ, Суди конституциониро, ки дорои салоҳияти васеи назоратӣ (санҷишӣ) мебошад, аз ҷумла салоҳияти зиддиконституционӣ ва бепардозӣ эълон намудани санадҳои Президент, қонунҳои парламент, санадҳои ҳукумат ва мақомоти дигари давлатӣ, инчунин, муайян намудани қонунии интихоботи баргузоршударо амалӣ мекунад, ба ҳокимияти судӣ дохил намекунад.

Дар робита бо дигаргуниҳои кулли ҳаёти сиёсӣ ва ҳуқуқӣ, ки болотар зикр гардид, масъалаи таносуби ҳокимияти президентӣ бо низомии таҷзияи ҳокимияти давлатӣ (шохаҳои анъанавии ҳокимият) дар илм бардошта мешавад. Масъалаи мазкур бештар дар давлатҳои пасошуравӣ бо дарназардошти падидаҳои нави сиёсӣ ва ҳуқуқи будани мансаби Президент мавриди таҳқиқи илмӣ қарор дода мешавад. Ҳалли ин масъала барои таҳқиқи паҳлуҳои гуногуни санадҳои Президент, аз ҷумла эътибори ҳуқуқии онҳо мусоидат мекунад.

Тавре болотар қайд гардид, фармони меъёрӣ, фармони ғайримаъёрӣ ва амр намудҳои асосии санадҳои ҳуқуқии Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон мебошанд. Дар давлатҳои дигар низ намудҳои гуногуни санадҳои ҳуқуқии сарвари давлат омӯхта мешаванд. Бо ин мақсад таснифи гуногуни санадҳои ҳуқуқии сарвари давлат пешниҳод мешавад. Ҷунончи, дар асарҳои илмӣ санадҳои ҳуқуқии сарвари давлат ба меъёрӣ ва фардӣ (ё

хукуктатбикқунанда), барномавӣ-сиёсӣ, директивӣ (супоришдиҳанда), доимӣ ва муваққатӣ, бемуҳлат ва муҳлатнок, дохилӣ ва хориҷӣ, инчунин. дар робита бо соҳаҳои ҳуқуқ чудо карда мешаванд [14; 17; 18; 19].

Бо дарназардошти таҷрибаи қонунгузори Тоҷикистон санадҳои ҳуқуқии Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон ба се намуд чудо карда мешаванд:

- фармонҳои меъёрӣ (санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ);
- фармонҳои ғайримаъёрӣ (фардӣ ё хукуктатбикқунӣ);
- амрҳо.

Айни замон Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон сарвари ҳокимияти иҷроия (Ҳукумат) мебошад ва аз ин хотир, қарорҳои Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон бо имзои Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон қабул мешаванд. Мутобиқи м. 29 Қонуни конститутсионии Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон» ба санадҳои Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон Раиси Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон имзо мегузорад [2].

Аз ин хотир, санадҳои ҳуқуқии Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон ба ду гурӯҳ чудо мешаванд:

- санадҳои, ки бевосита аз тарафи сарвари давлат бароварда ё дода мешаванд (фармонҳои меъёрӣ, ғайримаъёрӣ ва амрҳо);
- санадҳои, ки бо иштироки Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳамчун Раиси Ҳукумат қабул мешаванд.

Ба ақидаи олимони, санадҳои ҳуқуқии сарвари давлат шакли амалӣ намудани ҳокимияти сарвари мебошанд. Айни замон шаклҳои дигари амалӣ намудани ҳокимияти сарвари давлат, ба мисли супоришҳо, фармоишҳо, номгӯи супоришҳо ва дигар истифода мешаванд [8, с. 152; 16; 24]. Дар Конститутсияи ҳоло амалкунандаи Федератсияи Россия баъди ворид намудани тағйироту иловаҳо эътибори ҳатмии супоришҳои Президенти Россия пешбинӣ мешавад. Аз ин хотир, дар асарҳои олимони Россия ақидаҳои гуногун оид ба супоришҳои сарвари давлат, аз ҷумла ҳамчун санади алоҳидаи меъёрӣ (дар ҳолати

додани супоришҳои ҳатмӣ дар шакли ҳуҷҷати алоҳида), санади хукуктатбикқунӣ шифойӣ (супоришҳои шифойӣ) ва ғайра пешниҳод мешаванд. Аксарияти олимони супоришҳои сарвари давлатро шакли нави амалӣ намудани ҳокимияти президентӣ мешуморад.

Дар Тоҷикистон Қонуни конститутсионии Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи Асосгузори сулҳу ваҳдати миллӣ – Пешвои миллат» [3] вазъи махсуси сиёсӣ ҳуқуқии Асосгузори сулҳу ваҳдати миллӣ – Пешвои миллат Эмомалӣ Раҳмонро муайян мекунад. Дар қонуни конститутсионии мазкур шаклҳои зерини амалӣ намудани салоҳияти Асосгузори сулҳу ваҳдати миллӣ – Пешвои миллат Эмомалӣ Раҳмон пешбинӣ мешаванд: муроҷиат, суханронӣ, маслиҳату пешниҳодҳои Пешвои миллат. Илова бар ин, мақомоти давлатӣ ва шахсони мансабдори давлатӣ уҳдадоранд, ки муроҷиат, суханронӣ, маслиҳату пешниҳодҳои Пешвои миллат Эмомалӣ Раҳмонро ба инобат гиранд. Салоҳияти Асосгузори сулҳу ваҳдати миллӣ – Пешвои миллат, ки дар Қонуни конститутсионии мазкур пешбинӣ карда мешавад, эътибори ҳуқуқии санадҳои ҳуқуқӣ, аз он ҷумла фармонҳои Сарвари давлати Тоҷикистон Эмомалӣ Раҳмонро баланд мебардоранд.

Тибқи м. 7 Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ» Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон субъекти фаъолияти ҳуқуқэҷодкунӣ мебошад. Дар натиҷаи фаъолияти ҳуқуқэҷодкунӣ Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ дар шакли фармонҳои меъёрӣ қабул мешаванд. Айни замон фаъолияти ҳуқуқэҷодкунӣ Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон дар таносуб бо намудҳои дигари фаъолияти ҳуқуқэҷодкунӣ хусусиятҳои худро дорад.

Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон сарвари давлат ва ҳокимияти иҷроия (Ҳукумат) мебошад. Аз ин хотир, фаъолияти ҳуқуқэҷодкунӣ Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон дар робита бо вазъи ҳуқуқии ӯ ба ду намуд чудо карда мешавад:

– фаъолияти ҳуқуқэҷодкунии Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳамчун сарвари давлат;

– фаъолияти ҳуқуқэҷодкунии Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳамчун сарвари ҳокимияти иҷроия (Ҳукумат).

Мутобиқи м. 59 Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон лоиҳаи қонун дар бораи буҷет, оид ба муқаррар кардан ва бекор кардани андозҳо аз ҷониби Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон ба Маҷлиси намояндагон пешниҳод мешавад [1]. Мутобиқи м. 59 Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон лоиҳаи қонун дар бораи авф аз тарафи Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон ба Маҷлиси намояндагон пешниҳод мешавад [1]. Меъёрҳои зикршуда хусусиятҳои фаъолияти ҳуқуқэҷодкунии Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистонро муайян мекунанд.

Хусусиятҳои дигари фаъолияти ҳуқуқэҷодкунии Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон ҷой доранд. Чунончи, фаъолияти ҳуқуқэҷодкунии Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон бо амалӣ намудани ҳуқуқи ташаббуси қонунгузорӣ алоқаманд аст (м. 58 Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон). Тибқи м. 62 Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ», лоиҳаҳои санадҳои қонунгузорие, ки аз ҷониби Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон ва Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон бо истифода аз ҳуқуқи ташаббуси қонунгузорӣ ба Маҷлиси намояндагони Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон пешниҳод мегарданд, бо тартиби муқаррарнамудаи онҳо бо мақомоти манфиатдор мувофиқа карда мешаванд [4].

Салоҳияти васеи Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон Эмомалӣ Раҳмон хусусиятҳои дигари фаъолияти ҳуқуқэҷодкунӣ ва идоракунии сарвари давлатро муайян мекунанд. Чунончи, паёми Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон ба Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон дар бораи самтҳои сиёсати дохилӣ ва хориҷӣ яке аз шаклҳои нави ифодаи ташаббусҳои қонунгузори сарвари давлат мебошад. Илова бар ин, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон мутобиқи банди 14 м. 69 Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон ба

қонунҳо имзо мегузорад [1]. Сарвари давлат салоҳияти имзо накардани қонунро низ дорад. Имзои қонун аз тарафи сарвари давлат заминаи ҳуқуқи интишори қонун махсуб мешавад. Имзо ва интишори қонун давраи муҳими ҳуқуқэҷодкунӣ мебошад, чунки мутобиқи м. 10 Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон қонунҳо пас аз интишори расмӣ амал мекунанд.

Хусусияти дигари фаъолияти ҳуқуқэҷодкунии Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон бо ваколатҳои истисноии сарвари давлат муайян карда мешавад. Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон мутобиқи м. 62 Конститутсия салоҳияти зерин дорад:

– санадҳои мақомоти ҳокимияти иҷроияро ҳангоми муҳолифати онҳо ба Конститутсия ва қонунҳо бекор мекунанд ва ё бозмедорад (банди 6);

– шартномаҳои байналмилалиро имзо ва ба тасдиқи Маҷлиси намояндагон пешниҳод менамояд (банди 17);

– ҳангоми таҳдиди хатари воқеӣ ба амнияти давлат ҳолати ҷангро эълон менамояд ва фармонро ба тасдиқи ҷаласаи якҷояи Маҷлиси миллӣ ва Маҷлиси намояндагон пешниҳод мекунанд (банди 21);

– дар саросари ҷумҳурӣ ва ё дар маҳалҳои алоҳидаи он вазъияти ғавқулӯда эълон намуда, фармонро ғавран ба тасдиқи ҷаласаи якҷояи Маҷлиси миллӣ ва Маҷлиси намояндагон пешниҳод менамояд ва ба Созмони Миллалӣ Муттаҳид хабар медиҳад (банди 23) [1].

Тартиби таҳия ва интишори лоиҳаи санадҳои Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон дар тансуб бо таҳияи санадҳои дигари меъёрии ҳуқуқӣ хусусиятҳои худро дошта, бо санадҳои махсус, аз ҷумла Низомномаи дастгоҳи иҷроияи Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон [6], Тартиби интишори расмӣ санадҳои меъёрии ҳуқуқи Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон, Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон, мақомоти маҳаллии ҳокимияти давлатӣ ва мақомоти худидоракунии шаҳрак ва деҳот [5] муайян карда мешавад.

Фармонҳои меъёрии Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон дар давоми 10 рӯз

баъд аз ба имзо расидани онҳо дар рӯзно-маи «Ҷумҳурият» ба таври расмӣ интишор карда мешаванд ва аз рӯзи интишори расмӣ эътибор пайдо мекунад. Санадҳои ғайримеъёрии сарвари давлат, инчунин, санадҳои, ки дорои маълумоти сирри давлатӣ ва маълумоти дигари бо қонун ҳифзшаванда мебошанд, аз рӯзи ба имзо расиданашон эътибор пайдо мекунад.

Ҳамин тариқ, фармонҳои меъёрӣ ва дигар санадҳои ҳуқуқии Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон Эмомалӣ Раҳмон дар таносуб бо дигар санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ хусусиятҳои худро доранд. Ин хусусиятҳо бо дарназардошти вазъи ҳуқуқии Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳамчун сарвари давлат ва ҳокимияти иҷроия (Ҳукумат), доираи васеи салоҳияти Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон, аз он ҷумла дар соҳаи таъмини ҳамоҳангии ҳамаи шоҳаҳои ҳокимияти давлатӣ, инчунин, салоҳияти ҳуқуқэҷодкунии сарвари давлат муайян карда мешаванд.

Бо дарназардошти пешниҳоди ақидаҳои нави илмӣ дар асарҳои олимони оид ба таносуби ҳокимияти Президент ва низоми таҷзияи ҳокимият (ҳокимияти қонунгузор, иҷроия ва судӣ), ки бо масъалаи эътибори ҳуқуқии фармонҳои Президент робитаи бевосита доранд, ҳулосаҳои зерин пешниҳод карда мешаванд:

1. Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳокимияти президентиро дар доираи салоҳияти худ, ки аз салоҳияти мақомти дигари давлатӣ фарқ дорад, амалӣ мекунад. Ҳокимияти президентӣ намуди мустақили ҳокимияти давлатӣ мебошад, чунки Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон дар доираи салоҳияти худ масъалаҳои ҳаётан муҳими ҳаёти давлатӣ ва ҷамъиятиро, ки берун аз доираи салоҳияти се шоҳаи анъанавии ҳокимият қарор доранд, ҳал мекунад. Чунончи, имзо ва интишори қонун, пешниҳод намудани қонун дар бораи авф ба салоҳияти на мақоми қонунгузор, балки Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон тааллуқ дорад. Илова бар ин, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳуқуқи имзо накардани қонун ва бозгардонидани онро ба парламент дорад.

2. Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳамчун сарвари давлат ҳама гуна

масъалаҳоеро, ки барои давлат ва ҷомеа аҳаммият доранд, ҳал мекунад. Дар м. 69 Конституцияи ҷумҳурӣ салоҳияти сарвари давлат маҳдуд нашудааст. Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон дар доираи салоҳияташ дорои номаҳдуди масъалаҳо ҳал мекунад. Ин гуна масъалаҳо шоҳаҳои дигари ҳокимият ҳал карда наметавонанд. Чунончи, имзои шартномаҳои байналмилалӣ, эълони намулдани ҳолати ҷанг ва вазъияти фавқулодда (бандҳои 17, 21, 23 м. 69 Конституция) салоҳияти Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон аст. Сарвари давлат раёспурсӣ, интиҳоботи Маҷлиси миллий ва Маҷлиси намояндагон, мақомоти маҳаллии намояндагиро таъин мекунад (банди 13 м. 69 Конституция).

3. Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон сарвари ҳокимияти иҷроия ё Раиси Ҳукумати Тоҷикистон буда, бо ҳокимияти иҷроия робитаи бевосита дорад. Аммо Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон на танҳо сарвари ҳокимияти иҷроия, балки сарвари давлат мебошад. Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳангоми амалӣ намудани ҳокимияти иҷроия ҳамчун сарвари давлат салоҳияти васеи худро амалӣ мекунад. Доираи масъалаҳо, ки Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳамчун сарвари давлат ва Раиси Ҳукумат ҳал мекунад, аз доираи ваколатҳои Ҳукумати ҷумҳурӣ берун мебароянд. Чунончи, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон дар ҷараёни роҳбарӣ ба ҳокимияти иҷроия аз доираи идоракунии давлатӣ берун баромада, салоҳияти ҳуқуқэҷодкунии худро амалӣ мекунад. Дар оираи ин салоҳият Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳуқуқи бекор намудани ё боздоштани санадҳои ҳуқуқии мақомоти ҳокимияти иҷроияро амалӣ мекунад (банди 6 м. 69 Конституция).

Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳангоми амалӣ намудани роҳбарии умумӣ ба ҳамаи мақомоти ҳокимияти иҷроия (Ҳукумат, вазоратҳо, кумитаҳои давлатӣ ва ғайра) дар баробари салоҳияти ҳокимияти иҷроия, ҳамчунин, салоҳияти сарвари давлатро (дар соҳаи ҳуқуқэҷодкунӣ, таъмини мураттабӣ ва ҳамкории мақомоти ҳокимияти иҷроия бо шоҳаҳои дигари ҳокимият ва ғайра) амалӣ мекунад.

4. Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳамчун сарвари давлат дар ташкилу фаъолияти ҳокимияти судӣ бевосита иштирок мекунад. Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон табиист, ки адолати судиро амалӣ намекунад, чунки ҳокимияти судӣ мустақил аст. Вале Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳамчун сарвари давлат ваколатхоеро дорад, ки ба амалишавии санадҳои ҳокимияти судӣ, қонунгузорию чиноятӣ ва иҷрои ҷазои чиноятӣ таъсир мерасонанд. Чунончи, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон мутобиқи банди 26 м. 69 Конститутсияи масъалаҳои бахшиши ҷазоро ҳал мекунад.

5. Фармонҳо ва амрҳои Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон бо дарназардошти вазъи ҳуқуқии махсуси Асосгузори сулҳу ваҳдати миллӣ – Пешвои миллат Эмомалӣ Раҳмон нуфузи баланди сиёсӣ ва ҳуқуқӣ доранд. Мурочиат, суханронӣ, таклифу пешниҳодҳои Асосгузори сулҳу ваҳдати миллӣ – Пешвои миллат, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон Эмомалӣ Раҳмон дар фаъолияти ҳамаи мақомоти давлатӣ,

аз он ҷумла мақомоти қонунгузор, иҷроия ва судӣ, инчунин, ташкилотҳои сиёсӣ ва ҷамъиятӣ, ниҳодҳои дигари ҷомеаи шаҳрвандӣ, корхонаҳо, муассисаҳо, ташкилотҳо, сарфи назар аз шакли моликият, доираи васеи шаҳрвандон ҳатман ба инобат гирифта мешаванд. Самтҳои гуногуни фаъолияти шохаҳои ҳокимияти давлатӣ (ҳуқуқэҷодкунӣ, татбиқи ҳуқуқ, идоракунии давлатӣ ва ғайра), бо Асосгузори сулҳу ваҳдати миллӣ – Пешвои миллат, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон Эмомалӣ Раҳмон мувофиқа карда мешаванд.

Бо дарназардошти гуфтаҳои боло, аз ҷумла далелҳои, ки бо меъёрҳои қонунгузорию собит мегарданд, ҳокимияти президентӣ намуди мустақили ҳокимияти давлатӣ мебошад. Ҳокимияти президентӣ бо дарназардошти амалӣ шудани аз ҷониби сарвари давлат нисбат ба ҳокимияти қонунгузор, иҷроия ва судӣ нуфузи бештар дорад. Ҳокимияти президентӣ берун аз низоми таъзияи ҳокимияти давлатӣ қарор дорад.

Адабиёти истифодашуда

1. Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 6-уми ноябри с. 1994 бо тағйиру иловаҳо аз 26-уми сентябри с. 1999, 22-уми июни с. 2003 ва 22-уми майи с. 2016 (бо забонҳои тоҷикӣ ва русӣ). – Душанбе: Ганҷ, 2016. – 135 с.

2. Қонуни конститутсионии Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон» аз 28-уми апрели с. 2001, № 188 // Аҳбори Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон, с. 2001, № 4, мод. 215; с. 2003, № 4, мод. 152; с. 2008, № 1 қ. 1, мод. 1; с. 2009, №12, мод.813; с. 2016, № 7, мод. 602; с. 2017, № 7-9, мод. 565.

3. Қонуни конститутсионии Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи Асосгузори сулҳу ваҳдати миллӣ – Пешвои миллат» аз 14-уми ноябри с. 2016, № 1356 // Аҳбори Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон, с. 2016. № 11. мод. 872.

4. Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ» аз 18-уми майи с. 2017, №1414 // Аҳбори Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон, с. 2017. № 5, қ. 1, мод. 271 (Қонуни ҚТ аз 19.07.2019, № 1632, аз 23.12.2021, № 1820, аз 03.01.2024, № 2024).

5. Тартиби интишори расмӣ санадҳои меъёрии ҳуқуқии Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон, Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон, мақомоти маҳаллии ҳокимияти давлатӣ ва мақомоти худидоракунии шаҳрак ва деҳот: бо Фармони Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 12-уми сентябри с. 2009, № 706 тасдиқ шудааст (бо тағйиру иловаҳо аз 12-уми июни с. 2014, № 213) // [Манбаи электронӣ]: Речаи воридшавӣ: http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoview.php?showdetail=&asosi_id=11338 (санаи мурочиат: 22.07.2024).

6. Низомномаи Дастгоҳи иҷроияи Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон: бо Фармони Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 17-уми март с. 2014, № 181 тасдиқ шудааст (Фармони Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 15.07.2015, № 523, аз 26.09.2017, № 939, аз 07.09.2019, № 1354) // [Маенбаи электронӣ]: - Речаи воридшавӣ: http://www.portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoview.php?showdetail=&asosi_id=16156 (санаи мурочиат 18.07.2024).

7. Актуальные проблемы истории и теории государства и права в условиях государственной независимости Республики Таджикистан. – Душанбе, 2009. – 369 с.
8. Артамонов, А.Н. Поручение президента как правовой акт / А.Н. Артамонов // Вестник Брянского государственного университета. – 2020. – № 3. – С. 149-152.
9. Барнашов, А.М. Теория разделения властей: становление, развитие, применение / А.М. Барнашов. – Томск, 1988. – 112 с.
10. Газвинова, Э.Э. Указ Президента как один из видов правотворчества / Э.Э. Газвинова // Бизнес. Образование. Право. – 2017. – № 4 (41). – С. 307-310.
11. Головистикова, А.Н., Грудцына, Л.Ю. Толковый словарь юридических терминов / составители: А.Н. Головистикова, Л.Ю. Грудцына. – М.: Эксмо, 2008. – 448 с.
12. Грачев, Н.И. Особенности правовых актов Президента РФ и конституционно-правовая формула президентской власти в России / Н.И. Грачев // Вестник СГЮА. – 2021. – № 2 (139). – С. 22-38.
13. Иванов, С.А. Федеральный закон и нормативный указ Президента России: проблемы взаимоотношений и пути их совершенствования / С.А. Иванов // Государство и право. – 2003. – № 2. – С. 101-103.
14. Калинин, А.М. Классификация правовых актов Президента Российской Федерации / А.М. Калинин // Право и государство: теория и практика. – 2011. – № 1 (73). – С. 12-15.
15. Козлова, К.И. Конституционное право России / К.И. Козлова, О.Е. Кутафин. – М., 1995. – С. 332-336.
16. Комарова, В.В. Конституционная реформа 2020 г. в России (некоторые аспекты) / В.В. Комарова // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 8. – С. 22-31.
17. Мицкевич А.В. Закон в переходный период: опыт современной России / А.В. Мицкевич // Государство и право. – 1995. – № 10. – С. 39-43.
18. Окуньков, Л.А. Правовые акты Президента: их статус, направленность, содержание / Л.А. Окуньков // Журнал российского права. – 1997. – № 2. – С. 15-19.
19. Окуньков, Л.А. Президент Российской Федерации. Конституция и политическая практика: монография / Л.А. Окуньков. – М., 1996. – 124 с.
20. Сотиволдиев, Р.Ш. Проблемаҳои назарияи давлат ва ҳуқуқ. Дар 2 ҷилд. Ҷилди 1. – Душанбе, 2020. – 584 с.
21. Тафсири Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ» / М.З. Раҳимов, С.Э. Баҳриддинов, Б.С. Саидвалиева ва дигарон; зери таҳрири М.З. Раҳимов. – Душанбе: Бухоро, 2014. – 288 с.
22. Тахиров, Ф.Т. Развитие права в Таджикистане: монография / Ф.Т. Тахиров. – Душанбе, 1994. – 256 с.
23. Тлеубаев, Ж.С. Указ Президента РФ как форма выражения властных полномочий / Ж.С. Тлеубаев // Проблемы права. – 2012. – № 1 (32). – С. 57-59.
24. Уманская, В.П. Тенденции правотворческой деятельности Президента РФ и направления ее совершенствования / В.П. Уманская // Закон. – 2010. – № 12. – С. 29-35.
25. Холикзода, А.Г. Тафсири Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ». – Душанбе, 2017. – 527 с.

References

1. Constitution of the Republic of Tajikistan of November 6, 1994 with amendments and additions of September 26, 1999, June 22, 2003 and May 22, 2016 (in Tajik and Russian). – Dushanbe: Ganj, 2016. – 135 p.
2. Constitutional Law of the Republic of Tajikistan “On the Government of the Republic of Tajikistan” of April 28, 2001, No. 188 // Bulletin of the Supreme Assembly of the Republic of Tajikistan, p. 2001, No. 4, art. 215; p. 2003, No. 4, art. 152; p. 2008, No. 1, p. 1, art. 1; p. 2009, No. 12, Art. 813; s. 2016, No. 7, Art. 602; s. 2017, No. 7-9, Art. 565.
3. Constitutional Law of the Republic of Tajikistan “On the Founder of Peace and National Unity – Leader of the Nation” dated November 14, 2016, No. 1356 // Bulletin of the Supreme Assembly of the Republic of Tajikistan, s. 2016. No. 11. Art. 872.
4. Law of the Republic of Tajikistan “On Regulatory Legal Acts” dated May 18, 2017, No. 1414 // Bulletin of the Supreme Assembly of the Republic of Tajikistan, s. 2017. No. 5, p. 1, Art. 271 (Law of the Republic of Tajikistan dated 19.07.2019, No. 1632, dated 23.12.2021, No. 1820, dated 03.01.2024, No. 2024).

5. The procedure for official publication of regulatory legal acts of the President of the Republic of Tajikistan, the Government of the Republic of Tajikistan, local government bodies and self-government bodies of settlements and villages: approved by the Decree of the President of the Republic of Tajikistan dated September 12, 2009, No. 706 (as amended and supplemented by June 12, 2014, No. 213) // [Electronic resource]: Access schedule: http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoview.php?showdetail=&asosi_id=11338 (access date: 22.07.2024).
6. Regulations of the Executive Office of the President of the Republic of Tajikistan: approved by the Decree of the President of the Republic of Tajikistan dated March 17, 2014, No. 181 (Decree of the President of the Republic of Tajikistan dated 15.07.2015, No. 523, dated 26.09.2017, No. 939, dated 07.09.2019, No. 1354) // [Electronic resource]: - Access mode: http://www.portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoview.php?showdetail=&asosi_id=16156 (accessed 18.07.2024).
7. Actual problems of history and theory of state and law in the context of state independence of the Republic of Tajikistan. - Dushanbe, 2009. - 369 p.
8. Artamonov, A.N. Presidential order as a legal act / A.N. Artamonov // Bulletin of Bryansk State University. – 2020. – No. 3. – Pp. 149-152.
9. Barnashov, A.M. Theory of separation of powers: formation, development, application / A.M. Barnashov. – Tomsk, 1988. – 112 p.
10. Gazvinova, E.E. Presidential decree as one of the types of lawmaking / E.E. Gazvinova // Business. Education. Law. – 2017. – No. 4 (41). – Pp. 307-310.
11. Golovistikova, A.N., Grudtsyna, L.Yu. Explanatory Dictionary of Legal Terms / compiled by: A.N. Golovistikova, L.Yu. Grudtsyna. – M.: Eksmo, 2008. – 448 p.
12. Grachev, N.I. Features of legal acts of the President of the Russian Federation and the constitutional and legal formula of presidential power in Russia / N.I. Grachev // Bulletin of the SSLA. – 2021. – No. 2 (139). – Pp. 22-38.
13. Ivanov, S.A. Federal law and regulatory decree of the President of Russia: problems of relationships and ways to improve them / S.A. Ivanov // State and Law. – 2003. – No. 2. – P. 101-103.
14. Kalinin, A.M. Classification of legal acts of the President of the Russian Federation / A.M. Kalinin // Law and state: theory and practice. – 2011. – No. 1 (73). – Pp. 12-15.
15. Kozlova, K.I. Constitutional law of Russia / K.I. Kozlova, O.E. Kutafin. – M., 1995. – Pp. 332-336.
16. Komarova, V.V. Constitutional reform of 2020 in Russia (some aspects) / V.V. Komarova // Actual problems of Russian law. – 2020. – No. 8. – Pp. 22-31.
17. Mitskevich A.V. Law in the transition period: the experience of modern Russia / A.V. Mitskevich // State and law. – 1995. – No. 10. – Pp. 39-43.
18. Okunkov, L.A. Legal acts of the President: their status, focus, content / L.A. Okunkov // Journal of Russian law. – 1997. – No. 2. – Pp. 15-19.
19. Okunkov, L.A. President of the Russian Federation. Constitution and political practice: monograph / L.A. Okunkov. – M., 1996. – 124 p.
20. Sotivoldiev, R.Sh. Problems of the theory of state and law. In 2 volumes. Volume 1. – Dushanbe, 2020. – 584 p.
21. Interpretation of the Law of the Republic of Tajikistan “On normative legal acts” / M.Z. Rakhimov, S.E. Bakhridinov, B.S. Saidvalieva and others; edited by M.Z. Rakhimov. – Dushanbe: Bukhara, 2014. – 288 p.
22. Takhirov, F.T. Development of law in Tajikistan: monograph / F.T. Takhirov. – Dushanbe, 1994. – 256 p.
23. Tleubaev, Zh.S. Decree of the President of the Russian Federation as a form of expression of powers / Zh.S. Tleubaev // Problems of Law. – 2012. – No. 1 (32). – Pp. 57-59.
24. Umanskaya, V.P. Trends in the law-making activity of the President of the Russian Federation and directions for its improvement / V.P. Umanskaya // Law. – 2010. – No. 12. – P. 29-35.
25. Kholikzoda, A.G. Interpretation of the Law of the Republic of Tajikistan “On Legal Normative Acts”. – Dushanbe, 2017. – 527 p.

МИНБАРИ МУҚАРРИЗОН

Трибуна рецензентов TRIBUNE OF REVIEWERS

УДК 343.61

ИСКАНДАРОВ З.Х.
ISKANDAROV Z.H.

Профессор кафедры судебного права и прокурорского надзора юридического факультета Таджикского национального университета, доктор юридических наук, профессор
Профессори кафедраи ҳуқуқи судӣ ва назорати прокуратурии факултети ҳуқуқшиносии Донишгоҳи миллии Тоҷикистон,
доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор
Professor of the Department judicial law and prosecutorial supervision of the faculty of law of the Tajik National University,
doctor of law

e-mail:
ziskan@mail.ru

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Рахмаджонзода Рифата Рахмаджона «Учение об уголовном преследовании в уголовном судопроизводстве Республики Таджикистан», представленную на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 12.00.09 – Уголовно-процессуальное право

ТАКРИЗИ

муқарризи расмӣ ба диссертатсияи Раҳмадҷонзода Рифат Раҳмадҷон «Таълимот оид ба таъкиби ҷиноятӣ дар муруфияи судии ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон», ки барои дарёфти дараҷаи илмии доктори илмҳои ҳуқуқшиносии аз рӯи ихтисоси 12.00.09 – Ҳуқуқи муруфияи ҷиноятӣ пешниҳод шудааст

REVIEW

official opponent on the dissertation of Rakhmadzhonzoda Rifat Rahmadjon “The doctrine of criminal prosecution in criminal proceedings of the Republic of Tajikistan”, submitted for the degree of Doctor of Law in specialty 12.00.09 - Criminal procedure law

Актуальность выбранной темы диссертационного исследования. Актуальность проблемы уголовного преследования не вызывает сомнений в свете того, что нынешняя система уголовно-процессуального преследования как институциональный элемент организации состязательного процесса воспринята у англосаксонской

системы права, а предварительное расследование как самостоятельная стадия и форма производства с принципом всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, при наличии прокурорского надзора остался от советского права, якобы они как три несовместимые функции порождают теоретические, правовые и

практические трудности в уголовном процессе Республики Таджикистан, что и диссертант попытался успешно решить.

Справедливости ради необходимо отметить, что в настоящее время уголовное преследование, осуществляемое правоохранительными органами, должно отвечать критериям качества и эффективности. Необходимо отметить, что в Таджикистане, несмотря на проводимую судебную реформу, начальный этап которой завершился с принятием в 2009 г. Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан, проблемы реализации функции уголовного преследования также остаются одним из самых актуальных.

Во многом это обуславливается тем, что отечественным законодателем в настоящее время осуществляется поиск баланса функций, осуществляемых судом, прокурором и следователем с одной стороны, и с другой стороны имеет место расширение частных начал в состязательном уголовном процессе. Среди основополагающих положений наиболее значимой законодательной новеллой является принцип состязательности и равноправия сторон, который, по сути, предопределил совершенно новые правовые нормы, направленные на обеспечение прав участников уголовного судопроизводства.

Особую актуальность функция уголовного преследования приобретает в связи с провозглашением в Таджикистане состязательного типа уголовного судопроизводства, с учетом чего впервые уголовное преследование рассматривается как функция, направленная на установление обстоятельств деяния, запрещенного уголовным законом, и выявление совершившего его лица, привлечение последнего в качестве обвиняемого, а также для обеспечения применения к такому лицу принудительных мер и в последующем – уголовного наказания.

Отечественный законодатель, по мнению диссертанта, в совершенстве не уточняет содержание функции уголовного преследования. Как свидетельствует проведенный автором анализ, от аналогичных системных ошибок также не свободны уголовно-процессуальное законодательство других государств-участников СНГ, где в основном

превалируют смешанные модели уголовных судопроизводств.

Степень обоснованности и достоверности научного результата, выводов соискателя, сформулированы в диссертационном исследовании.

Объект и предмет диссертационного исследования разработаны в соответствии с предусмотренными стандартами и соответствуют тематике исследования.

Поставленная цель и задачи диссертационного исследования соответствуют структуре и логично раскрыты в тексте работы.

Новизна диссертационного труда состоит теоретико-методологической, комплексной разработке проблем, анализе ее современно-правовых аспектов в свете учения естественного права и метафизическом понимании сущности процессуально-правового бытия их с учетом развития конституционно-правовых основ уголовного процесса в Республики Таджикистан.

В работе впервые дается изложение именно таких сторон проблемы, которые весьма слабо освещены в историко-правовой и процессуально-правовой отечественной литературе. На основе изучения обширного материала впервые исследованы вся совокупность факторов, воздействующих на полном обеспечении уголовное преследование в уголовном судопроизводстве, показаны процесс формирования и развития процессуальных норм Таджикистана за годы советской власти и в современности.

Соискателем подготовлена научно-квалификационная работа, в которой на основе проведенных исследований представлена совокупность новых научных взглядов, выводов и положений о функции уголовного преследования и отдельных направлениях уголовно-процессуальной деятельности в уголовном судопроизводстве Республики Таджикистан.

В диссертационном исследовании разработано комплексное авторское определение понятие уголовного преследования в уголовном судопроизводстве, проанализированы виды и формы осуществления функции уголовного преследования, раскрыты сущность, значение и содержание уголовно-

процессуальной политики, исследованы особые свойства уголовно-процессуального законодательства – системность и стабильность, выявлены специфические особенности современной модели отечественного уголовного судопроизводства и обозначены основные направления ее оптимизации.

В работе дана обстоятельная характеристика историко-правовой литературы. Особое внимание уделено исследованию нормативно-правовой базы уголовное преследование в уголовном процессе, включая норм Конституции, уголовно-процессуального законодательства Республики Таджикистан, международно-правовых норм.

На основе анализа современных теоретических представлений и правоприменительных проблем выполнено монографическое исследование, позволившее разработать и представить комплексное уголовно-процессуальное исследование о функции уголовного преследования в Республике Таджикистан. В результате решены важные научные проблемы, имеющие политическое, социально-экономическое, культурное значение, связанное с предложением новых путей решения научно обоснованных вопросов, внедрение которых является крайне важным для развития страны.

В диссертации разработаны доктринальные основополагающие положения, совокупность которых направлена на решение комплекса задач, связанных с оптимизацией и модернизацией как уголовно-процессуального законодательства, так и правоприменительной практики и может быть использована в качестве теоретической базы для последующих научных исследований различных проблем уголовного судопроизводства.

Дополнительно научная новизна диссертационного исследования раскрывается в положениях, выносимых на защиту.

Достоверность результатов диссертационного исследования обеспечивается его комплексным характером, сбалансированным применением различных методов научного исследования, внушительной теоретической и нормативной базой, соответствующим объемом эмпирического материала.

Диссертация соответствует паспорту научной специальности 12.00.09 – Уголовно-

процессуальное право (юридические науки), утвержденной Высшей аттестационной комиссией при Президенте Республики Таджикистан.

Диссертация является самостоятельной, законченной научно-квалификационной работой, осуществлявшейся в 2015-2021 гг. включительно, в которой на основании проведенных соискателем исследований разработаны теоретические положения, а их совокупность можно квалифицировать как решение крупной научной проблемы, имеющей социально-экономическое и политическое значение. Их внедрение вносит значительный вклад в развитие науки и практики уголовного процесса.

Диссертация обладает внутренним единством, содержит новые научные положения и результаты, выдвигаемые для публичной защиты, что, в свою очередь, свидетельствует о значительном личном вкладе автора в юридическую науку.

Контекст исследования охватывает периоды с возникновения первых уголовно-процессуальных норм со времени образования государственности таджиков до современного периода развития уголовно-процессуального законодательства Таджикистана (авторская хронология периодизации). Также исследование включает в себя анализ статистических данных о состоянии преступности за 1980-2020 гг., результаты деятельности органов предварительного расследования и судов за 1991-2021 гг. включительно.

Научные результаты диссертационного исследования в контексте соответствия требованиям пп. 31-33 Порядка присуждения ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Республики Таджикистан от 30 июня 2021 года, № 267. Диссертация подготовлена на кафедре уголовного процесса факультета № 2 Академии МВД Республики Таджикистан, где и проводились ее рецензирование и обсуждение. Дополнительная экспертиза результатов диссертационного исследования осуществлялась в заседании Ученого совета Академии МВД Республики Таджикистан.

Комплексный характер диссертационного исследования обусловил различные формы апробации и внедрения его

результатов. Результаты диссертационного исследования докладывались на 30 международных научно-практических, 8 всероссийских и 7 республиканских конференциях.

Основные положения, выводы, предложения и научно-практические рекомендации, содержащиеся в диссертационном исследовании, нашли отражение в 120 публикациях диссертанта общим объемом 492,9 а.л., (авторский вклад составляет – 204,25 а.л.).

Результаты диссертационного исследования также апробированы в научно-педагогической деятельности диссертанта в нескольких вузах Таджикистана.

Отдельные положения и выводы внедрены в практическую деятельность государственных органов Республики Таджикистан, а также в учебный процесс, научную и учебно-методическую деятельность нескольких профильных вузов СНГ (всего 10 актов внедрения).

Структура диссертации. Структура и объем диссертационного исследования predetermined целями и задачами исследования и включают: введение, два раздела, шесть глав, объединяющих двадцать два параграфа, заключение, список использованной литературы (Том 1) и 16 приложений (Том 2).

Во введении обосновывается актуальность темы исследования; характеризуется степень ее разработанности; определяются объект, предмет, цель и задачи исследования; раскрываются методология и методы исследования, его нормативная, теоретическая и эмпирическая основы; научная новизна; основные положения, выносимые на защиту; теоретическая и практическая значимость работы; степень достоверности полученных результатов; сведения об апробации и внедрении результатов исследования, а также о структуре диссертации.

Первый раздел диссертационного исследования «Теоретические, правовые и исторические основы формирования учения об уголовном преследовании в уголовном судопроизводстве Республики Таджикистан» включает в себя две главы и семь параграфов соответственно.

Первая глава – «Теоретические основы формирования учения об уголовном преследовании в уголовно-процессуальной доктрине Республики Таджикистан» содержит три параграфа, в которых анализируются вопросы общетеоретической характеристики функции уголовного преследования в уголовно-процессуальной науке.

Диссертантом в первом параграфе первой главы обосновывается позиция, что в юридической литературе до сих пор не решена проблема в понимании того, что представляет собой функция в уголовном процессе, не определены количество функций и основные субъекты их реализации. Анализируя позиции и точки зрения ученых-процессуалистов, диссертант предлагает свое видение уголовно-процессуальных функций.

Во втором параграфе диссертантом рассматривается возможность разработки авторской модели уголовно-процессуального учения о функции уголовного преследования в уголовном судопроизводстве Республики Таджикистан.

Диссертантом в третьем параграфе проанализированы формы и виды уголовного преследования в зависимости от их содержания и закрепления в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Таджикистан.

Вторая глава диссертационного исследования «Правовые основы и исторические особенности функционирования уголовного преследования в уголовном судопроизводстве Таджикистана» состоит из четырех параграфов.

Диссертантом в первом параграфе комплексно рассматриваются исторические особенности функции уголовного преследования, вопросы становления и развития уголовно-процессуального законодательства и использование принципа преемственности в разработке и уточнении периодизации отраслевого законодательства.

Во втором параграфе рассматриваются вопросы основных двух свойств уголовно-процессуального законодательства Республики Таджикистан – системности и стабильности.

Третий параграф посвящен анализу концепции уголовно-процессуальной политики Республики Таджикистан.

В четвертом параграфе рассматриваются вопросы комплексного противодействия преступности, использования современных технологий в данной сфере и поэтапного внедрения проекта «Электронная книга учета преступлений» в контексте цифровизации уголовного судопроизводства Республики Таджикистан.

Второй раздел диссертационного исследования «Концептуальные проблемы уголовного преследования в уголовном судопроизводстве Республики Таджикистан» состоит из четырех глав и пятнадцати параграфов.

Глава третья диссертационного исследования «Реализация функции уголовного преследования в досудебных стадиях уголовного судопроизводства Республики Таджикистан» соответственно состоит из пяти параграфов, в которых детально исследуются вопросы реализации функции уголовного преследования в досудебных стадиях уголовного судопроизводства.

В первом параграфе анализируются вопросы осуществления функции уголовного преследования в досудебной и судебной стадиях уголовного судопроизводства Республики Таджикистан.

Во втором параграфе исследованию подвергается комплекс вопросов, связанных с реализацией функции уголовного преследования и оперативно-розыскной деятельности.

В третьем параграфе анализируются вопросы осуществления функции уголовного преследования при производстве дознания, предварительного следствия и ускоренного производства по уголовным делам в контексте их оптимизации.

В четвертом параграфе рассматриваются вопросы оптимизации досудебного производства по уголовным делам в реалиях Республики Таджикистан.

В пятом параграфе анализируется эффективность деятельности по уголовному преследованию и надзору за исполнением законов в досудебных и судебных стадиях,

осуществляемых прокурорами как государственными обвинителями.

Четвертая глава диссертационного исследования – «Анализ оснований и порядка прекращения уголовного дела и уголовного преследования в досудебных и судебных стадиях» состоит из четырех параграфов.

В первом параграфе исследованию подвергаются проблемные вопросы прекращения уголовного дела и уголовного преследования в уголовном судопроизводстве Республики Таджикистан.

Во втором параграфе рассматриваются основания освобождения от уголовной ответственности, отдельные виды и формы прекращения уголовного преследования в контексте ее реализации.

В третьем параграфе анализируются вопросы особенностей производства по делам частного и частно-публичного обвинения в уголовном судопроизводстве Республики Таджикистан.

В четвертом параграфе рассматриваются различные аспекты отказа от государственного обвинения прокурора в уголовном судопроизводстве Республики Таджикистан в контексте сравнительного анализа.

Пятая глава диссертационного исследования – «Механизм реализации функции уголовного преследования в судебных стадиях уголовного судопроизводства» состоит из трех параграфов.

В первом параграфе рассматриваются вопросы возбуждения уголовного дела судом различных категорий в соответствии с их процессуальными полномочиями, которые нарушают принцип состязательности и равноправия сторон в уголовном судопроизводстве Республики Таджикистан.

Во втором параграфе рассматриваются вопросы реализации функции уголовного преследования в первой судебной стадии уголовного судопроизводства Республики Таджикистан с учетом специфических особенностей их правоприменительной деятельности.

В третьем параграфе рассматриваются вопросы реализации функции уголовного преследования во второй судебной

инстанции и в исключительных стадиях уголовного судопроизводства Республики Таджикистан.

Шестая глава диссертационного исследования – «Реализация функции уголовного преследования в отдельных производствах уголовного судопроизводства Республики Таджикистан и ее альтернативы» состоит из трех параграфов.

В первом параграфе обосновывается реализация функции уголовного преследования при производстве по возмещению вреда в досудебном производстве в контексте анализа правоприменительной практики.

Второй параграф посвящен рассмотрению вопросов осуществления функции уголовного преследования в рамках международного сотрудничества по уголовным делам в Республике Таджикистан.

В третьем параграфе рассматриваются вопросы разработки и применения альтернатив уголовному преследованию в доктрине и практике уголовного судопроизводства Республики Таджикистан.

В заключение диссертационного исследования обобщаются основные выводы, результаты и рекомендации научно-практического содержания.

В приложениях приведены статистические данные о состоянии преступности за 1980-2020 гг., результаты деятельности органов предварительного расследования и судов за 1991-2020 гг., разработанных авторских проектах Стратегии совершенствования деятельности органов расследования в Республике Таджикистан и Концепции совершенствования уголовно - процессуального законодательства Республики Таджикистан, проектов законов о внесении соответствующих изменений и дополнений в уголовно-процессуальное законодательство, общие данные о количестве трудов по профилю диссертационного исследования, сравнительные данные по внесению изменений и дополнений в уголовно-процессуальный кодекс, результаты анкетирования судей, прокуроров, следователей, дознавателей, адвокатов и аналитическая справка по результатам изучения архивных уголовных дел и материалов об отказе в возбуждении уголовных дел, а также о результатах исследования проблем реализации

функции уголовного преследования в уголовном судопроизводстве.

Соответствие автореферата содержанию диссертационного исследования. Содержание автореферата в основном соответствует содержанию диссертационного исследования.

Спорные положения по тексту диссертационного исследования. Диссертационное исследование, подготовленное Р.Р. Рахмаджонзода, в целом положительно оценивается, но вместе с тем, следует отметить, что в процессе изучения нами были выявлены несколько спорных моментов, которые требуют своего обоснования. К ним относятся:

1. В действительности актуальным является не само учение, и не только сами теоретические основы уголовного преследования, а их правовая регламентация и практика применения. Основным понятием настоящего исследования является понятие уголовного преследования (стр. 41-75 дис.), что по идее диссертанта является основой теоретической модели разработанного им учения о функции уголовного преследования.

Однако оно не совсем верно представлено как понятие «функция уголовного преследования» (стр. 74 дис., стр. 17 автореферат, положение № 7), что отличается от понятия уголовного преследования. Понятие уголовного преследования лаконично закреплено во всех УПК постсоветских государств, в том числе и в УПК РТ (ст. 6), и нет необходимости его расширительного изложения в законе, дабы не допустить ошибок, типа «уголовное преследование – это ... прекращение уголовного дела или уголовного преследования ...» (стр. 74 дис.) и чтобы наука и практика развивались.

Если молодые исследователи по вопросам функции защиты вооружаясь вашими поучениями дальше пойдут, они в свою очередь, безусловно, придут к такому принципиально неверному выводу о том, что «в предусмотренных законом случаях следователь, дознаватель и прокурор выносят постановление о прекращении защиты в уголовном деле».

2. Второй параграф первой главы работы «Учение об уголовном преследовании в контексте теории уголовно-процессуальных функций» автор начинает с дифференциации уголовно-процессуальных функций, предложенной проф. В. А. Михайловым, и переходит к полемике о сущности и содержании принципа состязательности.

Этот параграф, как и предыдущий, так и не раскрывает сущность и содержание самого учения об уголовном преследовании, если вообще возможно охарактеризовать теорию об уголовном преследовании как Учение, что требует серьёзного дополнительного обоснования (стр. 41-208 дис.). Теория об уголовном преследовании, с нашей точки зрения ещё не устоялась, не формировалась до уровня Учения, да и разве есть необходимости в этом. Например, Учение буддизма имеет 84000 поучений, а Учение об исламе, священный Коран, состоит из 113 сур и 6236 аятов, а Сунна – из 35647 хадисов, что включает тысячи поучений.

3. Вывод автора о классификации (11) форм и (3) видов осуществления уголовного преследования (стр. 121 дис., 9-е положение вносимое на защиты), достаточно не аргументирован, за исключением, если можно называть аргументом 2 абзаца стр. 103 дис.: «подозрение ... первоначальное обвинение и в конечном итоге – привлечение лица по нему в качестве обвиняемого» и описание точки зрения опять таки учёных, как Мазюка Р.В., Жука О.Д., и Хатуева В.В.

Оба вида дознания, ускоренное производство и следствие с точки зрения автора являются формой уголовного преследования (положение, выносимое на защиту № 9), что не обосновано в работе (стр. 94-122 дис.). Такой подход, по существу, сводит уголовный процесс – как установленный законом порядок производства по уголовному делу - на нет. В стадии предварительного расследования как принятый порядок производства решаются не только вопросы обвинения, но и защиты прав и интересов человека и гражданина.

4. Четвертое положение, выносимое на защиту, как сложное предложение с академическими оборотами, привлекает внимание, и я обратился к тексту диссертации (стр.

123-141), что не менее грациозно, названо параграф как «Генезис законодательства, регулирующие уголовное преследование: истоки и современность».

С периодизацией автором истории становления и развития уголовно-процессуального законодательства Таджикистана, за исключением первого периода, в целом можно согласиться. Но разве можно изложить обоснование периодизации истории таджикского уголовного процесса от начала его зарождения и до настоящего время всего лишь на 18 страницах (стр. 123-141 дис.). Это явно недостаточно. Более того, хотелось бы услышать мнение автора о том, что разве общая история развития уголовно-процессуального законодательства (о чем свидетельствует текст диссертации на стр. 123-141) не выходит за рамки настоящего исследования?

5. «Противодействия преступности как основа модернизации уголовно-процессуальной деятельности» такими неприсущими уголовному процессу словами начато название параграфа 2.4 главы 2 диссертации. Скрупулезное исследование этого вопроса неминуемо привело бы к решению одной из вечной проблемы уголовного процесса, даже уголовно-процессуальной политики, и не только Таджикистана, но и всех государств, провозгласивших себя демократическими: надлежащий баланс между «контролем над преступностью» и «надлежащей правовой процедурой».

К сожалению, этот параграф, хотя имеет много полезной информации, статистических данных о преступности в Таджикистане, начинается их анализом, но завершается не собственными выводами диссертанта, а мнениями Н. Абдуллоева, Х. Мирзамонзода, А. Арипова об электронном правосудии. Позиция автора о цифровизации учёта преступности, что указано в положении № 14 в автореферате - не нова, муссируется в специальной литературе и предусмотрена в Стратегии реформы милиции, есть проект об электронной регистрации заявлений и сообщений о преступлениях и происшествиях, действует ГИАЦ МВД РТ.

6. Утверждение автора о том, что освобождение лица от уголовной ответственности, что оформляется постановлением о

прекращение уголовного дела (ст. 28 УПК РТ), является формой реализации функции уголовного преследования (стр. 23, 41-42 автореферата; стр. 367 дис.) становится противоречивым, что требует публичного разъяснения.

7. Предложение автора (положение № 19, стр. 23 автореферата) о том, что в досудебном производстве необходимо предоставить следователю, дознавателю право без согласия прокурора прекращать уголовное дело (или уголовное преследование – добавляет диссертант) не соответствует требованию законной функции прокурора в стадии расследования преступлений: надзор, процессуальное руководство и обеспечение осуществления уголовного преследования и требует аргументации.

8. В положении, выносимом на защиту № 21 автор утверждает, что суд первой инстанции реализует функции уголовного преследования, и аргументирует это наличием у суда властных полномочий решать ряд ключевых вопросов досудебной стадии (искажение), таких как *заклучение под стражу, дача разрешения на проведение некоторых видов следственных действий*, возвращение уголовного дела для проведения дополнительного расследования, прекращение уголовного преследования.

Суды первой инстанции по определению не вправе сами реализовать функции уголовного преследования, даже при том, что они выносят обвинительный приговор, это часть их полномочий, составляющее содержание его исключительной компетенции осуществлять правосудие.

Суд не является участником уголовного процесса со стороны уголовного преследования и обвинения по принципу самостоятельности, суд не может быть органом уголовного преследования. В суде прокурор поддерживает гособвинение, а не осуществляет уголовное преследование, то есть в отношении подсудимого без разрешения суда никакие преследовательские меры предпринять не может.

По значимости, в суде обвинение выходит на первый план, оно является более действенным, отодвигает уголовное преследование на задний план. Уголовное

преследование как совокупность действий, направленных на привлечение лица к уголовной ответственности, не может происходить в условиях судебного разбирательства, оно осуществляется в стадии расследования единолично следователем или путём привлечения оперативных работников.

9. В качестве положения, выносимого на защиту, диссертант предлагает в судебных стадиях замену права судей на прекращение уголовного дела (и уголовного преследования – так у диссертанта) на их обязанности, однако ни в автореферате (стр. 45), ни в диссертации (стр. 435-466 дис.) это положение не обосновано.

Мы не можем согласиться с предложением диссертанта, так как в ст. 288 УПК РТ законодатель намеренно предусматривает два варианта решения этого вопроса: ч. 1 ст. 288 УПК предусматривает императивность прекращения, а ч. 2 этой же статьи предусматривает диспозитивность, то есть решение этого вопроса оставляет на усмотрение судьи. И лишь судьи могут оценить, установить особые обстоятельства дела, такие как раскаяние или примирение и т.п.

Соответствие диссертации предъявляемым требованиям Порядка присуждения ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Республики Таджикистан от 30 июня 2021 года, № 267.

Отмеченные замечания в целом не снижают качество диссертационного исследования.

Прорецензированное диссертационное исследование Рахмаджонзода Р.Р. на соискание ученой степени доктора юридических наук на тему «Учение об уголовном преследовании в уголовном судопроизводстве Республики Таджикистан» по специальности 12.00.09 – Уголовно-процессуальное право (юридические науки) является самостоятельной, завершённой научно-квалификационной работой, в которой содержится решение крупной научной проблемы, имеющей социально-экономическое значение, и предложены новые пути решения научно обоснованных смежных вопросов, внедрение которых является важным для развития науки и практики уголовного судопроизводства.

Диссертационное исследование Рахмаджонзода Р.Р. соответствует требованиям, предъявляемым к докторским диссертационным исследованиям, обозначенным в пп. 71 и 72 Порядка присуждения ученых степеней, утвержденного Постановлением

Правительства Республики Таджикистан от 30 июня 2021 года, № 267, а ее автор – Рахмаджонзода Рифат Рахмаджон заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора юридических наук.

УДК 343.9

РАХМАДЖОНЗОДА Р.Р.
RAHMADJONZODA R.R.

Заместитель начальника Академии МВД Республики Таджикистан по науке, доктор юридических наук, доцент, подполковник милиции
Муовини сардори Академияи ВҚД Ҷумҳурии Тоҷикистон оид ба илм, доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсент, подполковники милитсия
Deputy Head of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan for Science, Doctor of Law, associate professor, lieutenant colonel of militia

E-mail:
reefat@yandex.ru

ОТЗЫВ

на автореферат диссертации **Антон Владимировича Петровского** на тему: «**Институционально-нормативная система предупреждения преступного поведения: теоретико-прикладное исследование**», представленной на соискание ученой степени доктора юридических наук по научной специальности **5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)**, (Краснодар, 2023)

ТАҚРИЗ

ба автореферати диссертатсияи **Антон Владимирович Петровский** дар мавзӯи: «**Низоми институционалӣ-меъёрии пешгирии рафтори ҷиноятӣ: тадқиқоти назариявӣ-амалӣ**», ки барои дарёфти дараҷаи илмӣ доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ аз рӯи ихтисоси **5.1.4. Илмҳои ҷиноятӣ-ҳуқуқӣ (илмҳои ҳуқуқшиносӣ) пешниҳод шудааст**, (Краснодар, 2023)

REVIEW

on the abstract of the dissertation of **Anton Vladimirovich Petrovsky** on the topic: "**Institutional and normative system for preventing criminal behavior: theoretical and applied research**", submitted for the degree of Doctor of Law in the scientific specialty **5.1.4. Criminal Law Sciences (Legal Sciences)**, (Krasnodar, 2023)

Развитие теории предупреждения преступности немислимо без изучения криминальных и антикриминальных социально - антропологических, юридических норм, процессов, институтов и генерируемых ими прав, и обязанностей у соответствующих субъектов. Принимая во внимание, что в рамках российского правового поля необходимой юридической основы для институционализации законодательства регулирующего предупреждение преступного поведения, налаживания управленческого и социального взаимодействия до настоящего времени не создано, диссертационное исследование А.В. Петровского обретает очевидную актуальность. Значимость работы еще определяется ее информационной новизной, так

как исследований формальных и неформальных норм, действующих в сфере предупреждения преступного поведения, представляющих собой качественно новую основу для создания российской системы криминологического законодательства на базе констатации генерации юридических и иных социальных норм, практически нет.

Актуальности работы соответствует научная новизна, которая конкретизирована в приведенных доказательствах существования криминологического габитуса, обосновании нового научного направления – криминологическая нормативная антропология, изучении «состояния антикриминальной ментальности», констатации наличия криминологического законодательства в России,

актуализации вопроса о «превентивной юстиции», предложении концепции «превентивной стратегии». Необходимо подчеркнуть, что в работе впервые с помощью институционального нормативного подхода исследованы формальные и неформальные нормы, действующие в сфере предупреждения преступного поведения, способные функционировать как во взаимодействии с государственными структурами, так и отдельно от них, выступать регуляторами отношений в сфере предупреждения преступного поведения.

В результате проведенного исследования А.В. Петровским сделаны важные и фундаментальные выводы и предложения научной направленности, позволяющие развивать как теоретические, так и практические аспекты теории криминологии и предупреждения преступности.

Высокий уровень диссертации подтверждается объемной теоретической, методологической, эмпирической основой. Логически выстроенная и четкая структура работы позволила соискателю всесторонне и полно решить все поставленные задачи. Заслуживает внимания хорошая научная апробация результатов диссертационного исследования на международном, российском и региональных уровнях, изложенных в 88 публикациях, 29 из которых в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ. Исходя из содержания автореферата можно сделать вывод, что работа А.В. Петровского содержит результаты и предложения, свидетельствующие о личном вкладе автора в науку криминологии.

Можно поддержать предложение автора о включении в систему, регулируемую антикриминальную профилактику и формирующую превентивные практики в зависимости от территориальной или этнической специфики неюридических социальных норм, способных эффективно противодействовать преступному поведению (положение 18, с. 14; с. 30). Хотелось бы отметить достоинство ряда выводов автора представляющих как научный, так и практический интерес о: 1) направлениях и принципах использования неюридических норм в

деятельности по предупреждению преступлений (положение 18, 19; с. 14); 2) перечне дополнительных мер превенции, ориентированных на предупреждение правонарушений несовершеннолетних, (с. 15); 3) предоставлении представителям основных религиозных конфессий права представлять интересы осужденных содержащихся в исправительных учреждениях (с. 17); 4) разделении полицейских процедур на предупреждение правонарушений и раскрытие преступлений, а также о необходимости создания отдельных подразделений по профилактике правонарушений с конкретизацией обязанностей, прав для всех участвующих в указанном процессе лиц (с. 25).

Выполненное диссертационное исследование имеет теоретическое и прикладное значение, поскольку сформулированные в ней выводы и рекомендации могут служить основой для создания антикриминального профилактического законодательства, на базе юридических и иных социальных норм (институтов), призванных регулировать отношения в сфере предупреждения преступного поведения. Автореферат характеризуется высоким научным стилем.

В общем, и в целом, положительно оценивая диссертационное исследование Петровского А.В., отмечая бесспорные достоинства проделанной работы, хотелось бы в порядке научной дискуссии высказать отдельные замечания:

1. Соглашаясь с предлагаемой автором концепцией превентивной стратегии, предполагающей комплексное использование уголовного наказания, принудительных мер профилактического воздействия и кримино-резистентных возможностей общества, хочется обратить внимание на то, что это может привести к неконтролируемому злоупотреблению полномочиями и правами субъектов профилактики. Наделяя отдельными властными полномочиями граждан, представителей общественных организаций, религиозных объединений, автору следовало упомянуть механизмы защиты прав профилируемых лиц.

2. В рамках положения № 17 соискатель предлагает создание института потестарной профилактики правонарушений,

существование которого возможно при допустимости либо легитимации государством превентивных практик поведения, распространенных среди членов семьи, этнических, географических сообществ, профессионально-трудовых коллективов, среди адептов религиозных объединений. Что такое легитимация, понятно – это отражение в законодательства соответствующих положений. А вот, признак допустимости государством отдельных практик следует пояснить в процессе защиты.

3. Предлагаемая автором селективная модель назначения и исполнения уголовного наказания в отношении трудноисправимых, профессиональных преступников, рецидивистов излишне репрессивна, не совсем соотносится с принципом справедливости указанным в ст. 6 УК РФ.

Высказанные замечания носят частный характер и не влияют на общий вывод об актуальности избранной темы,

аргументированности научных достижений и положений, их достоверности и новизне.

Таким образом, диссертация А.В. Петровского представляет собой научно-квалификационный труд, в котором на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение имеющее существенное значение для науки криминологии. Представленная диссертация, судя по автореферату, отвечает требованиям предъявляемым в настоящее время к подобным научно-квалификационным работам, указанным в пп. 1 ст. 9, 10, 11, 13 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденных постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 г. № 842 (в редакции 26.10.2023), а ее автор Антон Владимирович Петровский заслуживает присуждения ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

МИНБАРИ ОЛИМОНИ ЧАВОН

Трибуна молодых ученых
TRIBUNE OF YOUNG SCIENTISTS

УДК 340.1:351.811

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОПТИМАЛЬНОЙ МОДЕЛИ
ТРАНСПОРТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА

ҶАНБАҶОИ НАЗАРИЯӢ-ҲУҚУҚИИ МУАЙЯН НАМУДАНИ НАВӢИ МУНОСИБИ
АМНИЯТИ НАҚЛИЕТИИ ДАВЛАТИ МУОСИР

THEORETICAL AND LEGAL ASPECTS OF DETERMINING THE OPTIMAL MODEL OF
TRANSPORT SECURITY OF A MODERN STATE

АСТРАХАНЦЕВ И.В.
ASTRAKHANTSEV I.V.

*Начальник Западного линейного управления МВД России на транспорте Управления на транспорте МВД России по Северо-Западному федеральному округу (г. Калининград),
полковник полиции*

*Сардори Раёсати хаттии гарбии ВҚД Россия дар нақлиёти
Раёсати нақлиётҳои ВҚД Россия дар минтақаи федералии
Шимолӣ-Ғарбӣ (ш. Калининград), полковники полтсия
Head of the Western Linear Directorate of the Ministry of Internal Affairs
of Russia for Transport of the Directorate of Transport of the Ministry of
Internal Affairs of Russia for the Northwestern Federal District
(Kaliningrad), Police Colonel*

E-mail:
Igor39.72@bk.ru

Научная специальность: 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве (5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки).

Ихтисоси илмӣ: 12.00.01 – Назария ва таърихи ҳуқуқ ва давлат; таърихи таълимот дар бораи ҳуқуқ ва давлат (5.1.1. Илмҳои ҳуқуқии назарияӢ-таърихӣ).

Scientific specialties: 12.00.01 – Theory and history of law and state; history of the doctrines of law and the state (5.1.1. Theoretical and historical legal sciences).

Рецензент: НИЖНИК Н.С. – профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор (научный руководитель).

Тақриздиханда: НИЖНИК Н.С. – профессори кафедраи назария ва таърихи давлат ва ҳуқуқи Донишгоҳи ВҚД Россия дар ш. Санкт-Петербург, доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор (роҳбари илмӣ).

Reviewer: NIZHNIK N.S. – Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor (scientific supervisor).

Аннотация: В статье на основании результатов анализа нормативных правовых актов, аналитических документов и материалов правоприменительной практики, касающихся обеспечения транспортной безопасности России представлена модель транспортной безопасности современного государства. Охарактеризовано актуальное состояние транспортной безопасности России на национальном и международном уровнях, описаны и проанализированы проблемные ситуации, возникающие на путях федерального и международного транспортного сообщения.

Ключевые слова: национальная безопасность, транспортная безопасность, субъекты транспортной безопасности, государство, пути транспортного сообщения, оптимальная модель.

Аннотатсия: Дар мақола дар асоси натиҷаи таҳлили санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ, ҳуҷжатҳои таҳлилӣ ва маводди амалияи ҳуқуқтатбиқкунандае, ки ба таъмини амнияти нақлиётӣ Россия дахл доранд, навъи амнияти нақлиётӣ давлати муосир пешниҳод карда шудааст. Вазъи воқеии амнияти нақлиётӣ Россия дар сатҳи миллӣ ва байналмилалӣ тавсиф карда шуда, ҳолатҳои мушкилие, ки дар роҳҳои алоқаҳои нақлиётӣ федералӣ ва байналмилалӣ ба вучуд меоянд, таҳлил карда шудаанд.

Вожаҳои калидӣ: амнияти миллӣ, амнияти нақлиётӣ, субъектҳои амнияти нақлиётӣ, давлат, роҳҳои алоқаҳои нақлиётӣ, навъи муносиб.

Annotation: The article presents a model of transport security of a modern state based on the results of the analysis of regulatory legal acts, analytical documents and materials of law enforcement practice concerning the provision of transport security of Russia. The current state of transport security of Russia at the national and international levels is characterized, problematic situations arising on the routes of federal and international transport communications are described and analyzed.

Key words: national security, transport security, subjects of transport security, state, transport routes, optimal model.

Актуальность обеспечения транспортной безопасности в современном государстве определяется современными потребностями общества в экономической, социальной, культурной, научно-технической и иных сферах. Процессы глобализации и непрерывной трансформации традиционного уклада жизни общества на современном этапе приобретают все более выраженный объективный характер и все менее зависят от субъективной воли их участников – отдельных государств, международных сообществ и организаций, граждан.

Если до середины XX в. рассуждения о возможности изолированного развития отдельных общественных формаций находили определенное научное и практическое подтверждение, то на протяжении последних десятилетий данные суждения обоснованно относятся к разряду фантомных и утопических как в научном, так и в прикладном контексте. Более того, попытки умышленной транспортной, инфраструктурной, экономической и геополитической изоляции в рамках мирового сообщества рассматриваются в

настоящее время в качестве вредоносных и преступных стратегий. Это наилучшим образом подтвердила ситуация вынужденной изоляции стран в период пандемии COVID-19, на фоне которой произошло значительное падение экономических показателей, замедлилось экономическое и научно-техническое развитие ряда государств, разрушились либо осложнились ранее налаженные производственные и логистические цепочки.

Необходимость физического перемещения в различных целях в мировых, национальных и региональных масштабах товаров, грузов и пассажиров определяет формирование устойчивых векторов нарастания объемов транспортных и пассажирских перевозок как на внутреннем, так и на международном уровнях. Потребности в активном использовании различных видов транспорта лежат и в плоскости экономических, стратегических, технико-технологических запросов современных государств, и в гуманитарной сфере. Вопросы логистической доступности наименее экономически развитых регионов мира и необходимость их ресурсной

поддержки на протяжении нескольких последних десятилетий являются объектами пристального внимания международных и национальных сообществ, выступающих гарантами поддержания социальной справедливости в общемировом масштабе [15]. На этом фоне с уверенностью можно рассуждать о сформированности особой группы общественных отношений – транспортно-логистических. На этом фоне обеспечение безопасности всех участников данных отношений является одной из приоритетных задач современного государства.

Транспортная безопасность является неотъемлемым элементом национальной безопасности государства [7]. В обеспечении транспортной безопасности государств на разных этапах их исторического развития [11; 13] задействованы различные органы, осуществляющие правоохранительную деятельность [12; 2].

Транспортная безопасность – сложное многоаспектное явление [10; 5], непосредственно определяющим состояние защищенности граждан, объектов транспортной инфраструктуры, транспортных средств, перемещаемых с их помощью товаров и грузов, а также и национальных интересов государства в сфере функционирования транспортной системы страны [4]. С учетом того, что транспортная безопасность является сложным феноменом [10; 9; 6], система ее обеспечения подлежит рассмотрению в широком смысле – в качестве совокупности элементов, необходимых для достижения состояния защищенности транспортного комплекса страны от актов незаконного вмешательства и обеспечения защиты интересов личности, общества и государства в сфере его функционирования. При этом система обеспечения транспортной безопасности, включая в себя субъектов, участвующих в ее обеспечении [3]; реализуемые ими меры правового, организационного, информационно-идеологического, экономического и иного характера; задействуемые в этих целях силы, средства и приемы объединения совместных усилий [5], предполагает наличие рациональных закономерностей ее функционирования, подчинение не только требованиям закона, но и наиболее эффективным законам логики,

рационализма и стабильности.

Перечисленные требования к функционированию системы обеспечения транспортной безопасности определяют потребность в разработке оптимальной модели транспортной безопасности современного государства. Применительно к различным видам безопасности в современной науке моделирование применяется в качестве общенаучного метода, позволяющего структурировать изучаемый феномен, обеспечить его наглядность и доступность для всестороннего рассмотрения, а как следствие – для оперативного преобразования в соответствии с изменяющимися потребностями, запросами и преобразованиями в объективной реальности. В юриспруденции метод моделирования успешно применяется для изучения сложных и многокомпонентных явлений, феноменов, процессов, физическое отображение которых невозможно либо затруднено (то есть применительно не к материальным, а к идеальным объектам исследования). Данный метод позволяет воспроизвести ситуации либо наглядно отразить процессы, а также спрогнозировать варианты их исхода путем переноса идеальных свойств изучаемого объекта на материальную модель, представленную в виде схемы, алгоритма, содержания исследуемого объекта и пр. При этом релевантность формируемой модели изучаемому объекту обеспечивается за счет ее прикладного характера – модель строится на основании анализа соответствующей практики в определенной сфере (в рамках данной статьи – в сфере обеспечения транспортной безопасности государства), а в дальнейшем усовершенствуется и применяется в этой же сфере. Последующие наблюдения и констатация наличия качественных улучшений и позитивных преобразований по сравнению с исходной ситуацией указывают на эффективность построения и реализации данной модели.

В этой связи, целью данной статьи является представление оптимальной модели транспортной безопасности современного государства, разработанной автором на основании результатов обобщения и анализа практики ее обеспечения на национальном и международном уровнях. В работе использованы аналитические и практические

материалы из личного архива, отражающие актуальное состояние транспортной безопасности страны и иллюстрирующие отдельные проблемные ситуации, возникающие на путях федерального и международного транспортного сообщения, ранее не проанализированные иными исследователями и не представленные в публикационной среде, что свидетельствует о практической значимости и научной новизне проведенного исследования.

Понятие «транспортная безопасность» получило свое формальное правовое закрепление в Федеральном законе «О транспортной безопасности», определившем его как «состояние защищенности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств от актов незаконного вмешательства», а обеспечение транспортной безопасности – это «реализация определяемой государством системы правовых, экономических, организационных и иных мер в сфере транспортного комплекса, соответствующих угрозам совершения актов незаконного вмешательства» [1].

Представления о транспортной безопасности применительно к различным направлениям ее обеспечения и отдельным видам транспорта нашли свое отражение в Воздушном кодексе Российской Федерации, использующем понятие «авиационная безопасность», которым обозначается состояние защищенности авиации от незаконного вмешательства в деятельность в области авиации (ст. 3); в Кодексе торгового мореплавания Российской Федерации, включившем в обязанности капитана морского порта (ст. 76) обеспечение им транспортной безопасности акватории морского порта; в Уставе железнодорожного транспорта Российской Федерации, упоминающего о транспортной безопасности в статьях об ответственности грузоперевозчика, пассажиров и грузополучателей.

Уделение законодателем внимания особенностям обеспечения транспортной безопасности применительно к различным видам транспорта подтверждают широту, сложность и многоаспектность транспортной безопасности в качестве юридического феномена и указывают на ее

содержательную включенность в общую структуру национальной безопасности государства. Это подтверждает и содержание ключевых нормативных правовых актов стратегического характера.

Так, в Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года отмечена важность дальнейшего поступательного развития транспортных возможностей государства в целях повышения уровня благосостояния общества и обеспечения защищенности страны от внешнего экономического вмешательства и попыток оказать негативное воздействие на промышленные, логистические и инфраструктурные возможности нашей страны.

Так, в статье 33 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации указывается, что достижение целей государственной политики в сфере сбережения народа России и развития человеческого потенциала обеспечивается в том числе путем развития транспортной инфраструктуры (п. 17), а достижение целей обеспечения государственной безопасности видится среди прочего в повышении уровня защищенности объектов транспортной инфраструктуры объектов транспортной инфраструктуры (п. 6 ст. 47); при этом достижение целей обеспечения экономической безопасности государства осуществляется путем решения задач по обеспечению развития эффективной транспортной инфраструктуры и транспортной связанности страны (п. 20 ст. 67).

На основании изложенного можно обоснованно заключить, что в общей структуре национальной безопасности транспортная безопасность относится к динамическим направлениям ее обеспечения, предполагающим необходимость предприятия конкретных практических мер по различным направлениям. Для сравнения, например, антитеррористическая защищенность объектов критически важной инфраструктуры либо защита духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей относятся к статичным направлениям в структуре национальной безопасности страны, требующим реализации мер охранного и классического консервативного характера для поддержания состояния их защищенности.

В то время как транспортная безопасность напрямую зависит от инициативного поведения субъектов ее обеспечения, предполагающего действия по предвосхищению возможных негативных сценариев и сосредоточению усилий по перспективному выявлению и блокированию потенциальных угроз. Данное обстоятельство является определяющим при построении оптимальной модели транспортной безопасности современного государства.

Сформулированное умозаключение наглядно подтверждают ряд примеров из практики. 19 августа 2024 г. в Шакяйском Литовской Республики произошло ДТП с участием пассажирского рейсового автобуса, сообщением Рига – Калининград. Организация и обслуживание данного маршрута входили в компетенцию латвийской стороны. В результате съезда автобуса в кювет и его опрокидывания пострадали 26 пассажиров, которым было назначено амбулаторное и стационарное лечение. Всего в автобусе на момент аварии находилось 46 человек, что по количеству посадочных мест в автобусе данной модификации указывает на его полную загруженность. Из числа пассажиров 20 имели российское гражданство, в том числе три жителя Калининградской области. В ходе дачи объяснений водитель пояснил, что выполнял обратный рейс по маршруту и в соответствии с графиком движения почти не имел времени для сна и отдыха в промежуточной точке следования. В связи с чем причиной аварии явилось вынужденное засыпание водителя, вызванное сильной усталостью и монотонностью маршрута на данном отрезке пути. Также водитель указал, что ранее к выполнению рейса допускались одновременно только два водителя, каждый из которых имел возможность для отдыха, в том числе и в пути следования. В настоящее время организаторами перевозок со стороны Латвийской Республики в целях экономии финансовых ресурсов и по причине нехватки водителей в обслуживающем автопарке было принято решение о выполнении международных маршрутов одним водителем единолично.

Данный пример не является уникальным в общем массиве практики в сфере

обеспечения транспортной безопасности не только на путях международного транспортного сообщения, но и на федеральном уровне. Например, машинист поезда М., следовавшего из Санкт-Петербурга в Рязань, уснул в кабине машиниста головного вагона поезда, в результате чего проехал на запрещающий сигнал поездного светофора и допустил столкновение с локомотивом обслуживающего поезда, выезжавшего на разрешающий сигнал с прилегающего пути. В ходе проверки было установлено, что в нарушение установленных правил машинист управлял поездным составом без помощника, которого по его просьбе высадил на одной из станций по маршруту следования и на обратном пути рассчитывал его подобрать. Сам М., находясь в состоянии крайней усталости (поскольку его максимальная по допустимой продолжительности смена в 12 часов уже подходила к концу) уснул в ночное время на рабочем месте машиниста и далее не контролировал складывающуюся ситуацию.

В результате инцидента пострадали 18 человек, 12 из которых были госпитализированы. Должностные лица Санкт-Петербургского территориального управления Октябрьской железной дороги, ответственные за составление графиков работы и взаимодействие с персоналом, комментируя данную ситуацию, указали на проблему недостаточного осознания личной ответственности сотрудниками РЖД, непосредственно осуществляющих перевозки на объектах железнодорожного транспорта, за нарушение установленных правил эксплуатации подвижных составов. По их мнению, несмотря на проведение обязательных предрейсовых медицинских осмотров, машинисты и их помощники допускают явку на рейсы в состоянии сильной усталости.

При отсутствии возможности для отдыха в пути, данное состояние дополнительно усиливается в процессе следования по маршруту и способно привести к катастрофическим последствиям. В этих целях руководством ОАО «РЖД» рассматриваются возможности внедрения в каждую кабину машиниста подвижного состава многофункциональных комплексов контроля за

психофизиологическим состоянием машиниста и его помощника, в том числе в целях исключения ситуаций отсутствия кого-либо из них в процессе следования поездов по маршруту.

Как видно из описанных практических примеров, чрезвычайно большое значение в контексте транспортной безопасности имеет человеческий фактор. Это напрямую взаимосвязано с отмеченной выше особенностью прямой взаимосвязи ее обеспечения с инициативным поведением ответственных субъектов, предполагающим действия по предвосхищению возможных негативных сценариев и сосредоточению усилий по перспективному выявлению и блокированию потенциальных угроз. На основании чего можно утверждать, что данная специфика составляет основу оптимальной модели транспортной безопасности современного государства. Подтвердим вышесказанное показательным примером из практики обеспечения транспортной безопасности на воздушном транспорте.

Так, 15 августа 2024 г. пассажирка Т., опоздав на регистрацию на рейс Калининград – Санкт-Петербург и желая улететь данным рейсом вопреки требованиям к прохождению предполётных процедур, минуя стойки регистрации пассажиров, направилась в зону предполётного досмотра. Воспользовавшись скоплением большого числа пассажиров перед стойками промежуточного контроля, осуществляемого сотрудниками аэропорта, за неимением посадочного талона Т. прошла напрямую в зону личного досмотра.

Поскольку предметы, запрещенные к перевозке в ручной клади, в ее багаже отсутствовали, она беспрепятственно прошла контроль и проследовала к выходу, назначенному для посадки на борт самолета. При начале посадки, также воспользовавшись столпотворением у выхода в посадочный рукав и миновав сотрудников авиакомпании-перевозчика, Т. прошла на борт самолета. При этом посадочный талон пассажирка не получала, место ее расположения в салоне заранее ей не было известно, поэтому она стояла в салоне, ожидая наличия свободного места. Данным поведением Т. привлекла

внимание бортпроводников рейса, которые попросили ее предъявить посадочный талон.

Поскольку время посадки уже заканчивалось, командиром воздушного судна экипажу было дано указание по приведению дверей самолета в режим полета. При обнаружении на борту воздушного судна пассажирки, не прошедшей регистрацию и формально не допущенной к полету, выполнение предстартовых процедур было остановлено, по решению командира Т. была снята с борта судна и передана сотрудникам полиции, что повлекло задержку вылета самолета и нарушение графика отправления самолета из аэропорта вылета и прилета в пункт назначения.

В процессе дачи объяснений Т. указала, что не желала, чтобы ее билет пропал, и хотела скорее вернуться домой, а указанные рубежи контроля миновала без усилий, не привлекая к себе внимания в толпе пассажиров. В результате данного инцидента к дисциплинарной ответственности были привлечены сотрудники аэропорта и авиакомпании-перевозчика, ответственные за осуществление предусмотренных мер регистрации, предполетного контроля и досмотра пассажиров. Те, в свою очередь пояснили, что работа аэропорта в условиях сезонного наплыва пассажиров и вынужденное перераспределение сотрудников на различные зоны его функционирования создают экстремальные условия для работы персонала, не позволяющие на протяжении длительного времени сохранять и поддерживать высокое качество и концентрацию внимания.

Данный пример наглядно подтверждает возможность использования аналогичных ситуаций в преступных целях, в том числе террористического характера. В целях предотвращения данных происшествий и блокирования соответствующих угроз необходимо проведение комплексной работы на уровне администрации аэропортов во взаимодействии с субъектами обеспечения авиационной безопасности и авиакомпаниями-перевозчиками по оптимальному кадровому укомплектованию всех уровней и этапов обеспечения авиационной безопасности в каждом аэропорте страны. Невыполнение данных мер способно привести к

возникновению особо опасных преступных ситуаций как в зонах транспортной безопасности воздушных гаваней, так и на бортах воздушных судов, угрожающих значительным числом человеческих жертв и причинения вреда транспортной инфраструктуре.

Не меньшее значение имеет обеспечение транспортной безопасности на воздушных, железнодорожных, магистральных и водных путях сообщения в международном контексте. Согласно информации, оперативно накапливаемой и обновляемой на международном мониторе авиапроисшествий, по состоянию с 1 января по 30 августа 2024 г. отображено 283 авиационных происшествий, из них крушений летательных аппаратов – 92.

В России случилось 150 авиационных происшествий, из них крушений летательных аппаратов – 23. При этом анализ подробного описания каждого из инцидентов позволяет судить о том, что причины основного большинства авиационных происшествий, в которые включены как непосредственно летные происшествия, так и предпосылки к ним, имеют субъективную природу, то есть напрямую зависят от действий человека как в отношении эксплуатируемой техники, так и в части принимаемых решений.

Значительно меньшее число происшествий имеют объективную природу возникновения – воздействие климатических и техногенных факторов на инфраструктуру аэропортов и аэродромов, обеспечивающих безопасность полетов, возникновение обстоятельств непреодолимой силы, незапланированный отказ техники по причинам физического износа агрегатов, предварительное установление которых было невозможно [8].

Важно отметить, что в данной сфере имеют место позитивные и негативные примеры международного взаимодействия в сфере транспортной безопасности. Так, например, 12 августа 2023 г. три самолета российских авиакомпаний, выполняя полеты над нейтральными водами в Калининград из Санкт-Петербурга, Москвы и Екатеринбурга в связи со сложными погодными условиями и наличием большого грозового фронта по пути следования в интересах безопасности были допущены в воздушное пространство

Финляндии и Эстонии по инициативе авиаслужб иностранных государств вопреки установленному запрету на пролет российских судов над территориями данных государств. Таким образом, аэронавигационные службы этих стран вместе с региональным центром Единой системы организации воздушного движения России обеспечили безопасное обслуживание судов.

Росавиация официально поблагодарила авиаслужбы Эстонии и Финляндии и сообщила, что готова так же помогать иностранным самолетам [14]. В то же время, российский контейнерный сухогруз, вышедший из порта Южно-Сахалинска и попавший в сильный шторм в Японском море, получил отказ на вхождение в территориальные воды Японии и ожидание окончания непогоды у берегов острова Хоккайдо под угрозой применения к экипажу строгих мер за нарушение запрета. В результате попыток экипажа справиться с сильным волнением на море груз, перевозимый на судне, частично был утрачен, а один из членов экипажа сухогруза пропал без вести.

Приведенные примеры подтверждают важность и необходимость не формальной, а реальной оценки ситуации, складывающейся в сфере транспортной безопасности в конкретный момент времени и в определенных условиях. Отказ сторон от отступления от существующих в рамках международного права ограничений в формате угрожающих ситуаций способно привести к возникновению транспортных катастроф с огромным количеством человеческих жертв и значительным объемом последствий для каждого из участников мирового сообщества.

Гибкость позиции, ответственность за последствия и взаимная заинтересованность в обеспечении транспортной безопасности на международном уровне являются качествами сотрудничества, способными поддерживать состояние защищенности объектов в рассматриваемой сфере на необходимом уровне.

Таким образом, транспортная безопасность является элементом национальной безопасности государства, обеспечение которой напрямую зависит от инициативного поведения субъектов, предполагающего их

действия по предвосхищению возможных негативных сценариев и сосредоточению усилий по перспективному выявлению и блокированию потенциальных угроз. Данное обстоятельство определяет оптимальную модель транспортной безопасности современного государства, основанную на специфике требований к ее обеспечению в современных условиях:

- обязательный учет человеческого фактора при обеспечении всех направлений транспортной безопасности – авиационной, безопасности на железнодорожном и водном транспорте, безопасности автомобильных перевозок;
- преодоление проблемы недостаточного осознания личной ответственности сотрудниками лиц, непосредственно осуществляющих управление различными видами транспорта, за нарушение установленных правил и требований в части

организации транспортных перевозок и выполнения индивидуальных требований, предъявляемых к данным лицам (состоянию здоровья, режима сна и отдыха, профессиональным и личностным качествам) путем проведения систематической кадровой работы на уровне субъектов системы обеспечения транспортной безопасности;

- массовое внедрение современных интерактивных многофункциональных комплексов контроля за психофизиологическим состоянием лиц, осуществляющих управление различными видами транспорта;
- налаживание и поддержание эффективного международного взаимодействия в сфере обеспечения транспортной безопасности Российской Федерации на путях международного транспортного сообщения, основанного на принципах ответственности за возможные последствия и взаимной заинтересованности.

Использованная литература

1. Федеральный закон «О транспортной безопасности» от 9 февраля 2007 г., № 16-ФЗ (ред. от 8 августа 2024 года) // СЗ РФ. – 2007. – № 7. – Ст. 837; <http://pravo.gov.ru> - 08.08.2024.
2. Абдуллоев, А.Р. О правоохранительной деятельности и правоохранительных органах в Республике Таджикистан / А.Р. Абдуллоев // Российская полиция: три века служения Отечеству: Материалы юбилейной международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции. Санкт-Петербург, 23-25 апреля 2018 г. / Под ред. Н. С. Нижник. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. – С. 1793-1797.
3. Астраханцев, И.В. «Субъекты обеспечения транспортной безопасности»: специфика нормативной и обыденной интерпретации / И.В. Астраханцев // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития: Материалы XXI международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Санкт-Петербург, 18-19 апреля 2024 года. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2024. – С. 285-288.
4. Астраханцев, И.В. Защищенность объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств от актов незаконного вмешательства как предмет исследований в российской юридической науке / И.В. Астраханцев // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2023. – Т. 9(75). – № 3. – С. 10-20.
5. Астраханцев, И.В. Система обеспечения транспортной безопасности: правовые основы функционирования в Российской Федерации / И.В. Астраханцев // Санкт-Петербургские встречи молодых ученых: Материалы I Всероссийского конгресса адъюнктов, аспирантов и соискателей ученых степеней, 15 июня 2023 г. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. – С. 78-83.
6. Астраханцев, И.В. Транспортная безопасность современного государства как социюридический феномен / И.В. Астраханцев // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 3(103). – С. 10-29.
7. Дерюгин, А.А. Концептуальные основы общей теории национальной безопасности России: учебное пособие / А.А. Дерюгин, Н.С. Нижник; под ред. проф. С. Г. Лысенкова. – СПб.: Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, 2018. – 93 с.
8. Международный монитор авиапроисшествий // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://idp-cs.net/ymavia.php> (дата обращения: 30.08.2024).
9. Нижник, Н.С. Национальная безопасность как социюридический феномен / Н.С. Нижник // Актуальные проблемы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: Сборник

научных статей межвузовской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 15 февраля 2013 года. Ч. 1. – СПб.: Санкт-Петербургский военный институт внутренних войск МВД России, 2013. – С. 150–159.

10. Нижник, Н.С. Национальная безопасность: концептуальные основания и феноменологическая характеристика / Н.С. Нижник // Международное сообщество и глобализация угроз безопасности: сборник научных докладов: в 2 ч. / Отв. ред.: В. В. Грохотова, Б. Н. Ковалев, Е. А. Макарова. – Великий Новгород: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2008. – С. 69-88.

11. Нижник, Н.С. Правоохранительная система Республики Таджикистан: генезис и современное состояние: монография / Н.С. Нижник, А.Р. Абдулло. – Душанбе: Ирфон, 2021. – 476 с.

12. Нижник, Н.С. Правоохранительная система Республики Таджикистан: специфика субъектного состава / Н.С. Нижник, А.Р. Абдуллоев // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. – 2017. – № 2/6. – С. 182-188.

13. Обеспечение безопасности дорожного движения: генезис системы в Российском государстве / Н.С. Нижник, А.С. Квитчук, И.А. Андреева [и др.]. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. – 292 с.

14. Финляндия и Эстония впустили три российских самолета вопреки запрету // Новостное агентство РБК: официальный сайт / [Электронный ресурс] – Режим доступа <https://www.rbc.ru/society/17/08/2023/64ddee889a7947fa61424d03> (дата обращения: 31.08.2024).

15. Шанхайская организация сотрудничества твердо привержена формированию по-настоящему справедливого и многополярного миропорядка: заявление председателя Правительства РФ М. Мишустина от 26 октября 2023 г. // Российская газета: официальный сайт / [Электронный ресурс] – Режим доступа – <https://rg.ru/2023/10/26/mishustin-shos-priverzhena-formirovaniu-po-nastoiashchemu-spravedlivogo-mnogopoliarnogo-miroporiadka.html> (дата обращения: 28.08.2024).

References

1. Federal Law «On Transport Security» of February 9, 2007, No. 16-FZ (as amended on August 8, 2024) // SZ RF. – 2007. – No. 7. – Art. 837; <http://pravo.gov.ru> - 08.08.2024.

2. Abdulloev, A.R. On law enforcement activities and law enforcement agencies in the Republic of Tajikistan / A.R. Abdulloev // Russian police: three centuries of service to the Fatherland: Proceedings of the jubilee international scientific conference dedicated to the 300th anniversary of the Russian police. St. Petersburg, April 23-25, 2018 / Ed. N. S. Nizhnik. – SPb.: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018. – Pp. 1793-1797.

3. Astrakhantsev, I.V. "Subjects of Ensuring Transport Security": Specifics of Normative and Everyday Interpretation / I.V. Astrakhantsev // State and Law: Evolution, Current State, Development Prospects: Proceedings of the XXI International Scientific and Practical Conference. In 2 parts, St. Petersburg, April 18-19, 2024. – SPb.: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2024. – Pp. 285-288.

4. Astrakhantsev, I.V. Security of Transport Infrastructure Facilities and Vehicles from Acts of Unlawful Interference as a Subject of Research in Russian Legal Science / I.V. Astrakhantsev // Scientific Notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal Sciences. – 2023. – Vol. 9 (75). – No. 3. – Pp. 10-20.

5. Astrakhantsev, I.V. Transport security system: legal basis for functioning in the Russian Federation / I.V. Astrakhantsev // St. Petersburg meetings of young scientists: Proceedings of the I All-Russian Congress of adjuncts, postgraduate students and applicants for academic degrees, June 15, 2023 – St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023. – Pp. 78-83.

6. Astrakhantsev, I.V. Transport security of a modern state as a socio-legal phenomenon / I.V. Astrakhantsev // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – No. 3 (103). – Pp. 10-29.

7. Deryugin, A.A. Conceptual foundations of the general theory of national security of Russia: a tutorial / A.A. Deryugin, N.S. Nizhnik; edited by prof. S. G. Lysenkov. – SPb.: St. Petersburg Military Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, 2018. – 93 p.

8. International Air Accident Monitor // [Electronic resource] – Access mode: <https://idp-cs.net/yma-via.php> (date of access: 08/30/2024).

9. Nizhnik, N.S. National security as a socio-legal phenomenon / N.S. Nizhnik // Actual problems of ensuring national security of the Russian Federation: Collection of scientific articles of the interuniversity scientific and practical conference. St. Petersburg, February 15, 2013. Part 1. – SPb.: St. Petersburg Military Institute of Internal Troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2013. – Pp. 150-159.

10. Nizhnik, N.S. National security: conceptual foundations and phenomenological characteristics / N.S. Nizhnik // The international community and globalization of security threats: a collection of scientific reports: in 2 parts / Responsible editors: V.V. Grokhotova, B.N. Kovalev, E.A. Makarova. – Veliky Novgorod: Novgorod State University named after Yaroslav the Wise, 2008. – Pp. 69-88.
11. Nizhnik, N.S. Law enforcement system of the Republic of Tajikistan: genesis and current state: monograph / N.S. Nizhnik, A.R. Abdullo. – Dushanbe: Irfon, 2021. – 476 p.
12. Nizhnik, N.S. Law enforcement system of the Republic of Tajikistan: specifics of the subject composition / N.S. Nizhnik, A.R. Abdulloev // Bulletin of the Tajik National University. Series of socio-economic and social sciences. – 2017. – No. 2/6. – P. 182-188.
13. Ensuring road safety: the genesis of the system in the Russian state / N.S. Nizhnik, A.S. Kvitchuk, I.A. Andreeva [et al.]. – SPb.: St. Petersburg University of the MIA of Russia, 2021. – 292 p.
14. Finland and Estonia let in three Russian planes despite the ban // RBC News Agency: official website / [Electronic resource] – Access mode <https://www.rbc.ru/society/17/08/2023/64ddee889a7947fa61424d03> (date of access: 08/31/2024).
15. The Shanghai Cooperation Organization is firmly committed to the formation of a truly fair and multipolar world order: statement by the Chairman of the Government of the Russian Federation M. Mishustin of October 26, 2023 // Rossiyskaya Gazeta: official website / [Electronic resource] - Access mode - <https://rg.ru/2023/10/26/mishustin-shos-priverzhena-formirovaniu-po-nastoiashchemu-spravedlivogo-mnogopoliarnogo-miroporiadka.html> (date of access: 08/28/2024).

УДК 343.341.2

**ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО СОДЕРЖАНИЯ
ЭКСТРЕМИСТСКО-ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ**

**ТАВСИФИ УМУМИИ МАЗМУНИ ҚИНОЯТӢ-ҲУҚУҚИИ ИДЕОЛОГИЯИ
ЭКСТРЕМИСТӢ-ТЕРРОРИСТӢ**

**GENERAL CHARACTERISTICS OF THE CRIMINAL-LEGAL CONTENT OF
EXTREMIST-TERRORIST IDEOLOGY**

ДЖУМАЕВА З.М.
DJUMAeva Z.M.

*Старший преподаватель кафедры таможенной деятельности и
экономического права Международного университета туризма и
предпринимательства Таджикистана, соискатель Академии МВД
Республики Таджикистан*

*Омӯзгори калони кафедраи фаъолияти гумрук ва ҳуқуқи иқтисодии
Донишгоҳи байналмилалӣ сайёҳӣ ва соҳибқорӣи Тоҷикистон,
унвонҷӯи Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон*

*Senior lecturer of the Department of Customs Activities and Economic
Law of the International University of Tourism and Entrepreneurship of
Tajikistan, Applicant of the Academy of the Ministry of Internal Affairs
of the Republic of Tajikistan*

e-mail:
h.safarov@mail.ru

Научная специальность: 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право (5.1.4. Уголовно-правовые науки).

Ихтисоси илмӣ: 12.00.08 – Ҳуқуқи қиноятӣ ва криминология; ҳуқуқи иҷрои ҷазои қиноятӣ (5.1.4. Илмҳои қиноятӣ-ҳуқуқӣ).

Scientific specialty: 12.00.08 - Criminal law and criminology; penal law (5.1.4. Criminal law sciences).

Рецензент: ХАЙДАРЗОДА М.П. – доцент кафедры административного права и административной деятельности факультета № 2 Академии МВД Республики Таджикистан, кандидат юридических наук, доцент, подполковник милиции.

Тақриздиханда: ҲАЙДАРЗОДА М.П. – дотсенти кафедраи ҳуқуқи маъмурӣ ва фаъолияти маъмурии факултети № 2 Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсент, подполковники милитсия.

Reviewer: HAYDARZODA M.P. – Associate Professor of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of Faculty No. 2 of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Lieutenant Colonel of militia.

Аннотация: В статье автор раскрывает содержание экстремистской и террористической идеологии с точки зрения уголовного права и приходит к выводу, что раздвижение смысловых границ между экстремистской и террористической идеологиями с точки зрения материального права нецелесообразны, так как экстремистская идеология и составляет основу идеологии терроризма. Обосновывается точка зрения о том, что в Уголовном кодексе Республики Таджикистан предусмотрены соответствующие нормы, определяющие природу экстремистской и террористической идеологии, которые дает возможность определить границы террористической и экстремистской идеологии, лиц и организаций, ее пропагандирующих, соответственно, определить

задачи и функции органов государственной власти, органов местного самоуправления и правоохранительных органов по комплексному противодействию такой идеологии.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, идеология, преступление, противодействие, задачи, органы государственной власти.

Аннотатсия: Дар мақола муаллиф мазмуни идеологияи экстремистӣ-террористиро аз нигоҳи ҳуқуқи ҷиноятӣ равшанӣ андохта, ба хулоса меояд, ки худудгузори байни идеологияи экстремистӣ ва террористӣ аз нигоҳи ҳуқуқи моддӣ мувофиқи матлаб нест, зеро мафкураи экстремистӣ асоси идеологияи террористиро ташкил медиҳад. Андеша оид ба он, ки дар Кодекси ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон пешбинӣ шудани меъёрҳои дахлдоре, ки табиати идеологияи экстремистӣ ва террористиро муайян менамоянд, шартан муқаррар намудани худудҳои онҳо имкон медиҳад, ки сарҳади идеологияи террористӣ ва экстремистӣ, шахсон ва ташкилоти тарғибкунандаи мафкураи экстремистӣ-террористӣ, мутаносибан вазифа ва функсияҳои мақомоти ҳокимияти давлатӣ, мақомоти худидоракунии маҳаллӣ ва мақомоти ҳифзи ҳуқуқ оид ба муқовимати ҳамаҷониба ба ҷунин идеология муайян карда шаванд, асоснок карда мешавад.

Вожаҳои калидӣ: экстремизм, терроризм, идеология, ҷиноят, муқовимат, вазифаҳо, мақомоти ҳокимияти давлатӣ.

Annotation: In the article, the author reveals the content of extremist and terrorist ideology from the point of view of criminal law and comes to the conclusion that the expansion of the semantic boundaries between extremist and terrorist ideologies from the point of view of substantive law is inappropriate, since extremist ideology is the basis of the ideology of terrorism. The point of view is substantiated that the Criminal Code of the Republic of Tajikistan provides for relevant norms defining the nature of extremist and terrorist ideology, which makes it possible to determine the boundaries of terrorist and extremist ideology, persons and organizations promoting it, respectively, to determine the tasks and functions of state authorities, local governments and law enforcement agencies for comprehensive counteraction to such ideology.

Key words: extremism, terrorism, ideology, crime, counteraction, tasks, government bodies.

Необходимость эффективной организации противодействия экстремистско-террористической идеологии требует четкого определения правовой природы такой идеологии и совершенного механизма привлечения многочисленных государственных и негосударственных органов в контртеррористической пропаганде на основе относительно определенной законодательной регламентации прав и обязанностей субъектов осуществляющие противодействия такой идеологии.

Однако, сделать это не так просто, так как вопросы о том, какие сущностные признаки и элементы экстремистско-террористической идеологии должны найти отражения в уголовном законодательстве: кто, как и в каком объеме должен осуществлять противодействие экстремистско-террористической идеологии – одни из самых сложных вопросов уголовно-правовой науки, теории,

практики, организации управления правоохранительной и правозащитной деятельности.

Следует отметить, что основной признак наиболее опасных видов современного экстремизма и терроризма, соответственно и экстремистско-террористической идеологии, составляют политические, расовые, религиозные, местнические и националистические мотивы, которые всегда переплетаются с политическими мотивами и прежде всего, потому, что любые экстремистско-террористические организации преследующие «благодатные цели» на основе такой идеологии рассчитывают на удовлетворение своих интересов путем привлечения и управления определенных деструктивных сил.

Как справедливо отмечают Д.И. Аминов и Р.Э. Оганян, «идеологическим корнем «молодёжного» экстремизма в России выступают доктрины уже явно «немолодёжных» ультраправых партий и движений. Далее

указанные авторы отмечают, что «нет никаких сомнений в том, что движение скинхедов является потенциальным электоратом для таких партий и движений, как «Русский национальный союз», «Русская партия России», «Русский Хозяин», «Народная национальная партия», и иные экстремистские организации» [6, с. 20].

Довольно часто можно встретить мнение, что насилие, как физическое, так и психологическое (угроза применения насилия), выступает одним из главных признаков экстремизма [11, с. 239] и терроризма. Однако в классической своей форме экстремизм представляет собой публичное распространение идей и взглядов, призывов, которые направлены на разжигание, ненависти и вражды среди определённого круга лиц по экстремистским мотивам.

Под «взглядами» в словаре С.И. Ожегова понимается «мнение, суждение», совокупность которых составляет суть определенной идеологии, идейные убеждения не всегда связанные с какими-либо практическими действиями; А «меры» представляют собой «средство для осуществления мероприятий» [10, с. 77; 338], направленных на совершение каких-либо конкретных действий.

Осознание высокой общественной опасности и увеличение числа случаев пропаганды национальной, расовой и религиозной ненависти обусловили постепенное введение в национальное уголовное законодательство различных стран нормы об ответственности за такие деяния. При этом речь идет, прежде всего, о деяниях, направленных на возбуждение национальной, расовой, религиозной вражды и розни, об оскорблениях, угрозах и насилии в отношении лиц по причине их принадлежности к какой-либо общности, о распространении литературы и идеологий расистского, нацистского и других подобных толков [8].

Экстремистская идеология представляет собой систему мировоззренческих представлений, враждебных и прямо противоположных ключевым принципам демократии как форме политической организации общества и государства» [12, с. 56]. Следовательно, экстремистские идеологии всегда характеризуются нетерпимостью к

политическим оппонентам, а их распространение может поставить под угрозу общепризнанных норм международного права.

Совершенно справедливо профессор М.Я. Яхьяев отмечает, что «Экстремистский психический склад личности возникает на основе экстремистской идеологии, предполагающей деструктивную программу изменения социальной среды, когда эта идеология становится ядром направленности личности и определяет её эмоциональную жизнь и практическое поведение» [16].

Следует отметить, что теория (идеология) и практика экстремизма и терроризма неразрывно связана. Идеология, трансформируясь в мотивы и цели, оказывает непосредственное воздействие на поведение: «Побуждение к действию определенных мотивов обозначается как мотивация. Мотивация мыслится как процесс выбора между различными возможными действиями, процесс, регулирующий, направляющий действие на достижение специфических для данного мотива целевых состояний и поддерживающих это состояние. Иначе: мотивация определяет целенаправленность действия» [15, с. 34].

Неслучайно в конструкции в ч. 1 ст. 307(2) Уголовного кодекса Республики Таджикистан (далее – УК РТ), законодатель, указывая на экстремистские мотивы, перечисляет некоторые распространенные виды экстремизма, такие, как политический, идеологический, расовый, национальный, местнический и религиозный [1]. Аналогичная ситуация прослеживается и в конструкции ст. 282(1) Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), в примечании 2 которой указывается, что «Под преступлениями экстремистской направленности в настоящем Кодексе понимаются преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса...» [2].

Необходимо отметить, что на данный момент в УК РТ идеологическую основу противодействия экстремизму охватывают ст. 307(1) УК РТ (Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности,

публичное оправдание экстремизма), ст. 307 УК РТ (Публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя Республики Таджикистан) и ст. 189 УК РТ (Разжигание социальной, расовой, национальной, региональной, религиозной (конфессиональной) вражды или розни). Однако вышеуказанные статьи находятся в жесткой конкуренции между собой, так как согласно действующему законодательству, все вышеуказанные статьи признаются проявлениями экстремистской деятельности и любые публичные призывы или же оправдание экстремистской деятельности по религиозно-политическим мотивам одновременно подпадают под воздействие всех вышеперечисленных норм. Диспозиция ст. 307(1) УК РТ настолько широко оформлена законодательно, что охватывает и содержание ст.ст. 189 и 307 УК РТ, где они представляют ключевые признаки экстремистской деятельности.

На наш взгляд, законодателю предстоит либо дифференцировать все уголовно-правовое содержание экстремистской идеологии в пределах соответствующих частей статьи 307(1) УК РТ, либо оставить только ст.ст. 189 и 307 УК РТ. Эта идея подтверждается и результатами социологического опроса, проведенного среди следователей и оперативных работников органов внутренних дел и безопасности, 90% процентов которых на вопрос «Чем отличаются характерные признаки ст. 307(1) УК РТ от ст.ст. 189 и 307 УК РТ?» ответить затруднились.

В новом Законе Республики Таджикистан «О противодействии экстремизму», принятому в январе 2020 года под общеправовым понятием экстремизма понимается «выражение идеологии и экстремистской деятельности, направленное на решение политических, общественных, социальных, национальных, расовых, региональных и религиозных вопросов насильственным путем и другими противозаконными действиями» [3]. Однако такое понятие экстремизма чрезмерно аморфное и для правового регулирования проявлений экстремизма непригодное, так как в нем не определены правовые границы экстремистской идеологии.

В этом плане положительным моментом российского специального закона является

предусмотренный пункт о «совершении преступлений по мотивам, указанным в пункте «е» ч. 1 ст. 63 Уголовного кодекса Российской Федерации», который определяет экстремистский характер преступлений, предусмотренных по всему периметру УК РФ [4]. На наш взгляд, такой подход российского законодателя вполне обоснован и нет необходимости перечислять весь перечень таких преступлений.

Почти такие же экстремистские мотивы в качестве квалифицирующих признаков нашли отражение в ряде статей УК РТ (убийство (п. «м» ч. 2 ст. 104; умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (п. «м» ч. 2 ст. 110); умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (п. «е» ч. 2 ст. 111); истязание (п. «з» ч. 2 ст. 117); (терроризм п. «в» ч. 2 ст. 179), надругательство над телами умерших и мест их захоронения (п. «б» ч. 2 ст. 243), геноцид (ч. 1 ст. 398)). Почти аналогичный подход прослеживается и в других УК стран-участников СНГ.

Такой подход вытекает из содержания ст. 307(1) УК РТ, так как публичные призывы, направленные на совершение любых преступлений экстремистского характера (ст.ст. 307, 307(1), 307(2), 307(3), 307(4), 157, 158, 160, 185, 188, 189, 237, 237(1), 242, 243 и т.д.) признаются проявлениями экстремистской деятельности. Однако, в состав преступления «Терроризм» (ст. 179 УК РТ) и других аналогичных статей УК стран-участников СНГ так же предусмотрен квалифицирующий состав терроризма по экстремистским мотивам, что является неверным уголовно-правовым решением, так как экстремизм является идеологической основой терроризма, соответственно, второй немислим без экстремистских мотивов.

Получается, что за совершение акта терроризма по экстремистским мотивам данное отягчающее обстоятельство учитывается три раза: первый раз при совершении самого акта терроризма, второй раз как квалифицирующий признак терроризма (п. «в» ч. 2 ст. 179 УК РТ) и третий раз – как отягчающее обстоятельство, указанное в п. «е» ч. 1 ст. 62 УК РТ. Такой же подход прослеживается почти во всех УК государств-участников Содружества и который идет в разрез принципу

справедливости в уголовном праве, согласно которому «никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление».

Следует отметить, что при классификации видов терроризма, так же наиболее распространенным является подход по мотивам и идеологическим принципам. По указанному критерию А.Г. Сидоренко, Ю.В. Тихомиров определяют политический, националистический и религиозный виды терроризма [13, с. 163.], что вполне логично и прежде всего потому, что с криминологической (не уголовно-правовой) точки зрения терроризм является крайней формы проявления экстремизма. Указанные авторы, характеризуя виды государственного и оппозиционного терроризма, отмечают, что наиболее устойчивые формы их проявления на практике выражаются в устранении или угрозе уничтожения политических конкурентов и лидеров оппозиционных сил, запугивание определенных слоев населения и дезорганизации вооруженных сил, системы государственного управления.

На этом фоне есть необходимость обратиться к основополагающим нормам уголовного права, которые на сегодняшний день, так или иначе отражают суть террористической идеологии как общественно-опасного преступного деяния. Одной из таких норм является ст. 205.2. УК РФ («Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма») (соответственно ст. 179(3) УК РТ), предусматривающая уголовное наказание за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма. В примечании к настоящей статье под публичным оправданием терроризма понимается публичное заявление о признании идеологии и практики терроризма [2].

В этом плане заслуживает внимания позиция М.П. Киреева, отмечающего, «что в определении, зафиксированном в ст. 1 Федерального закона «О противодействии терроризму», по сути, даны два значения понятию терроризма: терроризм как идеология и терроризм как совокупность деяний. Однако далее в тексте Федерального закона эти

значения никак не разграничиваются. Более того, определение одного из значений понятия терроризма – идеологии насилия, связанного с устрашением населения и иными формам противоправных насильственных действий, представляется нетерпимо аморфным, поскольку под это определение подпадает идеология любой формы насильственной преступности.

Стоит сразу подчеркнуть, что идеология насилия неразрывна с практикой воздействия на власть, и это деяние должно быть связано с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий (насилия). Сама по себе идеология насилия, даже приведшая к устрашению населения, разновидностью терроризма признаваться не должна. Этот вывод подтверждается неоправданным отождествлением террористических и экстремистских организаций в статье 24 Федерального закона «О противодействии терроризму» [9, с. 158].

Исходя из этого, следует отметить, что ст. 179(3) УК РТ (Публичные призывы к совершению преступлений террористического характера) и ст. 205.2 УК РФ (Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности и публичное оправдание терроризма) не могут быть признаны проявлениями терроризма, потому что они «не дотягивают» до уровня террористических преступлений. В них речь идет об идеологической составляющей, которая не свойственна преступлениям террористического характера. Такая крайняя террористическая идеология основывается только на экстремистском мировоззрении и не более.

Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма не внушают страх на социальном уровне, не принуждают органы государственной власти или отдельные организации к принятию каких-либо решений в интересах террористов, кроме как акцентировать внимание «сочувствующих» к своей преступной деятельности.

Характеризуя терроризм как самостоятельный состав преступления, подчеркнем, что совокупность объективных и субъективных признаков терроризма необходимо сформулировать таким образом, чтобы исключить

возможность расширительного толкования и охвата этим понятием деяний, весьма далеких по своей сути от терроризма. В этой связи следует определить основные признаки состава терроризма, которые изложены, например, в ст. 179 УК РТ: «Терроризм, при совершении взрыва, поджога, стрельбы из огнестрельного оружия или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинение значительного имущественного ущерба либо наступление иных общественно опасных последствий, если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решений органами власти, а также угрозы совершения указанных действий в тех же целях».

Так, под «угрозой» Верховный Суд Республики Таджикистан понимает «не высказанное в обычной форме намерение учинить акт терроризма, а сопровождаемые решительным заявлением, свидетельствующим о серьезности и реальности такого намерения» [5]. Например, указание на приобретение взрывчатых, биологически опасных, радиоактивных веществ или оружия, совершение предупреждающих взрывов или поджогов, подготовка к отключению жизнеобеспечивающих объектов либо нарушение технологических процессов, блокирование транспортных коммуникаций и тому подобное.

Следует подчеркнуть, что терроризм представляет собой как бы ядро всех преступлений террористического характера, поэтому ему также свойственны все те признаки, которые присущи родственным деяниям. Одновременно терроризм имеет «особые приметы», присущие только ему. Отличительной чертой терроризма, в первую очередь, является то, что он порождает общую опасность, выражающуюся в возникновении общепасных действий либо угрозы таковых. На эту характерную особенность терроризма указывалось еще в ст.1 проекта резолюции о терроризме III международной конференции по унификации уголовного законодательства (Брюссель 1930 г.) [14, с. 40-41]. Опасность при этом должна быть реальной и реально угрожать определенному кругу лиц.

Наряду с порождением общей опасности следующим отличительным признаком

терроризма является создание обстановки страха, подавленности, напряженности. Но в отличие от других преступлений террористического характера, при терроризме эта обстановка создается не на индивидуальном или узкогрупповом уровне, а на уровне социальном и представляет собой объективно сложившиеся социально-психологические факторы, воздействующие на другие лица и принуждающие их к каким-то действиям в интересах террористов или принятию их условий.

Игнорирование указанных обстоятельств приводит к тому, что к терроризму порой относят любые действия, породившие страх и беспокойство в социальной среде. Однако при терроризировании возникший страх тем и отличается, что он создается не ради самого, а ради других целей, достижение которых как раз и связывается с его созданием, ибо это страх не «парализующий», а так сказать, «мобилизующий» потерпевшего или других лиц на выбор вариантов поведения, устраивающего виновных. Так, если угроза убийством совершена в порядке мести за уже осуществленные потерпевшим какие-то действия, то признаки терроризирования отсутствуют, а если то же деяние направлено на принуждение потерпевшего к принятию какого-либо решения или отказу от него, то налицо преступление террористического характера.

Точно так же, совершение взрывов, поджогов и других общепасных действий, реально причиняющих или могущих причинить вред и используемых в качестве средства предупреждения либо прямого или косвенного принуждения к действиям в интересах виновных, есть акт терроризма. Но если те же самые действия совершаются при отсутствии стремления к достижению психологической напряженности как средства принуждения, предупреждения, то говорить о терроризме не приходится. Взрыв или пожар, учиненные ради них самих и породившие страх ради страха при отсутствии других целей и интересов, не есть терроризм в собственном смысле этого слова.

Следующая отличительная черта терроризма - это публичный характер его действий [7, с. 96]. Другие преступления террористического характера могут совершаться и без

особой претензии на огласку, при информировании лишь тех лиц, в действиях которых имеется заинтересованность виновных. Терроризма же без широкой огласки, без открытого предъявления своих требований не существует, такие действия совершаются единственное в целях самопиара, с намерениями вызвать панику, страх у населения и властей. Поэтому, когда мы имеем дело с общеопасными деяниями неясной мотивации, то надо еще доказать, что это акты терроризма.

Еще одной отличительной чертой терроризма является то, что при его совершении общеопасное насилие применяется в отношении одних лиц или имущества, а психологическое воздействие в целях склонения к определенному поведению оказывается на другие лица. При совершении иных преступлений террористического характера как насилие, так и принуждение к выполнению требований может быть направлено против одних и тех же лиц. Однако и здесь насилие влияет на принятие решения потерпевшим не непосредственно путем лишения его возможности избрания варианта поведения, а опосредованно - через выработку (хотя и вынужденно) волевого решения самим потерпевшим. Если провести параллель с хорошо известными преступными деяниями, то характер насилия и принуждения при терроризме и других преступлениях террористического характера родственен характеру насилия и принуждения, имеющих место при вымогательстве, но не при разбое и тому подобных преступлениях, когда цель достигается не путем принуждения, а путем преодоления воли потерпевшего.

Несмотря на то, что ст. 179(3) УК РТ (Публичные призывы к совершению преступлений террористического характера и (или) публичное оправдание террористической деятельности) не представляет собой вышеперечисленных признаков террористических преступлений в полном объеме, в настоящее время на законодательном уровне признано преступлением террористического характера. Часть 1 ст. 179(3) УК РТ сформулировано в следующем формате: «Публичные призывы к совершению преступлений, предусмотренных статьями 179, 179(1), 179(2), 181, 182, 184, 184(1), 184(2), 184(3), 184(4), 185, 193,

194, 194(1), 194(2), 194(3), 194(4), 194(5), 310 и 402 настоящего Кодекса, а также публичное оправдание террористической деятельности». Часть 2 данной статьи предусматривает публичные призывы к совершению таких преступлений с использованием средств массовой информации или сети интернет.

В примечании указанной нормы под понятием «публичное оправдание террористической деятельности» понимается публичная пропаганда о признании правильности идеологии и практики терроризма, предложения к подражанию и его поддержке [1].

Такая логика законодателя просматривается и при криминализации идеологии экстремизма.

С учетом вышеизложенного считаем вполне обоснованными следующие выводы:

1. Экстремистская идеология (ст. 307(1) УК РТ) направлена на публичное распространение информации, оправдывающую совершение одного или нескольких преступлений экстремистского характера, а террористическая идеология (179(3) УК РТ) – на публичное распространение информации, оправдывающую совершение преступлений террористического характера.

2. С криминологической точки зрения экстремистская идеология составляет более раннюю стадию, соответственно менее опасную форму насильственной идеологии. Однако с точки зрения уголовного права экстремистская и террористическая идеология имеют относительно определенные границы, хотя сомнительные с точки зрения науки уголовного права.

3. Критериями расчленения экстремистской идеологии от террористической идеологии на сегодняшний день выступают совокупность признаков составов преступлений экстремистского и террористического характера, закрепленные в соответствующих нормах Особенной части УК РТ.

4. Объективные признаки экстремистской и террористической идеологии как самостоятельные составы преступления проявляются в их публичном распространении и оправдании, независимо от наступления общественно опасных

последствий.

5. В УК РТ наравне со статьей ст. 307(1) УК РТ экстремистскую идеологию представляют собой и ст.ст 189 и 307 УК РТ, которые находятся в жесткой и неоправданной с юридической точки зрения конкуренции со ст. 307(1) УК РТ.

6. Такой подход дает нам возможность определить, хотя и относительно, границы террористической и

экстремистской идеологии, лиц и организаций, пропагандирующих экстремистско-террористическую идеологию, соответственно, определить задачи и функции органов государственной власти, органов местного самоуправления и правоохранительных органов по комплексному противодействию такой идеологии.

Использованная литература

1. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 25 мая 1998 г., № 574 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 1998 г., №9, ст.68, ст.69, №22, ст.306; 1999 г., №12, ст.316; в редакции Законов Республики Таджикистан от 13.11.2023 №1985, от 20.06.2024 №2050).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Консультант Плюс http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
3. Закон Республики Таджикистан «О противодействии экстремизму» от 2 января 2020 г., № 1655 // Джумхурият: официальное издание Республики Таджикистан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.jumhuriyat.tj/index.php?art_id=39276
4. Федеральный закон Российской Федерации «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г., № 114-ФЗ // [Электронный ресурс]. / – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/ips/>
5. Постановление Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан «О применении законодательства при рассмотрении уголовных дел экстремистской направленности» от 12 июня 2014 г., № 1 // Бюллетень Верховного Суда Республики Таджикистан. – 2014. – № 2. – С.7-8
6. Аминов, Д.И., Оганян, Р.Э. Молодежный экстремизм / Д. И. Аминов, Р. Э. Оганян; под науч. ред. Р. А. Адельханяна. – М.: Триада ЛТД, 2005. – 194 с.
7. Емельянов, В.П. Терроризм и преступления террористической направленности: монография / В.П. Емельянов. – Харьков: «Рубикон», 1997. – 176 с.
8. Капинус, О.С., Додонов, В.Н. Ответственность за разжигание расовой, национальной и религиозной вражды, а также другие «преступления ненависти» в современном уголовном праве [Электронный ресурс] // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 8 // СПС «Гарант» (www.garant.ru).
9. Киреев, М.П. О некоторых мерах по совершенствованию Федерального закона «О противодействии терроризму» // Информатизация и информационная безопасность правоохранительных органов. – М.: Академия управления МВД России, 2010. – С.157-161.
10. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов / под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. – 24-е изд., испр. – М.: ООО Издательский дом «ОНИКС 21 век»: ООО «Издательство мир и Образование», 2005. – 787 с.
11. Пиджаков, А.Ю. Борьба с политическим экстремизмом и терроризмом: проблемы изучения / А.Ю. Пиджаков // Правоведение. – 2003. – № 3. – С. 238-243.
12. Сергун, Е.П. Экстремизм в российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Сергун Евгений Петрович. – Тамбов, 2009. – 235 с.
13. Сидоренко, А.Г., Тихомиров, Ю.В. Терроризм и антитеррористическая безопасность в контексте истории и современной геополитики / А.Г. Сидоренко, Ю.В. Тихомиров. – М.: Кучково поле, 2011. – 639 с.
14. Трайнин, А.Н. Защита мира и уголовный закон: избранные произведения / А.Н. Трайнин / под общ. ред. Р.А. Руденко. – М.: Наука, 1969. – 456 с.
15. Хекхаузен, Х. Мотивация и деятельность / Х. Хекхаузен. – 2-е изд. – СПб.: Питер; – М.: Смысл, 2003. – 860 с.
16. Яхьяев, М.Я. Экстремизм как особое состояние психики // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://dagpravda.ru/obshestvo/ekstremizm-kak-osoboe-sostoyanie-psihiki/> (дата обращения: 28.05.2024).

References

1. Criminal Code of the Republic of Tajikistan of May 25, 1998, No. 574 // Akhbori Majlisi Oli of the Republic of Tajikistan, 1998, No. 9, Art. 68, Art. 69, No. 22, Art. 306; 1999, No. 12, Art. 316; as amended by the Laws of the Republic of Tajikistan of November 13, 2023 No. 1985, of June 20, 2024 No. 2050).
2. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996, No. 63-FZ (as amended on August 2, 2019) // [Electronic resource]. – Access mode: Consultant Plus http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
3. Law of the Republic of Tajikistan «On Counteracting Extremism» dated January 2, 2020, No. 1655 // Jumhuriyat: official publication of the Republic of Tajikistan // [Electronic resource]. – Access mode: http://www.jumhuriyat.tj/index.php?art_id=39276
4. Federal Law of the Russian Federation «On Counteracting Extremist Activity» dated July 25, 2002, No. 114-FZ // [Electronic resource]. / – Access mode: <http://pravo.gov.ru/ips/>
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Republic of Tajikistan «On the application of legislation in the consideration of criminal cases of an extremist nature» dated June 12, 2014, No. 1 // Bulletin of the Supreme Court of the Republic of Tajikistan. – 2014. – No. 2. – 302 p.
6. Aminov, D.I., Oganyan, R.E. Youth extremism / D. I. Aminov, R.E. Oganyan; under scientific ed. R. A. Adelkhanyan. – M.: Triada LTD, 2005. – 194 p.
7. Emelyanov, V.P. Terrorism and crimes of a terrorist nature: monograph / V.P. Emelyanov. – Kharkov: «Rubicon», 1997. – 176 p.
8. Kapinus, O.S., Dodonov, V.N. Responsibility for inciting racial, national and religious hatred, as well as other "hate crimes" in modern criminal law [Electronic resource] // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2007. No. 8 // SPS «Garant» (www.garant.ru).
9. Kireev, M.P. On some measures to improve the Federal Law «On Combating Terrorism» // Informatization and information security of law enforcement agencies. – M.: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2010. – Pp.157-161.
10. Ozhegov, S.I. Dictionary of the Russian language / S.I. Ozhegov / under the general editorship of prof. L.I. Skvortsov. - 24th ed., corr. – M.: ONIKS 21 vek, 2005. – 787 p.
11. Pidzhakov, A.Yu. Combating political extremism and terrorism: problems of study / A.Yu. Pidzhakov // Jurisprudence. – 2003. – No. 3. – Pp. 238-243.
12. Sergun, E.P. Extremism in Russian criminal law: dis. ... candidate of legal sciences: 12.00.08 / Sergun Evgeny Petrovich. – Tambov, 2009. – 235 p.
13. Sidorenko, A.G., Tikhomirov, Yu.V. Terrorism and anti-terrorist security in the context of history and modern geopolitics / A.G. Sidorenko, Yu.V. Tikhomirov. – M.: Kuchkovo pole, 2011. – 639 p.
14. Trainin, A. N. Protection of peace and criminal law: selected works / A. N. Trainin / under the general editorship of R. A. Rudenko. – M.: Nauka, 1969. – 456 p.
15. Heckhausen, H. Motivation and activity / H. Heckhausen. – 2nd ed. – St. Petersburg: Piter; – M.: Smysl, 2003. – 860 p. Yakhyaev, M.
16. Ya. Extremism as a special state of mind // [Electronic resource] – Access mode: <https://dagpravda.ru/obshestvo/ekstremizm-kak-osoboe-sostoyanie-psihihi/> (date of access: 05/28/2024).

УДК 343.141

**ПРОТОКОЛЫ СЛЕДСТВЕННЫХ И СУДЕБНЫХ ДЕЙСТВИЙ КАК ИСТОЧНИКИ
ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ВИДА ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В РЕСПУБЛИКЕ АБХАЗИЯ**

**ПРОТОКОЛҲОИ АМАЛҲОИ ТАҒТИШӢ ВА СУДӢ ҲАМЧУН МАНБАӢҲОИ
НАМУДИ ҲУҶҶАТНОКИИ ДАЛЕЛҲО ДАР ҶУМҲУРИИ АБХАЗИЯ**

**PROTOCOLS OF INVESTIGATIVE AND JUDICIAL ACTIONS AS SOURCES OF
DOCUMENTARY EVIDENCE IN THE REPUBLIC OF ABKHAZIA**

КВАРЧИЯ А.Р.
KVARCHIA A.R.

*Адъюнкт адъюнктуры Волгоградской академии МВД России,
старший лейтенант полиции
Адъюнкты адъюнктураи Академияи ВҚД Россия дар ш. Волгоград,
лейтенанти калони политсия
Adjunct postgraduate student of the Volgograd Academy of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, Senior Police Lieutenant*

e-mail:
astikkvarcia@gmail.com

Научная специальность: 12.00.09 – Уголовно–процессуальное право (5.1.4. Уголовно–правовые науки).

Ихтисоси илмӣ: 12.00.09 – Ҳуқуқи муҳофизаи ҷиноятӣ (5.1.4. Илмҳои ҳуқуқӣ-ҷиноятӣ).
Scientific specialty: 12.00.09 – Criminal procedure law (5.1.4. Criminal law sciences).

Рецензент: ПЕЧНИКОВ Г.А. – профессор кафедры уголовного процесса Учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, профессор (научный руководитель).

Тақриздиханда: ПЕЧНИКОВ Г.А. – профессори кафедраи муҳофизаи ҷиноятӣ Комплекси таълимӣ-илмӣ оид ба тағтишоти пешакӣ дар мақомоти корҳои дохилии Академияи ВҚД Россия дар ш. Волгоград, номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор (роҳбари илмӣ).

Reviewer: PECHNIKOV G.A. – professor of the criminal procedure department of the Educational and scientific complex for preliminary investigation in the internal affairs bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, candidate of legal sciences, professor (scientific supervisor).

Аннотация: В статье на основании анализа теоретических положений и норм уголовно-процессуального закона Республики Абхазия отмечается, что протоколы всех следственных действий являются документальными источниками доказательств по уголовному делу. Протоколы судебных действий как самостоятельные документы не составляются, ход и результаты этих действий фиксируются в протоколах судебных заседаний. Автором сделан вывод о необходимости внесения изменений в перечень источников доказательств, заменив протоколы судебных действий на протоколы судебных заседаний.

Ключевые слова: протокол следственного действия, судебное действие, протокол судебного заседания, доказательство, уголовное дело, преступность, нормы уголовно-процессуального права.

Аннотатсия: Дар мақола дар асоси таҳлили муқаррароти назариявӣ ва меъёрҳои қонуни мурофиавӣ-ҷиноятӣ Ҷумҳурии Абхазистон қайд карда мешавад, ки ҳамаи протоколҳои амалҳои тафтишӣ манбаъҳои намуди ҳуҷҷатнокии далелҳо дар парвандаи ҷиноятӣ мебошанд. Протоколҳои амалҳои судӣ ҳамчун ҳуҷҷатҳои мустақил тартиб дода намешаванд, ҷараён ва натиҷаҳои ин амалҳо дар протоколҳои маҷлисҳои судӣ сабт карда мешаванд. Муаллиф хулоса мебарорад, ки ба рӯйхати манбаъҳои далелҳо тағйирот ворид намудан лозим аст, ки протоколҳои амалҳои судӣ ба протоколҳои маҷлисҳои судӣ иваз карда шаванд.

Вожаҳои калидӣ: протоколи амали тафтишӣ, амали судӣ, протоколи маҷлиси судӣ, далел, парвандаи ҷиноятӣ, ҷинояткорӣ, меъёрҳои ҳуқуқи мурофиавӣ-ҷиноятӣ.

Annotation. Based on the analysis of theoretical provisions and norms of the Criminal procedure law of the Republic of Abkhazia, the article notes that the protocols of all investigative actions are documentary sources of evidence in a criminal case. Protocols of judicial actions are not compiled as independent documents; the course and results of these actions are recorded in the minutes of court sessions. The author concludes that it is necessary to make changes to the list of sources of evidence, replacing the protocols of judicial actions with the protocols of court sessions.

Key words: protocol of the investigative action, judicial action, protocol of the court session, evidence, criminal case, criminality, norms of criminal procedural law.

Преступность – одна из острейших проблем современного мира. В каждой стране ежегодно совершаются десятки тысяч различных преступлений. Противодействие преступной деятельности – важная задача, стоящая перед государством, которое выступает гарантом прав и свобод человека и гражданина. За совершенный противоправный поступок виновный должен понести установленную законом ответственность, чтобы не только была восстановлена социальная справедливость, но и выполнена превентивная функция. Выполнить указанные задачи возможно только при условии проведения эффективного расследования и сбора надлежащей и достаточной доказательственной базы.

Протоколы следственных и судебных действий являются важным элементом в уголовном процессе, так как они служат доказательством того, что определенные процессуальные действия были проведены в рамках закона и с соблюдением всех необходимых процедур. Они обеспечивают точную запись информации, собранной во время следственных действий и в ходе судебного разбирательства, и способствуют ее правильной оценке в последующем. Протоколы – основные документы в уголовном процессе. В них содержится подробное описание обстоятельств совершения преступления, полученное

из показаний подозреваемых (обвиняемых), потерпевших, свидетелей; решения должностных лиц; заявления, ходатайства и жалобы участников уголовного процесса.

С помощью протоколов фиксируются доказательства, полученные в ходе следственного действия, устанавливается последовательность событий и их взаимосвязь, создается база для проведения дополнительных следственных действий и судебного разбирательства, обеспечивается возможность обжалования действий следственных органов при нарушении прав участников уголовного процесса. Как отмечает У.Н. Ахмедов, важность качественного оформления процессуальных актов в строгом соответствии с требованиями закона заключается в том, что зафиксированные в них показания участников уголовного судопроизводства могут быть в последующем исследованы при рассмотрении дела судом, даже если сам участник откажется от своих слов по тем или иным причинам (например, под воздействием угроз) [6, с. 186].

Кроме того, протоколы, составленные в соответствии с установленными требованиями, позволяют сохранить целостность процесса и обеспечивают возможность дальнейшего производства по делу в случае смены следователя, прокурора, суда. Таким образом, протоколы следственных и судебных

действий играют важную роль в раскрытии, расследовании и рассмотрении судом уголовных дел, обеспечивая доказательственную базу и соблюдение прав всех участников судопроизводства.

Протоколы следственных и судебных действий представляют собой письменные акты, составляемые следователями, дознавателями, судом для фиксации порядка, хода и результатов производимых процессуальных действий [10, с. 40]. В соответствии со ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса Республики Абхазия (далее – УПК РА) данные, содержащиеся в протоколах следственных и судебных действий, могут являться доказательствами по уголовному делу [1]. Основываясь на указанном выше определении и нормах закона, В.С. Шишкин пишет о том, что протоколы следственных и судебных действий являются средствами доказывания по уголовному делу [14, с. 371].

Однако в ст. 83 УПК РА в качестве доказательств упоминаются протоколы следственных действий и судебного заседания. Для толкования имеющегося разночтения в нормах уголовно-процессуального законодательства необходимо понять, каким образом соотносятся между собой протоколы судебных действий и протокол судебного заседания.

По мнению Л.В. Головки и Л.Т. Ульяновой, судебные действия – это разновидность процессуальных действий, осуществляемых судом на досудебной и судебной стадиях уголовного судопроизводства. Они протоколируются не отдельно, а в рамках общего протокола судебного заседания. В связи с чем два рассматриваемых понятия – протоколы судебных действий и протокол судебного заседания – фактически являются тождественными [11, с. 516].

Указанная позиция не находит однозначного подтверждения в нормах процессуального законодательства. Так, в соответствии с п.п. 31, 49 ст. 5 УПК РА судебные действия являются разновидностью процессуальных действий, предусмотренных указанным Кодексом. Судебное заседание – процессуальная форма осуществления правосудия на досудебных и судебных стадиях уголовного судопроизводства. Термин

«судебные действия» упоминается в ст. 291 УПК РА, в которой определено, что судебное следствие заканчивается после разрешения председательствующим всех поступивших ходатайств и выполнения необходимых судебных действий.

Буквальное толкование обозначенных норм закона позволяет сделать вывод, что понятие «судебное заседание» шире понятия «судебное действие». В рамках одного судебного заседания может быть совершено несколько судебных действий. Вместе с тем УПК РА не предусматривает составление протокола на каждое судебное действие.

Если обратиться к законодательству стран СНГ, имеющих схожее уголовно-процессуальное законодательство по отношению к законодательству Республики Абхазия, то можно найти следующие упоминания о протоколах судебных действий.

В ст. 87 УПК РСФСР 1960 г. протоколы следственных и судебных действий не разделялись между собой, давалось их обобщенное понятие как документов, составляемых в ходе производства отдельных процессуальных действий – осмотра, обыска и выемки, задержания и некоторых других [5]. Это означает, что протоколы судебных действий и протоколы судебных заседаний не являлись тождественными понятиями. В современном УПК РФ аналогичные нормы отсутствуют, в связи с чем однозначно понять позицию законодателя относительно поставленного вопроса не представляется возможным.

В ст. 99 УПК Республики Беларусь указывается, что ход и результаты судебных действий отражаются в протоколе судебного заседания. Из этого следует, что понятия «судебное заседание» и «судебное действие» не признаются тождественными, но протокол судебного заседания – единственный документ, который может быть признан протоколом судебных действий. При этом следует обратить внимание, что белорусский законодатель для избежания путаницы в правоприменительной практике не использует в уголовно-процессуальном законе термин «протоколы судебных действий», а в качестве одного из видов доказательств называет именно протокол судебного заседания [2].

В ст. 119 УПК Республики Казахстан (далее – УПК РК) содержатся аналогичные нормы о том, что ход и результаты судебных действий отражаются в протоколе судебного заседания. Однако в ч. 3 ст. 112 УПК РК в качестве самостоятельной категории упоминаются протоколы судебных действий как один из видов доказательств, которые могут быть признаны недопустимыми [3].

Анализируя нормы уголовно-процессуального права Республики Абхазия следует отметить несколько аспектов:

1. В УПК РА отсутствуют дефиниции терминов «судебные действия» и «протоколы судебных действий». Более того, последние употребляются во множественном числе, наводя на мысль, что на каждое судебное действие должен быть отдельный протокол. Это не позволяет однозначно ответить на вопрос, тождественны ли указанные протоколы протоколам судебных заседаний.

2. Судебное действие в уголовном судопроизводстве – это процессуальное действие, осуществляемое судом или участниками судебного процесса в рамках рассмотрения и разрешения уголовного дела.

К числу судебных действий следует относить допросы участников процесса, проводимые в рамках судебного разбирательства; оглашение их показаний, данных на стадии предварительного расследования; производство судебной экспертизы; исследование вещественных доказательств и письменных материалов дела; осмотр судом местности и помещений; прения сторон и последнее слово подсудимого [15, с. 45]. Ход и результаты каждого судебного действия фиксируются в протоколе судебного заседания. Протоколы отдельных судебных действий как самостоятельные документы в уголовном судопроизводстве не составляются. В связи с этим по тексту УПК РА следует заменить «протоколы судебных действий» на протоколы судебных заседаний.

Любое доказательство в уголовном процессе имеет две связанные между собой стороны – форму и содержание. Содержание – это конкретные сведения, с помощью кото-

получить ответы на вопросы, имело ли место преступное деяние, было ли оно совершено конкретным лицом. Форма – это предмет материального мира, отражающий содержание. Форма и содержание протокола, если они соответствуют требованиям законодательства, обретают вид процессуального документа, который может рассматриваться в качестве доказательства по уголовному делу.

Следует отметить, не все ученые считают, что протоколы следственных и судебных действий вписываются в общее понятие уголовно-процессуальных доказательств. По мнению С.Б. Россинского, протоколы лишь помогают зафиксировать сведения о тех мысленных образах, которые сформировались в сознании субъекта [12, с. 44]. Схожие идеи излагал С.А. Шейфер относительно протоколов допроса, которые названный автор считал не самостоятельным доказательством, а способом фиксации существующего вне процессуальной формы доказательства – показаний какого-либо лица с целью обеспечения возможности их использования в уголовном процессе [13, с. 66].

Б.Т. Безлепкин предложил разделять протоколы следственных действий на две группы – имеющие и не имеющие собственное доказательственное значение. Основным критерием для разграничения является то, получены ли фактические данные уполномоченным лицом самостоятельно при проведении следственного действия или опосредованно через другого субъекта. В связи с этим к первой группе протоколов названный автор относит протокол осмотра (в том числе трупа), эксгумации, обыска, выемки, предъявления для опознания и т.п. Ко второй же группе относятся протоколы допросов и очных ставок, поскольку они только фиксируют показания некоторых субъектов [7, с. 134].

Иного мнения придерживается У.Н. Ахмедов, который называет протоколы следственных действий доказательствами, через которые выявляются обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела. Правовая сущность протокола не может рассматриваться в отрыве от того действия, которое фиксируется с помощью этого протокола. В связи с чем протоколы следственных

действий справедливо считаются документальным источником доказательств [6, с. 187].

Л.В. Головки и Л.Т. Ульянова также считают, что протокол допроса может иметь самостоятельное доказательственное значение. Например, в ходе судебного заседания допрос, как правило, производится непосредственно судом. В таком случае доказательством по делу являются показания, данные участником уголовного процесса в зале суда. Однако, когда суд оглашает показания, которые давались на стадии предварительного расследования и зафиксированы в протоколе допроса, и принимает их во внимание при вынесении приговора, доказательством по делу выступает именно протокол указанного следственного действия [11, с. 518].

Соглашаясь с вышеизложенной позицией, В.А. Кабанов приводит в ее подтверждение следующий пример из практики Верховного Суда РФ [9, с. 346]. Следователь К. обвинялся в фальсификации доказательств по уголовному делу, а именно в подделке протоколов допросов и очных ставок. Ему вменялось совершение преступления, предусмотренного ст. 303 Уголовного кодекса Российской Федерации. Позиция стороны защиты строилась на том, что указанные протоколы не являются доказательствами. В качестве доказательств по делу выступают показания свидетелей.

В свою очередь, К. внес недостоверные сведения относительно даты, времени и места составления протоколов, а также лица, проводившего следственные действия. Текст показаний свидетелей в этих протоколах обвиняемым не изменялся. Верховный Суд РФ указал на то, что доводы стороны защиты несостоятельными, протоколы допросов и очных ставок – доказательства по уголовному делу на основании норм уголовно-процессуального закона [4].

Ввиду того, что нормы УПК РА во многом совпадают с положениями УПК РФ, выводы Верховного Суда РФ следует считать справедливыми и при ответе на вопрос о доказательственном значении протоколов допросов и очных ставок в Республике Абхазия.

Таким образом, протокол следственного действия будет являться доказательством в том случае, если при этом были соблюдены следующие условия:

1. Следственное действие проведено при наличии установленных законом оснований (в рамках доследственной проверки или на стадии предварительного расследования по возбужденному уголовному делу), и его результаты зафиксированы в протоколе с соблюдением всех требований, предъявляемых нормами УПК РА к его форме и содержанию. Процессуальная форма и требования к содержанию протокола следственного действия установлены в ст. 166 УПК РА.

2. Протокол содержит всю необходимую информацию о проведенном следственном действии.

3. Все участники следственного действия подтвердили своей подписью достоверность изложенных в нем сведений.

4. В протоколе отсутствуют ошибки, исправления, неточности, которые могли бы поставить под сомнение достоверность содержащейся в нем информации, а значит и доказательственную ценность протокола в целом.

5. Протокол приобщен к материалам уголовного дела и прошел все необходимые процедуры проверки и оценки: обвиняемым и его защитников при ознакомлении с материалами дела; прокурором – на стадии утверждения обвинительного заключения (акта, постановления); судом – в ходе судебного разбирательства.

Протокол следственного действия, который соответствует всем перечисленным выше требованиям, является доказательством по уголовному делу и может быть использован для подтверждения вины подсудимого и назначения ему наказания.

Схожие требования предъявляются к протоколам судебных заседаний для признания их доказательством по делу. Такие протоколы должны быть составлены в строгом соответствии с нормами УПК РА; содержать полную и достоверную информацию о ходе судебного заседания, показаниях участников уголовного процесса; быть подписанными председательствующим судьей и секретарем

судебного заседания; быть приобщенными к материалам уголовного дела в установленном законом порядке. Вместе с тем протоколы судебных заседаний специфичны тем, что они появляются после рассмотрения дела судом, а потому свое доказательственное значение приобретают уже на стадии пересмотра приговора в вышестоящих судебных инстанциях.

Протоколы судебных заседаний фиксируют показания участников уголовного процесса, которые даны ими в ходе рассмотрения уголовного дела, сопоставлены с другими доказательствами по делу и оценены судом. В них отражаются, какие вопросы задавались участниками процесса друг другу и какие были даны ответы, а также какие доказательства были представлены сторонами. В протоколах судебных заседаний могут найти отражения те показания и доказательства, которые ранее не давались и не представлялись на стадии предварительного расследования. При этом факты фиксируются в протоколе без каких-либо суждений об их правдивости или ложности. Секретарь не вправе заносить в протокол свои доводы. Тем самым через протоколы судебных заседаний, в том числе, происходит формирование доказательственной базы по уголовному делу. Протокол составляется секретарем судебного заседания и подписывается судьей, что обеспечивает его достоверность и законность.

Между тем, не все части протокола судебного заседания будут иметь доказательственное значение. Не имеют отношение к доказыванию те его части, в которых отражено разъяснение прав и обязанностей участникам уголовного судопроизводства, рассмотрение ходатайств, прения сторон, последнее слово подсудимого и т.п. Доказательством являются части протокола судебного заседания, в которых зафиксированы ход и результаты судебного следствия, а также доказательства, положенные в основу приговора. При этом исследуемый документ свои доказательственные свойства приобретает только в вышестоящих судебных инстанциях [8, с. 39].

Таким образом, протоколы судебных заседаний будут иметь значение доказательства только при условии совпадения

процессуальной формы и доказательственного содержания.

В научной литературе отмечается, что протоколы судебных заседаний составляются не только при рассмотрении уголовного дела по существу, но и при разрешении судом различных ходатайств, поступающих к нему на досудебных стадиях судопроизводства (при избрании и продлении меры пресечения, согласовании производства отдельных следственных действий и пр.). В таких судебных заседаниях обвиняемый вправе высказывать свое мнение, в том числе дать показания относительно обстоятельств происшедшего и своей причастности к совершенному деянию. Однако эти показания, зафиксированные в протоколе судебного заседания, не могут быть доказательством по уголовному делу. Как следует из содержания ст.ст. 74, 76, 77 УПК РА, источниками доказательств по уголовному делу являются показания подозреваемых и обвиняемых, которые даны ими в рамках допроса, проведенного на стадии досудебного производства.

Подводя итог изложенному, можно сделать следующие выводы:

1. Судебное действие в уголовном судопроизводстве – это процессуальное действие, осуществляемое судом или участниками судебного процесса в рамках рассмотрения и разрешения уголовного дела. Протоколы отдельных судебных действий как самостоятельные документы в уголовном судопроизводстве Республики Абхазия не составляются. Их ход и результаты фиксируются в протоколе судебного заседания. В связи с этим по тексту УПК РА следует заменить «протоколы судебных действий» на протоколы судебных заседаний.

2. Протоколы всех следственных действий, в том числе допроса и очной ставки, являются документальными источниками доказательств по уголовному делу.

3. Протоколы судебных заседаний могут являться доказательствами по делу, если в них зафиксированы показания участников уголовного процесса, данные непосредственно в зале судебного заседания. Однако указанные протоколы приобретают

свое доказательственное значение в вышестоящих судебных инстанциях при пересмотре приговора.

4. Протоколы следственных действий и судебных заседаний, чтобы быть признанными доказательствами, должны соответствовать определенным условиям:

быть составленными уполномоченными на то лицами с соблюдением норм уголовно-процессуального закона; подписаны в установленном порядке; приобщены к материалам уголовного дела и содержать необходимую информацию.

Использованная литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Абхазия от 30 декабря 2007 г. № 1947-с-IV (ред. от 04.08.2023) // [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://vs-ra.org/images/DOCS/Reglament/UPK_RA.pdf (дата обращения: 20.10.2023).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 года № 295-3 (с изм. и доп. по сост. на 17.07.2023 г.) // [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414958&pos=1371;-50#pos=1371;-50 (дата обращения: 20.10.2023).
3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V ЗРК (с изм. и доп. по сост. на 12.09.2023) // [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852&pos=2542;-49#pos=2542;-49 (дата обращения: 20.10.2023).
4. Кассационное определение Судебной коллегии ВС РФ по уголовным делам от 26 мая 2011 г. № 8-О11-7 // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=446446 (дата обращения: 20.10.2023).
5. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. Верховным Советом РСФСР 27.10.1960) // Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Ахмедов, У.Н. Уголовно-процессуальный анализ формы и доказательственного значения протоколов следственных действий / У.Н. Ахмедов // Вестник Воронежского института МВД России. – 2022. – № 3. – С. 186-191.
7. Безлепкии, Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 15-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2021. – 640 с.
8. Долгаев, В.В. Протоколы следственных действий и иные документы как источники доказательств в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Виктор Викторович Долгаев. – СПб., 2018. – 219 с.
9. Ивченко, А., Кабанов, В.А. К вопросу о правовой характеристике протоколов как доказательств в российском уголовном процессе / А. Ивченко, В.А. Кабанов // Вопросы российской юстиции. – 2023. – № 23. – С. 341-351.
10. Карнеева, Л.М. Доказательства и доказывание в уголовном процессе / Л.М. Карнеева. – М.: МЦ при ГУК МВД РФ, 1994. – 68 с.
11. Курс уголовного процесса / под ред. проф. Л.В. Головки. 2-е изд., испр. – М.: Статут, 2017. – 752 с.
12. Россинский, С.Б. Протоколы следственных действий: проблемы процессуальной формы и доказательственного значения / С.Б. Россинский // Lex Russica. – 2017. – № 10 (131). – С. 36-46.
13. Шейфер, С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования: монография / С.А. Шейфер. – М.: Норма, Инфра-М, 2014. – 240 с.
14. Шишкин, В.С. Особенности протоколов следственных и судебных действий как документального вида доказательств / В.С. Шишкин // Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. – 2011. – № 2 (94). – С. 370-373.
15. Яковлева, С.А. Протоколы судебного заседания по разрешению судом ходатайства в досудебном уголовном процессе в системе допустимых уголовно-процессуальных доказательств / С.А. Яковлева // Марийский юридический вестник. – 2022. – № 2. – С. 44-48.

References

1. Criminal Procedure Code of the Republic of Abkhazia of December 30, 2007 No. 1947-c-IV (as amended on August 4, 2023) // [Electronic resource] - Access mode: https://vs-ra.org/images/DOCS/Reglament/UPK_RA.pdf (accessed: October 20, 2023).
2. Criminal Procedure Code of the Republic of Belarus of July 16, 1999 No. 295-Z (as amended and supplemented on July 17, 2023) // [Electronic resource] - Access mode: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414958&pos=1371;-50#pos=1371;-50 (date accessed: October 20, 2023).
3. Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan dated July 4, 2014 No. 231-V ЗПК (as amended and supplemented as of September 12, 2023) // [Electronic resource] - Access mode: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852&pos=2542;-49#pos=2542;-49 (accessed: October 20, 2023).
4. Cassation ruling of the Judicial Collegium of the Supreme Court of the Russian Federation for Criminal Cases dated May 26, 2011 No. 8-O11-7 // Official website of the Supreme Court of the Russian Federation. URL: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=446446 (accessed: October 20, 2023).
5. Criminal Procedure Code of the RSFSR (approved by the Supreme Council of the RSFSR on 27.10.1960) // Access from the Reference and Legal System «ConsultantPlus».
6. Akhmedov, U.N. Criminal Procedure Analysis of the Form and Evidentiary Value of Protocols of Investigative Actions / U.N. Akhmedov // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2022. - No. 3. - Pp. 186-191.
7. Bezlepkin, B.T. Commentary on the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (article by article). 15th ed., revised. and additional - M.: Prospect, 2021. - 640 p.
8. Dolgaev, V.V. Protocols of Investigative Actions and Other Documents as Sources of Evidence in Criminal Proceedings: dis. ... cand. jurid. sciences: 12.00.09 / Viktor Viktorovich Dolgaev. - St. Petersburg, 2018. - 219 p.
9. Ivchenko, A., Kabanov, V.A. On the issue of the legal characteristics of protocols as evidence in Russian criminal proceedings / A. Ivchenko, V.A. Kabanov // Issues of Russian Justice. - 2023. - No. 23. - Pp. 341-351.
10. Karneeva, L.M. Evidence and proving in criminal proceedings / L.M. Karneeva. - M.: MC at the Main Criminal Code of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 1994. - 68 p.
11. Course of criminal procedure / edited by prof. L.V. Golovko. 2nd ed., corrected. - M.: Statut, 2017. - 752 p.
12. Rossinsky, S.B. Protocols of investigative actions: problems of procedural form and evidentiary value / S.B. Rossinsky // Lex Russica. - 2017. - No. 10 (131). - Pp. 36-46.
13. Sheifer, S.A. Evidence and proving in criminal cases: problems of theory and legal regulation: monograph / S.A. Sheifer. - M.: Norma, Infra-M, 2014. - 240 p.
14. Shishkin, V.S. Features of protocols of investigative and judicial actions as a documentary type of evidence / V.S. Shishkin // Bulletin of Tambov University. Series: Humanities. - 2011. - No. 2 (94). - Pp. 370-373.
15. Yakovleva, S.A. Minutes of the court hearing on the court's resolution of a motion in pre-trial criminal proceedings in the system of admissible criminal procedural evidence / S.A. Yakovleva // Mariysky Yuridichesky Vestnik. - 2022. - No. 2. - Pp. 44-48.

УДК 340.114.5

ПРАВОВОЙ ИНФАНТИЛИЗМ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ДЕФОРМИРОВАННОСТИ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ

ИНФАНТИЛИЗМИ ҲУҚУҚӢ ҲАМЧУН ЗУҲУРОТИ ДЕФОРМАТСИЯИ ШУУРИ ҲУҚУҚӢ

LEGAL INFANTILISM AS A MANIFESTATION OF THE DEFORMITY OF LEGAL CONSCIOUSNESS

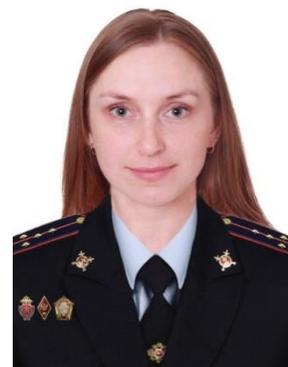
КОРДОВОВСКАЯ К.Е.

KORDOVSKAYA K.E.

Старший специалист (по воспитательной работе) отделения морально-психологического обеспечения отдела по работе с личным составом УМВД России по Красногвардейскому району г. Санкт-Петербурга, капитан полиции

Мутахассиси калони (оид ба корҳои тарбиявӣ) шӯъбачаи таъминоти ахлоқӣ-руҳӣ равони шӯъбаи кор бо ҳайати шахсии РВҚД Россия дар ноҳияи Красногвардейский ш. Санкт-Петербург, капитани полтсия

Senior specialist (in educational work) of the Department of moral and psychological support of the Department for work with personnel of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Krasnogvardeysky district of St. Petersburg, police captain

E-mail:
kordobovskay@mail.ru

Научная специальность: 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве (5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки).

Ихтисоси илмӣ: 12.00.01 – Назария ва таърихи ҳуқуқ ва давлат; таърихи таълимот дар бораи ҳуқуқ ва давлат (5.1.1. Илмҳои ҳуқуқии назариявӣ-таърихӣ).

Scientific specialties: 12.00.01 – Theory and history of law and state; history of the doctrines of law and the state (5.1.1. Theoretical and historical legal sciences).

Рецензент: Нижник Н.С. – профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор (научный руководитель).

Тақриздиханда: Нижник Н.С. – профессораи кафедраи назария ва таърихи давлат ва ҳуқуқи Донишгоҳи ВҚД Россия дар ш. Санкт-Петербург, доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор (роҳбари илмӣ).

Reviewer: NIZHNIK N.S. – Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor (scientific supervisor).

Аннотация: В статье автором отмечается, что феномен «правовой инфантилизм» до настоящего времени в юридической науке не получил комплексного исследования. Поэтому, по мнению автора, проявления правового инфантилизма, степень его влияния на современную криминогенную обстановку обуславливают необходимость поиска и реализации средств противодействия его формированию.

Ключевые слова: правовая культура, правовое сознание, деформация правосознания, правовой инфантилизм, правовой идеализм, правовой нигилизм, правовое просвещение.

Аннотатсия: Дар мақола муаллиф қайд мекунад, ки падидаи «инфантилизми ҳуқуқӣ» то ҳол дар илми ҳуқуқ мавриди омӯзиши ҳамаҷониба қарор нагирифтааст. Аз ин рӯ, ба

ақидаи муаллиф, зухуроти инфантилизми ҳуқуқӣ, дараҷаи таъсири он ба вазъи криминогенӣ муосир зарурати чувствҷӯ ва татбиқи воситаҳои муқовимат ба ташаккули онро муайян мекунад.

Вожаҳои калидӣ: фарҳанги ҳуқуқӣ, шуури ҳуқуқӣ, деформатсияи шуури ҳуқуқӣ, инфантилизми ҳуқуқӣ, идеализми ҳуқуқӣ, нигилизми ҳуқуқӣ, маърифати ҳуқуқӣ.

Annotation: In the article, the author notes that the phenomenon of «legal infantilism» has not yet received a comprehensive study in legal science. Therefore, in the author's opinion, the manifestations of legal infantilism, the degree of its influence on the modern crime situation determine the need to find and implement means to counteract its formation.

Key words: legal culture, legal consciousness, deformation of legal consciousness, legal infantilism, legal idealism, legal nihilism, legal education.

Правовая культура является важной детерминантой развития государственно-правовых систем. Именно правовая культура определяет особенности правотворчества, правоприменения и правосудия в национальных правовых системах на разных этапах их исторического развития [3]. В современном мире роль правовой культуры и ее важнейшей составляющей – правового сознания возрастает, так как глобализационные процессы, широкое распространение сети Интернет увеличивают возможности личности непосредственно принимать участие в решении государственно значимых вопросов, расширяют возможности усмотрения государственных служащих, в таких условиях значение правовой культуры возрастает, и она превращается в важный фактор демократизации общественных отношений и построения правового государства.

Формирование правовой культуры и важной ее части – правосознания представляет собой сложный многоуровневый многоаспектный процесс, который осуществляется в несколько этапов и обусловлен необходимостью решения на каждом этапе различных проблем.

Поэтому задачи по формированию правовой культуры не всегда выполняются в полном объеме, да и изменения политической и социально-экономической обстановки постоянно требуют их корректировки. В связи с этим решение задач по формированию правовой культуры общества и личности постоянно продолжает оставаться актуальной задачей государственной важности, а проблемы, касающиеся факторов формирования правовой культуры, находятся в

центре внимания ученых [12; 2; 3; 17; 16], в том числе изучающих полицию как субъект формирования правовой культуры общества и личности [1].

Утверждение верховенства права с его предпосылкой равенства всех граждан перед законом, подлинной независимости судебной ветви власти, эффективности институтов правопорядка и судопроизводства в отстаивании прав и свобод граждан, а также проблемы обеспечения справедливости в отношении всех граждан являются самыми актуальными в процессе реформирования политической и правовой системы России.

При этом жизненные реалии свидетельствуют о том, что во многих странах, в том числе и России, уровень общественного доверия к судебной-правовой системе остается низким; при обращении в полицию, суд, прокуратуру, адвокатуру граждане не полностью уверены в производстве справедливых, обоснованных, целесообразных и законных действий. В средствах массовой информации появляются новые сведения о фактах коррупции и злоупотребления должностным положением. Непоследовательность и нехватка весомых аргументов действующей власти во внедрении политики верховенства права превращается в один из ощутимых препятствий институционализации демократических общественных идеалов, проведения реформ, эффективной борьбы с коррупцией. В таких условиях у законопослушных граждан формируется пренебрежительное отношение к органам государственной власти, возникает социальное напряжение, проявляется игнорирование норм права, самовольное

толкование общепринятых принципов [6], часто приводящих к искаженному пониманию дозволенного и запрещенного, деформированию правового сознания.

Правовое сознание – одна из форм общественного сознания, «представляющая собой совокупность идей, теорий, чувств, эмоций, переживаний людей, в которых отражается их отношение к праву и правовым явлениям» [15, с. 183].

Объективными основаниями правосознания выступают: требования положительного права; общечеловеческие ценности; национальный менталитет; традиционные в этой стране ценности, нашедшие подтверждение в ее историческом опыте. Подготовка граждан к восприятию новых демократических ценностей требует воспитания у них такого правосознания, которое соответствовало бы не только общечеловеческим ценностям и принципам международного права, но и историческим традициям и менталитету народа.

С учетом того, что деятельность человека основывается на его знаниях об окружающем мире (в том числе и на знаниях о правовой сфере), правовое поведение связано и с наличием знаний о праве и государственно-правовых институтах, и с умением пользоваться этими знаниями. Правосознание, являясь органической составляющей правотворческой и правореализационной деятельности, с одной стороны, выполняет роль инструмента правотворчества, правоприменения и правосудия, с другой стороны, является одним из обязательных механизмов его реализации.

Правовое сознание под воздействием множества факторов субъективного и объективного характера подвержено деформации. Деформация правового сознания выражается в изменении состояния правосознания, формировании у ее носителей представлений, ощущений, переживаний и эмоций, «искаженно отражающих юридическую действительность, выражающих негативное отношение к действующему праву, законности и правопорядку» [4, с. 35]. Искажение представлений о ценности права обуславливают развитие дефектов правосознания [8, с. 61], в числе которых выделяют: правовой

идеализм, правовой дилетантизм, правовую демагогию, правовой инфантилизм, пережденное правосознание, правовой нигилизм [5, с. 101].

Правовой идеализм (юридический фетишизм) выражается в абсолютизации роли права и правовых институтов в регулировании общественных отношений. Мысль о том, что мудрые законы могут изменить общественное развитие, формулировал еще Платон, рассуждая об идеальном государстве и необходимости государства заботиться о своих гражданах. Но жизнь опровергла утверждения о том, что только посредством законов можно кардинально трансформировать состояние государственно-правовой системы.

Закон является фактом официального признания и закрепления социальной практики. Но важно не только разработать совершенную норму, но и предусмотреть действительные возможности ее реализации. Сами по себе законы не приводят к улучшению состояния различных сфер общественной жизни. Имеет место и практика принятия нормативных правовых актов, которые заведомо невыполнимы, поскольку для их реализации нет материальных и финансовых средств или отсутствуют необходимые условия. Хороший закон ничего не стоит, если он не реализуется. По поводу этой аксиомы Ш.Л. Монтескье писал: «Когда я еду в какую-нибудь страну, я проверяю не то, хороши ли там законы, а то, как они осуществляются, потому что хорошие законы встречаются везде» [11, с. 318]. Бессилие законов продуцирует правовой скепсис и правовой инфантилизм граждан, не подтверждая идей правового идеализма.

Односторонние представления о правовой действительности способствуют формированию правовой демагогии. Опасность правовой демагогии заключается в том, что лицо, предполагая наличие некоторой ценности права и доверия к нему со стороны других лиц, субъект использует рассуждения о праве и общественном благе для достижения собственных корыстных интересов. Яркое проявление такого вида деформации правосознания можно наблюдать во время

выборов и референдумов и помощи широких возможностей средств массовой информации.

Наличие осознанного игнорирования закона и намерений совершения правонарушений свидетельствует о перерождении правосознания и проявлении перерожденного правосознания как готовности умышленного нарушения правовых предписаний.

Серьезную опасность для государственно-правового развития несет правовой нигилизм, «заключающийся в крайне негативном, неуважительном отношении к праву, закону, правовому порядку» [15, с. 190], игнорировании требований закона, исключаящее преступный умысел. Проявления правового нигилизма в современной жизни различны: отрицание традиционных образцов правового поведения и моральных ориентиров; неприязненное отношение к государственным институтам, органам государственной власти, должностным лицам; неприятие направлений и средств реформирования государственно-правовой жизни; несогласие с политическими решениями и акциями и др. Чертами правового нигилизма в современном обществе выступают: открытый характер, специфическая региональная окраска, слияние с политическим, государственным, экономическим, этическим и некоторыми другими видами нигилизма [9].

Одной из разновидностей деформации правосознания является правовой инфантилизм [7, с. 86]. До настоящего времени феномен «правовой инфантилизм» комплексного освещения в юридической литературе не получил. Свой вклад в рассмотрение этой проблемы внесли Д.Э. Марченко [9], Н.С. Нижник [13; 14], К.Е. Кордобовская [5; 7; 4], но детерминанты, способствующие появлению правового инфантилизма, его проявления в различных сферах общественной жизни, факторы противодействия правовому инфантилизму в современных условиях требуют осмысления и научного анализа.

Признаком правового инфантилизма является несформированность чувства ответственности и осознания своего поведения в

правовом поле, недостаточность правовых знаний. Н. И. Матузов подчеркивал, что правовой инфантилизм «питается ... юридическим невежеством, неразвитым и деформированным правосознанием, дефицитом политико-правовой культуры» [10, с. 13]. Правовой инфантилизм опирается на поверхностное и безответственное, индифферентное отношение к требованиям закона, влекущее за собой безразличное отношение к праву, гражданскую пассивность, ненадлежащее исполнение государственными служащими своих функций. Мотивами такого поведения становятся и нежелание брать на себя профессиональную ответственность, и дерзкая убежденность в юридической безнаказанности.

В современном обществе правовой инфантилизм получил широкое распространение [14, с. 72, 79-82]. Он выступает как показатель, с одной стороны, недостаточной правовой социализации и определенной маргинальности сознания индивида и социальной группы [13], а с другой стороны, неэффективности государственной системы правового воспитания граждан. Правовой инфантилизм менее заметен в общественной практике, но причиняет государству вред не меньший, чем правовой нигилизм.

Возникновению правового инфантилизма предшествует образование пробелов правовых знаний, которые могут существовать как «первичный» пробел, когда информация о каких-то сторонах правовой действительности субъекту изначально не была известна, и как «вторичный» пробел, когда информация была получена, но забыта. Правовой инфантилизм – это правосознание, не укомплектованное достаточными правовыми знаниями, характеризующееся отсутствием верных представлений о моделях правового поведения, о трудностях при осуществлении должных моделей правового поведения, о возможности несовпадения личных ожиданий и правовых предписаний общества и государства.

Распространению правового инфантилизма в России в определенной степени способствовало то, что с советских времен утвердились прагматические подходы к праву, когда его рассматривали

как орудие, силовой инструмент социальных преобразований; когда в общественное сознание внедрялись утверждения о том, что достаточно принять закон, чтобы снять проблемы в определенной области общественных отношений.

Правовой инфантилизм проявляется на бытовом (обывательском) уровне, на производственном уровне (в профессиональной деятельности) и даже в научных исследованиях правовой направленности [14, с. 84–85].

В профессиональной деятельности правовой инфантилизм приводит к неряшливости в работе, допущению ошибок и брака, к должностному произволу и злоупотреблению своими полномочиями. Незнание правовых предписаний образует в правосознании субъекта лакуну, которая заполняется не приобретением знаний, а обыденным опытом, который может быть направлен на удовлетворение личных эгоистичных потребностей и нанесение вреда общественному благосостоянию. Пробелы в законодательстве, нежелание регулировать отношения там, где это необходимо, множество нормативных правовых актов, дополняющих и расширяющих друг друга, трудность восприятия закона могут быть следствием правового инфантилизма субъектов, занимающихся законотворческой деятельностью.

Правовой инфантилизм проявляется и в среде профессиональных юристов – судей и прокуроров, сотрудников полиции, адвокатов, налоговиков и таможенников, когда в силу различных причин происходит деформация их правовых установок и возникают псевдоюридические или неправовые деструкции сознания, которые негативно влияют на профессиональное поведение правоприменителей. Чертами профессиональной деятельности прокурора может стать ориентация на обвинение; у следователя может сформироваться правовая подозрительность, у оперативного работника – агрессивность. «Ошибки юристов в процессе составления правовых актов или интерпретации правовых норм могут нарушать права и интересы граждан. Правовой инфантилизм юристов не безобиден: правонарушение не совершено, но результатом такого правомерного

поведения могут стать искалеченные человеческие судьбы» [14, с. 82].

Правовой инфантилизм граждан может быть использован авторитарным лидером, узкими группами лиц по интересам, сотрудниками силовых структур государства, открыто декларирующих приверженность идеям законности и правопорядка и использующих их не для борьбы с преступностью, а для применения силы и нарушения прав человека, подтверждая утверждение Ш. Л. Монтескье о том, что самая жестокая тирания – это та, что выступает под сенью законности [11, с. 316]. Ничего нет более опасного в обществе и государстве, чем использование идей права не на общественное благо, а во вред обществу.

Правовой инфантилизм влечет деструктивные социальные последствия и формирует негативные стереотипы правовой культуры. Если в пылу борьбы с оппозицией политический истеблишмент начинает «спекулировать правом», разворачивая популистские лозунги (такая крайность – правовой волюнтаризм), это почти неизбежно ведет к правовому инфантизму обывателей или к политическому и правовому скептицизму. Правовой инфантилизм в условиях социально-экономических и иных трудностей толкает часть граждан в пессимистический кризис недоверия к законодательной и исполнительной власти и фактически порождает уныние относительно реформ и прогрессивности парламентских путей решения назревших политико-правовых проблем.

В связи с тем, что в политико-правовом пространстве современных государств не искоренена среда, способствующая деформации правового сознания, различные деформации правосознания имеют различные проявления:

– принципы права, действующие законодательные нормы и предписания нередко открыто игнорируются или попираются некоторыми носителями индивидуального, группового или общественного правосознания, что оправдывается экономической,

политической целесобразностью или неблагоприятными международными факторами;

– сложность юридической практики или неудачный собственный правовой опыт подталкивают человека к решению проблем внеправовым способом, в связи с чем в социуме формируется стереотип «двойных стандартов» поведения и возникает внеправовая среда «теневых» отношений;

– парадоксом современной правовой ситуации является то, что сам закон нуждается в правовой защите не только в связи с нигилистическим, скептическим или идеалистическим отношением к нему, но и в связи с непрофессиональным вмешательством в процессы его разработки и реализации;

– некоторые действующие нормативные акты не выражают сущности общих и актуальных ожиданий граждан, а направлены на защиту узкогрупповых интересов, что минимизирует их общесоциальную ценность;

– разрыв между юридической наукой и практикой ведет к недооценке критериев построения и принципов действия законодательства, к игнорированию конституционных требований, умножает путаницу нормативных понятий; соответственно право становится более зависимым от ситуационных и разрушительных факторов.

Какими средствами предотвратить распространение правового нигилизма? Прежде всего средствами правового просвещения и правового воспитания.

Объем и качество правового просвещения сегодня вызывает большое количество вопросов. Низкий уровень правового просвещения подтверждается и самими обучающимися, и исследованиями в области уровня правовых знаний, и разнообразием проявлений правового инфантилизма у молодежи. Это подтверждает необходимость мониторинга форм, форматов, механизмов и инструментов правового просвещения населения (и прежде всего обучающихся общеобразовательных организаций) с целью

выявления неэффективных составляющих. Учеными выявлена важность непрерывности правового просвещения детей и молодежи на протяжении всего образовательного и воспитательного процесса: от детского сада до профессиональных образовательных организаций и образовательных организаций высшего образования, ввиду чего определяется необходимость формирования целостной системы правового просвещения, учитывающей возрастные особенности детей и молодежи.

Правовое просвещение часто сводится к профилактике деструктивного поведения несовершеннолетних, что приводит к отчуждению базовых норм прав и свобод, не включенных в рамки правового просвещения. Права, свободы и обязанности в таких случаях в правовом восприятии не становятся ключевыми понятиями, что позволяет пренебрегать ими и в дальнейшем оправдывать невыполнение своих обязанностей и нарушение прав и свобод других граждан.

Как показало исследование форм воспитательной работы, важную роль в правовом просвещении играет материал, используемый для правового просвещения детей и молодежи. Часто он распространяется на бумажных носителях или в формате видеороликов. Такие контентные в большинстве случаев уже потеряли свою актуальность. А, значит, необходима актуализация таких материалов с учетом запросов самих детей и молодежи, в том числе посредством имеющихся медиа- и цифровых ресурсов.

В государствах, имеющих большую площадь, в населенных пунктах, отдаленных от столицы и региональных центров, ввиду многочисленных демографических, социально-экономических и географических факторов самореализация молодежи имеет трудности, что обосновывает высокую необходимость увеличения и актуализации правового просвещения в отдаленных населенных пунктах как формы повышения социальной и правовой активности молодежи.

Важной формой противодействия правовому инфантилизму и борьбы с

деструктивным и противоправным поведением детей и молодёжи является публичная демонстрация примеров позитивной правовой активности граждан. Она представляется более эффективным способом профилактики в сравнении с демонстрацией последствий негативных фактов.

Важным представляется развитие института правового наставничества, способного стать средством приобщения молодежи к правовым знаниям, сознательного признания ими ценностей прав и свобод, приобретению навыков использования правозащитных механизмов, развития гражданской активности.

Таким образом, государственно-правовой практике свойственно стремление интегрировать фундаментальные политико-правовые ценности, которые способны выступить фактором реформирования государства, не вызывая возникновения политических и правовых симулякров и не поддерживая сохранение политических иллюзий. Демократическую модернизацию возможно осуществить только путем

повышения правовой культуры населения и политического истеблишмента страны: через влияние на их правосознание, уменьшение правового инфантилизма и нигилизма, укрепление законности и правопорядка, через профилактику правонарушений и преступлений, обеспечение действительной защиты прав и свобод личности, развитие юридической науки и образования, проведение действенных правовых реформ с участием высококвалифицированных специалистов-юристов.

Правовой инфантилизм как деформация правового сознания несёт в себе неявную угрозу для государственности. Отсутствие у широких слоев населения верного представления о правовой реальности, незнание правил правового поведения, испуг или недоверие к власти стали чертами общественных отношений современного российского социума. Такая ситуация требует активной работы с населением, поиска и устранения причин, не способствующих совершенствованию государственно-правовой системы, укреплению благополучия и безопасности страны.

Использованная литература

1. Nizhnik, N. 300 Years in the Service to the Native Land: Specifics of the Regional Development of the Police Bodies in the Russian Empire (on the Materials of the Jubilee International Scientific Conference held at St Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs) / N. Nizhnik // *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*. – 2019. – Vol. 3, No. 1. – Pp. 495-522.
2. Девиантное поведение: Социально-философское осмысление. – Челябинск: Челябинский институт развития профессионального образования, 2023. – 108 с.
3. Демидова, И.А. Современное общество как среда и детерминанта развития правовой культуры (опыт теоретико-правового анализа) / И.А. Демидова // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. – 2023. – № 2(98). – С. 26-35.
4. Ковалев, С.А. Деформация правосознания как фактор противоправного поведения личности / С.А. Ковалев // *История государства и права*. – 2009. – № 13. – С. 35-38.
5. Кордобовская, К.Е. О детерминантах деаксиологизации правового сознания в условиях современности / К.Е. Кордобовская // *Санкт-Петербургские встречи молодых ученых: Материалы I всероссийского конгресса адъюнктов, аспирантов и соискателей ученых степеней*. Санкт-Петербург, 15 июня 2023 года. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. – С. 100-103.
6. Кордобовская, К.Е. Правовой инфантилизм (опыт теоретико-правового анализа социоюридического феномена) / К.Е. Кордобовская // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. – 2024. – № 2(102). – С. 55-68.
7. Кордобовская, К.Е. Правовой инфантилизм как явление современной правовой действительности / К.Е. Кордобовская // *XI Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: Материалы международной научно-практической конференции*, Калининград, 16 декабря 2022 года / Отв. редактор С.В. Векленко. – Калининград: Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, 2023. – С. 86-87.
8. Кордобовская, К.Е. Ценности правового сознания / К.Е. Кордобовская // *Правовая культура в*

современном обществе: Сборник научных статей, Могилев, 17 мая 2024 года. – Могилев: Могилевский институт МВД Республики Беларусь, 2024. – С. 60-65.

9. Марченко, Д.Э. Правовой нигилизм, правовой идеализм и правовой инфантилизм как формы деаксиологического правового сознания / Д.Э. Марченко. – Самара: НТЦ, 2006. – 113 с.

10. Матузов, Н.И. Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны «одной медали» / Н.И. Матузов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1994. – № 2. С. 3-25.

11. Монтескье, Ш. Избранные произведения / Ш. Монтескье. – М.: Госполитиздат, 1955. – 803 с.

12. Нижник, Н.С. История Советского Союза в контексте научного анализа XIX Международная научная конференция «Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР)» (28-29 апреля 2022 г., Санкт-Петербург) / Н.С. Нижник, Е.Н. Козинникова, Т.О. Чукаев // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 3(95). – С. 226-240.

13. Нижник, Н.С. Правовой инфантилизм как вид деформации правового сознания: атрибутивные черты и особенности проявления / Н.С. Нижник // Правовая культура в современном обществе: Сборник научных статей, Могилев, 17 мая 2024 года. – Могилев: Могилевский институт МВД Республики Беларусь, 2024. – С. 113-122.

14. Нижник, Н.С. Правовой инфантилизм как явление современной правовой реальности / Н.С. Нижник // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 3(103). – С. 68-95.

15. Нижник, Н.С. Теория государства и права: учебное наглядное пособие / Н.С. Нижник, О.В. Семенова, А.П. Стоцкий / Под ред. Н.С. Нижник. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета МВД России, 2020. – 264 с.

16. Нижник, Н.С. Юридическая наука в России: особенности современного состояния и перспективы развития / Н.С. Нижник, М.В. Савельева // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 1(101). – С. 34-50.

17. Сидоренко, Н.С. Детерминанты девиантного поведения несовершеннолетних: значение правовой культуры при выборе личностью модели правового поведения Н.С. Сидоренко, Н.С. Нижник // Общество и право. – 2022. – № 4(82). – С. 119-126.

References

1. Nizhnik, N. 300 Years in the Service to the Native Land: Specifics of the Regional Development of the Police Bodies in the Russian Empire (on the Materials of the Jubilee International Scientific Conference held at St Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs) / N. Nizhnik // *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*. – 2019. – Vol. 3, No. 1. – Pp. 495-522.

2. Deviant behavior: Social and philosophical understanding. – Chelyabinsk: Chelyabinsk Institute for the Development of Professional Education, 2023. – 108 p.

3. Demidova, I.A. Modern society as an environment and determinant of the development of legal culture (experience of theoretical and legal analysis) / I.A. Demidova // *Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. – 2023. – No. 2(98). – Pp. 26-35.

4. Kovalev, S.A. Deformation of legal consciousness as a factor in unlawful behavior of an individual / S.A. Kovalev // *History of the state and law*. – 2009. – No. 13. – Pp. 35-38.

5. Kordobovskaya, K.E. On the determinants of deaxiologization of legal consciousness in modern conditions / K.E. Kordobovskaya // *St. Petersburg meetings of young scientists: Proceedings of the 1st All-Russian Congress of adjuncts, graduate students and applicants for academic degrees*. St. Petersburg, June 15, 2023. – SPb.: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023. – Pp. 100-103.

6. Kordobovskaya, K.E. Legal infantilism (an experience of theoretical and legal analysis of a socio-legal phenomenon) / K. E. Kordobovskaya // *Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. – 2024. – No. 2 (102). – Pp. 55-68.

7. Kordobovskaya, K.E. Legal infantilism as a phenomenon of modern legal reality / K.E. Kordobovskaya // *XI Baltic Legal Forum "Law and Order in the Third Millennium": Materials of the international scientific and practical conference, Kaliningrad, December 16, 2022* / Responsible. editor S.V. Veklenko. – Kaliningrad: Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023. – Pp. 86-87.

8. Kordobovskaya, K.E. Values of legal consciousness / K.E. Kordobovskaya // *Legal Culture in Modern Society: Collection of Scientific Articles, Mogilev, May 17, 2024*. – Mogilev: Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, 2024. – Pp. 60-65.

9. Marchenko, D.E. Legal Nihilism, Legal Idealism and Legal Infantilism as Forms of Deaxiological Legal Consciousness / D.E. Marchenko. - Samara: NTC, 2006. - 113 p.
10. Matuzov, N.I. Legal Nihilism and Legal Idealism as Two Sides of the "Same Coin" / N.I. Matuzov // News of Higher Educational Institutions. Jurisprudence. - 1994. - No. 2. Pp. 3-25.
11. Montesquieu, Ch. Selected Works / Ch. Montesquieu. – M.: Gospolitizdat, 1955. – 803 p.
12. Nizhnik, N.S. History of the Soviet Union in the Context of Scientific Analysis XIX International Scientific Conference "State and Law: Evolution, Current State, Development Prospects (for the 100th Anniversary of the Formation of the USSR)" (April 28-29, 2022, St. Petersburg) / N.S. Nizhnik, E.N. Kozinnikova, T.O. Chukaev // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2022. - No. 3 (95). - Pp. 226-240.
13. Nizhnik, N.S. Legal infantilism as a type of deformation of legal consciousness: attributive features and characteristics of manifestation / N.S. Nizhnik // Legal culture in modern society: Collection of scientific articles, Mogilev, May 17, 2024. – Mogilev: Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, 2024. – Pp. 113-122.
14. Nizhnik, N.S. Legal infantilism as a phenomenon of modern legal reality / N.S. Nizhnik // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – No. 3 (103). – Pp. 68-95.
15. Nizhnik, N.S. Theory of State and Law: a teaching visual aid / N.S. Nizhnik, O.V. Semenova, A.P. Stotsky / Ed. N. S. Nizhnik. – SPb .: Publishing house of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020. – 264 p.
16. Nizhnik, N.S. Legal science in Russia: features of the current state and development prospects / N.S. Nizhnik, M.V. Savelyeva // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2024. - No. 1 (101). - Pp. 34-50.
17. Sidorenko, N.S. Determinants of deviant behavior of minors: the importance of legal culture in the choice of an individual's model of legal behavior N.S. Sidorenko, N.S. Nizhnik // Society and Law. - 2022. - No. 4 (82). - Pp. 119-126.

ТДУ 351.74/76

ТЕНДЕНЦИИ РЕФОРМИРОВАНИЯ МВД РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

ТАМОЮЛҲОИ ИСЛОҲОТИ ВҚД ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН

TRENDS IN REFORMING THE MIA OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

ЛАТИФЗОДА К.А.

LATIFZODA Q.A.

Адъюнкт кафедры управления органами внутренних дел в особых условиях центра командно-штабных учений Академии управления МВД России, майор милиции
Адъюнкти кафедраи идоракунии мақомоти корҳои дохилӣ дар шароити махсуси Маркази таълимӣ-фармондеҳии ситодии Академияи идоракунии ВҚД Россия, майори милитсия
Associate Professor of the Department of Internal Affairs Management in special conditions of the Center for Command and Staff Exercises Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Major of militia

e-mail:
latifzoda.qurbonali@mail.ru

КИРЕЕВ М.П.

KIREEV M.P.

Профессор кафедры управления органами внутренних дел в особых условиях Центра командно-штабных учений, Академия управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации
Профессори кафедраи идоракунии мақомоти корҳои дохилӣ дар шароити махсуси Маркази таълимӣ-фармондеҳии ситодии Академияи идоракунии ВҚД Россия, доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор, Ҳуқуқшиноси шоистаи Федератсияи Россия
Professor of the Department of Internal Affairs Management in Special Conditions of the Center for Command and Staff Exercises Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

e-mail:
mihail.kireev.1950@mail.ru

Научная специальность: 12.00.11 – Судебная деятельность; прокурорская деятельность; правоохранительная деятельность и правозащитная деятельность (5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки).

Ихтисоси илмӣ: 12.00.11 – Фаъолияти судӣ; фаъолияти прокурорӣ; фаъолияти ҳимояи ҳуқуқ ва фаъолияти ҳифзи ҳуқуқ (5.1.2. Илмҳои ҳуқуқӣ-оммавӣ (ҳуқуқӣ-давлатӣ)).

Scientific specialty: 12.00.11 – Judicial activity; prosecutorial activity; law enforcement activity and human rights activities (5.1.2. Public law (state-legal) sciences).

Рецензент: ИВАНОВ П.И. - главный научный сотрудник отделения по изучению проблем психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности отдела по исследованию проблем отраслевого управления научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации.

Тақриздиханда: ИВАНОВ П.И. - сарходими илмии шуъбаҷаи омӯзиши масъалаҳои таъминоти психологии фаъолияти оперативӣ-хизмати шуъбаи омӯзиши масъалаҳои

идоракунии соҳавии Маркази илмӣ-тадқиқотии Академияи идоракунии ВҚД Россия, доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор, Ҳуқуқшиноси шоистаи Федератсияи Россия.

Reviewer: IVANOV P.I. - Chief Researcher of the Department for the Study of Problems of Psychological Support of Operational Service Activities of the Department for the Study of Problems of Industry Management of the Research Center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

Аннотация: В статье авторами проанализированы тенденции, свойственные специализации МВД Республики Таджикистан в противодействии экстремизму, с учетом накопленного опыта, позиций ученых, общественности и религиозных деятелей. Выделяя позитивные и негативные тенденции, значимые для противодействия экстремизму таджикской милиции, определены достоинства и недостатки процесса реформирования, а также предложены отдельные способы их оптимизации.

Ключевые слова: милиция, реформирование, органы внутренних дел, противодействие, экстремизм, тенденции, законодательство, права человека, законность.

Аннотасия: Дар мақола муаллифон бо назардошти таҷрибаи андухта, мавқеъҳои олимон, аҳли ҷомеа ва дин тамоюлҳои ихтисосҳои хосси ВҚД Ҷумҳурии Тоҷикистонро дар мубориза бо экстремизм мавриди таҳлил қарор додааст. Афзалиятҳо ва нуқсонҳои раванди ислохотро муайян намуда, тамоюлҳои мусбат ва манфири, ки барои милитсияи тоҷик дар муқовимат ба экстремизм муҳимманд, таъкид намуда, роҳҳои алоҳидаи баланд бардоштани онҳоро пешниҳод намудаанд.

Важзаҳои калидӣ: милитсия, ислохот, мақомоти қорҳои дохилӣ, муқовимат, экстремизм, тамоюл, қонунгузорӣ, ҳуқуқи инсон, қонуният.

Annotation: In the article, the authors analyze the trends inherent in the specialization of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan in countering extremism, taking into account the accumulated experience, positions of scientists, the public and religious figures. Highlighting the positive and negative trends that are significant for countering extremism by the Tajik police, the advantages and disadvantages of the reform process are determined, and individual ways of their optimization are proposed.

Key words: militia, reform, internal affairs agencies, counteraction, extremism, trends, legislation, human rights, legality.

Стратегическое целеполагание, свойственное развитию современного Таджикистана, проявляется в тенденциях стремления к стабильному обществу посредством планомерного совершенствования контексте реформирования милиции.

С обретением суверенности Таджикистаном, после отказа от «коммунистического будущего», исходя из экстремистской непредсказуемости в обществе, правительством республики, правоприменителями, научным сообществом ведется поиск оптимально-эффективной модели системы МВД Республики Таджикистан. Воздействие политических, социальных, экономических, культурных трансформаций, повышение экстремистских рисков, отражается и на

тенденциях алгоритма реформирования милиции Таджикистана.

Понятие «тенденция» (от англ. tendency – «направленность»), в научном дискурсе не уточнено. Тем не менее, термин в современных общественных науках актуализирован изучением ценностных аспектов общества, в целях выделения позитивных направлений.

В настоящее время, юристами термин «тенденция» рассматривается как «изменение, определяющее вектор, стремление к совершенствованию» [22]. Сегодня изучение тенденций реформирования милиции в целях достижения высокой степени удовлетворенности таджикского населения действиями сотрудников ОВД в противодействии экстремизму, является предметом обсуждения

широкой научной общественности республики. Значительный вклад в мониторинг глобальных общественных тенденций, ориентированных в будущее, вносит Лидер нации, Президент страны уважаемый Эмомали Рахмон. Стремление соответствовать МВД Республики Таджикистан международным стандартам в области противодействия экстремизму, находят отражение в его ежегодных посланиях к Маджлиси Оли (Парламенту). В частности, им отмечается, что «эффективность решения миссии ОВД - формирование и поддержание режима правопорядка, борьба с преступностью в стране, зависит от грамотного, упорядоченного функционирования организационно-управленческих структур» [15]. Еще в 2012 г., Президент страны, уважаемый Эмомали Рахмон, Посланием к Маджлиси Оли, сформулировал как доминирующую тенденцию общества - разработку стратегии реформы милиции в Таджикистане. В рамках реформы определены основные направления, цели и задачи государства по совершенствованию деятельности милиции в сфере противодействия экстремизму в стране [16]. И до настоящего времени вопрос о реформировании МВД в Таджикистане не снят с повестки дня и актуален более 10 лет.

В системе МВД Республики Таджикистан нами выделены *традиционные и специфические* тенденции.

К *традиционным тенденциям* относятся на наш взгляд деятельность сотрудников милиции, ориентированная на интересы, безопасность людей, ценности демократических принципов, указанных ст. 3 (направления деятельности), ст. 4 (принципы деятельности) Закона Республики Таджикистан «О милиции» [2]. Как статутный закон он устанавливает такие тенденции, как:

- обеспечение безопасной социальной среды, правопорядка, противодействие разнохарактерной преступности;
- соблюдение правовых норм;
- защита общественных и государственных интересов, общественного порядка и безопасности страны;
- утверждение ценности и уважения личности с учетом специфики таджикского

общества и правосознания, менталитета на совершенствование законодательства страны и правоприменительной практики.

Специфические тенденции отражают контекст поддержания миропорядка, противодействие и борьбу с преступностью, в том числе, экстремистской направленности; реализацию, в связи с этим, принципов взаимодействия правоохранителей с институтами гражданского общества, религиозными структурами, в целях противодействия религиозно-экстремистским проявлениям.

Тенденции реформирования милиции обуславливаются характером проявления экстремизма, его мимикрией, отличающихся использованием современных технологий. В свою очередь, приоритеты системы МВД Республики Таджикистан всегда имели место в повестке прав человека, обеспечения верховенства закона и правопорядка в деятельности сотрудников милиции. Тенденции по совершенствованию милиции Таджикистана нашли отражение в стратегиях, концепциях, программах государственных правоохранительных органов [7]. В основу принятых Стратегий реформы милиции, Программ ее совершенствования, заложена главная целеполагающая тенденция XXI в. - укрепление международного имиджа Таджикистана посредством совершенствования исполнительно-распорядительной деятельности системы МВД Республики Таджикистан, с применением эффективных и современных технологий. Президент республики, уважаемый Эмомали Рахмон призывает «обеспечить тот вектор обновления института, который бы соответствовал общим направлениям модернизации таджикского общества в XXI веке, в контексте юридической компетенции, политического диапазона, психологической устойчивости, умения работать с людьми в социальной среде, с учетом реальных традиций, национально-религиозных особенностей» [14]. То есть, организация службы милиции Таджикистана, Основателем мира и согласия, уважаемым Эмомали Рахмоном направлена на оптимизационные тенденции человеческой деятельности, общественных взаимодействий, ориентированных на удовлетворение потребностей общества.

Здесь особо необходимо подчеркнуть, что на протяжении всей своей истории, как советской (до 9.09.1991 г.), так и постсоветской, таджикской милицией предпринимались неоднократные правовые и организационные алгоритмы по своему совершенствованию. Особенно это отразилось на новейшей истории таджикского суверенного государства (с 1991 г.), когда сотрудники милиции сыграли важную роль в восстановлении и укреплении конституционного строя, мира и согласия в республике [18, с. 10; 20, с. 27].

Напомним, что в первые годы независимости республики, по окончании гражданской войны (1992-1997 гг.), требовалось реформирование структуры таджикской милиции. Исследование, проведенное еще в 2005 г. показало, что в то время сотрудниками милиции зафиксировано 77% случаев насилия и пыток [13, с. 12]. «Коррупция, преступная деятельность, плохо оснащенный персонал, не способный осуществлять свои служебные обязанности, не позволял правоохранительным органам выполнять поставленные перед ними задачи», отмечал Президент республики, уважаемый Эмомали Рахмон в своем выступлении по случаю Дня милиции [14].

Конечно, учитывая названные объективные обстоятельства привнесли в большей степени тенденции дестабилизирующего характера. В этой связи, данный период можно охарактеризовать как период становления таджикской милиции в условиях формирования суверенного государства Таджикистана. Риски, с которыми столкнулось таджикское общество в этот период, сопровождались «последствиями действий людей, находящихся без контроля самих же людей».

К *негативным* тенденциям данного периода возможно отнести последствия гражданской войны, где проявилась репрессивная роль милиции, которая сказалась во «враждебном» отношении к ней жителей Таджикистана. Кроме того, суверенность Таджикистана проявилась в сочетании с нивелированием отрицательных социально-экономических последствий войны для населения, с ослаблением совершенствования института МВД Республики Таджикистан. Сохранившаяся советская организационная структура, система управления силами и средствами

милиции адаптировались к изменениям в стране. Слабо проводилась работа по выявлению, документированию активных участников и организаторов беспорядков, изъятию оружия, поступающего в республику из Афганистана, Ирана, Пакистана и др. стран. Практически не уделялось должного внимания организации оперативно-служебной деятельности, кадровой работе местных ОВД Республики Таджикистан, профессиональной подготовке сотрудников милиции. Это вылилось в отсутствие доверия общественности к милиции. Кроме того, дефицит финансовых средств, отсутствие нормативной правовой базы не способствовали должному функционированию системы МВД Республики Таджикистан. И все же, в годы войны, послевоенное время, наряду с трудностями социально-политической жизни, таджикской милицией разрешались проблемы борьбы с преступностью, обеспечивались общественная безопасность, порядок, защита государственного строя республики и ее интересов. Помимо этого, преодолевая массовые беспорядки, «паралич государственной власти», органы внутренних дел Республики Таджикистан (далее – ОВД РТ) обеспечили стабильность политических мероприятий при всеобщем народном волеизъявлении - принятии Конституции Республики (6 ноября 1994 г.) [1].

Как главный идеологический и юридический документ общества и государства, Конституция провозглашает признанные моральные и духовные ценности, которые лежат в основе последующих принятых законах и других нормативных правовых актах. Конституция Республики Таджикистан, обозначив базовые институты, определила ключевые тенденции, обеспечивающие повседневную жизнь людей.

К *позитивным* тенденциям того времени с уверенностью можно отнести принятие нового после приобретения независимости Закона Республики Таджикистан «О милиции» (1992 г.), указов Президента, Госпрограмм о борьбе с преступностью, обеспечению безопасности, правопорядка и др.

Своевременное реагирование на непредсказуемые криминальные события, отразились на тенденциях оптимизации

организационной структуры МВД Республики Таджикистан. Были созданы Управления по борьбе с организованной преступностью (УБОП (1995 г.), в т.ч. и регионального уровня (РУБОП), Управление государственной службы «Охрана» (УГСО) (1993 г.), Управление уголовного розыска (УУР) и др. В 2001 г., МВД Республики Таджикистан, совместно с Генпрокуратурой страны, был создан Штаб по раскрытию террористических актов, совершенных с 1994 по 2001 г. в г. Душанбе.

Особой тенденцией, связанной с обретением независимости можно выделить внешнеполитические процессы в формате «открытых дверей». Данные тенденции способствовали обеспечению Таджикистана достойного уровня стратегических интересов, стабильности, безопасности, сотрудничества с мировым сообществом. Республика Таджикистан стала полноправным членом ООН (1992 г.). В рамках взаимодействия МВД Республики Таджикистан со странами СНГ в 90-е годы, было подписано более 20 многосторонних, межведомственных соглашений в сфере борьбы с преступностью, в т.ч. и с экстремизмом.

Таким образом, с учетом закономерно вытекающих тенденций развития страны, милицией Таджикистана, посредством выбранного курса правительства, последовательного принятия законодательства Республики Таджикистан, формирования организационной структуры МВД Республики Таджикистан, был заложен фундамент суверенного Таджикистана, ориентированного на укрепление политической стабильности общества, национальную безопасность, демократизацию государства, обеспечение верховенства закона.

Закономерные тенденции развития Таджикистана обусловили проведение реформ системы МВД, требующих продуманного подхода с опорой на сотрудников ОВД страны, обеспечивающих преобразование милиции. В этой связи, процесс реформирования системы МВД Республики Таджикистан можно условно разделить на три этапа, характеризуя тенденции, значимые для противодействия экстремизму, как негативного, так и позитивного характера.

Первый этап – тенденциозность противодействия экстремизму и терроризму. Временные рамки нами обозначены с 2000 г. по 2013 г. Истоками данного этапа послужили беспрецедентный расстрел террористической группой 4-х сотрудников миссии ООН в Таджикистане (20 июля 1998 г.) и официально действовавшая религиозная организация, преобразовавшаяся в Партию исламского возрождения, со статусом легитимной оппозиционной партии (далее - ПИВТ) [19].

Изначально, при отсутствии «духовной альтернативы», ПИВТ, оказывая содействие религиозному «возрождению» в обществе, вносила экстремистские тенденции в молодежной среде при поддержке экстремистско-террористических организаций зарубежных стран [10]. В этой связи, началась работа по комплексному реформированию организационных, управленческих структур всех уровней, ориентированных на противодействие терроризму, радикальному исламу.

Требовалось обеспечение внутренней безопасности, укрепление силового потенциала МВД Республики Таджикистан, соблюдения прав человека в стране. На данном этапе установлены тенденции уязвимости, к которым возможно приравнять отсутствие профессиональной подготовки сотрудников милиции; устаревшая организационная структура; неправомерные действия милиции; коррупция и т.д. По этому поводу, Лидером нации, уважаемым Эмомали Рахмоном было отмечено, что «такие проблемы не позволяют правоохранительным органам выполнять поставленные перед ними задачи» [14].

Формирование позитивных тенденций привели к созданию Ассоциации молодых юристов им. Н. Хувайдуллаева. Она содействовала созданию Таджикского отделения Института «Открытое общество», разрабатывающего проект «Законодательная реформа по борьбе с преступностью, как условие стабилизации общественно-политического положения в Республике Таджикистан» [21, с. 17]. Данный этап характеризуется позитивной тенденцией - формированием антиэкстремистского законодательства Республики Таджикистан. Закону «О борьбе

с экстремизмом» (2003 г.), предшествовал закон «О борьбе с терроризмом» (1999 г.) [12]. Уже к началу XX в. в стране установлен жесткий фактический контроль за свободой совести и вероисповедания. В 1999 г. в Конституцию страны внесено положение о порядке регистрации и деятельности религиозных политических партий. В 2009 г. законом «О свободе совести и религиозных объединениях» закреплена подконтрольность религии государству. А позднее (2016 г.), в соответствии со ст. 8 Конституции Таджикистана, запрещено создание и деятельность партий религиозной направленности [23, с. 33]. То есть, законодательство Республики Таджикистан, относительно противодействия экстремизму, уже отличалось жесткостью к любым проявлениям исламского радикализма.

Таким образом, первый шаг реформирования заложил основы демократических преобразований милиции, ориентацию на уважение прав человека, гуманизацию форм и методов деятельности сотрудников ОВД Республики Таджикистан с минимизацией репрессивной составляющей, во взаимодействии с обществом.

Данный этап характеризуется такими позитивными тенденциями, как непрерывное развитие по сохранению суверенного государственного и общественного строя; готовность к преобразованию жизненных правил в соответствии с потребностями общества; преодоление гендерных стереотипов в милиции; осуждение негативных тенденций, входящих в повседневную жизнь традиций.

К негативным тенденциям, по нашему мнению, возможно отнести рост экстремистской преступности; рост социального неравенства, сопровождающийся коррупционными тенденциями во всех областях общественной жизни.

Таким образом, первый этап, даже в предвоенное и военное время, заложил организационно-правовые основы МВД Республики Таджикистан, соответствующих суверенному государству. В основу деятельности ОВД закладывалась партнерская модель организации деятельности милиции с обществом по противодействию экстремизму.

Второй этап - стратегически-действенный. Данный этап реформирования таджикской милиции сопряжен с принятием Стратегии реформы милиции, программы развития милиции и плана действий на 2013-2020 годы [7]. Этот период связан с активизацией целеполагания на ценностные принципы, профессиональные аспекты милиции, реальные перемены. Целеполагающими приоритетами стали совершенствование организационной структуры МВД Республики Таджикистан, правовой базы, активизация взаимодействия с общественностью, профилактика нарушений прав и свобод граждан. Особо отмечается о «формировании в общественном сознании нового имиджа сотрудника милиции, свободного от коррупции, активно сотрудничающего с населением страны» [7].

На данном этапе укрепляется и материальная база МВД Республики Таджикистан: построено 203 зданий ОВД, оснащенные камерами наружного наблюдения; отремонтировано 339 объектов МВД Республики Таджикистан, в т.ч. 200 опорных пунктов милиции.

Учитывая реальную угрозу идеологического влияния сети «Интернет», в Таджикистане созданы два спецподразделения по противодействию экстремизму в интернете. Специалисты по борьбе с киберпреступностью проходят подготовку в России и Китае. Основная задача созданных подразделений - выявление лиц, электронной почты и социальных сетей, разделяющих идеи экстремизма, выражающих намерения сотрудничества с экстремистскими организациями.

Особое внимание отводится подготовке руководящих кадров ОВД Академией МВД Республики Таджикистан с 2001 г. [9]. В структуре факультета № 1 функционируют высшие академические курсы (ВАК), где повышают квалификацию руководители различных уровней. С 2014 г. функционирует отдел адъюнктуры, целью которого является укрепление научной и образовательной базы Академии в области высшего образования и науки в республике и за рубежом.

Таким образом, данный этап характеризуется *позитивными тенденциями*, главная из которых - стремление к

совершенствованию и корректировке правовой антиэкстремистской базы, организационных структур, противодействующих экстремизму, внедрение и использование информационных технологий. Сделаны шаги по взаимодействию с общественностью, посредством создания 35 общественных советов для обеспечения правопорядка; действуют телефоны доверия начальников УМВД Республики Таджикистан; созданы официальный сайт МВД Республики Таджикистан, еженедельное правовое, политическое и социальное издание «Закон и общество».

Учитывая мудрую политику Лидера нации, Президента Республики Таджикистан, уважаемого Эмомали Рахмона, в милиции утвержден соответствующий времени девиз: «Милиция – это народ, а народ – это милиция».

Наряду с этим, формальный подход к разрешению ключевых «чисто таджикских милицейских проблем», другие негативные тенденции отражаются зачастую в коррупции, низком уровне прозрачности и подотчетности работы милиции. Анализ сложившейся ситуации свидетельствует о сохраняющихся тенденциях нарастания экстремистской угрозы. Так, с 2013 г. до 2020 г. число преступлений экстремистской направленности возросло в 10,4 раза (с 74 до 773 преступлений). Особо следует отметить о тенденции увеличения роста создания и деятельности экстремистских сообществ и организаций. Число таких преступлений с 2013 г. возросло к 2020 г. в 21,2 раза [17].

Третий этап - реальный, с 2021 г. по настоящее время. Данный этап характеризуется принятыми Стратегией противодействия экстремизму и терроризму в стране и Планом по ее реализации на 2021-2025 гг. [6], Концепции правовой политики Республики Таджикистан на 2018-2028 годы [4], Государственной программы противодействия преступности в Республике Таджикистан на 2021-2030 годы [5], новым законом Республики Таджикистан «О противодействии экстремизму» [3], Программой и Планом реформы милиции на 2021-2025 годы

[8] и ряда других значимых нормативных правовых актов.

Данный этап характеризуется ориентацией не только на обеспечение всеобщего уважения прав человека и верховенства права в качестве фундаментальной основы для борьбы с экстремизмом, но и осуществлением цифровой трансформации в сегменте управления МВД Республики Таджикистан, безопасности государства и общества. Особое внимание уделено на принятие комплекса мер по цифровой трансформации системы МВД Республики Таджикистан, направленных на технологическую оснащенность, подготовку кадров, готовности к эффективному управлению и организации оперативно-служебной деятельности сотрудников, в соответствии с требованиями современного информационного общества.

Нынешняя стратегия, пролонгированная истекшей, основана на всестороннем понимании коренных причин и сложных последствий экстремизма для государства и общества в целом. Она отличается согласованной деятельностью правительства, всего общества и мобилизацией правоохранительных структур страны, направленной на обеспечение исполнения законов, правопорядка, интегрированные эффективными профилактическими мерами.

Согласуясь и дополняя друг друга, третий этап, по нашему мнению, характеризуется активным развитием, внедрением прогрессивных законов, форм, методов работы ОВД страны. Сейчас главными приоритетами правительства Таджикистана стали противодействие насильственному экстремизму, разработка подходов к обеспечению безопасности, в большей степени ориентированного на человека, гражданское общество. Учитывая возрастающие риски центрально-азиатского экстремизма, влияние афганско-«талибского» приграничья, в Таджикистане принимается законодательство по противодействию религиозному радикализму, экстремизму и терроризму.

На всех этапах, весь механизм становления и совершенствования правовых и организационных основ, начиная от правотворчества и заканчивая реализацией права, правительством республики акцентируется

внимание на основных приоритетах, к которым относятся прежде всего, целенаправленная и скоординированная государственная политика в сфере противодействия экстремизму, продолжение процесса модернизации системы МВД Республики Таджикистан.

Таким образом, по нашему глубокому убеждению, в системе МВД Республики Таджикистан создана весомая как правовая, так и организационная база. Более того, Таджикистан располагает основательным уровнем научно-исследовательской зрелости по противодействию экстремизму.

На основании вышеизложенного, поэтапное рассмотрение процесса реформирования милиции Таджикистана позволяет отметить не только позицию законодателя в различные временные отрезки, но и выделить общие стратегические тенденции, свойственные этим процессам.

Основными стратегическими тенденциями реформирования милиции, исходя из потребностей общества, на всех этапах, необходимо выделить следующие позиции:

1. Тенденции радикализации общества, общественной мысли, с одной стороны. С другой - стабильная приверженность государства к противодействию и искоренению международного терроризма и экстремизма.

2. Установка на новые демократические принципы. Это предполагает не отказ от классических принципов, установленных законодательством, в т.ч. и антиэкстремистским, а их и обогащение с учетом новых тенденций и

правоприменительной практики. Современное таджикское общество требует от МВД страны высокопрофессионального подхода к защите жизни, здоровья, прав и свобод граждан от разнохарактерных рисков, включая экстремизм.

3. Демократия страны отразила ключевую тенденцию - полномасштабное возрождение религиозных институтов. Легализована та религиозная жизнь, которая сложилась, с имеющимися радикализацией, вульгаризацией религиозных истин и толерантностью. И исламский подход к решению социально-политических вопросов игнорировать нельзя.

4. Тенденции реформирования милиции направлены на претворение в жизнь правовой политики и жизнеутверждение порядка в Таджикистане, в контексте реализации новых принципов верности Родине и народу республики, добросовестности, компетентности, профессионального соответствия статусу и функциям органов внутренних дел и др. [11].

В заключении отметим, что в Таджикистане, как и в любой стране, невозможно воспроизводить какие-либо системы других государств. В республике есть свои особенности, свои жизненные условия и правила жизни, другой комплекс задач. По нашему мнению, при наличии позитивных стартовых позиций на сегодняшний день, интеллектуальная, духовная часть общества, осознавая современные реалии, должна более активно включиться в процесс реформирования милиции страны.

Использованная литература

1. Конституция Республики Таджикистан от 6 ноября 1994 года (с изменениями и дополнениями по состоянию на 22.05.2016 г.) // [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://mfa.tj/ru/konstituciya/konstituciya-rt.html> (дата обращения 22.09.2023)
2. Закон Республики Таджикистан «О милиции» от 17 мая 2004 г., № 41 (в ред. от 17.12.2020, № 1736) // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2004 г., № 5, ст. 352.
3. Закон Республики Таджикистан «О противодействии экстремизму» от 02 января 2020 г., № 1655 // [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=135399 (дата обращения: 15.05.2024).
4. Концепция правовой политики Республики Таджикистан на 2018-2028 годы, утвержденная указом Президента Республики Таджикистан 6 февраля 2018 года, №1005 // [Электронный ресурс] - Режим доступа: http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoview.php?showdetail=&asosi_id=20685 (дата обращения: 25.05.2024).

5. Государственная программа противодействия преступности в Республике Таджикистан на 2021-2030 годы, утвержденная постановлением Правительства Республики Таджикистан 30 июня 2021 года, №265 // [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view> (дата обращения: 25.05.2024).
6. Стратегия противодействия экстремизму и терроризму в Республике Таджикистан на 2021-2025 годы, утвержденная Указом Президента Республики Таджикистан 1 июня 2021 года, № 187 // [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=139590 (дата обращения: 15.05.2024).
7. Стратегия реформы милиции на 2013-2020 годы, утвержденная указом Президента Республики Таджикистан 19 марта 2013 г. // [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx/show_doc.fwx?rgn=80229 (дата обращения: 25.05.2023).
8. Программа реформы милиции на 2021-2025 годы, утверждена постановлением Правительства Республики Таджикистан 01 июня 2021 г., № 211 // [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://mvd.tj/881-programma-reformy-milicii-na-2021-2025-gody.html> (дата обращения: 20.04.2024).
9. Постановление Правительства Республики Таджикистан «О преобразовании Высшей школы Министерства внутренних дел Республики Таджикистан в Академию Министерства внутренних дел Республики Таджикистан» от 30 декабря 2000 г., № 519.
10. Решение Верховного Суда Таджикистана «Об объявлении ПИВТ экстремистско-террористической организацией» от 29 сентября 2015 г. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://tj.sputniknews.ru/20150930/1016935817.html> (дата обращения: 3.06.2024 г.).
11. Кодекс профессиональной этики сотрудников милиции, утвержден Распоряжением МВД Республики Таджикистан от 17 февраля 2017 г., № 19 спр. «». // [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://mvd.tj/884-kodeks-professionalnoj-jetiki-sotrudnikov-milicii.html> (дата обращения: 25.04.2024 г.).
12. Закон Республики Таджикистан «О борьбе с терроризмом» от 16 ноября 1999 г. № 845 (утратил юридическую силу) // [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhovview.php?showdetail=&asosi_id=310 (дата обращения: 17.11.2023 г.).
13. Курбонзода, Б.Ш. Уголовная ответственность за организацию экстремистского сообщества в Республике Таджикистан: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Бехруз Шариф Курбонзода. – Душанбе, 2017. – 212 с.
14. Поздравительное послание Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона по случаю Дня милиции, 09 ноября, 2021 г. // [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://president.tj/event/speeches/24613> (дата обращения: 20.05.2024).
15. Послание Президента Республики Таджикистан уважаемого Эмомали Рахмона «Об основных направлениях внутренней и внешней политики республики», 28 декабря 2023 г. // [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://khover.tj/rus/2023/12/poslanie-prezidenta-respubliki-tadzhikistan-uvazhaemogo-emomali-rahmona-ob-osnovnyh-napravleniyah-vnutrennej-i-vneshnej-politiki-respubliki-2/> (дата обращения: 05.01.2024).
16. Послание Президента Таджикистана Эмомали Рахмона Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 20 апреля 2012 г. // [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://khover.tj/rus/2012/04/poslanie-prezidenta-respubliki-tadzhikistan-emomali-rahmona-madzhlisi-oli-respubliki-tadzhikistan/> (дата обращения: 03.05.2024).
17. Пресс-конференция Министра внутренних дел Республики Таджикистан. Рамазон Рахимзода. 24.07.2019 г. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://mvd.tj/index.php/ru/informatsiya/novosti-arkhiv/24654-nishasti-matbuot-dar-vkd-tari-i-selektor-barguzor-gardid-2> (дата посещения: 06.06.2024 г.).
18. Розикзода, А.Ш. История формирования и деятельности милиции в Таджикистане: монография / А.Ш. Розикзода. - Душанбе, 2004. – 174 с.
19. Центральный государственный архив Республики Таджикистан. – Ф. – Р. 297. – Оп. 40. – Д. 1050. – Л. 61.
20. Шарифзода, Ф.Р., Ульянов, А.Д. Организация деятельности органов внутренних дел по обеспечению национальной безопасности: монография / Ф.Р. Шарифзода, А.Д. Ульянов. – Душанбе: Эрграф, 2019. – 260 с.
21. Юридическая наука за годы независимости Республики Таджикистан (итоги научной деятельности коллектива юридического факультета за 1991-2001 гг.). – Душанбе: Матбуот, 2002. – 170 с.
22. Юридический словарь // [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://enc-dic.com/legal/Trend-19342.html> (дата обращения: 25.03.2024).

23. Юсуфзода, А.Х. Конституционно-правовые основы свободы совести и вероисповедания в Таджикистане / А.Х. Юсуфзода // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. – 2020. – № 1. – С. 31-39.

References

1. Constitution of the Republic of Tajikistan of November 6, 1994 (with amendments and additions as of May 22, 2016) // [Electronic resource] - Access mode: <http://mfa.tj/ru/konstituciya/konstituciya-rt.html> (accessed on September 22, 2023)
2. Law of the Republic of Tajikistan "On Police" of May 17, 2004, No. 41 (as amended on December 17, 2020, No. 1736) // Akhbori Majlisi Oli of the Republic of Tajikistan, 2004, No. 5, Art. 352.
3. Law of the Republic of Tajikistan "On Combating Extremism" dated January 2, 2020, No. 1655 // [Electronic resource] - Access mode: https://adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=135399 (date of access: 05/15/2024).
4. The Concept of Legal Policy of the Republic of Tajikistan for 2018-2028, approved by the Decree of the President of the Republic of Tajikistan dated February 6, 2018, No. 1005 // [Electronic resource] - Access mode: http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoview.php?showdetail=&asosi_id=20685 (date of access: 05/25/2024).
5. The State Program for Combating Crime in the Republic of Tajikistan for 2021-2030, approved by the Decree of the Government of the Republic of Tajikistan dated June 30, 2021, No. 265 // [Electronic resource] - Access mode: <http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view> (date of access: 05/25/2024).
6. The Strategy for Countering Extremism and Terrorism in the Republic of Tajikistan for 2021-2025, approved by the Decree of the President of the Republic of Tajikistan dated June 1, 2021, No. 187 // [Electronic resource] - Access mode: https://adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=139590 (date of access: 05/15/2024).
7. The strategy of police reform for 2013-2020, approved by the decree of the President of the Republic of Tajikistan on March 19, 2013 // [Electronic resource] - Access mode: https://base.spin-form.ru/show_doc.fwx/show_doc.fwx?rgn=80229 (date of access: 05/25/2023).
8. The program of police reform for 2021-2025, approved by the Resolution of the Government of the Republic of Tajikistan on June 01, 2021, No. 211 // [Electronic resource] - Access mode: <https://mvd.tj/881-programma-reformy-milicii-na-2021-2025-gody.html> (date of access: 04/20/2024).
9. Resolution of the Government of the Republic of Tajikistan «On the transformation of the Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan into the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan» dated December 30, 2000, No. 519.
10. Decision of the Supreme Court of Tajikistan «On declaring the IRPT an extremist-terrorist organization» dated September 29, 2015 // [Electronic resource] - Access mode: <https://tj.sputniknews.ru/20150930/1016935817.html> (date of access: 03.06.2024).
11. Code of Professional Ethics of Police Officers, approved by the Order of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan dated February 17, 2017, No. 19 // [Electronic resource] - Access mode: <https://mvd.tj/884-kodeks-professionalnoj-jetiki-sotrudnikov-milicii.html> (date of access: 04/25/2024).
12. Law of the Republic of Tajikistan «On Combating Terrorism» dated November 16, 1999 No. 845 (lost legal force) // [Electronic resource] - Access mode: http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoview.php?showdetail=&asosi_id=310 (date of access: 11/17/2023).
13. Kurbonzoda, B.Sh. Criminal liability for organizing an extremist community in the Republic of Tajikistan: dis. ... cand. jurid. sciences: 12.00.08 / Behruz Sharif Kurbonzoda. - Dushanbe, 2017. - 212 p.
14. Congratulatory message of the President of the Republic of Tajikistan Emomali Rahmon on the occasion of Police Day, November 9, 2021 // [Electronic resource] - Access mode: <https://president.tj/event/speeches/24613> (date accessed: 05/20/2024).
15. Message of the President of the Republic of Tajikistan, esteemed Emomali Rahmon "On the main directions of domestic and foreign policy of the republic", December 28, 2023 // [Electronic resource] - Access mode: <https://khovar.tj/rus/2023/12/poslanie-prezidenta-respubliki-tadzhikistan-uvazhaemogo-emomali-rahmona-ob-osnovnyh-napravleniyah-vnutrennej-i-vneshnej-politiki-respubliki-2/> (date of access: 05.01.2024).
16. Message of the President of Tajikistan Emomali Rahmon to the Majlisi Oli of the Republic of Tajikistan, April 20, 2012 // [Electronic resource] - Access mode: <https://khovar.tj/rus/2012/04/poslanie-prezidenta-respubliki-tadzhikistan-emomali-rahmona-madzhlisi-oli-respubliki-tadzhikistan/> (date of access: 03.05.2024).
17. Press conference of the Minister of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan. Ramazon Rahimzoda. July 24, 2019 // [Electronic resource] - Access mode: <https://mvd.tj/index.php/ru/informatsiya/novosti-arkhiv/24654-nishasti-matbuot-dar-vkd-tari-i-selektor-barguzor-gardid-2> (date of visit: June 6, 2024)

18. Rozikzoda, A.Sh. History of the formation and activities of the police in Tajikistan: monograph / A.Sh. - Dushanbe, 2004. - 174 p.
19. Central State Archives of the Republic of Tajikistan. - F. - R. 297. - Op. 40. – D. 1050. – L. 61.
20. Sharifzoda, F.R., Ulyanov, A.D. Organization of the activities of internal affairs agencies to ensure national security: monograph / F.R. Sharifzoda, A.D. Ulyanov. – Dushanbe: E r-graph, 2019. - 260 p.
21. Legal science during the years of independence of the Republic of Tajikistan (results of scientific activity of the staff of the Faculty of Law for 1991-2001). - Dushanbe: Matbuot, 2002. - 170 p.
22. Legal dictionary // [Electronic resource] - Access mode: <http://enc-dic.com/legal/Trend-19342.html> (date of access: 03/25/2024).
23. Yusufzoda, A.Kh. Constitutional and legal foundations of freedom of conscience and religion in Tajikistan / A.Kh. Yusufzoda // Actual problems of the state and society in the field of ensuring the rights and freedoms of man and citizen. - 2020. - No. 1. - Pp. 31-39.

ТДУ 340.114.5:347.963

**БАЛАНД БАРДОШТАНИ МАДАНИЯТ ВА ШУУРИ ХУҚУҚИИ КОРМАНДОНИ
МАҚМОТИ ПРОКУРАТУРАИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН ҲАМЧУН ОМИЛИ
ТАКМИЛИ ФАЪОЛИЯТИ ХУҚУҚТАТБИҚКУНИИ ОНҲО**

**ПОВЫШЕНИЕ КУЛЬТУРЫ И ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ СОТРУДНИКОВ
ПРОКУРАТУРЫ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН КАК ФАКТОР
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИХ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

**IMPROVING THE CULTURE AND LEGAL AWARENESS OF EMPLOYEES OF THE
PROSECUTOR'S OFFICE OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN AS A FACTOR IN
IMPROVING THEIR LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES**

НАБИЗОДА Н.М.
NABIZODA N.M.

*Прокурор ноҳияи Муъминободи вилояти Хатлони
Ҷумҳурии Тоҷикистон*

*Прокурор Муминабадского района Хатлонской области
Республики Таджикистан*

*Prosecutor of the Muminabad district of the Khatlon region of the
Republic of Tajikistan*

E-mail:
nabi.nabizoda1974@mail.ru

Ихтисоси илмӣ: 12.00.01 – Назария ва таърихи ҳуқуқ ва давлат; таърихи таълимот дар бораи ҳуқуқ ва давлат (5.1.1. Илмҳои ҳуқуқии назариявӣ-таърихӣ).

Научная специальность: 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве (5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки).

Scientific specialties: 12.00.01 – Theory and history of law and state; history of the doctrines of law and the state (5.1.1. Theoretical and historical legal sciences).

Тақриздиханда: ХАЙРУЛЛОЕВ Ф.С. – дотсенти кафедраи фанҳои давлатӣ-ҳуқуқии факултети № 2 Академияи ВҚД Ҷумҳурии Тоҷикистон, номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ.

Рецензент: ХАЙРУЛЛОЕВ Ф.С. – доцент кафедри давлати-ҳуқуқии факультети № 2 Академияи МВД Республики Таджикистан, кандидат юридических наук.

Reviewer: KHAIRULLOEV F.S. – Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of Faculty No. 2 of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan, Candidate of Legal Sciences

Аннотатсия: Дар мақола муаллиф мафҳумҳои “маданият ва шуури ҳуқуқӣ” мавриди таҳлил қарор гирифта, маҳз баланд бардоштани маданият ва шуури ҳуқуқии кормандони мақомоти прокуратураи Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳамчун омилҳои тақвияти фаъолияти ҳуқуқтаҷибқунии онҳо мавриди баррасӣ қарор гирифтааст.

Возаҳои калидӣ: ҳуқуқ, маданият, шуур, маърифат, фарҳанг, рафтор, нигилизм, мақомоти прокуратура, прокурор, мақомоти давлатӣ, пешгирии ҷиноят.

Аннотация: В статье автор анализирует понятия «культура и правовое сознание», а также рассматривает повышение культуры и правосознания сотрудников прокуратуры Республики Таджикистан в качестве основного фактора совершенствования их правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: право, культура, сознание, образование, культура, поведение, нигилизм, органы прокуратуры, прокурор, государственные органы, предотвращение преступления.

Annotation: In the article, the author analyzes the concepts of "culture and legal consciousness", and also considers the improvement of the culture and legal consciousness of employees of the prosecutor's office of the Republic of Tajikistan as the main factor in improving their law enforcement activities.

Key words: law, culture, consciousness, education, culture, behavior, nihilism, prosecutor's office, prosecutor, state bodies, crime prevention.

Таҳкими волоияти қонун, ташаккули ҷомеаи шаҳрвандӣ, сулҳу субот ва пойдорӣ Ваҳдати миллӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон маданияти баланди ҳуқуқиро талаб менамояд, ки бидуни он арзишҳо ва принципҳои асосии ҷомеа, ба монанди қонуният, дахлнопазирии шахс, ҳуқуқу озодии ӯ, таъмини манфиатҳои давлативу ҷамъиятӣ пурра татбиқ намегардад.

Дар Тоҷикистон сиёсати давлатӣ дар самти баланд бардоштани маърифати ҳуқуқӣ ва таълиму тарбияи ҳуқуқии шаҳрвандон дар асоси як қатор санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ ба амал бароварда мешаванд. Дар самти баланд бардоштани сатҳи маданият ва шуури ҳуқуқии кормандони мақомоти прокуратура бисёр ҷанбаҳои ташкили қор оид ба маданияти ҳуқуқӣ бо фармон ва дастурҳои Прокурори генералии Ҷумҳурии Тоҷикистон танзим карда мешаванд. Масалан, фармону дастурҳои Прокурори генералӣ ба прокурорҳои поёни дар самти баланд бардоштани сатҳи маданияти ҳуқуқии кормандон ба самарабахшии қоргузорӣ, риояи қоидаҳои меҳнат, ҳисси масъулият ва иҷрои уҳдадорӣҳои қасбӣ, одоби рафтору муносибати намунавӣ бо шаҳрвандонро таъмин менамояд.

Инчунин, барои ташаккули таҷрибаи фаъолияти прокурорҳои мактубҳои иттилоотӣ нақши муассир дорад. Дар баробари ин, заминаи ҳуқуқии танзимкунандаи фаъолияти мақомоти прокуратура дар самти маданияти ҳуқуқӣ тақмили қонуниро талаб менамояд. Аз ин рӯ, вазифаи мақомоти прокуратура оид ба тақмили маданияти ҳуқуқӣ бояд дар сатҳи қонунгузорӣ бо муқаррароти бевосита дар Қонуни конститусионии Ҷумҳурии Тоҷикистон “Дар бораи мақомоти

прокуратураи Ҷумҳурии Тоҷикистон” дарҷ карда шавад.

Ҳамчунин, принципҳои байналмилалӣ, ки барои иҷрои қормандони мақомоти ҳифзи ҳуқуқ меъёрҳои вазифавии рафторро муқаррар менамоянд, санадҳои зерин баромад мекунанд: Кодекси одоби шахсони мансабдор бо дарназардоши мусоидат ба тартиботи ҳуқуқӣ, ки аз ҷониби Ассамблеяи Генералии СММ қабул шудааст ва Иловаҳо ба он ва ғ.

Зарурати баланд бардоштани дараҷаи маданияти ҳуқуқии қормандони прокуратура муҳаққиқон «набудани қобилияти муносибат ба одамон дар асоси эҳтиром; сатҳи ноқифояи масъулияти шаҳрвандӣ ва худшиносӣ ва таҳассуси қасбӣ; дар байни намояндагони мақомоти ҳифзи ҳуқуқ мавҷуд будани шуури ҳуқуқии манфии нобоварӣ, шубҳа ба одоб ва покқивдони одамон, мавҷудияти таҳрифи ошқор ё ниҳони маъноӣ қонун, ки боиси ташаккули муносибати манфӣ нисбат ба ҳуқуқшиносон, қонун ва ва дигар санадҳои меъёрии ҳуқуқ дар ҷомеа мегардад» [12, с. 139] меҳисобанд. Албатта, ҳамаи ин ба масъалаи баланд бардоштани маданияти ҳуқуқии қорқонони мақомоти прокуратура дахл дошта, барои пешгирӣ қардани он бояд ба интиҳобу қобачогузори мутахассисон дар мақомоти прокуратура диққати қиддӣ дода шавад.

Бинобар ин, шартҳои муҳими таъини мутахассисон дар мақомоти прокуратура, ки заминаи асосии маданияти ҳуқуқӣ ва шуури ҳуқуқии онҳо низ мебошад, аттестетсияи қормандони мақомоти прокуратура мебошад.

Прокурор бо омӯзиши ҳамаҷониба мушқилотро дар соҳаи ҳуқуқтатбиқкунӣ

муайян ва сабабу шароити ба онҳо мусоидаткардари бартараф менамояд ва яке аз воситаҳои самарабахш маҳз маданият ва шуури ҳуқуқиву қонунӣ прокурорҳо мебошад.

Дар замони муосир аттестатсияи хизматчиёни давлатӣ, аз ҷумла, аттестатсияи қормандони мақомоти прокуратураи Ҷумҳурии Тоҷикистон бо қонунгузори муосир ҳамчун меъёри ҳатмӣ барои муайян кардани мувофиқат ба мансаби ишғолнамуда, таъмини болоравии касбӣ, ҳалли масъалаи ба ӯ додани рутбаи ибтидоии тахассусӣ (дараҷавӣ) ва ғайра муқаррар карда мешавад. Тибқи талаботи қисми 5 моддаи 54 Қонуни конституционии Ҷумҳурии Тоҷикистон “Дар бораи мақомоти Прокуратураи Ҷумҳурии Тоҷикистон”, қормандони мақомоти прокуратураи ҷумҳурӣ мутобик ба тартиби аз ҷониби Прокурори генералии Ҷумҳурии Тоҷикистон муайянкардашуда аз аттестатсия гузаронида мешаванд [1]. Ин тартибро Низомнома «Оид ба аттестатсиякунонии қормандони прокуратураи мақомоти Прокуратураи Ҷумҳурии Тоҷикистон» муайян мекунад [3, с. 149-157]. Тибқи санади мазкур, ҳадафи асосии аттестатсиякунонӣ – муайян намудани муносиб будани қорманди прокурорӣ ба мансаби ишғолнамудааш, лоиқ будани ӯ ба мансаби дигар ё мансаби баланди пешбариванда (ташкили захираи кадрҳои ба мансаб пешбариванда) ва дуруст амалӣ намудани қор бо кадрҳо мебошад.

Барои расидан ба ин ҳадаф бояд сатҳи қофӣ маданияти ҳуқуқӣ дар ҷомеа, мақомоти давлатӣ ва ниҳодҳои ҷомеаи шаҳрвандӣ боло бардошта шавад. Тақвияти сатҳи маданияти қормандони прокуратура ҳангоми иҷрои вазифаҳои хизмати бод шаффоф буда, пайваста дар доираи талаботи қонун қарор гирад. Маданияти ҳуқуқии онҳо бояд дар ҳифзи қатъии ҳуқуқ, озодиҳо ва манфиатҳои қонунии инсон ва шаҳрванд ифода ёбад.

Иҷрои ҳатмии қонунҳо ва риояи онҳо ҳамчун муҳимтарин хусусият ва сатҳи баланди маданияти ҳуқуқӣ ба

шумор меравад. Рафтори ҳуқуқии қормандони прокуратура бояд пеш аз ҳама ба принсипи асосии фаъолияти касбии онҳо – қонунӣ ба роҳ монда шавад. Тафаккури ҳуқуқии онҳо бояд тавре амал кунад, ки бо амали худ ба ҷомеа ва давлат манфиат расонида, ҳифзи манфиатҳои миллиро таъмин намояд. Аз ин рӯ, раванди маданияти ҳуқуқии қормандони мақомоти прокуратура ба фароҳам овардани сатҳи зарурии саводнокии ҳуқуқӣ ва қамолоти касбӣ ниғаронида шудааст. Бояд гуфт, ки маданияти баланди ҳуқуқии қормандони прокуратура ҳатман ба сатҳи маданияти ҳуқуқии ҳамаи аъзоёни ҷомеа мувофиқат кунад. Рафтори ҳуқуқии одамон бояд дарки онҳоро дар бораи аҳамияти ҳифзи қонунӣ ва тартибот ҳамчун шарт таркибии ташкили ҳаёти ҷомеа, ки имкон медиҳад, беҳатарӣ ва оромӣ таъмин гардад, инъикос намояд.

Дар баробари гуфтаҳои боло, бояд қайд кард, ки ҳар қорманди мақомоти прокуратура бояд ба рафтори худ баҳо дода, барои амалҳои ҳуқуқӣ масъул бошад. Дар раванди фаъолияти ҳуқуқатбиқкунӣ баланд бардоштани сатҳи маданият ва шуури ҳуқуқии қормандони мақомоти прокуратура бо роҳи омодагии касбӣ ва қадри онҳо низ амалӣ карда мешавад.

Ҷуноне ки О.Л. Чечко қайд менамояд, низоми омодагии қадри барои мақомоти прокуратура (омӯзиш дар муассисаҳои олиии таълимӣ, тақмили ихтисос, омодагии касбӣ) яке аз шартҳои қалидии самаранокии фаъолият мебошад [21, с. 10]. Е.В. Вартањян пешниҳод менамояд, ки диққати асосӣ бояд ба омодагии касбии ҳуқуқшиносон, ба хусус қормандони прокуратура ба рушди арзишҳои маънавий-ахлоқӣ ва шаҳрвандӣ-ватандӯстӣ равона карда шавад [6, с. 85].

Бо мавҷудияти сатҳи пасти маданияти ҳуқуқии шаҳрвандон ба иҷрои қонунҳо ва умуман беҳтар намудани вазъи қонунӣ муваффақ шудан имконнопазир аст. Вазъи имрӯзаи ҷомеаи мо, сатҳи маданияти ҳуқуқии аҳоли, тақмили қонунгузорӣ, амалияи ба ҳам муҳолифи қонунгузорӣ зарурати бетаъхир тақмил

додани шаклу усулҳои маърифати ҳуқуқии аҳолиро ба миён меорад.

Чуноне ки файласуфи машҳур И. Илин қайд менамояд, ки «Роҳи ягонаи ҳақиқии тамоми ислоҳот тадриҷан таҳкими шуури ҳуқуқӣ мебошад», зеро «такмил додани қонун маънои ихтироъ кардани қонунҳои нав нест, балки амиқтар ва аз рӯи адолат парваридани шуури ҳуқуқӣ мебошад» [9, с. 107].

Яке роҳҳои пурсамари фаъолияти ҳуқуқатбиқкунии мақомоти прокуратура дар баробари ташаккули маданият ва шуури ҳуқуқии худ, инчунин, инкишофи шуури ҳуқуқии ҷомеа мебошад. Вазифаи муҳим дар роҳи баланд бардоштани маданияти ҳуқуқӣ бартараф намудани нигилизми ҳуқуқӣ, пассивизми ҳуқуқӣ ва дигар шаклҳои деформатсияи шуури ҳуқуқӣ ва маданияти ҳуқуқӣ мебошад.

Кормандони прокуратура дар асоси нақша ва ҷорабиниҳои дахлдор бевосита дар тарбияи ҳуқуқии аҳоли саҳм гузошта, дар самти баланд бардоштани маърифати ҳуқуқии аҳоли корҳои зиёди амалӣ иҷро карда мешавад. Онҳо дар байни аҳоли баҳри ташвиқу тарғиби қонунгузории ҷорӣ, гузаронидани вохӯриву суҳбатҳо тавассути воситаҳои ахбори умум, баррасии натиҷаҳои санҷишҳои прокурорӣ ва тафтиши парвандаҳои ҷиноятии аҳамияти зиёди ҷамъиятидошта баромад мекунанд. Чунин фаъолияти ба самти гайриназоратии мақомоти прокуратура дохил шуда, бо роҳҳои гуногун амалӣ карда мешавад.

Бархе аз муҳаққиқон иштироки прокурорро дар таълиқи маданияти ҳуқуқӣ ва ҳамчун бахши таркибии фаъолияти пешгирикунани мақомоти прокуратура меҳисобанд [8].

Бо мақсади беҳтар намудани фаъолияти мақомоти прокуратура дар ташаккули маданияти ҳуқуқии ҷомеа, баланд бардоштани маърифати ҳуқуқии шаҳрвандон ба прокурорҳо зарур аст, ки кори тарбияи ҳуқуқӣ ва иттилооти ҳуқуқиро тавре ташкил кунанд, ки он ба ҳадафҳои баланд бардоштани сатҳи ҳуқуқии ҷомеа, сатҳи саводнокии ҳуқуқӣ ва ташаккули шуури ҳуқуқии шаҳрвандон, расонидани таъсири тарбия бо мақсади

пешгирии ҷиноятҳо – ҳуқуқвайронкунӣ ё рафтори зиддиҷамъиятӣ ҷавобгӯ бошад.

Қисмати муҳими маданияти ҳуқуқии корманди прокуратура унсурҳои соҳаи маънавӣ мебошад, ки барои зарурати доимии худтакмилдиҳӣ ва риояи принципҳои қонуният ва тартибот масъул аст. Муҳаққиқони маданияти ҳуқуқ дар механизми ҳифзи ҳуқуқ ба ҳамин масъала ишора намуда, дар ин замина, як бахши муҳими фаъолияти корманди мақомоти ҳифзи ҳуқуқро мубориза ба нигилизми ҳуқуқӣ меҳисобанд. Зеро ин падида ҳам дар байни худи прокурорҳо ва ҳам дар байни аҳоли мушоҳида мешавад. Аз ин рӯ, унсурҳои муҳими маданияти ҳуқуқии ҷомеа ташаккули ҳамкории мунтазам бо мардум мебошад. Тавассути фазои ҳуқуқӣ бо донишҷӯи қонунҳо ва дарки аҳамияти ҳамкории мутақобила, пеш аз ҳама, ҳимояи ҳуқуқи инсон, таъмини волоияти қонун, ҳифзи тартиботи ҳуқуқӣ барои таъмини рушд ва шуқуқии давлат ва ҷомеа бештар мусоидат менамояд [19, с. 271-275].

Вобаста ба ин, дар назди прокуратура боз як вазифаи муҳими давлатӣ – андешидани тадбирҳо оид ба рафъи нигилизми ҳуқуқӣ, баланд бардоштани маданияти ҳуқуқии аҳоли, ташаккул додани эҳтиром ба қонун аз ҷониби шаҳрвандон гузошта шудааст. Воситаҳои ҳалли ин масъала гузарондани ҷорабиниҳо оид ба тарбияи ҳуқуқии аҳоли, аз ҷумла, бо роҳи хондани лексияҳо, суҳбатҳо, баромад намудан дар воситаҳои ахбори омма оид ба фаҳмонда додани қонунгузории амалкунанда мебошад.

Яке аз иқдомҳои бузург дар ин самт, бо фармони Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон соли 2024 эълон гардидани “Соли маърифати ҳуқуқӣ” мебошад. Дар тақвияти соли мазкур ҳамаи мақомоти давлатӣ ва шаҳрвандон нақши калон доранд. Аз ҷумла, мақомоти прокуратура силсилаи ҷорабиниҳои назариявӣ, илмӣ ва амалӣ бахшида ба соли маърифати ҳуқуқӣ ба роҳ мондааст, ки ба ташаккули маданият ва шуури ҳуқуқии ҳам кормандони мақомоти прокуратура ва ҳам шаҳрвандон дар раванди фаъолияти

ҳуқуктатбиқкунӣ таъсири мусбӣ мерасонад.

Мақомоти прокуратура пеш аз ҳама нақша-чорабиниҳоро бахшида ба “Соли маърифати ҳуқуқӣ” тасдиқ намуда, дар асоси он вохуриҳоро бо аҳоли, ҳамчунин, бо мақомоти ҳокимияти давлатӣ дар шаҳру ноҳияҳо роҳандозӣ менамояд.

Дар баробари ин, мақомоти прокуратура бо ин мақсад ба яке аз самтҳои асосии фаъолияти худ – пешгирии ҷиноятҳо, муқовимат ба коррупсия, терроризм, экстремизм ва дигар ҳуқуқвайронкуниҳо якҷоя бо дигар мақомоти давлатӣ корҳои фаҳмондадҳиро анҷом медиҳад.

Ҳамчунин, дар раванди фаъолияти ҳуқуқэҷодкунӣ низ фаъолона иштирок намуда, ба тақмили тавзеҳи қонунҳо, таҳияи ҳулосаҳо ва таҳлили вазъи қонунгузорию кишвар мусоидат менамояд. Чунин корҳо дар соли 2024 дар доираи “Соли маърифати ҳуқуқӣ” вусъат бахшида шудаанд.

Дар раванди амалигардонии вазифаҳо бахшида ба соли маърифати ҳуқуқӣ, яке аз масъалаҳои муҳимми ҷомеа, яъне ниғилимзи ҳуқуқӣ коҳиш дода шуда, муносибату мавқеи омма ба ҳуқуқ ва қонун тағйир меёбад.

Ниғилизм таъсири манфӣ ба сатҳи маданияти ҳуқуқии хизматчиёни давлатӣ ва хатари қалон ба давлат дорад. Ҳамчунин, алоқаҳои коррупсионӣ, ҳамкорию ғайрирасмӣ байни роҳбарон ва кормандони идораҳо ва ба ҳамин монанд омилҳо ба сатҳи ҳуқуқтатбиқкунӣ дар ҷомеа низ таъсири манфӣ мерасонанд. Аз ин рӯ, барои пешгирии онҳо, таҳкими фаъолияти мақомоти ҳифзи ҳуқуқ, баҳусус мақомоти прокуратура зарур мебошад.

Шаклҳои фаъолияти мақомоти прокуратура дар ин самт дар баробари ташкили чорабиниҳои маърифатии ҳуқуқӣ, ҳамчунин, дар шакли лексияҳо, суҳбат бо шаҳрвандон, баромадҳо дар воситаҳои ахбори омма ва ғайра инъикос меёбад, ки имкон медиҳад дигар субъектҳо дар фаъолияти худ аз маводи иттилоотию фаҳмондадихӣ истифода баранд.

Мақомоти прокуратура ҳангоми пешбурди фаъолияти маърифатӣ бояд бо

ҷомеаи шаҳрвандӣ робитаи фаъол дошта бошад. Бо созмонҳои ҷамъиятӣ, аз ҷумла, муассисаҳои таълимиву фарҳангӣ ва варзишӣ вохӯриҳо гузаронанд, имкониятҳои мавҷудаи ташкилоти ҷамъиятӣ бо дарназардошти дараҷаи пешбинишудаи таъсири он ба ҷаҳонбинии ноболиғон чорабиниҳои тарбиявиро ташкил намояд. Воситаи самарабахши тарғиби қонун аз тарафи прокурорҳо истифода бурдани маводҳои иттилоотии аёнӣ ва воситаҳои техникӣ мебошад. Чунин таҷрибаро аллакай созмонҳои ҷамъиятӣ ҳангоми пешбурди фаъолияти худ доранд ва бо мусоидати онҳо ба баланд бардоштани маърифати ҳуқуқии шаҳрвандон таъсири бештар расонида мешавад.

И.Г. Борзенко ба ин назар аст, ки ҳангоми иҷрои вазифаҳои ташаккули маданият ва шуури ҳуқуқӣ прокурорҳо дар доираи салоҳияти худ бояд усулҳо ва шаклҳои дар амал санҷидашуда ва аз ҷиҳати илмӣ исботшудаи фаъолиятро, ки санадҳои ташкилию маъмурӣ иҷозат додаанд, истифода баранд. Дар раванди корҳои маърифатӣ прокурор бояд усулҳои мувофиқи интиқоли дониш ё ба ибораи дигар усулҳои таълимро истифода барад [5, с. 99].

Иштироки прокурорҳо дар чорабиниҳое, ки аз ҷониби мақомоти давлатӣ, мақомоти маҳаллии ҳокимияти давлатӣ, муассисаҳои илмию таълимӣ, иттиҳодияҳои ҷамъиятӣ ва дигар ташкилотҳо гузаронида мешаванд, ба тарбияи ҳуқуқии шаҳрвандон мусоидат менамояд. Мавзӯи чунин чорабиниҳо, чун қоида, фаҳмонидани тартиби татбиқи муқаррароти қонунгузорию нав, проблемаҳои амалияи татбиқи ҳуқуқ, таҳкими тартиботи ҳуқуқӣ дар минтақаҳо мебошад. Шакли асосии ин кор иштироки прокурорҳо дар конференсияву ҷамъомадҳои илмию амалӣ, конференсҳои интернетӣ ва матбуотӣ, семинарҳо, мизҳои мудаввар, муҳокимаҳои ҷамъиятӣ мебошад.

Зимнан дар марҳилаи кунунӣ сомонаҳои рӯзномаву маҷаллаҳо, муассисаҳои таълимӣ дар миёни аҳоли хеле маҳбубият доранд, ки аксари онҳо

расман ҳамчун ВАО сабти ном нашудаанд. Вактҳои охир шабакаҳои иҷтимоӣ (ВКонтакте, Одноклассник ва ғ.) бештар маъмул гаштанд, махсусан дар байни ҷавонон, ки дар он ҷо кори маърифати ҳуқуқӣ самараноктар аст, зеро ҷавонон нисбат ба ВАО анъанавӣ ба онҳо афзалияти бештар медиҳанд. Аз ин лиҳоз, бамаврид ба назар мерасад, ки дар шакли гузориши ҷорӣ тавзеҳот дар сомонаҳо ва (ё) саҳифаҳои иҷтимоии интернетӣ, ки дар давоми рӯз беш аз панҷсад ҳазор корбарони интернет ба онҳо дастрасӣ доранд, ба инбат гирифта шаванд [14, с. 19].

Ба андешаи М.В. Маматов, суҳанрониҳо дар ВАО ва шабакаи иттилоотии интернет имрӯз метавон ба таври ҳақиқӣ яке аз шаклҳои маданияти ҳуқуқшиносӣ номид. Ташаккули маданияти ҳуқуқӣ дар ВАО, ки дар доираи он як намуди махсуси фаъолиятро бо риояи қоидаҳои беназири жанри худ дарк мекунад [10, с. 6].

Баъзан мушкилоти набуди интернет ва дигар ВАО дар минтақаҳои дурдаст ба назар мерасад, ки ба қорҳои ташвиқотӣ таъсири манфӣ расонида, аҳоли аз рӯйдодҳо ва масоили муҳими атроф бехабар мемонанд. Бинобар ин, А.Ф. Галузин ба ин ақида аст, ки бо мақсади ташвиқоти ҳуқуқӣ прокурорҳо бояд дар воситаҳои ахбори оммавӣ баромад карда, дар интернет маводҳо ҷой диҳанд. Телевизион, радио ва интернет барои ба ҳар як шахс расонидани донишҳои ҳуқуқӣ имкониятҳои калон медиҳад. Ҳатто вақте, ки дар ягон ноҳия ё шаҳр шабакаи маҳаллии радио мавҷуд нест, прокурорҳо бояд роҳи ҳалро ёбанд ва бо шабакаҳои телевизионӣ ва радиои ноҳияҳои ҳамсоя, ки паҳши барномаҳои онҳоро имконпазир менамояд, дар ҳудуди ноҳияҳои назоратӣ барнома паҳш кунанд ва бо аҳоли ҳамкорӣ намоянд [7, с. 15-20].

Ҳамчунин қорҳои тарғиботию ташвиқотиро дар бораи аҳамияти Истиқлолияти давлатӣ, Ваҳдати миллӣ, дар бораи забон, муқовимат ба экстремизм ва терроризм, танзими ҷашну маросимҳо, қор бо ноболиғон ва ҷавонон, муруҷиати шахсонӣ воқеъӣ ва ҳуқуқӣ,

пешгирӣ ва мубориза ба муқобили ҷинояткорӣ, риояи қонунгузорӣ дар бораи замин, муҳофизати муҳити зист, риояи қонунгузорию андоз ва гумрук, вобаста ба риояи ҳуқуқҳои меҳнатӣ ва ғайраро роҳандозӣ намоянд.

Самараи баланди фаъолияти иттилоотонӣ ва маърифатӣ танҳо бо кори дуру дароз ва мунтазам ба даст оварда мешавад, яъне вақте, ки ба барномаи муқаррарӣ (рубрика, намоиш) шунавандагони доимӣ одат мекунанд [13, с. 165].

Баланд бардоштани маданият ва шуури ҳуқуқӣ омили муҳими самаранокии фаъолияти ҳуқуқатбиқкунӣ ба шумор меравад. Он ба донишдони ҳуқуқу озодиҳои инсон ва шаҳрванд ва роҳҳои ҳимояи онҳо, пешгирии ҳама гуна амалҳои ғайриқонунӣ ва мубориза алайҳи падидаҳои номатлуби замони муосир, аз ҷумла муҳочирати ғайриқонунӣ; низоъҳо, ҳуқуқвайронкунӣ ва қирдорҳои зиддиҷамъиятии ноболиғон; терроризм ва фаъолияти экстремистӣ, муомилоти ғайриқонунии воситаҳои нашъадор, моддаҳои психотропӣ ва прекурсорҳои онҳо; истифодаи шабакаҳои иттилоотӣ-коммуникатсионӣ, аз ҷумла интернет барои содир намудани қирдорҳои ғайриқонунӣ; коррупсия ва ғайра мусоидат мекунад.

Нақши асосии мақомоти давлатӣ, аз ҷумла мақомоти прокуратура дар он зоҳир мегардад, ки ташаккули маданияти ҳуқуқии ҷомеа, баланд бардоштани маърифати ҳуқуқии шаҳрвандон, ташаккули сатҳи риояи қонунро вусъат бахшанд. Барои дар шаҳрвандон тарбия намудани эҳтиром ба қонун ва рафъи ниғилизми ҳуқуқӣ аз имкониятҳои мавҷудаи мақомоти прокуратура оид ба рушди мунтазами маданияти ҳуқуқӣ ва маърифатнокии аҳоли ҳарчи бештар истифода бурдан зарур аст. Вазифаи маърифаткунонию прокурорҳо аз он иборат аст, ки он ба аҳоли меъёрҳои ҳуқуқӣ маданӣ, конституционӣ, оилавӣ, меҳнатӣ, замин, манзил, қонунгузорию маъмурию интиҳоботӣ; масъалаҳои танзими ҳуқуқӣ ҳангоми хизмати давлатӣ, соҳаи ҳифзи муҳити зист, ҳифзи ҳаёт ва

саломатии кӯдакон, риояи ҳуқуқҳои субъектҳои соҳибкорӣ ва ғайраро бояд фаро мегиранд.

Дар баробари ВАО ҳоло шакли паҳншудаи расонидани дилхоҳ иттилоот тавассути сомонаҳои мақомоти давлатӣ ва ҷамъиятӣ мебошад. Мақомоти прокуратура низ аз чунин сомонаҳои худ бархурдор буда, бахшҳои гуногун, аз ҷумла бахшҳои иттилоотӣ, санадҳои ҳуқуқӣ, китобхонаи электронӣ ва ғайраро фаро мегиранд. Дар сомонаҳои интернетии худ маълумоти зарурӣ ҷой медиҳанд. Зарур аст, ки чунин сомонаҳо бояд фаъл бошанд, зеро қорбарони онҳо бештар аз шунавандагону тамошбинони радиову телевизионҳо мебошанд. Дар сомонаҳо бояд маводи иттилоотӣ, видеоҳои иҷтимоӣ, маводи визуалӣ, шарҳу тафсири ҳуқуқӣ ҷой дода шавад.

Ба андешаи А.И. Петров прокурорҳо дар доираи қори худ оид ба маърифати ҳуқуқӣ бо шаҳрвандоне, ки шуури ҳуқуқии вайроншуда доранд, қор мекунанд. Дар ин ҷо бешубҳа танҳо ба шаҳрвандон додани дониши меъёрҳои ҳуқуқӣ қифоя нест, балки ба онҳо унсурҳои эҳсосӣ-арзишӣ ва рафтории шуури ҳуқуқиро фаро гирифтани зарур аст. Барои прокурорҳо ҷиҳати баланд бардоштани шуури ҳуқуқӣ мутахассисони соҳаи психология ва педагогика ҷалб намудани онҳо муфид мебошад [15, с. 105-113].

Албатта, барои ба даст овардани самараи дилхоҳ ҳангоми таъсиррасонӣ ба ҷузъи эмотсионалӣ, арзишӣ ва рафтории шуури ҳуқуқӣ аз усулҳои муайяни психология ва педагогика истифода бурдан лозим аст. Аз ҷумла, В.В. Стреляева қайд мекунад, ки тарбияи ҳуқуқӣ усулҳои фаълро истифода мешавад, ки самаранокии худро аллақай собит қарда, дар педагогика шудаанд: муколама, мувоҳида, моделсозӣ, бозҳои нақшофарӣ, усулҳои рефлексивӣ [18, с. 32]. Чуноне ки А.М. Столяренко қайд менамояд, моҳияти омодагии маънавӣ-равонӣ дар ташаккули сатҳи баланди маънавӣ ва эмотсионалӣ ва омода будани қормандон ба ҳалли масъалаҳои худ тибқи дастурҳои қатъии ахлоқӣ зоҳир мегардад [17, с. 48].

Вобаста ба ин, С.Н. Новиков иброз медед, ки дониши қасбии равшанӣ барои муайян қардани дурнамои қасбии хизматчиӣ давлатӣ, имқони барвақт мутобиқ шудан ба шароити нави меҳнат, ҳаёт, барои муайян ва ҳалли баъзе мушкилоте, ки дар қараёни иҷрои уҳдадорӣҳои меҳнатии қорманд ба миён меоянд, мусоидат мекунад [11, с. 64].

Аз ин рӯ, омодагии маънавӣ-равонии қормандони прокуратура яке аз усулҳои ташаккули маданият ва шуури ҳуқуқии онҳо дар раванди ҳуқуқатбиқкунӣ ба шумор меравад. Он ба фаълқардонӣ ва мустаққамқунии ҳисси масъулият вобастагӣ дошта, татбиқи он дар муносибат бо донишҳои равшанӣ ва педагогӣ амалӣ мешавад. Бинобар ин, барои қормандони прокуратура зарур аст, ки омодагии қасбии психологӣ қиранд ва бо онҳо қорабинӣҳои махсуси психологӣ-тарбиявӣ ба роқ монда шавад.

Роҳи дигар ташаккули маданияти ҳуқуқии қормандони мақомоти прокуратура ин риояи этиқаи қасбӣ мебошад. Дар фаъолияти мақомоти прокуратура принципҳои адолат, объективият, эҳсоси масъулиятшиносӣ, шафоқият, воқеият ва ғ. асосҳои муқими роҳбарикунанда буда, ба этиқаи қасбии онҳо мусоидат мекунад. Дар асоси принципҳои маққур меъёрҳои этиқаи қасбӣ, яъне тарзи муносибат ва муошират бо шаҳрвандон, қормандон ва қабули дархост ва ё суҳбати ру ба рӯ дуруст ба роқ монда мешавад.

Барои ин зарур аст, ки барои татбиқи қурсамари этиқаи қасбӣ ҳангоми фаъолияти ҳуқуқатбиққунии мақомоти прокуратура санади алоҳидаи ҳуқуқӣ дар асоси Кодекси одоби хизматчиёни давлатӣ [2] ҳамқунин Қоидаҳои одоби қормандони мақомоти прокуратура таҳия қарда шавад.

Ҳангоми ба нақша қирифтаи маъруза дар байни омма бо мақсади тарбияи ҳуқуқӣ, прокурорҳо бояд аз амалияи ҳуқуқатбиққунӣ мисолҳо оваранд, дар интиқоби фактҳои бозғимоду қонёқунанда иштиқоқ нақунанд. Мақз ҳамин усули интиқоли иттилооти дорони хусусияти ҳуқуқӣ бо қонун ва қобилияти

мақомоти ҳифзи ҳуқуқ барои ҳимояи ҳуқуқҳои онҳо эътимоди бештари шаҳрвандонро ба вучуд оварда, аз ин рӯ муносибати эҳтиромона ба қонун ва самаранкоии фаъолияти ҳуқуқтатбиқкуниро боло мебарад.

Барои роҳ надодан ба ин гуна амалҳо бояд таҷрибаи кори прокуратураи шӯравӣ ва фаъолияти тарғиботии қонунгузории шӯравиро омӯхт. Дар прокуратураҳои ҷумҳуриҳои иттифоқии ИҚШС, қормандони прокуратура, масъулони тарғиби қонунгузории шӯравӣ ва систематизатсия барои прокуратураҳои ноҳиявӣ ва шаҳрӣ тезисҳои лексионӣ таҳия мекарданд [16, с. 23].

Барои тақвияти фаъолияти ҳуқуқтатбиқкунӣ зарурати ба инобат гирифтани маърифати ҳуқуқии аҳоли, машварату норасоӣҳо дар соҳаи муайян ба миён меояд.

Бо андешаи М.С. Андрианов, унсури муҳими фаъолияти маданият ва шуури ҳуқуқӣ – ба қайд гирифтани ҳатмии пурсиши афкори аҳли ҷамъият ва андешаҳо оид ба мавзӯҳои ҳуқуқӣ мебошад. Афкори ҷамъиятӣ дар бораи қонун ва амалияи татбиқи он маҷмӯи мувоҳисаҳои арзишӣ мебошад, ки муносибати одамонро ба падидаҳои ҳаёти ҳуқуқӣ инъикос мекунад. Аз ин лиҳоз, афкори ҷамъиятиро метавон ҳолати мушаххаси шуури ҳуқуқии ҷамъиятиро, ки дар робита бо рӯйдодҳои актуалии воқеияти иҷтимоӣ ва ҳуқуқӣ ба вучуд меояд ва зухур мекунад, арзёбӣ кард. Мутобиқан, аҳамияти амалии таҳқиқоти афкори ҷамъиятиро нақши он дар низоми танзими ҳуқуқии муносибатҳои ҷамъиятӣ муайян мекунад [4, с. 33-39].

Муроғиати судӣ яке аз зинаҳои ҳуқуқтатбиқкунӣ ба ҳисоб рафта, прокурор ҳамчун субъекти фаъоли он мебошад. Дар рафти муроғиати судӣ тавзеҳоти қонунгузорӣ нақши муҳим мебозад. Прокурор дар баррасии парвандаҳо аз ҷониби судҳо дар ҳолатҳои пешбининамудаи қонунгузорӣ иштирок мекунад. Дар баробари ин, суҳанронӣ ва дигар амалҳои муроғиавии прокурор ҳангоми баррасии парвандаҳо аз ҷониби судҳо, шарҳ додани мазмуни ҳуқуқии

амалҳои иштирокчиёни дигари муроғиати судиро талаб мекунад, ки он низ сатҳи маданият ва шуури ҳуқуқии шаҳрвандони ҳузурдошта таъсир мерасонад.

А.Р. Халиулин дуруст қайд менамояд, ки минбари суд, албатта, бояд барои маърифати ҳуқуқӣ, пеш аз ҳама барои прокурорҳо истифода шавад. Ҳатто вақте, ки айбдоркунандаи давлатӣ дар маҷлиси пушида баромад мекунад, вақте, ки дар толори суд ба ғайр аз иштирокчиёни муроғиати ҷиноятӣ каси дигар набошад, вай бояд ҳамин вазифаро иҷро намояд. Баъд аз ҳама, он чизе, ки ӯ мегуяд, борҳо аз забони ҳозирон – ҷабридагон, намояндагони қонунӣ ва ғайра паҳн мешавад ва он чизе, ки айбдоркунандаи давлатӣ гуфт, ба ҳама маълум хоҳад буд [20, с. 61].

Аз рӯйи таҷрибаи дигар давлатҳо, қормандони прокуратура барои самараноктар гардонидани фаъолияти ҳуқуқтатбиқкунӣ бо роҳи баланд бардоштани сатҳи маданият ва шуури ҳуқуқии шаҳрвандон як қатор чорабиниҳои шавқоварро амалӣ менамоянд.

Масалан, дар Федератсияи Россия, баъзе прокурорҳои ноҳияҳои шаҳрӣ озмунҳои ҳуқуқӣ, бозҳои зехнӣ, викторинаҳо ташкил карда, ба ин қор ниҳодҳои давлатии ҷомеаи шаҳрвандӣ, мақомоти давлатӣ ва худидорақунии маҳаллӣ ҷалб мекунад.

Қорҳои иштирокчиёни озмун дар шакли таблиғи иҷтимоӣ дар стенд ва баннерҳо дар кӯчаҳои марказии шаҳру деҳот ҷойгир карда шудаанд [7, с. 15-20]. Аз рӯйи чунин таҷриба метавон баҳра гирифта, мақомоти прокуратура ва дигар мақомоти давлатиро зарур аст, ки барои ҳалли масъалаҳои ҳуқуқӣ дар ҷомеа аз чунин амалияҳо истифода кунанд.

Ҳамин тавр, баланд бардоштани сатҳи маданияти ҳуқуқии шаҳрвандон яке аз ҳадафҳои тарбияи ҳуқуқие мебошад, ки мақомоти прокуратура пеш мебарад. Қормандони мақомоти прокуратура бояд то ҳадди имкон барои дарки меъёрҳои ҳуқуқӣ, фаро гирифтани шаҳрвандон бо маълумоти ҳуқуқӣ маводҳоро дастрас

карда, маърузаҳои худро дар шакли оммафаҳм пешниҳод намоянд.

Аз рӯи таҳлили гузаронидашуда ба чунин натиҷа мерасем, ки маданият ва шуури ҳуқуқии кормандони мақомоти прокуратура бо ду роҳи асосӣ ба фаъолияти ҳуқуқатбиқкунӣ таъсир мерасонад:

1) бо роҳи худтакмилдихӣ, омӯзиши амиқи ҳуқуқ ва такмили ихтисос;
2) бо роҳи тарғибу ташвиқи маданияти ҳуқуқӣ ва баланд бардоштани шуури шаҳрвандон.

Такмили маданият ва шуури ҳуқуқии шаҳрвандон дар шакли умумӣ (таълими донишҳои ҳуқуқӣ, тарғиби қонун дар байни аҳоли) ва махсус (дар байни гуруҳи алоҳидаи одамон, масалан ноболиғон, хизматчиёни давлатӣ ва ҳарбӣ, маҳбусон ва ғайра).

Маданият ва шуури ҳуқуқии корманди прокуратура – ба намуди шуури ҳуқуқии касбӣ дохил шуда, дар раванди татбиқи фаъолияти он инкишоф меёбад. Бо таҳлили масъалаҳои назариявӣ, роҳҳо ва хусусиятҳои баланд бардоштани маданияти ҳуқуқии кормандони прокуратура метавон гуфт, ки он ҳамчун як бахши маданияти умумии ҳуқуқӣ амал карда, чузъи ҷудонашавандаи тамоми низоми ҳуқуқии ҷомеа мебошад.

Бинобар ин, маданияти ҳуқуқӣ ҳамчун унсури самарноки фаъолияти ҳуқуқатбиқкунӣ буда, дар ташаккули шахсияти корманди прокуратура нақши калон дорад. Он як чузъи муҳими баланд бардоштани маданияти ҳуқуқӣ ба ҳисоб рафта, дар оянда заминаҳои иҷроӣ қонунӣ ва самараноки вазифаҳои хизмати кормандони прокуратура мегарданд.

Баланд бардоштани маданияти ҳуқуқӣ раванди муҳим буда, ба раванди иҷтимоӣ дохил мешавад, яъне он бояд дар тамоми давраи хизмати корманди прокуратура ба амал бароварда шавад. Маданият ва шуури ҳуқуқии кормандони прокуратура чузъи таркибии фаъолияти назоратӣ ва ҳуқуқатбиқкунии онҳо ба шумор рафта, бо чунин нуктаҳо тақвият меёбад:

1. Ҳангоми ба амал баровардани фаъолияти ҳуқуқатбиқкунӣ маърифат ва

дониши кофӣ зарур аст, ки шахсони мансабдори мақомоти прокуратура санадҳои ҳуқуқатбиқкуниро таҳия ва қабул кунад.

2. Маданияти ҳуқуқӣ ва шуури ҳуқуқӣ ҳангоми ба роҳ мондани фаъолияти мақсаднок, дуруст ва қонунии ҳуқуқатбиқкунӣ мусоидат карда, имкон медиҳад, ки самаранокии фаъолияти ҳуқуқатбиқкунӣ баланд гардад.

3. Асоси ташаккули шуури ҳуқуқӣ ва маданияти ҳуқуқӣ маърифати ҳуқуқӣ мебошад. Зеро ҳама намудҳои маданияти ҳуқуқӣ ва шуури ҳуқуқӣ дар натиҷаи таълими ҳуқуқӣ ба даст меоянд. Маърифати ҳуқуқиро метавон ҳамчун воситаи баланд бардоштани самарабахшии фаъолияти ҳуқуқатбиқкунии мақомоти прокуратура махсуб донист.

4. Шуури маданияти ва ҳуқуқӣ ҳамчунин дар раванди ба даст овардани маълумот дар бораи вайронкунии қонун, дар раванди муносибат ва фикру мулоҳиза бо шаҳрвандон, ки дар навбати худ ба вазъи қонуну тартибот ҳам таъсир мерасонад, зарур мебошад.

5. Маданияти ҳуқуқӣ ва шуури ҳуқуқӣ бо ҳам алоқаманданд; сатҳи маданияти ҳуқуқиро шуури ҳуқуқӣ нишон дода, маданияти ҳуқуқӣ бошад сатҳи такмилёфтаи шуури ҳуқуқӣ мебошад.

6. Рафтори ҳуқуқии кормандони мақомоти прокуратура тавассути маданияти ҳуқуқӣ ва шуури ҳуқуқӣ муайян шуда, ба воситаи қонун расмӣ карда мешавад.

7. Ҳамагуна фаъолияти ҳуқуқии кормандони мақомоти прокуратура аз сатҳи шуури ҳуқуқии онҳо вобаста аст.

8. Рафтори ҳуқуқии кормандони прокуратура бояд пеш аз ҳама ба принципи асосии фаъолияти касбии онҳо – қонуният асос ёбад. Тафаккури ҳуқуқии онҳо бояд тавре амал кунад, ки бо амали худ ба ҷомеа ва давлат манфиат расонида, ҳифзи манфиатҳои миллиро таъмин намояд.

Аз ин рӯ, раванди маданияти ҳуқуқии кормандони мақомоти прокуратура ба фароҳам овардани сатҳи зарурии саводнокии ҳуқуқӣ ва камолоти касбӣ нигаронида шудааст.

Адабиёти истифодашуда

1. Қонуни конститусионии Ҷумҳурии Тоҷикистон “Дар бораи мақомоти Прокуратураи Ҷумҳурии Тоҷикистон” аз 25-уми июли с. 2005, № 107 // [Манбаи электронӣ] - Речаи воридшавӣ: <http://www.adlia.tj> (санаи мурочиат: 11.04.2023).
2. Кодекси одоби хизматчиҳои давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон, ба фармони Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 03-юми декабри с. 2015 № 591 қабул шудааст // [Манбаи электронӣ] - Речаи воридшавӣ: <http://www.adlia.tj/>. (санаи мурочиат: 25.05.2024).
3. Низомнома «Оид ба аттестатсиякунонии кормандони прокуратури мақомоти Прокуратураи Ҷумҳурии Тоҷикистон», ки ба фармони Прокурори генералии Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 15-уми март с. 2016, № 5-37 тасдиқ шудааст // Фармонҳои Прокурори генералии Ҷумҳурии Тоҷикистон ва дигар санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ оид ба фаъолияти мақомоти Прокуратураи Ҷумҳурии Тоҷикистон. – Душанбе: Ирфон, 2016. – 340 с.
4. Андрианов, М.С. Психологические аспекты правового просвещения и формирования правосознания граждан / Андрианов М.С. [и др.] // Организация работы органов прокуратуры по правовому просвещению. – М., 2009. – С. 33-39.
5. Борзенко, И.Г. Прокурорский надзор за исполнением законодательства в сфере охраны лесов от пожаров / И.Г. Борзенко // Организация и деятельность природоохранной прокуратуры: сборник материалов семинара по обмену опытом: [ред. коллегия: Н.Н. Карпов, Н.В. Коваль, И.В. Черепанова]. – М.: Академия Генеральной прокуратуры России, 2016. – 132 с.
6. Вартамян, Е.В. Правовая культура студентов-юристов: проблемы профессиональной социализации / Е.В. Вартамян // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение, философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2013. – Вып. 1 (113). – С. 85-88.
7. Галузин, А.Ф. Правовое просвещение в структуре функций надзора и юридического образования прокуратуры / А. Ф. Галузин // Вестник Самарского юридического института. – 2019. – № 2(33). – С. 15-20.
8. Деятельность органов прокуратуры по предупреждению преступлений / А.И. Алексеев, Л.Л. Куракин, Г.Д. Агамов [и др.]; под ред. Алексеева А.И. – М., 2004. – 510 с.
9. Ильин, И.А. Понятие права и силы (опыт методологического исследования) // Собрание сочинений. В 10 т. Т. 4. – М.: Русская книга, 1994. – 622 с.
10. Маматов, М.В. Деятельность прокуратуры по правовому просвещению в масс-медиа: монография / М.В. Маматов. – М.: Галлея принт, 2015. – 237 с.
11. Новиков, С.Н. Этика и психология управления. – М., 2006. – 84 с.
12. Огурцов, А.Е. Правовая культура сотрудников оперативно-поисковых подразделений органов внутренних дел Российской Федерации / А. Е. Огурцов // Закон и право. – 2019. – № 2. – С. 139-142.
13. Организация деятельности прокуратур городов, районов, приравненных к ним территориальных и специализированных прокуратур. Ч. 2 / [С.Н. Будаев и др.]; под общ. ред. Э.Б. Хатова. – М.: Университет прокуратуры Российской Федерации, 2019. – 186 с.
14. Организация работы прокуратуры города, района и приравненных к ним прокуратур по правовому просвещению и правовому информированию / М.М. Шакирьянов [и др.]. – Казань: Казанский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2018. – 76 с.
15. Петров, А.И. Формирование правового сознания посредством правового просвещения, проводимого органами прокуратуры / А.И. Петров // Вестник Российского университета кооперации. – 2013. – № 3(13). – С. 105-112.
16. Советская прокуратура: сборник важнейших документов / Предисловие А.М. Рекункова]. – М.: Юридическая литература, 1982. – 352 с.
17. Столяренко, А.М. Психология и педагогика / А.М. Столяренко. – М.: Юнита Дана, 2004. – 423 с.
18. Стреляева, В.В. Правовое воспитание в условиях становления правового государства: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. / Виктория Вадимовна Стреляева. – М., 2006. – 232 с.
19. Сухоруков, В.А. Правовая культура сотрудников органов внутренних дел / В.А. Сухоруков // Социально-политическое развитие России как комплексная проблема гуманитарного знания. Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции. – 2019. – С. 271–275.

20. Халиулин, А.Г. Использование материалов рассмотрения уголовных дел судами в правовом просвещении / А.Г. Халиулин // Проблемы правового просвещения и участие в нем органов прокуратуры: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (7-8 октября 2010 г.) (под ред. О.С. Капинус). – М.: Академия Генеральной прокуратуры России, 2011. С. – С. 60-69.

21. Чечко, О.Л. К вопросу о кадровой политике в органах прокуратуры Российской Федерации / О.Л. Чечко // Правовая инициатива. – 2014. – № 1. – С. 7-17.

References

1. Constitutional Law of the Republic of Tajikistan “On the Bodies of the Prosecutor's Office of the Republic of Tajikistan” dated July 25, 2005, No. 107 // [Electronic resource] - Access schedule: <http://www.adlia.tj> (access date: 11.04.2023).

2. Code of Ethics of a Civil Servant of the Republic of Tajikistan, adopted by the Decree of the President of the Republic of Tajikistan dated December 03, 2015 No. 591 // [Electronic resource] - Access schedule: <http://www.adlia.tj/>. (access date: 25.05.2024).

3. Regulations “On the Certification of Prosecutorial Staff of the Prosecutor's Office of the Republic of Tajikistan”, approved by the order of the Prosecutor General of the Republic of Tajikistan dated March 15, 2016, No. 5-37 // Orders of the Prosecutor General of the Republic of Tajikistan and other regulatory legal acts on the activities of the Prosecutor's Office of the Republic of Tajikistan. – Dushanbe: Irfon, 2016. – 340 p.

4. Andrianov, M.S. Psychological aspects of legal education and the formation of legal consciousness of citizens / Andrianov M.S. [et al.] // Organization of the work of the prosecutor's office on legal education. - M., 2009. - Pp. 33-39.

5. Borzenko, I.G. Prosecutor's supervision of the implementation of legislation in the field of forest fire protection / I.G. Borzenko // Organization and activities of the environmental prosecutor's office: a collection of materials from a seminar on the exchange of experience: [ed. board: N.N. Karpov, N.V. Koval, I.V. Cherepanova]. - M.: Academy of the Prosecutor General's Office of Russia, 2016. - 132 p.

6. Vartanyan, E.V. Legal culture of law students: problems of professional socialization / E.V. Vartanyan // Bulletin of Adyge State University. Series: Regional Studies, Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies. - 2013. - Issue. 1 (113). - Pp. 85-88.

7. Galuzin, A.F. Legal education in the structure of the functions of supervision and legal education of the prosecutor's office / A. F. Galuzin // Bulletin of the Samara Law Institute. - 2019. - No. 2 (33). - Pp. 15-20.

8. Activities of the prosecutor's office to prevent crimes / A.I. Alekseev, L.L. Kurakin, G.D. Agamov [et al.]; edited by Alekseev A.I. - M., 2004. - 510 p.

9. Ilyin, I.A. The concept of law and force (an attempt at methodological research) // Collected Works. In 10 volumes. Vol. 4. – M.: Russian Book, 1994. – 622 p.

10. Mamatov, M.V. Activities of the prosecutor's office on legal education in the mass media: monograph / M.V. Mamatov. - M.: Galleya print, 2015. - 237 p.

11. Novikov, S.N. Ethics and psychology of management. - M., 2006. - 84 p.

12. Ogurtsov, A.E. Legal culture of employees of operational and search units of the internal affairs bodies of the Russian Federation / A.E. Ogurtsov // Law and Right. - 2019. - No. 2. - Pp. 139-142.

13. Organization of the activities of prosecutor's offices of cities, districts, equivalent territorial and specialized prosecutor's offices. Part 2 / [S.N. Budai et al.]; under the general editorship of E.B. Khatov. – M.: University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2019. – 186 p.

14. Organization of the work of the prosecutor's office of the city, district and equivalent prosecutor's offices on legal education and legal information / M.M. Shakiryaynov [et al.]. – Kazan: Kazan Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2018. – 76 p.

15. Petrov, A.I. Formation of legal consciousness through legal education conducted by the prosecutor's office / A.I. Petrov // Bulletin of the Russian University of Cooperation. – 2013. – No. 3 (13). – Pp. 105-112.

16. Soviet prosecutor's office: a collection of the most important documents / Preface by A.M. Rekunkov]. – M.: Legal Literature, 1982. – 352 p.

17. Stolyarenko, A.M. Psychology and pedagogy / A.M. Stolyarenko. - M.: Unita Dana, 2004. - 423 p.

18. Strelyaeva, V.V. Legal education in the context of the formation of a legal state: dis. ... Cand. of Law: 12.00.01. / Victoria Vadimovna Strelyaeva. - M., 2006. - 232 p.

19. Sukhorukov, V.A. Legal culture of employees of internal affairs bodies / V.A. Sukhorukov // Socio-political development of Russia as a complex problem of humanitarian knowledge. Proceedings of the VII All-Russian scientific and practical conference. - 2019. - Pp. 271-275.

20. Khaliulin, A.G. Use of materials from the consideration of criminal cases by courts in legal education / A.G. Khaliulin // Problems of legal education and participation of prosecutorial authorities in it: collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference (October 7-8, 2010) (edited by O.S. Kapinus). - M.: Academy of the Prosecutor General's Office of Russia, 2011. - Pp. 60-69.

21. Chechko, O.L. On the issue of personnel policy in the prosecutor's offices of the Russian Federation / O.L. Chechko // Legal initiative. - 2014. - No. 1. - Pp. 7-17.

ТДУ 351.741.76:355.58

**ТАВСИФИ УМУМИИ ХАТАРҲОИ ҲОЛАТҲОИ ФАВҚУЛОДДАИ ТАБИИВУ
ТЕХНОГЕНӢ ВА АСОСҲОИ НАЗАРИЯВИИ ТАШКИЛИ ПЕШГИРӢ ВА РАҒЪИ
ОҚИБАТҲОИ ОНҲО**

**ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОПАСНОСТИ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ
ПРИРОДНОГО И ТЕХНОГЕННОГО ХАРАКТЕРА И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
ОРГАНИЗАЦИИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И ЛИКВИДАЦИИ ИХ ПОСЛЕДСТВИЙ**

**GENERAL CHARACTERISTICS OF THE DANGER OF NATURAL AND MAN-MADE
EMERGENCIES AND THE THEORETICAL FOUNDATIONS FOR ORGANIZING THE
PREVENTION AND ELIMINATION OF THEIR CONSEQUENCES**

Нуруллозода М.
NURULLOZODA M.

*Сардори Муассисаи давлатии таълимии «Коллеҷи милитсияи
ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон» бо қароргоҳ дар ш. Кулоб, унвонҷӯи
Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, майори милитсия
Начальник Государственного образовательного учреждения
«Колледж милиции МВД Республики Таджикистан» с расположе-
нием в г. Кулябе, соискатель Академии МВД Республики
Таджикистан, майор милиции*

*Head of the State Educational Institution «Police College of the Ministry
of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan» located in Kulyab,
applicant for the Academy of the MIA of the Republic of Tajikistan,
Major of militia*

e-mail:
hifzf5@mail.ru

Ихтисоси илмӣ: 12.00.11 – Фаъолияти судӣ; фаъолияти прокурорӣ; фаъолияти ҳимояи ҳуқуқ ва фаъолияти ҳифзи ҳуқуқ (5.1.2. Илмҳои ҳуқуқӣ-оммавӣ (ҳуқуқӣ-давлатӣ)).

Научная специальность: 12.00.11 – Судебная деятельность; прокурорская деятельность; правоохранительная деятельность и правозащитная деятельность (5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки).

Scientific specialty: 12.00.11 – Judicial activity; prosecutorial activity; law enforcement activity and human rights activities (5.1.2. Public law (state-legal) sciences).

Тақриздиханда: САФАРЗОДА Ҳ.С. - профессори кафедраи пешгирии ҷиноятҳои террористӣ ва таъмини амнияти ҷамъиятии факултети № 6 Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсент, полковники милитсия (роҳбари илмӣ).

Рецензент: САФАРЗОДА З.С. - профессор кафедри предупреждения террористических преступлений и обеспечения общественной безопасности факультета № 6 Академии МВД Республики Таджикистан, кандидат юридических наук, доцент, полковник милиции (научный руководитель).

Reviewer: SAFARZODA H.S. - Professor of the Department of Prevention of Terrorist Crimes and Public Safety of Faculty No. 6 of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan, Candidate of Law, Associate Professor, Colonel of militia (scientific supervisor).

Аннотатсия: Дар мақола хавфу хатарҳои ҳолатҳои фавқулоддаи табииву техногенӣ дар ҷумҳурӣ бо таври комил тавсиф ёфта, асосҳои назариявии ташкили пешгирии ва рағъи оқибатҳо ва дурнамои пешгирии онҳо аз тарафи МКД бо назардошти талаботи ҳуҷҷатҳои хусусияти концептуалидошта мавриди баррасӣ қарор дода шудаанд.

Вожаҳои калидӣ: хатарҳо, ҳолатҳои фавқулодда, фалокат, табиат, низоми пешгирии, ситод, мақомоти давлатӣ, милитсия, вазифа ва функсияҳо.

Аннотация: В статье характеризуются опасности чрезвычайных обстоятельств природного и техногенного характера в республике, рассмотрены теоретические основы организации предупреждения и ликвидации их последствий и перспективы совершенствования деятельности ОВД в этом направлении с учетом требований документов, носящих концептуальный характер.

Ключевые слова: опасность, чрезвычайные обстоятельства, катастрофа, природа, система предупреждения, штаб, милиция, государственные органы, задачи, функции.

Annotation: The article characterizes the dangers of natural and man-made emergencies in the republic, examines the theoretical foundations of organizing the prevention and elimination of their consequences and prospects for improving the activities of the internal affairs bodies in this direction, taking into account the requirements of documents of a conceptual nature.

Key words: danger, emergency, disaster, nature, warning system, headquarters, militia, government agencies, tasks, functions.

Ҷумҳурии Тоҷикистон аз дигар кишварҳои Осиёи Марказӣ бо релефи дорой сершумортарин манотиқи кӯхӣ ва мавзеҳои душворгузар фарқ карда, ба таҳдидҳои ҳамешагии табиӣ ва техногенӣ мувочаҳ аст. Тибқи маълумоти Кумитаи ҳолатҳои фавқулодда ва мудофияи граждани назди Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон дар солҳои 1997-2018 дар Тоҷикистон зиёда аз 3460 офати табиӣ рух додааст, ки ба ҳисоби миёна дар ҳар ду рӯз як офати табиӣ ба вуқӯ пайваستاаст [2]. Мутаассифона, мавқеи ҷуғрофӣ ва топографии кишвар боиси осебпазирии он ва ба амал омадани хатарҳои гуногун, аз қабилӣ заминчунбӣ, обхезӣ, сангрезӣ, тарма, ярч, хушксолӣ ва фуруравии замин мегардад [5, с. 8-13]. Ҳамчунин кӯҳҳои баланд ҳангоми гузаронидани корҳои садамавию наҷотдиҳӣ омили моневии алоқии радиой бо истифода аз мавҷҳои радиои ултрақӯтоҳ гардида, барои саривақт ошкор ва рафъ намудани оқибатҳои ҳолатҳои фавқулоддаи табиӣ ва садамавӣ боис мегарданд [4, с. 4-10].

Тоҷикистон дар минтақаи аз ҷиҳати сейсмикӣ низ ғаёл ҷойгир буда, тавасути он якҷанд хатҳои шикастаи сейсмикии ғаёл мегузарад. Дар натиҷа дар кишвар зуд-зуд заминларзаҳо рӯй медиҳанд, ки қисме аз онҳо ба инфрасохтор зарари калон расонида, боиси марги одамон гардидаанд [6, с. 5-8]. Тибқи маълумоти ташкилоти байналмилалии ЮНЕСКО, заминчунбӣ аз ҷиҳати

ҳисороти иқтисодӣ ва талафоти одамон, на танҳо дар Тоҷикистон, балки дар ҷаҳон дар ҷойи аввал меистад [11, с. 379]. Дар баъри ин заминларзаҳои сейсмикӣ, яке аз сабабҳои рух додани садамаҳои техногенӣ дар иншоотҳои саноатӣ мебошанд. Масалан, иншооти саноатии «Талко» дар минтақаи сурх ҷойгир аст, ки ҳангоми рух додани заминчунбӣ имконияти ба миён омадани садама дар ин корхона аз эҳтимол дур нест [14, с. 70-71]. Бинобар ин, тибқи меъёрҳои қоидаҳои сохтмонӣ, дар ҷунин иншооти иқтисодӣ, анборҳои калон барои нигоҳдории моддаҳои заҳролудӣ сахтаъсир, воситаҳо ва масолеҳи тарканда, маводҳои суخت бояд дар минтақаҳои дур аз маҳаллаҳои аҳолинишини шаҳрӣ, деҳот, объектҳои иқтисодӣ мувофиқи меъёрҳои амалкунанда ҷойгир карда шаванд.

Мувофиқи харитаи ҷорӣи сейсмикӣ эҳтимолӣи дар 50% ҳудуди ҷумҳурӣ рух додани заминларзаҳои 9 балла, дар ҳудуди 38% заминларзаҳои то 8 балла ва дар ҳудуди 12% он заминларзаҳои то 7 имконпазир аст. Бинобар ин, ҳангоми сохтмони бинову иншоотҳо, бояд ҳисоби тобоварии бинову иншоотҳои баландошиёна дар шаҳрҳои калон, махсусан дар шаҳри Душанбе ба заминчунбии аз 9 бал боло ба инобат гирифта шавад. То истифода додани бинову иншоотҳо, Комиссияи давлатии қабулро (ВҚД Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳамчун аъзои комилҳуқуқи он мебошад – Н.М.) зарур аст, ки ҷиҳати муайянкунӣи устувории конструксияҳои ҳама намуди

биноҳо (истиқоматӣ, маъмурӣ, маишӣ) бо истифода аз дастгоҳҳои вибродинамики санчиши ба заминчунбӣ тобоварро дар сатҳи касбӣ гузаронад.

Риоя нагардидани қоидаҳои беҳатарӣ аз сӯхтор ҳангоми сохтмони бинову иншоотҳо боиси сар задани сӯхторҳо мегардад. Дар ин раванд масъалаи асосӣ риоя накардани талаботҳо ва меъёрҳои қоидаҳои сохтмонӣ мебошад, ки солҳои охир бо ин сабаб бештар дар бозорҳои калони шаҳру ноҳияҳои сӯхторҳои зиёд ба қайд гирифта шуда, зарари иқтисодии аз сӯхторҳо расида аз миллиард сомонӣ низ гузаштааст. Тибқи иттилооти Сарраёсати ҳадамоти давлатии оташнишонии ВҚД (минбаъд - СХДО ВҚД) дар соли 2021 шумораи сӯхторҳо 1189 ададро ташкил медиҳад.

Тоҷикистон аз захираҳои оби худ дар соҳаи кишоварзӣ ва тавлиди нерӯи барқ вобастагии зиёд дорад. Таҷрибаи идоракунӣ, аз ҷумла системаҳои кӯхнашудаи обёрӣ ва истифодаи бесамари об, оқибатҳои хушксолиро шадидтар мекунад ва боиси зиёд рух додани офатҳои табиӣ мегарданд. Зарур аст, ки ба устувории экологии истифодаи захираҳои об, масъулияти иҷтимоӣ, маъмурӣ ва экологии истифодабарандагони об ва мақомоти идоракунӣ диққати махсус дода шавад [3, с. 1-6]. Захираҳои маҳдуди молиявӣ низ, ба сармоягузори инфрасохтори солим, системаҳои огоҳкунии пешакӣ ва омодагӣ ба офатҳои табиӣ ва техногенӣ монета мешаванд.

Мақомоти корҳои дохилӣ (минбад – МКД) дар доираи Низоми ягонаи давлатӣ оид ба пешгирии ва рафъи ҳолатҳои фавқулӯда, дар амалисозии стратегия ва барномаҳои мақсадноки танзимкунандаи фаъолият дар ин соҳа нақши босазо дорад. Дар ин ҳолат, идоракунӣ МКД ҷиҳати татбиқи ҳадафҳои болозикр ва иштироки ҷузъу томи он мувофиқи вазифа ва уҳдадорӣ, ки қонунгузори Ҷумҳурии Тоҷикистон дар пешгирии ва рафъи ҳолатҳои фавқулӯда ба ин мақомот вогузор кардааст, ба миён меояд. Аз нуқтаи назари илмӣ баҳогузори вазифа ва функцияҳои идоракунӣ, самаранокии фаъолияти ҷузъу томҳои МКД-ро дар пешгирии ва рафъи

ҳолатҳои фавқулӯдаи табиӣ ва техногенӣ, таъмин менамояд.

Бояд зикр кард, ки истифодаи истилоҳоти ҳуқуқӣ ва мафҳумҳои комил марбут ба идоракунӣ дар ҳуҷҷатҳои хусусияти консептуалидошта ва санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ ва бо таври мушаххас муайян намудани вазифа ва функцияҳои МКД ва дигар мақомоти давлатӣ дар дилхоҳ самти фаъолият аҳамияти калони илмӣ ва амалӣ дорад.

Аз ин лиҳоз, пардохтан ба тавсифи вожаҳои калидӣ дар самти ташкили пешгирии ва рафъи ҳолатҳои фавқулӯдаи табиӣ ва техногенӣ тақозои мавзӯи таҳқиқоти алоҳида маҳсуб меёбад. Чи тавре Г.В. Атаманчук қайд менамояд, ба анешаи И.В. Гёте «Функция ин мавҷудияти фикрии мо вобаста ба иҷро намудани амалҳои муайян мебошад». Ба андешаи ҳуди онҳо бошад, «функция ин муносибат ва таъсиррасониест, ки тавассути он давлат таъсири худро ба воситаи қудрат, нерӯяш ба тарафи дигар – ҷамъият мерасонад» [8, с. 51]. Вобаста ба функцияҳои давлат Р.Ш. Сотиволдиев қайд менамояд, ки «Функцияҳои давлат самтҳои асосии фаъолияти он мебошанд, ки барои ҳалли вазифаҳо равона гаштаанд. Вазифаҳо мазмуну моҳияти ҷамъиятӣ доранд ва аз талаботи айнии ҷомеа бармеоянд. Ҳалли онҳо ҳастии ҷамъияти инсониро таъмин мекунад» [13, с. 66]. Дар қори якҷояи худ В.В. Черных ва Р.А. Рустамов «функцияро ҳамчун фаъолияти мақсаднок, амал, иҷрои қор, зуҳури берунии ҳосияти объект дар системаи амалкунанда дарк мекунад» [16, с. 87].

Бо дарки баъзе аз хусусиятҳои ҳосси ин вожа, муаллиф зери мафҳуми функцияҳо фаъолияти муайянеро мефаҳмад, ки барои ҳалли мақсад, вазифаҳо дар доираи салоҳият ва вақолатҳои мақомоти давлатӣ пешбинӣ гардидаанд. Функцияҳо ҳосси давлат ва сохторҳои таркибии он вобаста ба соҳаҳои фаъолият дар шакли васеъ ва умумӣ амалӣ карда мешаванд. Масалан, пешгирии ва рафъи ҳолатҳои фавқулӯда яке аз функцияҳои экологии давлат ба ҳисоб меравад, ки тавассути мақомоти давлатии махсус вақолатдоршуда амалӣ карда мешавад.

Вазифаҳо бошанд дар шакли умумӣ барои муайян намудани самтҳои фаъолияти мақомоти давлатӣ, яъне функсияҳои онҳо мусоидат менамоянд. Яъне, вазифаҳо барои амалишавии функсияҳо хизмат намуда, аз ҷониби шахсони мансабдори давлатӣ иҷро мегарданд. Функсияҳои идоракунии танзимкунандаи мақсад ва вазифаҳои мебошанд, ки бевосита ба идоракунии низомҳо дахл доранд. Фаҳмиши моҳияти функсияҳои идоракунии, аз моҳияти мавҷудияти идоракунии бармеояд. Азбаски идоракунии аксаран тавассути фаъолият ба сомон расонида мешавад, дар адабиёти илмию таълимӣ тафсири вазифаҳои идоракуниро метавон чун намудҳои алоҳидаи меҳнат, фаъолияти меҳнатӣ, фаъолият дар соҳаи идоракунии, унсурҳои раванди идоракунии, марҳилаҳои давраи идоракунии ва ғайра арзёбӣ намуд [8, с. 154].

Аммо ташкили низом дар раванди амалисозии функсияҳои идоракунии, аҳамияти махсус дорад. Истилоҳи низом хосси тамоми илмҳо буда, он дар шакли умум ҳамчун тартиб ва сохтор баҳогузори карда мешавад. Низом аз калимаи юнонии «systema» гирифта шуда, маҷмуи унсурҳои фаро мегирад, ки бо ҳамдигаранд дар муносибат ва иртибот буда, дар якҷоягӣ як ҷузъи томи муайяно ташкил медиҳанд [9, с. 741].

Дар идоракунии низом ба сифати мутамарказонандаи қувва ва воситаҳо баромад намуда, ба мақсади татбиқи ҳадафи ягона ташкил карда мешавад. В.В. Яновский чунин мешуморад, ки дар фаҳмиши умумифалсафӣ низом ҳамчун «муттаҳидшавии муайяниҳои гуногун ба як бутуни мутаносиб, бо ҳам пайвастании қисмҳои баҳогузори карда мешавад» [17, с. 100]. Ҳамчунин қайд кардан зарур аст, ки низомии идоракунии сохтори иерархӣ мебошад, ки дар он сохторҳои поёнии идоракунии, функсия ва вазифаҳои дар сохторҳои болоӣ коркардшударо ба раванди идоракунии ворид менамоянд [8, с. 415]. Ба андешаи мо низом пайвастсозии қисмҳои гуногуни сохтори муайяни дорои вазифаҳои аз ҳамдигар фарқкунанда, ки мақсади ягона доранд, фаҳмида мешавад.

Омӯзиши мафҳуми истилоҳоти «пешгирӣ» ва «рафъи ҳолатҳои

фавқулодда» низ барои илман исбот кардани принципҳои фаъолият дар ин самт предмети омӯзиши таҳқиқот маҳсуб мебаранд. Зеро омӯзиши масъалаи пешгирӣ ва рафъи таҳдидҳо яке аз мақсадҳои муҳими илми идоракунии эътироф гардидааст. Дар фарҳанги забони тоҷикӣ истилоҳи «пешгирӣ» ба маънои «пеши чизеро гирифтани, чизеро бардоштан, садди роҳи чизе шудан» омадааст. Вожаи «рафъ» бошад, «аз байн бурдан ё бартараф кардани монетае» маънидод мегардад [15, с. 405].

Дар Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи ҳифзи аҳолии ва ҳудуд аз ҳолатҳои фавқулоддаи дорои хусусияти табиӣ ва техногенӣ» пешгирии ҳолатҳои фавқулодда, ҳамчун низомии чорабиниҳои саривақт ба роҳ мондашудааст, ки барои ҳар чӣ камтар кардани хатари руҳ додани ҳолатҳои фавқулодда, инчунин барои ҳифзи сиҳати аҳолии, кам кардани миқдори зарари муҳити зист ва талафоти моддӣ дар ҳолати руҳ додани онҳо, нигаронида шудааст. Рафъи ҳолатҳои фавқулодда бошад, корҳои наҷотдиҳӣ аз садама ва дигар корҳои таъхиринопазир, ки ҳангоми руҳ додани ҳолатҳои фавқулодда анҷом дода мешаванд ва ба наҷотдиҳии ҳаёт ва ҳифзи сиҳати одамон, кам кардани ҳаҷм ва зарари муҳити табиӣ атроф ва талафоти моддӣ, инчунин барои маҳдуд кардани мавзъҳои ҳолатҳои фавқулодда, қатъ намудани фаъолияти омилҳои барои ин мавзъҳо хатарнок нигаронида шудаанд [1].

Ба андешаи мо, пешгирӣ ва рафъи ҳолатҳои фавқулодда маҷмуи чорабиниҳои бо ҳам алоқаманд мебошанд, ки онҳо ҳуқуқ ва уҳдадориҳои мақомоти давлатиро, аз ҷумла мақомоти корҳои дохилро дар ҳолатҳои фавқулодда инъикос намуда, пеш аз руҳ додан ва баъди руҳ додани ҳолатҳои фавқулодда барои кам кардани зарар, талафот ва аз байн бурдани таҳдидҳои табиӣ техногенӣ ба ҳаёт ва саломатии одамон ба миён омада, гузаронида мешаванд.

Фаҳмиши асосҳои назариявии идоракунии ҳолатҳои фавқулодда омӯзиши амиқи принципҳои, стратегияҳо, барномаҳо

ва дигар ҳуччатҳои хусусияти концептуалидоштаро низ тақозо менамояд.

Ба ақидаи И.Н. Кузнетсов, принципҳои ин қоидаҳо ва меъёрҳои рафторе мебошанд, ки мақомоти роҳбарикунандаро роҳбаланд менамоянд [10, с. 33]. Мо бар он ақида мебошем, ки принципҳои қонуниятҳои бунёдии қатъии умумикабулшудае ҳастанд, ки иҷроиши ҳатмӣ доранд ва тағйирнопазир мебошанд.

Қайд кардан зарур аст, ки дар фаъолияти мақомоти корҳои дохилӣ дар ҳолатҳои фавқулодда принципҳои мавҷуданд, ки бояд ҳамчун чаҳорҷӯбаи роҳнамо хизмат кунанд ва муносибати ҳамҷонибаро барои риояи ҳуқуқи озодиҳои инсон ва шаҳрванд, ҳифзи саломатии аҳоли, таъмини тартибот ва беҳатрии ҷамъиятӣ, ҳимояи моликияти давлатӣ, ҷамъиятӣ ва хусусиро таъмин намоянд.

Принципҳои фаъолияти мақомоти корҳои дохилӣ дар ҳолатҳои фавқулодда мақсад, вазифа ва функсияи онро равшан менамоянд. Дар адабиёти гуногуни илмӣ вобаста ба гурӯҳбандӣ намудани принципҳои идоракунии МКД дар ҳолатҳои фавқулоддаи табиӣ ва техногенӣ ба умумӣ ва махсус ақидаҳои гуногун вучуд дорад. Масалан, А.Ю. Попов назарияи гурӯҳбандӣ намудани принципҳоро ба умумӣ ва махсус дастгирӣ менамояд [12, с. 85].

Гурӯҳбандӣ намудани принципҳои ба муайянсозии воқеии функсия ва вазифаҳои мақомоти корҳои дохилӣ ва самаранокии фаъолияти он замина мегузорад. Бо тақия ба мавқеи мутахассисони соҳа муаллиф ба принципҳои умумӣ ва махсус ҷудо намудани идоракуниро ҷонибдорӣ менамояд.

Принципҳои умумӣ, ки дар асоси онҳо фаъолияти умумии мақомоти корҳои дохилӣ амалӣ карда мешавад, дуҷумбаи принципҳои махсус мебошанд, ки бевосита ба идоракуни дар ҳолатҳои фавқулодда вобастагӣ доранд.

Гурӯҳи якум, принципҳои зеринро дар бар мегирад: қонуният; ягонагии низомии мақомоти милитсия, муттамарказонидани идоракунии он ва яккасардорӣ; ошкорбаёнӣ.

Дар навбати худ, ҳар як принцип моҳият ва мазмуни худро доро буда, натиҷаи фаъолияти мақомоти корҳои дохилӣ аз рӯйи онҳо баҳогузори карда мешавад.

Ба андешаи мо «принципи гурӯҳбандии қувва ва воситаҳо» низ дар раванди идоракуни нақши ҳалкунанда дорад. Ин ба он боис мегардад, ки қувва ва воситаҳои ҷузъӣ томо мутобиқ ба вазифа ва ӯҳдадорихояшон истифода бурда шаванд.

Арзёбии ҳатари ҳолатҳои фавқулодда низ яке аз принципҳои асосии фаъолияти мақомоти корҳои дохилӣ, дар ташкили ҳама намуд фаъолиятҳои оид ба пешгирӣ ва рафъи ҳолатҳои фавқулоддаи табиӣ ва техногенӣ мебошад. Ин принцип муайянкунии системавӣ, таҳлил ва арзёбии ҳатарҳои ва осебпазирҳои эҳтимолиро пешниҳод менамояд. Бо амалисозии принципҳои мазкур, мақомоти роҳбарикунандаи корҳои дохилӣ кушиш менамоянд, нақшаҳои амалиёти ҷузъӣ томо бозбинӣ намуда, фазои афзалиятноки фаъолияти худро зиёд карда, истифодаи дурусти захираҳои моддӣ-техникиро ба роҳ монад ва ҷорабиниҳои ҷавобиро ба ҳолатҳои фавқулодда мукамал гардонад. Принципи баҳодиҳӣ ва идоракунии ҳатарҳои яқинд ҷанбаҳо дар бар мегирад.

Дар адабиёти илмӣ тарзҳои гуногуни гурӯҳбандии принципҳои идоракуниро вохурдан мумкин аст. Тарзи гурӯҳбандии интихобкардаи мо имкон медиҳад, асосҳои қонуният, муносибат ва алоқа, ки дар раванди идоракунии мақомоти корҳои дохилӣ дар ҳолатҳои фавқулодда ба миён меоянд, муайян карда шаванд. Ҳамзамон мавқеи равандҳои мазкур дар системаи идоракунии давлатӣ ва то кадом андоза ба тақмилдиҳӣ ниёз доштани ин идоракуни ошкор мегардад.

Низомии идоракуниро аз рӯйи шакл метавон ба чаҳор қисм ҷудо намуд: соҳавӣ, функционалӣ, омехта ва барномавӣ-мақсаднок. Дар фаъолияти амалии мақомоти корҳои дохилӣ бештар шакли омехтаи системаи мазкур истифода бурда мешавад. Зеро он тамоми шаклҳои ҷорабиниҳо аз рӯйи вазъияти ба амаломеда дар худ инъикос менамояд. Хусусиятҳои ҳатмӣ ва функционалии низомии

идоракуни, дар фаъолияти чузъу томи макмот, иҷрои вазифаҳо дар шароити рӯзмарро тақозо менамояд. Қайд кардан зарур аст, ки дар ҳолатҳои фавқулодда бо мақсади баланд бардоштани самаранокии фаъолияти мақмоти корҳои дохилӣ чиҳати таъмини тартибот ва бехатарии ҷамъиятӣ ташкили сохтори муваққатии махсус (ситоди оперативӣ) ба миён меояд, ки ҳангоми ба эътидол омадани вазъият фаъолияти худро қатъ мекунад. Дар шароити махсус ситоди оперативӣ мақмоти асосии идоракуни мебошад [7, с. 111].

Зиёд гардидани хатарҳои муосири табиӣ, техногенӣ, биологӣ, рушди технологияи муосири иттилоотӣ ва васеъ истифодашавии зехни сунӣ дар дигар системаҳои фаъолияти ҳаётӣ, зарурати такмил додани системаи идоракунии ВҚД Ҷумҳурии Тоҷикистонро, ки он ҳамчун мақмоти ҳамоҳангсоз дар таъмини тартибот ва бехатарии ҷамъиятӣ дар ҳолатҳои фавқулодда, ҳифзи ҳуқуқу озодиҳои инсон ва мубориза бар зидди ҷинояткорӣ баромад менамояд, ба миён овардааст. Бинобар ин, МКД-ро зарур аст, ки дар якҷоягӣ бо дигар мақмоти давлатӣ фаъолияти худро дар ин самт бозбинӣ намуда, стратегия ва концепсияҳои муосири фаъолият дар ҳолатҳои фавқулоддаро таҳия ва қабул намояд.

Вазифаи асосие, ки бевосита ба идоракунии МКД дар ҳолатҳои фавқулодда вобастагӣ дорад, таъсиси ситоди фаврӣ ва системаи мутамаркази воқуниш ба ҳолатҳои фавқулодда мебошад, ки дар худ муттаҳид намудани қувваҳо ва воситаҳои дахлдор дар як воҳиди том инъикос менамояд. Дар ин асос қайд кардан зарур аст, ки қисмҳои навбатдори чузъу томҳо ҳамчун системаи алоқаи байни сохторҳои ситоди фаврӣ баромад менамоянд.

Бо назардошти афкори иброзгардида чунин хулоса ва пешниҳодҳои илмӣ-назариявиро манфиатпазир мешуморем:

1. Дар сатҳи зарурӣ эмин набудани аҳоли аз хатарҳои ҳолатҳои фавқулоддаи техногенӣ дар ҳудудҳои истихроҷи маъданҳои куҳӣ, иншоотҳои азими гидротехникӣ, партовгоҳҳои калони радиоактивӣ (аз ҷумла партовгоҳҳои истехсоли уран дар Ҷумҳурии

Тоҷикистон, ки зиёда аз 55 миллион тоннаро ташкил медиҳанд.), инфрасохтори нақлиётҳои кишвар (аз ҷумла роҳҳои автомобилгард ва роҳи оҳан), хизматрасонии автомобилӣ дар заправкаҳои бензин ва гази моеъ, сохтмони иншоотҳои баланошона ва ғ. омӯзишу бозбинӣ ва қабули дурнамои сиёсати давлатӣ ва муқаммалгардонии фаъолияти мақмоти ҳифзи ҳуқуқро оид ба таъмини бехатарии аҳоли аз ин таҳдидҳо тақозо менамояд.

2. Бинобар дар минтақаи дорон хавфи калони сесмологӣ (заминчунбӣ), селхезӣ ва кандашавии обанборҳо мавқеъ доштани ҷумҳурӣ ҳамасола садҳо ҳодисаҳои фавқулодаи бо таври комил пешгӯинашванда ба қайд гирифта мешаванд, ки боиси хисороти калони молӣ ва аз ҳаёт маҳрум гардидани одамон мегардад, ки фаъолияти ҳамоҳангшудаи мақмоти давлатиро оид ба пешгирӣ ва рафъи чунин ҳодисаҳоро дар сатҳи баландтар тақозо менамояд.

3. Хавфи ҷамъиятии ҳолатҳои фавқулодда хусусияти объективие мебошад, ки имкон медиҳад аз нуқтаи назари эҳтимолияти расонидани зарар ба муносибатҳои ҷамъиятӣ баҳо дода шавад. Оқибатҳои манфии ҳолатҳои фавқулодда бошад ба тартибот ва амнияти ҷамъиятӣ таъсиргуздор буда, чиҳати аз байн бурдани таҳдид ба манфиатҳои ҳаётии шахс, ҷомеа ва давлат татбиқи тадбирҳои фаврии иттилоотӣ, ташкилӣ, ҳуқуқӣ, иқтисодӣ ва дигар чорабиниҳоро талаб менамояд. Дар ҳолатҳои зарурӣ қорӣ намудани низомҳои махсуси ҳуқуқӣ ба миён меояд, ки ҳуқуқу озодиҳои инсон ва шахрвандонро маҳдуд менамояд.

4. Масъалаи пешгирӣ ва бартарафсозии ҳолатҳои фавқулодда на танҳо байниидоравӣ ё байниминтақавӣ, балки хусусияти ҷумҳуриявӣ дорад ва чорабиниҳои дастаҷамъонаро барои ҳалли он дар сатҳи ҷумҳурӣ талаб менамояд. Ҳангоми руҳ додани ҳолатҳои фавқулодда баланд бардоштани масъулияти мақмоти ҳокимияти давлатӣ, мақмоти иҷроияи маҳаллии ҳокимияти давлатӣ ва ташкилотҳо барои сари вақт амалӣ намудани тадбирҳо оид ба

пешгирии ҳолатҳои фавқулодда ба миён меояд. Мақомоти давлатие, ки дар ҳудуди онҳо ҳолати фавқулодда рух додаст, масъули ташкил ва баргарафсозии ҳолатҳои фавқулодда мебошанд.

5. Бо мақсади ҳифзи намудани аҳоли аз ҳодисаҳои фавқулодаи табиӣ ва техногенӣ қабул намудани ҳуҷҷатҳои хусусияти концептуалидошта, такмил додани конунгузорӣ, муайян ва мушаххас сохтани вазифа ва функсияҳои мақомоти давлатӣ, аз ҷумла ғайримахфигардонии Нақшаи амалӣ фаъолияти мақомоти давлатӣ дар ин самт ва ҳисоботдиҳанда будани мақомоти ваколатдор дар назди аҳоли тақозои замон мебошад;

6. Новобаста ба мавҷудияти Низоми ягонаи давлатӣ дар самти ҳифзи аҳоли аз ҳолатҳои фавқулодаи табиӣ ва техногенӣ бинобар рушд ёфтани муносибатҳои ҷамъиятӣ дар самти сохтмони биноҳои муосири баланшӯна, инфрасохтори муосири гидроэнергетикӣ, автомобилӣ, тағйирёбии иқлим, эҳтимолияти калони селхезӣ, заминларза, кандашавии обанборҳо вазифа ва функсияҳои мақомоти ваколатдор ва серсохторҳои дохилии ин система бозбинӣ ва такмилдиҳиро тақозо менамоянд.

7. Новобаста ба он, ки Барномаи миёнамуҳлати давлатӣ оид ба ҳифзи аҳоли ва ҳудуд аз ҳолатҳои фавқулодда барои солҳои 2023-2028, нақшаи амал барои солҳои 2023-2025 мавриди амал қарор доранд ва талаботи онҳо такмили асосҳои ташкилию ҳуқуқии низоми идоракунии хавфи офатҳои табиӣ ва техногенӣ тақозо менамояд, дар Стратегияи ислоҳоти милитсия барои солҳои 2021-2025 низ муайян намудани самтҳои муҳими ташаққул додани асосҳои ҳуқуқӣ ва ташкилии фаъолияти милитсия дар ин самт мувофиқи мақсад мебошад. Зеро концепсияи идоракунии МКД дар ҳолатҳои фавқулодда бояд қисми таркибии стратегияи ислоҳоти умумии МКД бошад ва ба принципҳои илман асоснок ва собитшудаи идоракунии МКД дар ҳолатҳои фавқулодда асос ёбад.

8. Таъмини бехатарии Тоҷикистон дар шароити тағйирёбии иқлим ва мавҷудияти хатари баланди ҳолатҳои

фавқулодаи табиӣ ва техногенӣ, аз истифодаи равиши маҷмӯӣ, баҳодихии хатар, омодагӣ ба ҳолатҳои фавқулоддаи эҳтимолиӣ, воқуниш ба ҳолатҳои фавқулодда ва барқарорсозии баъдӣ, ки дар стратегия ва барномаҳои соҳавӣ пешбинӣ гардидаанд, вобастагӣ дорад. Бо дарки осебпазирии кишвар ба хатарҳои дар пешистода, ҷамоҳангсозии мақомоти давлатӣ, татбиқи принципҳои фаъолият ва идоракунии МКД метавонад зарари ҳам ба саломатии одамон ва ҳам ба соҳаи иқтисодӣ, иҷтимоӣ ва экологиро то андозае кам намояд.

9. Ворид кардани технологияи пешрафта дар низомҳои огоҳкунии пешакӣ; такмили низоми таҳлили маълумот, платформаҳои коммуникатсионӣ; низомҳои идоракунии иттилоот тақозои замон буда, истифодаи технологияҳои инноватсионӣ ба монанди зондкунии фосилавии Замин, ГИС технологияҳо, воситаҳои техникаи тавассути интернет коркунанда ва зехни сунъӣ дар системаи пешгирӣ ва рафи ҳолатҳои фавқулодаи табиӣ ва техногенӣ манфиарпазирии ин самти фаъолиятро дучанд зиёд менамояд.

10. Дар шароити муосир ва рушди босуръати Тоҷикистон зарурати баланд бардоштани сатҳи донишҳои назариявӣ ва малакаи касбии ҳайати шахсӣ тавассути ҷорӣ намудани низоми муосири таълим, ки ба зиёд намудани дарсҳои амалӣ нигаронида мешавад, табодули таҷриба ва бозомӯзии кормандони мақомот дар самти муқовимат ба таҳдидҳои замони муосир ва таъсиси механизми муосири идоракунии сохтор, такмили сохтори мақомоти корҳои дохилӣ дар асоси принципҳои тақсимои уҳдадорӣ ва аз байн бурдани такроршавии вазифаҳо ба миён омадааст.

11. Бинобар мавҷудияти субъектони зиёди ваколатдор дар соҳаи ҳифзи аҳоли ва ҳудуд аз ҳолатҳои фавқулодда бо мақсади аз байн бурдани такрори вазифаҳо таҳияи нақшаи ягонаи ҷумҳуриявӣ ғайримахфӣ вобаста ба тасниф ва хусусиятҳои ҳолатҳои фавқулодда ба миён омадааст. Дар Нақша

бояд вазифа ва функсияҳои мақомоти давлатӣ, махсусан МКД-ро бо назардошти таснифи ҳолатҳои фавқулодда (маҳдуд, маҳаллӣ, худудӣ, минтақавӣ, ҷумҳуриявӣ ва байнисарҳадӣ) муайян намояд. Зеро дар қонунгузори танзимкунандаи фаъолияти мақомоти қорҳои дохилӣ муайян карда шудааст, ки мақомоти қорҳои дохилӣ дар баробари иҷроӣ вазифаҳои стратегияи худ, яъне таъмини тартиботи ҷамъиятӣ ва беҳатарии ҷамъиятӣ дар гузаронидани қорҳои садамавию наҷотдиҳӣ ширкат меварзанд.

Дар нақша муқаррар бояд қард, ки дар қадом синфи ҳолатҳои фавқулодда МКД вазифаи таъмини тартибот ва беҳатарии ҷамъиятиро иҷро намуда, дар қадом ҳолат дар гузаронидани қорҳои садамавию наҷотдиҳӣ иштирок менамоянд. Агар МКД ҳангоми баргарафсозии ҳолатҳои фавқулодда дар гузаронидани қорҳои садамавию наҷотдиҳӣ иштирок намоянд, яъне аз принципҳои асосии фаъолияти идорақунӣ, гурӯҳбандии қувва ва воситаҳо арзёбӣ мегардад. Гурӯҳбандии қувва ва воситаҳо бо мақсади тақсими вазифаҳо дар байни қузӯю томҳо гузаронида мешавад.

Адабиёти истифодашуда

1. Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи ҳифзи аҳоли ва худуд аз ҳолатҳои фавқулоддаи дорой хусусияти табиӣ ва техногенӣ» 15-уми июли с. 2004, № 53 // Аҳбори Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон, с. 2004, № 7, мод. 460.
2. Стратегияи миллии Ҷумҳурии Тоҷикистон оид ба паст қардани хавфи офатҳои табиӣ ба қорӣ солҳои 2019-2030 аз 29-уми декабри с. 2018, № 601 // [Манбаи электронӣ] - Речаи воридшавӣ: https://docs.yandex.ru/docs/national_drr_strategy_ (санаи мурочиат: 12.07.2024).
3. Odinaev, K. [et al.] National water policy of Tajikistan in the context of sustainable development // EDP Sciences. – 2023. – Vol. 390. – Pp. 1-6.
4. Абдурахимов, И.Н., Носов, М.В., Маликмамадов, Ф.А. Предложения по решению проблем с организацией связи в горных регионах Республики Таджикистан при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера / И.Н. Абдурахимов, М.В. Носов, Ф.А. Маликмамадов // Приоритетные направления развития инфокоммуникационных технологий, систем связи и оповещения РСЧС и ГО: Сборник трудов XXXI Международной научно-практической конференции «Предотвращение. Спасение. Помощь» (17 марта 2021 г., секции № 14.). – Химки, 2021. – С. 4-10.
5. Азиззонов, И.М., Маджиди, М. Об экзогенных геологических процессах на территории Таджикистана и их негативных последствиях / И.М. Азиззонов, М. Маджиди // Экология и безопасность жизнедеятельности. – 2020. – № 47. – С. 8-13.
6. Андамов, Р.Ш., Алидодов, Б.А. О роли некоторых краевых разломов в сейсмогенной ситуации Таджикистана: обзор / Р.Ш. Андамов, Б.А. Алидодов // Наука и инновация. Серия геологических и технических наук. – 2020. – № 1. – С. 5-8.
7. Архипов Н.И., Кулба В.В. Управление в чрезвычайных ситуациях / Н. И. Архипова, В. В. Кулба. - 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Центр Российского государственного гуманитарного университета, 1998. – 315 с.
8. Атаманчук, Г.В. Теория государственного управления: учебник / Г.В. Атаманчук. –М.: «Омега-Л», 2011. – 525 с.
9. Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия / ред. Солодовников С.С. – Минск: Минская фабрика цветной печати, 2002. – 1008 с.
10. Кузнецов, И.Н. Научные основы государственного управления в СССР. – М.: Наука, 1979. – 439 с.
11. Папченко, Н.Г., Чемакина, Д.Ю. Обеспечение безопасности жизнедеятельности населения при землетрясениях / Н.Г. Папченко, Д.Ю. Чемакина // Экология и безопасность жизнедеятельности: сборник статей XXII Международной научно-практической конференции / под ред. Селезнева В.А., Лукшина И. А. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2021. – С. 378-381.
12. Попов, А.Ю. К вопросу о классификации принципов института мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, применяемых в деятельности дежурных частей органов внутренних дел (полиции) / А.Ю. Попов // Юридическая наука. – 2018. - № 1. – С. 85-92.

13. Сотиволдиев, Р.Ш. Назарияи умумии ҳуқуқ ва давлат: китоби дарсӣ / Р.Ш. Сотиволдиев. – Душанбе: Ирфон, 2008. – 410 с.
14. Субхонкулов, Д.З., Шаповалова, Г.Н. Краткий анализ возможных причин и последствий в результате промышленной аварии на предприятии Талко Кемикал Республики Таджикистан / Д.З. Субхонкулов, Г.Н. Шаповалова // Проблемы обеспечения устойчивого функционирования организаций в чрезвычайных ситуациях, при военных конфликтах и пути их решения: Сборник трудов XXXI Международной научно-практической конференции «Предотвращение. Спасение. Помощь» (17 марта 2021 г., секции № 6.). – Химки, 2021. – С. 70-77.
15. Фарҳанги тафсири забони тоҷикӣ. Иборат аз 2 ҷ. Ҷилди 2 / Зери таҳрири Н. Сайфиддин, А. Сангин, С. Каримов, Мирзо Ҳ.С. – Душанбе: Ксероленд, 2008. – 934 с.
16. Черных, В.В., Рустамов, Р.А. Виды и функции группировок сил и средств ОВД, действующих в условиях ЧС природного характера / В.В. Черных, Р.А. Рустамов // Успехи современной науки и образования. – 2016. - № 11, Том 4. – С. 86-93.
17. Яновский, В.В. Государственное и муниципальное управление / В. Яновский, С.А. Кирсанов. – М., КноРус, 2013. – 199 с.

References

1. Law of the Republic of Tajikistan “On Protection of the Population and Territory from Emergencies of Natural and Man-Made Nature” of July 15, 2004, No. 53 // Bulletin of the Majlisi Oli of the Republic of Tajikistan, 2004, No. 7, Art. 460.
2. National Strategy of the Republic of Tajikistan on Natural Disaster Risk Reduction for 2019-2030 of December 29, 2018, No. 601 // [Electronic resource] - Access schedule: https://docs.yandex.ru/docs/national_drr_strategy_ (access date: 12.07.2024).
3. Odinaev, K. [et al.] National water policy of Tajikistan in the context of sustainable development // EDP Sciences. – 2023. – Vol. 390. – Pp. 1-6.
4. Abdurakhimov, I.N., Nosov, M.V., Malikmamadov, F.A. Proposals for solving problems with the organization of communications in the mountainous regions of the Republic of Tajikistan during emergency situations of natural and man-made nature / I.N. Abdurakhimov, M.V. Nosov, F.A. Malikmamadov // Priority areas for the development of infocommunication technologies, communication and warning systems of the RSChS and Civil Defense: Collection of works of the XXXI International scientific and practical conference “Prevention. Rescue. Help” (March 17, 2021, section No. 14.). – Khimki, 2021. – Pp. 4-10.
5. Azizkhonov, I.M., Majidi, M. On exogenous geological processes on the territory of Tajikistan and their negative consequences / I.M. Azizkhonov, M. Majidi // Ecology and Life Safety. – 2020. – No. 4. – Pp. 8-13.
6. Andamov, R.Sh., Alidodov, B.A. On the role of some marginal faults in the seismogenic situation of Tajikistan: a review / R.Sh. Andamov, B.A. Alidodov // Science and Innovation. Series of geological and technical sciences. – 2020. – No. 1. – Pp. 5-8.
7. Arkhipov N.I., Kulba V.V. Emergency Management / N. I. Arkhipova, V.V. Kulba. - 2nd ed., revised. and additional. – М.: Center of the Russian State Humanitarian University, 1998. – 315 p.
8. Atamanchuk, G.V. Theory of public administration: textbook / G.V. Atamanchuk. – М.: «Omega-L», 2011. – 525 p.
9. The Great Encyclopedic Dictionary: Philosophy, Sociology, Religion, Esotericism, Political Economy / ed. Solodovnikov S.S. - Minsk: Minsk Color Printing Factory, 2002. - 1008 p.
10. Kuznetsov, I.N. Scientific Foundations of Public Administration in the USSR. – М.: Nauka, 1979. – 439 p.
11. Papchenko, N.G., Chemakina, D.Yu. Ensuring Life Safety of the Population during Earthquakes / N.G. Papchenko, D.Yu. Chemakina // Ecology and Life Safety: Collection of Articles of the XXII International Scientific and Practical Conference / ed. Selezneva V.A., Lukshina I.A. – Penza: Penza State Agrarian University, 2021. – Pp. 378-381.
12. Popov, A.Yu. On the issue of classification of principles of the institute of measures to ensure proceedings in cases of administrative offenses applied in the activities of duty units of internal affairs bodies (police) / A.Yu. Popov // Legal science. – 2018. – No. 1. – Pp. 85-92.
13. Sotivoldiev, R.Sh. General theory of law and state: textbook / R.Sh. Sotivoldiev. – Dushanbe: Irфон, 2008. – 410 p.
14. Subkhonkulov, D.Z., Shapovalova, G.N. Brief analysis of possible causes and consequences as a result of an industrial accident at the Talko Chemical enterprise of the Republic of Tajikistan / D.Z.

Subkhonkulov, G.N. Shapovalova // Problems of ensuring the sustainable functioning of organizations in emergency situations, during military conflicts and ways to solve them: Collection of works of the XXXI International scientific and practical conference «Prevention. Rescue. Help» (March 17, 2021, section No. 6.). – Khimki, 2021. – Pp. 70-77.

15. Dictionary of Tajik Language Interpretation. Consists of 2 volumes. Volume 2 / Edited by N. Sayfiddin, A. Sangin, S. Karimov, Mirzo H.S. – Dushanbe: Xeroland, 2008. – 934 p.

16. Chernykh, V.V., Rustamov, R.A. Types and functions of groups of forces and means of the Internal Affairs Directorate operating in natural disasters / V.V. Chernykh, R.A. Rustamov // Successes of modern science and education. – 2016. – No. 11, Vol. 4. – Pp. 86-93.

17. Yanovsky, V.V. State and municipal administration / V. Yanovsky, S.A. Kirsanov. – M., KnoRus, 2013. – 199 p.

УДК 343.98

**УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
МОШЕННИЧЕСТВА, СОВЕРШЕННОГО В СФЕРЕ ИНВЕСТИЦИОННОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

**ХУСУСИЯТҶОИ ҚИНОЯТӢ-ҲУҚУҚӢ ВА КРИМИНАЛИСТИИ ҚАЛЛОБӢ ДАР
СОҶАИ ФАӢОЛИЯТИ САРМОЯГУЗОРӢ**

**CRIMINAL-LEGAL AND CRIMINALISTIC CHARACTERIZATION OF FRAUD
COMMITTED IN THE SPHERE OF INVESTMENT ACTIVITY**

РАХИМОВ Ф.Д.
RAKHIMOV F.D.

*Адъюнкт Санкт-Петербургского университета МВД России,
капитан милиции*
*Адъюнкти Донишгоҳи ВҚД Россия дар ш. Санкт-Петербург,
капитани милитсия*
*Adjunct of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal
Affairs of Russia, captain of militia*

e-mail:
rakhimovf97@yandex.ru

Научная специальность: 12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность (5.1.4. Уголовно-правовые науки).

Ихтисоси илмӣ: 12.00.12 – Криминалистика; фаъолияти судӣ-экспертӣ; фаъолияти оперативӣ-чустуҷӯӣ (5.1.4. Илмҳои ҳуқуқӣ-қиноятӣ).

Scientific specialties: 12.00.12 – Criminalistics; forensic activities; operational-search activity (5.1.4. Criminal law sciences).

Рецензент: ДИКАЕВ С.У. – профессор кафедры криминалистики Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор (научный руководитель).

Тақриздиханда: ДИКАЕВ С.У. – профессори кафедраи криминалистикаи Донишгоҳи ВҚД Россия дар ш. Санкт-Петербург, доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор (роҳбари илмӣ).

Reviewer: DIKAEV S.U. – professor of the Department of Criminalistics of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, professor (scientific supervisor).

Аннотация: Статья посвящена исследованию уголовно-правовой и криминалистической характеристик при раскрытии и расследовании мошенничества, совершаемого в сфере инвестиционной деятельности. Описаны состав мошенничества, совершенного в сфере инвестиционной деятельности, а также типичные признаки потерпевшего от данного вида мошенничества. Автором сделаны выводы, касающиеся криминалистической характеристики исследуемого преступления, которые могут быть полезными для выдвижения следственных и оперативных версий, позволяющих избежать ошибок при решении вопросов, возникающих в процессе расследования.

Ключевые слова: мошенничество, инвестиционная деятельность, уголовно-правовая характеристика, преступление, криминалистическая характеристика, расследование, версия.

Аннотатсия: Мақола ба омӯзиши хусусиятҳои ҷиноятӣ-ҳуқуқӣ ва криминалистӣ дар ошкор ва тафтиши қаллобӣ дар соҳаи фаъолияти сармоягузорӣ бахшида шудааст. Таркиби қаллобӣ дар соҳаи фаъолияти сармоягузорӣ тавсиф шуда, аломатҳои маъмулии қурбонии ин намуди қаллобӣ тавсиф карда мешавад. Муаллиф хулосаҳо оид ба хусусиятҳои криминалистии ҷинояти таҳқиқшаванда барои пешниҳод намудани ривоятҳои тафтишотӣ ва оперативие, ки аз хатогиҳо ҳангоми ҳалли масъалаҳо, ки дар рафти тафтиш ба миён меоянд имкон медиҳад, мебарорад.

Вожаҳои калидӣ: қаллобӣ, фаъолияти сармоягузорӣ, хусусиятҳои ҷиноятӣ-ҳуқуқӣ, ҷиноят, хусусиятҳои криминалистӣ, тафтиш, ривоят.

Annotation: The article is devoted to the study of criminal-legal and forensic characteristics in the detection and investigation of fraud committed in the sphere of investment activities. The composition of fraud committed in the sphere of investment activities, as well as typical signs of a victim of this type of fraud are described. The author made conclusions regarding the forensic characteristics of the crime under investigation, which can be useful for putting forward investigative and operational versions, allowing to avoid mistakes in solving issues arising during the investigation.

Key words: fraud, investment activity, criminal law characteristics, crime, forensic characteristics, investigation, version.

Современное общество характеризуется стремительным развитием информационных технологий, и они согласно данным аналитического сервиса «Datareportal» о

состоянии цифровой отрасли, на протяжении многих лет активно используются во всем мире [4].

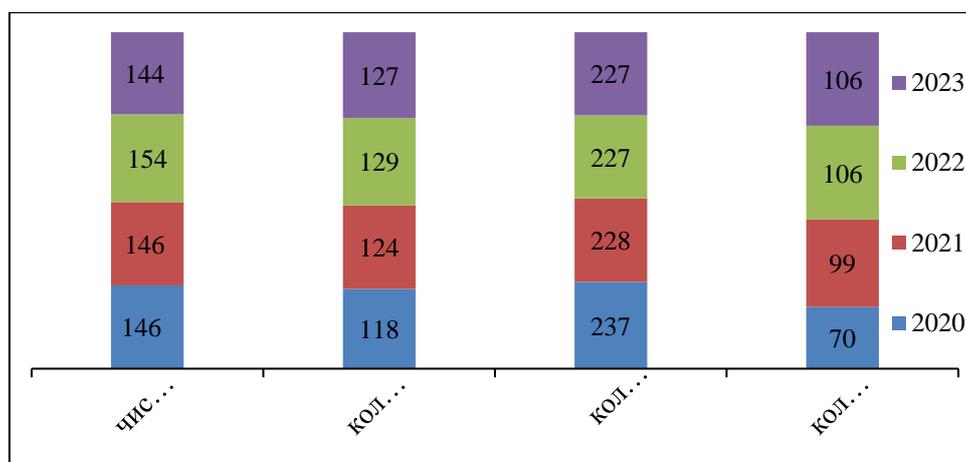

Таблица 1. Состояние цифровой отрасли в России за 2020-2023 гг.

Приведенные изменения стали причиной смены преступных приоритетов в пользу бесконтактных способов совершения преступления.

На сегодняшний день мошенничество – одно из наиболее распространённых видов преступлений против собственности и в структуре преступности в целом. Причинами тому служат вполне объективные факторы, такие как:

– отсутствие контакта с «жертвой» преступления;

– распространённость средств мобильной связи среди всех категорий граждан и их невысокая стоимость;

– низкая вероятность изобличения лица, причастного к преступлению;

– сокрытие следов преступления простой сменой средств мобильной связи;

– возможность совершения деяния, территориально находясь в другом городе или стране;

– с использованием подменных и скрытых номеров;

– абонентских номеров без регистрации; или открытых на третьих лиц, в том числе, средств легализации преступных доходов и т.д.

В Российской Федерации за мошенничество, то есть «хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана и злоупотребления доверием», предусмотрена уголовная ответственность в соответствии со ст. 159 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) [1]. Таджикистанское уголовное законодательство с присущей ей романо-германской правовой системой, которая с учетом национальных особенностей присуща всем государствам бывшего советского союза, содержит идентичное Российскому уголовному законодательству описание деяния в виде мошенничества (тот же родовый и видовой объект, диспозиция, основные квалифицированные признаки, схожая санкция основного состава статьи, примечание, содержащее определение хищения) [2]. Из отличий можем указать только на разные квалифицирующие признаки и санкции статей.

Вместе с тем, ни УК РФ, ни УК РТ не известен такой признак в составе мошенничества, как «инвестиционная деятельность», поскольку объективную сторону мошенничества образуют две формы активных действий – обман и злоупотребление доверием, другие формы являются лишь частными формами хищения и сфера инвестиций не является исключением.

При этом следует отметить, что отдельно ведется статистика по совершенным мошенничествам с использованием всех средств и информационно-телекоммуникационных технологий. В Российской Федерации в 2022 году было зарегистрировано 343,1 тысяча фактов совершения мошенничества; В 2023 году было зарегистрировано 434,2 тысяча фактов совершения мошенничества. В Республике Таджикистан это количество сильно отличается, в 2022 г. было зарегистрировано 24 тыс. мошенничеств, в 2023 г. – 28 тыс., но без разделения на способы их совершения.

Далее, подробный анализ возможен только в рамках уголовно-правовой характеристики преступления, которая базируется

на анализе четырех общеизвестных элементов состава преступления и их признаков [5, с. 337].

Так, непосредственным объектом состава мошенничества является конкретная собственность, то есть предмет материального мира, на который посягает преступление. С объектом преступления тесно связан предмет. Для квалификации мошенничества наличие предмета обязательно. Им выступает, согласно ст. 159 УК РФ (ст. 247 УК РТ) чужая собственность. По уголовным делам о мошенничествах в сфере инвестиционной деятельности предметом преступления преимущественно выступают безличные денежные средства.

Отличительная черта мошенничества – способы завладения чужим имуществом. Ими являются обман потерпевшего или злоупотребление его доверием, которые входят в объективную сторону мошенничества. В качестве средства совершения мошенничества чаще всего используются сеть «Интернет» и «мобильная связь».

Состав мошенничества по конструкции объективной стороны является материальным, преступление следует считать оконченным с момента изъятия денежных средств с банковского счета их владельца или электронных денежных средств, в результате которого владельцу этих денежных средств причинен ущерб.

Другими словами, если потерпевший самостоятельно переводит денежные средства злоумышленнику, то преступление надлежит квалифицировать по ст. 159 УК РФ (ст. 247 УК РТ). Если же денежные средства похищаются с банковского счета потерпевшего в результате обмана и введения его в заблуждение, тогда преступление надлежит квалифицировать как кражу по соответствующей статье уголовного закона обоих государств.

Говоря о субъекте мошенничества им является физическое вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста (возраста уголовной ответственности).

Субъективная сторона мошенничества характеризуется исключительно умышленной формой вины в виде прямого умысла с корыстной целью, то есть действия в виде

обмана или злоупотребления доверием обязательно должны причинить материальный ущерб собственнику или владельцу имущества (за исключением независимых от злоумышленника обстоятельств, из-за которых не удалось довести преступный замысел до конца).

В качестве предложения, в том числе, для повышения уголовно-правового противодействия мошенничествам, рекомендуется уточнить в новой редакции постановления ПП ВС РФ № 48 признаки преступлений, предусмотренных ст. 159 УК РФ и п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. По нашему мнению, если умысел лица был изначально направлен на хищение чужого имущества путем обмана, вне зависимости от способа совершения преступления, преступление надлежит квалифицировать по ст. 159 УК РФ и только несанкционированное списание денежных средств по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Наиболее подходящим решением было бы внесение соответствующего признака в ч. 3 ст. 159 УК РФ. Также представляется удачным способ изложения уголовно-правовой нормы об ответственности за мошенничество и кражу по УК РФ, где не вносились изменения в законодательство в силу роста преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Далее перейдем к рассмотрению криминалистической характеристики данного вида преступлений, которая имеет важное практическое значение в противодействии преступлениям, а определение которой способствует решению целого комплекса организационно-тактических задач, таких как:

- установление причастности лица к преступлению;
- предупреждение противоправных деяний, а также установление причин и условий, способствующих их совершению, с последующим принятием мер по их устранению

Говоря о значении криминалистической характеристики, следует отметить, что она выступает теоретической и практической основой для построения частной методики расследования отдельных видов преступлений [6, с. 146]. Другими словами, предназначение криминалистической

характеристики заключается в том, чтобы служить научной и справочной основой для разработки методических и тактических средств, а также примерных программ, направленных на выявление, раскрытие и расследование преступлений.

При этом криминалистическая характеристика представляет собой лишь информационную модель преступления, состоящую из системы свойств и признаков, присущей этому виду криминальной деятельности. Она включает в себя элементы, заимствованные из других наук криминального цикла таких как уголовное право, криминология, изучающими вместе с тем одни и те же явления – преступления и лиц, их совершивших.

Каждая наука изучает эти явления с позиций «собственных интересов», а отдельные элементы – в преломлении к предмету, целям, задачам каждой из этих наук. Криминалистика не является исключением.

О.Я. Баев указывает, что это «система элементов отдельного вида преступлений, значимых для расследования и взаимосвязанных между собой», включая сведения, отражающие закономерности совершения преступлений, их следообразования, а также типичные характеристики субъектов и объектов преступной деятельности [3, с. 45]. Наибольшее практическое значение для расследования преступления имеют информационные признаки о личности преступника, включая способы совершения преступления, этапы подготовки и планирования, и пост криминальное поведение личности. Степень обобщенности иных элементов превращала бы подобные рекомендации в ничто иное как абстракцию «бесполезную для практики».

Нужно отметить, что в юридической литературе до сих пор не выработано единого приемлемого в научном обществе понятия криминалистической характеристики преступления. Аналогичная проблема связана с определением ее содержания. Основываясь на трудах исследователей, полагаем возможным выделить в качестве элементов криминалистической характеристики мошенничества в сфере инвестиционной деятельности следующие элементы:

- способ совершения мошенничества в обозначенной сфере;
- механизм слеодообразования;
- и личность мошенника.

1. Способ представляет собой совокупность методов, приёмов и действий преступника, направленных на достижение преступной цели – незаконное изъятие чужого имущества, которое выступает предметом преступного посягательства во всех преступлениях, совершаемых в форме хищения, включая мошенничество, в том числе, в сфере инвестиционной деятельности.

Типичным способом совершения мошенничества при использовании инвестиций является «пирамида». Например, Мавроди Сергей – создатель финансовой пирамиды АО «МММ». От его противоправной деятельности пострадали более 15 млн. человек, а ущерб составил больше 3 млрд. рублей, или Бернард Мейдофф – создатель классической финансовой пирамиды – ущерб больше 1,5 млрд. долларов, либо Казутсуги Нами, привлек за 12 лет 2 млрд. долларов, доходность, которую он предлагал, составляла 36%, или самая крупная и известная финансовая пирамида в Таджикистане под названием «Бисерный бизнес» компании «Джамал и К» создателем которой являлся Джамшед Сияев, от деятельности которого пострадали не менее 20 тыс. человек.

Данный способ основывается на привлечении новых участников, вкладывающих средства, которые используются для выплаты доходов ранее вступившим инвесторам.

Несмотря на рост информационных технологий нельзя «списывать» контактные способы совершения данного преступления в обозначенной сфере.

2. Механизм слеодообразования – это процесс, посредством которого на месте преступления и объектах, с ним связанных, возникают следы. Следы традиционно делятся на материальные (электронные следы – лог-файлы цифровых транзакций, записи телефонных переговоров, переписка в мессенджерах и электронной почте, поддельные договоры, фиктивные финансовые отчеты, бухгалтерские документы.) и идеальные

(показания свидетелей, очевидцев, записи с камер видеонаблюдения, в случае контактного мошенничества).

В условиях цифровизации и смены традиционных форм преступности в пользу бесконтактных способов их совершения цифровые следы преступления все больше занимают содержание уголовных дел в качестве вещественных доказательств, но только после их фиксации на материальных объектах – электронных носителях информации

Механизм слеодообразования напрямую зависит от способа совершения преступления. Например, в случаях фиктивных проектов это отсутствие реальных активов, противоречия в отчетной документации, следы подделки учредительных документов.

3. Личность мошенника. Наиболее информативными источниками для определения типичных свойств личности является судебная практика, а также демографические признаки осужденных за мошенничество (пол, возраст, место жительства, образование, гражданство, трудовая деятельность и род занятий), на основе данных Судебного Департамента при Верховном Суде РФ. Для полноты анализа взят период с 2019 по 2023 год [7].

Принимая во внимание, что из общего числа мошенничеств, 9 из 10 преступлений совершаются с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и (далее - ИТТ), результаты анализа представляют важное практическое значение в определении личности мошенника, поскольку для каждого из видов преступлений он преимущественно типичен, в том числе, для мошенничества в сфере инвестиционной деятельности.

Гендерные признаки. Одним из основных элементов социально-демографической характеристики личности выступает пол преступника. Так, согласно статистическим данным, доля осужденных по ч. 1-4 ст. 159 УК РФ мужчин за период 2019-2023 года составила 74,82% или 60531, тогда как на долю женщин приходилось всего 25,18% мошенничеств или 20366, то есть в подавляющем большинстве лицами являются мужчины.

Возрастные признаки. С целью определения уровня криминогенной активности

преступников тех или иных возрастных групп, особое внимание следует обратить на возрастные характеристики лиц. Так, наибольшую долю среди осужденных по ч. 1-4 ст. 159 УК РФ составляют граждане в возрасте 30-49 лет: 54,11% или 43770.

Место жительства лица. В первую очередь стоит отметить, что согласно данным судебной статистики, лица, осужденные по ч. 1-4 ст. 159 УК РФ, в 4/5 случаев совершали преступление в регионе своего постоянного места жительства (87,26% или 70588), и только в 1/5 случаев преступления (11,97% или 9681) совершались в другом регионе.

Образовательный критерий. Согласно данным судебной статистики, противоправные деяния, предусмотренные ч. 1-4 ст. 159 УК РФ, в период 2019-2023 годов совершались практически в равной степени лицами, имеющими высшее профессиональное, среднее профессиональное и среднее общие.

Гражданская принадлежность. Среди лиц, осужденных по ч. 1-4 ст. 159 УК РФ, подавляющее большинство (97,63% или 78982) имеют российское гражданство.

Трудовая деятельность и род занятий. Так, за весь анализируемый период, в разрезе трудовой деятельности и роду занятий лица, осужденные по ч. 1-4 ст. 159 УК РФ, в

большинстве своем не имели постоянного источника дохода (49,69% или 40197). Но также мошенничество типично для лиц, осуществляющим предпринимательскую деятельность (20,55 или 16622).

Можно удостовериться, обратившись к данным, что в большинстве своем мошенничества с использованием ИТТ совершаются преимущественно мужчинами (74,82% или 60531) гражданами Российской Федерации (97,63% или 78982), в возрасте 30-49 лет (54,11% или 43770), проживающими в той же местности, где совершено преступление (87,26% или 70588), имеющими в равной степени высшее профессиональное, среднее профессиональное и среднее общие и отсутствие постоянного источника дохода (49,69% или 40197). Схожая типология личности существует и в Республике Таджикистан.

Таким образом, на основании вышеизложенного, представленная нами уголовно-правовая и криминалистическая характеристика мошенничества, осуществляемая в сфере инвестиционной деятельности, является результатом обобщения практического опыта расследования, и ее практическое применение может быть апробировано в качестве дополнения имеющимся методикам расследования уголовных дел данного вида.

Использованная литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21.05.1998, № 574 (с изменениями на 24.06.2024 г.) // [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325&pos=179;-53#pos=179;-53 (дата обращения: 01.09.2024).
3. Баев, О. Я. Основы криминалистики: курс лекций / О. Я. Баев. – М.: Экзамен, 2001. – 230 с.
4. Отчет о цифровизации в России: Интернет-портал «Datareportal» // [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://datareportal.com/digital-in-the-russian-federation/> (дата обращения: 02.09.2024).
5. Потапов, С.А. Понятия и соотношения уголовно-правовой, криминологической и криминалистической характеристик преступлений / С.А. Потапов // Актуальные проблемы государства и права. – 2019. – № 11. – С. 336-345.
6. Прошин, В.М. Прикладное значение криминалистической характеристики преступлений / В.М. Прошин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2023. – № 2. – С. 146-148.
7. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за период с 2019 по 2023 гг.: Интернет-портал «Судебный Департамент при Верховном Суде РФ» // [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 01.09.2024).

References

1. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 23.11.2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 25. – Art. 2954.
2. Criminal Code of the Republic of Tajikistan of 21.05.1998, No. 574 (as amended on 24.06.2024) // [Electronic resource] - Access mode: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325&pos=179;-53#pos=179;-53 (date of access: 01.09.2024).
3. Baev, O.Ya. Fundamentals of Criminalistics: Lecture Course / O.Ya. Baev. – M.: Exam, 2001. – 230 p.
4. Report on digitalization in Russia: Internet portal "Datareportal" // [Electronic resource] - Access mode: <https://datareportal.com/digital-in-the-russian-federation?> (date of access: 09/02/2024).
5. Potapov, S.A. Concepts and relationships of criminal-legal, criminological and forensic characteristics of crimes / S.A. Potapov // Actual problems of state and law. – 2019. – No. 11. – Pp. 336-345.
6. Proshin, V.M. Applied significance of forensic characteristics of crimes / V.M. Proshin // Humanitarian, socio-economic and social sciences. – 2023. – No. 2. – Pp. 146-148.
7. Summary statistical information on the state of criminal records in Russia for the period from 2019 to 2023: Internet portal "Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation" // [Electronic resource] - Access mode: <http://www.cdep.ru/?id=79> (date of access: 09/01/2024).

УДК 343.126

**ОГРАНИЧЕНИЯ, ДОПУСТИМЫЕ ПРИ ИЗБРАНИИ ЛИЧНОГО ПОРУЧИТЕЛЬСТВА
ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН**

**МАҲДУДИЯТҲОЕ, КИ ҲАНГОМИ ИНТИХОБИ КАФОЛАТИ ШАХСӢ ТИБҚИ
ҚОНУНГУЗОРИИ ФЕДЕРАТСИЯИ РОССИЯ ВА ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН
ТАТБИҚ МЕГАРДАНД**

**RESTRICTIONS PERMITTED WHEN CHOOSING A PERSONAL GUARANTEE UNDER
THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE
REPUBLIC OF TAJIKISTAN**

Холзода У.Х.
KHOLZODA U.KH.

*Адъюнкт кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского
университета МВД России, майор милиции
Адъюнкты кафедраи муҳофизаи ҷиноятӣ Донишгоҳи ВҚД Россия
дар ш. Санкт-Петербург, майори милитсия
Adjunct of the Department of Criminal Procedure of the St.
Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
the major of the militia*

e-mail:
bakha1983@mail.ru

Научная специальность: 12.00.09 – Уголовно-процессуальное право (5.1.4. Уголовно-правовые науки).

Ихтисоси илмӣ: 12.00.09 – Ҳуқуқи муҳофизаи ҷиноятӣ (5.1.4. Илмҳои ҳуқуқӣ-ҷиноятӣ).
Scientific specialty: 12.00.09 – Criminal procedure law (5.1.4. Criminal law sciences).

Рецензент: АРИПОВ А.Л. – начальник кафедры информационной безопасности и цифровых технологий факультета № 2 Академии МВД Республики Таджикистан, кандидат юридических наук, полковник милиции.

Тақриздиҳанда: АРИПОВ А.Л. – сардори кафедраи амнияти иттилоотӣ ва технологияҳои рақамии факултети № 2 Академияи ВҚД Ҷумҳурии Тоҷикистон, номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, полковники милитсия.

Reviewer: АРИПОВ А.Л. – Head of the Department of Information Security and Digital Technologies, Faculty No. 2 of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan, Candidate of Legal Sciences, the Colonel of the militia.

Аннотация: Статья посвящена анализу ограничений, которые допускаются при избрании меры пресечения в виде личного поручительства по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации и Республики Таджикистан. Автор предпринимает попытку разграничить понятия «запреты» и «ограничения», что, по его мнению, должно способствовать повышению эффективности применения мер пресечения. На основе проведенного анализа автор делает выводы относительно ограничений, применяемых при личном поручительстве, и вносит предложения по совершенствованию правовой регламентации данной меры в уголовно-процессуальном законодательстве обоих государств.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, запреты, ограничения, мера пресечения, личное поручительство.

Аннотатсия: Мақола ба таҳлили маҳдудиятҳое, ки ҳангоми интихоби чораи пешгирикунанда дар шакли кафолати шахсӣ тибқи қонунгузории муурофиявии ҷиноятӣ Федератсияи Россия ва Ҷумҳурии Тоҷикистон иҷозат дода мешавад, бахшида шудааст. Муаллиф кӯшиш мекунад, ки мафҳумҳои «манъ» ва «маҳдудият»-ро фарқ кунад, чунки ба ақидаи ӯ, ба баланд бардоштани самаранокии татбиқи чораҳои пешгирикунанда бояд мусоидат намояд. Дар асоси таҳлили гузаронидашуда оид ба маҳдудиятҳое, ки дар мавриди кафолати шахсӣ татбиқ карда мешаванд, хулоса бароварда, муаллиф оид ба беҳтар намудани танзими ҳуқуқии ин тадбир дар қонунгузории муурофиявии ҷиноятӣ ҳар ду давлат таклифҳо пешниҳод менамояд.

Вожаҳои калидӣ: муурофияи судии ҷиноятӣ, манъ, маҳдудият, чораи пешгирӣ, кафолати шахсӣ.

Annotation: The article is devoted to the analysis of restrictions that are allowed when choosing a preventive measure in the form of personal surety under the criminal procedure legislation of the Russian Federation and the Republic of Tajikistan. The author attempts to distinguish between the concepts of «prohibitions» and «restrictions», which, in his opinion, should contribute to increasing the effectiveness of the application of preventive measures. Based on the analysis, the author draws conclusions regarding the restrictions applied in the case of personal surety and makes proposals for improving the legal regulation of this measure in the criminal procedure legislation of both states.

Key words: criminal proceedings, prohibitions, restrictions, preventive measures, a personal guarantee.

Уголовное судопроизводство традиционно стоит на страже публичных интересов – то есть, в первую очередь, общества и государства. В силу этого данная сфера правоотношений связана с применением принудительных мер, обеспеченных властными полномочиями соответствующих государственных органов. Такие меры в любом случае носят ограничительный характер с точки зрения круга прав тех участников уголовного процесса, в отношении которых они применяются. Однако степень таких ограничений не может носить произвольный характер и поэтому строго регламентирована нормами права как в Российской Федерации, так и в Республике Таджикистан. В статье 55 Конституции Российской Федерации определено, что круг прав и свобод может подлежать ограничению только на основании специально принятого закона и только в общественно полезных целях или же для обеспечения безопасности государства [1]. Аналогичное положение содержится и в статье 14 Конституции Республики Таджикистан [2].

Наиболее очевидным образом ограничительный характер государственного принуждения в сфере уголовно-процессуальных правоотношений проявляется в институте мер пресечения, применяемых к тем

участникам уголовного процесса, в отношении которых осуществляется уголовное преследование. Как верно отмечает Р.Г. Назарзода, все меры пресечения ограничивают те или иные права подозреваемых или обвиняемых [13, с. 77].

Данные меры регламентированы главой 13 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [3], а также главой 12 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан (далее – УПК РТ) [4]. Стоит отметить, что уголовно-процессуальное законодательство Таджикистана, как и российское, является «наследником» советской системы уголовного судопроизводства. В частности, это прямо прослеживается в УПК РТ, который как по своей структуре, так и по содержанию процессуальных норм максимально схож с УПК РФ. Это сходство просматривается и в институте мер пресечения. Если в УПК РФ таких мер восемь, то в УПК РТ их всего на одну меньше – за счет отсутствия в таджикском законе меры пресечения в виде запрета определенных действий.

Процессуальное поражение в правах подозреваемого и обвиняемого происходит за счет применения к нему запретов и ограничений, предусмотренных конкретными

мерами пресечения. В то же время, понятие запретов и ограничений никак не определяется ни на уровне закона, ни в уголовно-процессуальной науке. Как же соотносятся эти понятия: как часть и целое, как частично пересекающиеся по значению или же каждое из них имеет свое собственное содержание? В рамках настоящего исследования мы предпримем попытку дать ответ на эти вопросы на примере такой меры пресечения как личное поручительство, порядок применения которой схожим образом регламентирован как российским, так и таджикским уголовно-процессуальным законодательством.

Сначала определимся с понятийным аппаратом – что же такое уголовно-процессуальные запреты и ограничения и как они соотносятся между собой? Важность разграничения этих понятий связана с тем, что без этого крайне сложно уяснить процессуальную структуру мер пресечения.

Запреты и ограничения применяются в различных отраслях права (например, в Федеральном законе «О государственной гражданской службе Российской Федерации» ограничениям и запретам посвящены статьи 16 и 17 [5]), и в целом в юриспруденции представления о них являются достаточно проработанными, чего не скажешь о сфере уголовного судопроизводства.

По мнению Е.В. Трегубова, ограничения и запреты близки по содержанию, но ограничения направлены на то, чтобы удерживать правоотношения в строгих рамках, а не вытеснить его [17, с. 78].

Общее между запретами и ограничениями состоит в том, что они носят императивный характер и не предполагают диспозитивности, однако содержание этих понятий является различным и имеет самостоятельное значение.

Под запретом в юридической науке и практике принято понимать правовую норму, в соответствии с диспозицией которой у конкретного субъекта отсутствует разрешение вступать в определенные правоотношения или совершать те либо иные действия. Как отмечает А.В. Куянова, запрет носит абсолютный характер [10, с. 83], существует вне воли субъекта, в отношении

которого установлен, и не может быть отменен по его желанию.

Такое понимание запретов может быть в неизменном виде экстраполировано и на сферу уголовно-процессуальных отношений. Под уголовно-процессуальными запретами мы предлагаем понимать конкретные действия, от совершения которых в силу прямого предписания уголовно-процессуального закона соответствующий участник судопроизводства должен воздержаться. Квалифицировать какое-либо положение уголовно-процессуального законодательства в качестве запрета можно посредством применяемых при этом таких оборотов юридической техники, как «не может», «не вправе», «запрещается».

И.А. Насонова и С.С. Халимоненко, выделяют следующие ключевые особенности уголовно-процессуальных запретов:

- обращены в основном к участникам судопроизводства, однако в некоторых случаях их адресатами могут являться и другие лица;
- активно применяются как в досудебных, так и в судебных стадиях процесса;
- главным образом имеют простой характер, предполагая требование не совершать определенное действие [14, с. 178-179].

В качестве примера запретов можно привести положения статьи 105.1 УПК РФ, которая уже в своем названии содержит анализируемое понятие. В части 6 данной статьи перечислен конкретный перечень активности, запрещенной к осуществлению подозреваемым или обвиняемым в случае избрания ему в качестве меры пресечения запрета определенных действий.

Что касается ограничений, то под ними в юриспруденции понимают правовые положения, согласно которым соответствующий субъект не вправе предпринимать определенные действия или вступать в правоотношения до тех пор, пока не обеспечит свое соответствие требуемому статусу. Таким образом, устранить ограничения субъект может своими действиями самостоятельно. Д.О. Медведева пишет, что под правовым

ограничением понимаются установленные законодательством пределы, выйти за которые нельзя, однако внутри которых могут совершаться определенные предписанные действия [12, с. 267]. К примеру, такое представление о правовых ограничениях вытекает из ст. 16 упоминавшегося выше Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации».

Если преломить такое понимание ограничений к сфере правоотношений, возникающих из применения мер пресечения, то можно сказать, что об уголовно-процессуальных ограничениях нужно вести речь тогда, когда участнику уголовного судопроизводства закон в целом позволяет вести себя привычным образом, однако обязывает при определенных условиях совершить конкретное действие или действия.

Об ограничениях в тексте закона свидетельствуют такие слова, как, например, «должен» или «обязан». Таким образом, ограничения не предусматривают для подозреваемого или обвиняемого необходимость воздержаться от какого-либо действия, а наоборот – возлагают на него дополнительную обязанность какое-либо действие совершить.

В этом отношении заслуживает внимания точка зрения В.М. Малиновской, утверждающей, что ограничение устанавливается в отношении позитивной деятельности, а запрет – в отношении негативной [11, с. 7].

Примером ограничения можно назвать норму ст. 109 УПК РФ, предусматривающую обязанность соответствующего субъекта внести предмет залога на депозитный счет органа, в производстве которого находится уголовное дело. Тем самым в данном конкретном случае ограничение касается права собственности. В этой связи, на наш взгляд, заслуживает внимания позиция Е.В. Качалова, отмечающего, что основания ограничения прав участников уголовного судопроизводства – это установленные законодательством причины, согласно которым данные права могут подлежать ограничению [7, с. 91]. Применение как запретов, так и ограничений служит цели

обеспечения надлежащего поведения подозреваемого или обвиняемого, содержание которого раскрывается законодателем в ч. 1 ст. 97 УПК РФ и ч. 1 ст. 101 УПК РФ.

Определившись с общим понятием запретов и ограничений, проанализируем их применительно к такой мере пресечения, как личное поручительство.

Стоит отметить, что на практике личное поручительство не является востребованным. Так, Г.Б. Петрова прямо называет личное поручительство «мертой» мерой [15, с. 141]. Этому можно выделить ряд причин.

Во-первых, данная мера предусматривает незначительное число запретов и ограничений, что не позволяет следователю и дознавателю избрать ее, признав достаточной для обеспечения надлежащего поведения подозреваемого и обвиняемого. В частности, данная мера не ограничивает свободу передвижения, о чем речь еще пойдет ниже.

Во-вторых, должностное лицо органа расследования не может избрать эту меру по собственному усмотрению, так как требуется ходатайство потенциального поручителя. В-третьих, законодательно не определены хотя бы общие критерии личности поручителя – отсутствие судимости, минимальный возраст, наличие постоянного места жительства на территории расследования, российское гражданство и т.д. Как отмечает М.А. Коновалова, это приводит к недоверию к поручителю со стороны должностных лиц, осуществляющих расследование [8, с. 94].

В-четвертых, для избрания рассматриваемой меры требуется согласие самого лица, в отношении которого она избирается. Все вышеперечисленное усложняет практику применения личного поручительства и делает его малопривлекательным для должностных лиц органов расследования.

Наиболее точно, на наш взгляд, сложившуюся ситуацию описывает О.В. Хайминова, которая отмечает в частности, что в существующих в обществе реалиях нравственная ответственность, лежащая в основе личного поручительства,

не гарантирует должным образом надлежащее поведение лица [18, с. 330].

В уголовно-процессуальном законодательстве данная мера пресечения предусмотрена ст. 103 УПК РФ. Максимально схожие положения об аналогичной мере содержатся и в ст. 106 УПК РТ.

Норма, содержащаяся в ст. 103 УПК РФ является отсылочной и переадресовывает правоприменителя к ст. 102 УПК РФ, из чего можно сделать вывод, что эта мера предусматривает два вида ограничительных положений:

- являться в установленный срок по вызовам лиц, ведущих производство по делу;
- не препятствовать каким-либо другим образом досудебному или судебному производству.

Статья 106 УПК РТ не носит отсылочного характера и в ч. 1 прямо содержит цели, для достижения которых может быть избрано личное поручительство. Так, данная мера призвана обеспечить такое поведение подозреваемого или обвиняемого, при котором он:

- не скроется от компетентных органов;
- не будет своими действиями чинить препятствия производству по делу;
- не совершит новых преступлений.

Существенным различием в правовой регламентации данной меры в уголовно-процессуальном законодательстве обеих стран является минимально допустимое число личных поручителей. Согласно ст. 103 УПК РФ, личным поручителем может выступать и один человек, в то время как по ст. 106 УПК РТ личных поручителей должно быть не менее двух. В этом также можно проследить приверженность таджикского законодателя идеям советского уголовного процесса: в соответствии со ст. 94 УПК РСФСР личных поручителей тоже требовалось как минимум двое [6].

Представляется, что с точки зрения проведенной нами выше дифференциации между уголовно-процессуальными запретами и ограничениями личное поручительство с позиции УПК РТ предусматривает три вида запретов: скрываться, препятствовать

производству и продолжать противоправную активность. Если же рассматривать ограничительные положения личного поручительства по российскому УПК, то можно заключить, что данная мера предполагает один запрет (требование воздержаться от чего-либо) – препятствовать ходу уголовного процесса, также одно ограничение (возложение обязанности) – являться по вызовам должностных лиц. В данном случае речь идет об ограничении личного, свободного времени подозреваемого и обвиняемого в рамках срока, требуемого для производства с его участием тех действий, ради совершения которых он вызывается должностным лицом.

Далее анализ ограничительных мер, применяемых посредством избрания личного поручительства по уголовно-процессуальным законам России и Таджикистана, приводит нас к следующему наблюдению. Как следует из логики этих законов, все меры пресечения, исчерпывающе перечисленные в ст. 98 УПК РФ и в ч. 2 ст. 104 УПК РТ, расположены там по мере возрастания их строгости. А строгость, в свою очередь, как раз и определяется степенью ограничения прав подозреваемого или обвиняемого.

При этом личное поручительство в обоих УПК поставлено на второе место – вслед за подпиской о невыезде. Следует согласиться с мнением М.А. Сатуева о том, что личное поручительство является более мягкой мерой пресечения, чем подписка о невыезде, так как не регламентирует ограничительных мер относительно свободы перемещения [16, с. 61].

К примеру, в российском УПК, как мы уже отмечали выше, личное поручительство предусматривает две ограничительные меры из трех, которые содержатся в ст. 102 УПК РФ. Стало быть, подписка о невыезде выступает более строгой мерой, чем личное поручительство. По той же логике, подписка является более строгой относительно и специальных разновидностей личного поручительства – наблюдения командования воинской части и присмотра за несовершеннолетним.

В этом плане следует поддержать позицию Э.К. Кутуева, согласно которой все

виды поручительства выступают более мягкими мерами, чем подписка о невыезде, так как поручительство напрямую не связано с ограничением каких-либо прав [9, с 102].

С учетом этого, предлагаем внести изменения в порядок изложения мер пресечения, не связанных с необходимостью получения судебного решения, поставив на первое место личное поручительство, а подписку о невыезде – перенести на четвертое. Такой порядок будет лучшим образом отражать степень ограничительного вмешательства государства в сферу прав и интересов подозреваемого и обвиняемого посредством применения к нему мер пресечения.

Завершая анализ ограничений, применяемых при применении личного поручительства, стоит отметить, что процессуальная ответственность за нарушение запретов является более строгой, чем за нарушение ограничений. К примеру, если подозреваемый или обвиняемый нарушат запрет на продолжение заниматься преступной деятельностью, то это повлечет для них избрание более строгой меры пресечения. Однако последствием нарушения ограничения в виде обязанности явиться по вызову должностного лица станет доставление приводом, что, несомненно, является более мягкой санкцией, нежели в случае с нарушением запрета.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Структурообразующими элементами меры пресечения в виде личного поручительства, как и других мер

пресечения по уголовно-процессуальному законодательству России и Республики Таджикистан, являются запреты и ограничения прав подозреваемого и обвиняемого. И запреты, и ограничения носят императивный характер и предусматривают процессуальные санкции за их нарушение. Ключевое отличие запретов от ограничений заключается в том, что запреты предписывают воздержаться от совершения конкретных действий, а ограничения наоборот – возлагают конкретную обязанность на осуществление какой-либо активности.

2. Личное поручительство по УПК РФ предусматривает только запреты, а по УПК РФ – и одно ограничение в виде необходимости являться по вызовам должностных лиц.

3. Учитывая степень строгости запретов и ограничений, допустимых личным поручительством, данная мера занимает неправильное место в перечне мер пресечения, так как является вместе со своими специальными разновидностями более мягкой, нежели подписка о невыезде. Принимая это во внимание, считаем целесообразным внести изменения в порядок изложения мер пресечения в ст. 98 УПК РФ и в ч. 2 ст. 104 УПК РТ, переместив на первое место личное поручительство, а подписку о невыезде – на четвертое, вслед за наблюдением командования воинской части и присмотром за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым.

Использованная литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // [Электронный ресурс]. – СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.07.2024)
2. Конституция Республики Таджикистан (в редакции референдума от 26.09.1999г., от 22.06.2003 г., от 22.05.2016г.) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mfa.tj/ru/main/tadzhikistan/konstitutsiya> (дата обращения: 01.07.2024)
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 29.05.2024) // [Электронный ресурс]. – СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 02.07.2024).
4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 года (ред. от 03.01.2024) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mfa.tj/ru/main/tadzhikistan/konstitutsiya> (дата обращения: 02.07.2024).
5. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (ред. от 14.02.2024) // [Электронный ресурс]. – СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 03.07.2024).

6. Уголовно-процессуальный кодекс РФСР (утв. ВС РФСР 27.10.1960) (утратил силу) // [Электронный ресурс]. – СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 03.07.2024).
7. Качалов, Е.В. Ограничение прав участников досудебного производства в уголовном процессе / Е. В. Качалов // Актуальные вопросы развития отраслевого законодательства. – 2022. – № 2(68). – С. 83-93.
8. Коновалова, М.А. К вопросу избрания и применения меры пресечения в виде личного поручительства / М. А. Коновалова // Эпомен. – 2022. – № 74. – С. 91-99.
9. Кутуев, Э.К. Меры принуждения в уголовном процессе: теоретические и организационно-правовые проблемы: монография / Э.К. Кутуев. – М.: Юнити-Дана: закон и право, 2009. – 111 с.
10. Куянова, А.В. Правовые ограничения и запреты, связанные со службой в органах внутренних дел / А. В. Куянова // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: Сборник статей по материалам ежегодной всероссийской научно-практической конференции (Сорокинские чтения), посвященной 70-летию Аврутина Ю.Е.: в 3-х частях, Санкт-Петербург, 24 марта 2017 года / Под редакцией Ю.Е. Аврутина, А.И. Каплунова. Том Часть III. – СПб: Санкт-Петербургский университет ИВД России, 2017. – С. 80-84.
11. Малиновская, В.М. Правомерное ограничение конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Вероника Михайловна Малиновская. – М., 2007. 24 с.
12. Медведева, Д.О. Соотношение запретов и ограничений, связанных с государственной гражданской службой / Д. О. Медведева // Научный журнал NovaUm.Ru. – 2020. – № 28. – С. 267-268.
13. Назарзода, Р. Г. Генезис мер пресечения в уголовном судопроизводстве Республики Таджикистан / Р. Г. Назарзода // Юридический вестник. – 2021. – № 1(5). – С. 72-75.
14. Насонова, И.А. Классификация запретов в уголовно-процессуальном праве России / И. А. Насонова, С. С. Халимоненко // Вестник Воронежского института МВД России. – 2022. – № 4. – С. 172-179.
15. Петрова, Г.Б. Правовое регулирование времени применения меры пресечения в отношении подозреваемого / Г. Б. Петрова // Судебные решения в уголовном судопроизводстве и их юридическая сила: сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Саратов: Кубик. – 2015. – С. 141-146
16. Сатуев, М. А. Личное поручительство при производстве по уголовным делам в современных условиях развития гражданского общества в России: проблемы и пути их разрешения / М.А. Сатуев // Научный прорыв 2024: сборник статей II Международного научно-исследовательского конкурса, Пенза, 20 марта 2023 года. – Пенза: Наука и Просвещение, 2024. – С. 58-62.
17. Трегубова, Е.В. Административные запреты и административные ограничения: соотношение понятий / Е.В. Трегубова // Административное и муниципальное право. – 2010. – № 11. – С. 75-81.
18. Хайминова, О.В. Проблемы избрания меры пресечения в виде личного поручительства / О.В. Хайминова // Эволюция государства и права: история и современность: Сборник научных статей II Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию юридического факультета Юго-Западного государственного университета, Курск, 25-27 мая 2017 года / Ответственный редактор С.Г. Емельянов. Часть 3. – Курск: Университетская книга, 2017. – С. 329-332.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // [Electronic resource]. - SPS «Consultant Plus» (date of access: 01.07.2024)
2. Constitution of the Republic of Tajikistan (as amended by the referendum of 26.09.1999, of 22.06.2003, of 22.05.2016) // [Electronic resource]. – Access mode: <https://mfa.tj/ru/main/tadzhikistan/konstitutsiya> (date of access: 01.07.2024)
3. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001 N 174-FZ (as amended on May 29, 2024) // [Electronic resource]. – SPS «Consultant Plus» (date of access: 02.07.2024).
4. Criminal Procedure Code of the Republic of Tajikistan of December 3, 2009 (as amended on 03.01.2024) // [Electronic resource]. – Access mode: <https://mfa.tj/ru/main/tadzhikistan/konstitutsiya> (date of access: 02.07.2024).
5. Federal Law of July 27, 2004 No. 79-FZ "On the Federal Civil Service of the Russian Federation" (as amended on February 14, 2024) // [Electronic resource]. - SPS "Consultant Plus" (date of access: July 3, 2024).

6. Criminal Procedure Code of the RSFSR (approved by the Supreme Council of the RSFSR on October 27, 1960) (no longer in effect) // [Electronic resource]. - SPS «Consultant Plus» (date of access: July 3, 2024).
7. Kachalov, E.V. Limitation of the rights of participants in pre-trial proceedings in criminal proceedings / E.V. Kachalov // Current issues in the development of industry legislation. – 2022. – No. 2 (68). – Pp. 83-93.
8. Konovalova, M.A. On the issue of choosing and applying a preventive measure in the form of a personal surety / M.A. Konovalova // Epomen. – 2022. – No. 74. – Pp. 91-99.
9. Kutuyev, E.K. Coercive measures in criminal proceedings: theoretical and organizational-legal problems: monograph / E.K. Kutuyev. – M.: Unity-Dana: law and right, 2009. – 111 p.
10. Kuyanov, A.V. Legal restrictions and prohibitions related to service in the internal affairs bodies / A.V. Kuyanov // Actual problems of administrative and administrative-procedural law: Collection of articles based on the materials of the annual All-Russian scientific and practical conference (Sorokin Readings) dedicated to the 70th anniversary of Avrutin Yu.E.: in 3 parts, St. Petersburg, March 24, 2017 / Edited by Yu.E. Avrutin, A.I. Kaplunov. Volume Part III. – St. Petersburg: St. Petersburg University of the Institute of Internal Affairs of Russia, 2017. – Pp. 80-84.
11. Malinovskaya, V.M. Lawful restriction of constitutional rights and freedoms of man and citizen in the Russian Federation: author's abstract. dis. ... candidate of legal sciences: 12.00.02 / Veronika Mikhailovna Malinovskaya. – M., 2007. – 24 p.
12. Medvedeva, D.O. The relationship between prohibitions and restrictions related to the state civil service / D.O. Medvedeva // Scientific journal NovaUm.Ru. – 2020. – No. 28. – Pp. 267-268.
13. Nazarzoda, R. G. Genesis of preventive measures in criminal proceedings of the Republic of Tajikistan / R. G. Nazarzoda // Legal Bulletin. – 2021. – No. 1 (5). – Pp. 72-75.
14. Nasonova, I.A. Classification of prohibitions in the criminal procedure law of Russia / I. A. Nasonova, S. S. Khalimonenko // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – No. 4. – Pp. 172-179.
15. Petrova, G.B. Legal regulation of the time of application of a preventive measure in relation to a suspect / G. B. Petrova // Court decisions in criminal proceedings and their legal force: collection of materials of the International scientific and practical conference. – Saratov: Kubik. - 2015. – Pp. 141-146.
16. Satuev, M.A. Personal surety in criminal proceedings in the modern conditions of development of civil society in Russia: problems and ways to solve them / M.A. Satuev // Scientific breakthrough 2024: collection of articles of the II International research competition, Penza, March 20, 2023. – Penza: Science and Education, 2024. – Pp. 58-62.
17. Tregubova, E. V. Administrative prohibitions and administrative restrictions: the relationship of concepts / E. V. Tregubova // Administrative and municipal law. – 2010. – No. 11. – Pp. 75-81.
18. Khaiminova, O.V. Problems of choosing a preventive measure in the form of personal surety / O.V. Khaiminova // Evolution of the state and law: history and modernity: Collection of scientific articles of the II International scientific and practical conference dedicated to the 25th anniversary of the law faculty of the South-West State University, Kursk, May 25-27, 2017 / Editor-in-chief S.G. Emelianov. Part 3. – Kursk: University book, 2017. – Pp. 329-332.

УДК 343.228

**ИСТОРИЯ И РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ
ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВВЕДЕНИЯ В ГРАЖДАНСКИЙ
ОБОРОТ НАРЕЗНОГО КОРОТКОСТВОЛЬНОГО ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ В
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**ТАЪРИХ ВА ИНКИШОФИ ҚОНУНГУЗОРИИ ВАТАНӢ ДАР СОҲАИ СИЛОҲИ
ОТАШФИШОНӢ ВА ДУРНАМОИ ВОРИД НАМУДАНИ СИЛОҲИ ОТАШФИШОНИ
РАХПЕЧИ КӮТОҲМИЛ БА МУОМИЛОТИ МАДАНӢ ДАР
ФЕДЕРАТСИЯИ РОССИЯ**

**HISTORY AND DEVELOPMENT OF DOMESTIC LEGISLATION IN THE FIELD OF
FIREARMS AND PROSPECTS FOR THE INTRODUCTION OF SHORT-BARRELED
RIFLED FIREARMS INTO CIVILIAN CIRCULATION IN THE RUSSIAN FEDERATION**

ХРЫСЁВ Е.В.
KHRYSEV E.V.

*Преподаватель кафедры огневой подготовки Волгоградской
академии МВД России, майор полиции
Омӯзгори кафедраи тайёрии оташфишонии Академияи ВҚД
Россия дар ш. Волгоград, майори полтсия
lecturer at the Department of Fire Training of the Volgograd Academy
of the Ministry of Internal Affairs of Russia, police Major*

E-mail:
Jaga78@mail.ru

ПОПОВ А.А.
РОРОВ А.А.

*Заместитель начальника кафедры огневой подготовки
Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат
педагогических наук, полковник полиции
Муовини сардори кафедраи тайёрии оташфишонии Донишгоҳи
ВҚД Россия дар ш. Санкт.Петербург, номзади илмҳои педагогӣ,
полковники полтсия
Deputy Head of the Department of Fire Training at the St. Petersburg
University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of
Pedagogical Sciences, Police Colonel*

E-mail:
antonpopov71@mail.ru

Научная специальность: 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполни-
тельное право (5.1.4. Уголовно-правовые науки).

Ихтисоси илмӣ: 12.00.08 – Ҳуқуқи ҷиноятӣ ва криминология; ҳуқуқи иҷрои ҷазои
ҷиноятӣ (5.1.4. Илмҳои ҷиноятӣ-ҳуқуқӣ).

Scientific specialty: 12.00.08 - Criminal law and criminology; penal law (5.1.4. Criminal law sci-
ences).

Рецензент: БУТЕНКО А.А. – заведующий кафедрой частного и публичного права
Волгоградского института бизнеса, кандидат юридических наук, доцент.

Тақриздиханда: БУТЕНКО А.А. - мудири кафедраи ҳуқуқи хусусӣ ва умумии Донишгоҳи
бизнеси ш. Волгоград, номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсент.

Reviewer: BUTENKO A.A. – Head of the Department of Private and Public Law of the Volgograd Institute of Business, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Аннотация: Целью статьи является выявление причинно-следственной связи между введением короткоствольного огнестрельного оружия в гражданский оборот и уровнем преступности. В статье также рассмотрен исторический опыт российского государства в области оборота оружия, динамика совершенных преступлений, связанных с незаконным оборотом, а также применением огнестрельного на примере Соединенных Штатов Америки, представлена авторская точка зрения относительно введения в гражданский оборот короткоствольного нарезного огнестрельного оружия в России.

Ключевые слова: огнестрельное оружие, короткоствольное огнестрельное оружие, преступление, легализация, преступность, оборот огнестрельного оружия, опыт, уголовное законодательство.

Аннотатсия: Мақсади мақола ин ошкор намудани робитаи сабабӣ-таъсирӣ байни ворид кардани силоҳи оташфишони рахпечи кӯтоҳмил ба муомилоти маданӣ ва сатҳи ҷинояткорӣ мебошад. Инчунин дар мақола таҷрибаи таъриҳии давлатдорӣи Россия дар соҳаи гардиши силоҳ, динамикаи ҷиноятҳои содиршуда вобаста ба гардиши ғайриқонунии силоҳи оташфишон ва истифодаи он дар мисоли Иолти Муттаҳидаи Америка баррасӣ карда шуда, ақидаи муаллифӣ оид ба ворид кардани силоҳи оташфишони рахпечи кӯтоҳмил ба муомилоти маданӣ дар Россия пешниҳод карда шудааст.

Вожаҳои калидӣ: силоҳи оташфишон, силоҳи оташфишони рахпечи кӯтоҳмил, ҷиноят, қонунигардонӣ, ҷинояткорӣ, гардиши силоҳи оташфишон, таҷриба, қонунгузориҳои ҷиноятӣ.

Annotation: The purpose of the article is to identify the cause-and-effect relationship between the introduction of short-barreled firearms into civilian circulation and the crime rate in the Russian Federation. The article also examines the historical experience of the Russian state in the field of arms trafficking, the dynamics of crimes committed related to illegal trafficking, as well as the use of firearms using the example of the United States of America, and presents the author's point of view regarding the introduction of short-barreled firearms into civilian circulation in Russia.

Key words: firearms, short-barreled firearms, crime, legalization, criminality, firearms trafficking, experience, criminal legislation.

Вопрос о легализации огнестрельного оружия в Российской Федерации стоит довольно давно и об актуальности данной проблемы говорить не приходится. История регуляции оборота оружия среди населения развивается со времен Российской империи, в которой в различные ее периоды отношение к оружию зависело от лица, взшедшего на престол, но в целом, отношение к оружию было довольно либеральным. Так, например, в дореволюционной России иметь оружие мог каждый законопослушный и психически здоровый гражданин. Государство не выдавало каких-либо специальных разрешений, а лишь запрещало вооружаться определенным категориям граждан. Примером тому может послужить введенный императрицей Анной Иоановной особый указ,

повелевавший «участвовавшим в мятеже Башкирцам запретить под угрозой штрафа носить оружие и с ним ездить и в домах иметь, кто поймает человека с оружием, тому отдать лошадь пойманного, а оружие сдать в казну, а тех пойманных ссылат в ссылку» [7].

В целом же попытки регулирования гражданского оборота оружия в Российской империи были точечными и предпринимались только после различных социальных явлений или потрясений, связанных с оружием. Например, восстания, бунты или же развитие тенденции к дуэлям в XVIII веке. Так, в 1706 году Петр I подписал Краткий артикул, в котором запретил дуэли под страхом повешения. В 1787 году Екатерина II в Манифесте о поединках приказала штрафовать

участников бескровных дуэлей, а виновника сослать в Сибирь. В 1845 году Николай I подписал Уложение об уголовных наказаниях и освободил от уголовной ответственности врачей и дуэлянтов. Сами дуэлянты сохраняли дворянские права, но приговаривались к заключению в крепости сроком от 6 до 10 лет [8].

В 1894 году Александр III утвердил Правила о разбирательстве ссор, случавшихся в офицерской среде. Данный документ фактически узаконил дуэли в армии. В итоге с 1984 года по 1910 год состоялось 322 дуэли. В XIX веке ограничения стали строже. Было введено правило, согласно которому «запрещается всем и каждому носить оружие, кроме тех, кому закон то позволяет или предписывает» [9].

Исходя из данной динамики развития нормативно-правовых актов и ограничений, можно заметить, что к оружию относились довольно либерально, оно являлось объектом, подчеркивающим статус гражданина, в стране присутствовала определенная культура обращения с оружием. Но с развитием индустриализации и стандартизации производства оружия оно стало терять статус атрибута граждан высшего сословия, стало более практичным, смертоносным и распространенным.

Пришедшая на смену монархической власти советская власть, на опыте гражданской войны и крайне нестабильной политической обстановки, быстро поняла, что осуществление управления безоружным населением намного эффективнее, нежели имевшим оружие на руках.

10 декабря 1918 года был подписан декрет «О сдаче оружия», который принуждал «все население и все учреждения гражданского ведомства сдать находящиеся у них исправные и неисправные винтовки, пулеметы и револьверы всех систем, патроны к ним и пашки всякого образца». Данный декрет послужил началом разоружения граждан после установления советской власти. Далее Советом Народных Комиссаров был выпущен декрет «О выдаче, хранении и обращении с огнестрельным оружием».

По сути, данный декрет являлся первым сводом правил обращения с

огнестрельным оружием, запрещающий незаконное хранение оружия, бессмысленную стрельбу и угрозы оружием жизни и здоровью окружающих: «Лиц, виновных в прицеливании на улице и вообще во всяком месте, где может быть опасность для других лиц, хотя бы выстрела не последовало, привлекать в административном порядке и карать заключением в концентрационном лагере до трех месяцев» [4].

В послевоенном СССР незаконный оборот оружия был крайне высок, а массовые кампании правительства по изъятию оружия не приносили ожидаемого результата ввиду того, что в местах боев оставалось огромное количество огнестрельного оружия. Лишь спустя 10 лет население стало постепенно разоружаться [14, с. 118].

В Российской Федерации оборот оружия регламентируется Федеральным законом «Об оружии», который регламентирует правоотношения, возникающие при обороте гражданского, служебного, а также боевого ручного стрелкового и холодного оружия на территории Российской Федерации, направлен на защиту жизни и здоровья граждан, собственности, обеспечение общественной безопасности, охрану природы и природных ресурсов, обеспечение развития связанных с использованием спортивного оружия видов спорта, укрепление международного сотрудничества в борьбе с преступностью и незаконным распространением оружия [1].

В статье 13 настоящего закона раскрываются права на приобретение оружия гражданами, в ней говорится, что право на приобретение гражданского огнестрельного оружия ограниченного поражения имеют граждане Российской Федерации, достигшие возраста 21 года, граждане Российской Федерации, не достигшие возраста 21 года, прошедшие либо проходящие военную службу, а также граждане, проходящие службу в государственных военизированных организациях и имеющие воинские звания либо специальные звания или классные чины юстиции.

В статье 2 настоящего федерального закона оружие подразделяется на следующие категории:

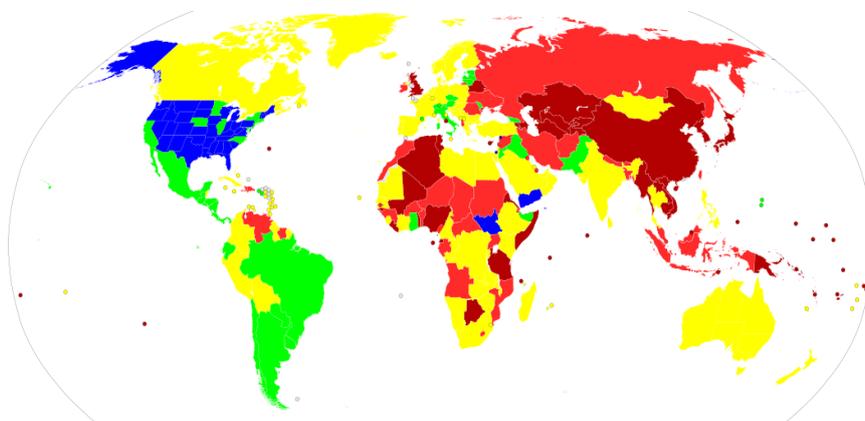
- 1) гражданское;
- 2) служебное;
- 3) боевое ручное стрелковое и холодное;

К гражданскому оружию законодатель относит оружие, предназначенное для использования гражданами Российской Федерации в целях самообороны, для занятий спортом и охоты, а также в культурных и образовательных целях. Из всех вышеуказанных категорий представляет интерес спортивное короткоствольное нарезное оружие, о приобретении которого мечтает каждый любитель, увлекающийся оружейной тематикой. Вообще, владение короткоствольным нарезным огнестрельным оружием широким слоям населения запрещено, но все же есть два пути, благодаря которым граждане могут познакомиться с подобным видом оружия поближе.

Первый вариант: сходить в тир, который предоставляет соответствующие услуги в технически оборудованном помещении и в безопасных условиях при наличии опытного

инструктора. *Второй вариант:* стать спортсменом по направлению «практическая стрельба из пистолета». Надо сказать, что в Российской Федерации практическая стрельба была официально признана видом спорта в 2006 году. Профессиональный спортсмен может приобрести нарезное короткоствольное оружие в собственность, но хранить и использовать его можно только на территории спортивного объекта, или при выезде на соревнования, с оформлением пакета документов.

Какие же перспективы введения короткоствольного нарезного огнестрельного оружия ожидаются в недалеком будущем и как его легализация коррелирует с уровнем преступности? Для проведения сравнительного анализа необходимо обратиться к опыту стран, оборот огнестрельного оружия в которых наименее ограничен. Выбор страны пал на США, как на страну с наиболее либеральным законодательством в сфере оборота оружия (рисунок 1):

Владение пистолетами по странам:

- Разрешение не требуется – разрешения или лицензии не требуются для приобретения пистолетов.
- Разрешено при наличии разрешения – не требуется веская причина или простое заявление о причине.
- Разрешено при наличии разрешения – веская причина (например, лицензия на спортивную стрельбу или доказательство опасности для жизни).
- Запрещено с исключениями или запрещено на практике – выдается мало лицензий.
- Запрещено - гражданским лицам запрещено приобретение пистолетов

По оценкам Исследовательской службы Конгресса США, в 2009 году в стране насчитывалось 310 миллионов единиц огнестрельного оружия, не считая оружия, принадлежащего военным. Из них 114 миллионов были пистолетами, 110

миллионов - винтовками и 86 миллионов - дробовиками [11, с. 361].

По некоторым данным, США занимают 4-е место из 34 развитых стран по самому высокому уровню совершения убийств с применением огнестрельного оружия. Мексика, Турция, Эстония опережают США по

количеству убийств. Вероятность того, что мужчина в возрасте 15-24 лет будет убит из пистолета, в 70 раз выше, чем у граждан из восьми крупнейших промышленно развитых стран мира (Великобритания, Франция, Германия, Япония, Канада, Италия, Россия) [13].

В Соединенных Штатах субъекты с более высоким уровнем количества оружия были связаны с более высокими показателями нападения с применением огнестрельного оружия и грабежами. Однако неясно, является ли более высокий уровень преступности результатом увеличения количества оружия или же количество оружия увеличивается в результате увеличения преступности.

Самооборона. Данные о применении огнестрельного оружия в целях самообороны в США крайне разнятся, и его эффективность в предотвращении преступлений ставится под сомнение, ввиду невозможности выявления причинно-следственной связи между наличием огнестрельного оружия у населения и снижением уровня преступности. Опрос Гарвардского исследовательского центра по контролю травматизма, который был проведен в мае 2014 года, 150 исследователями, показал, что только 8% опрошиваемых согласились с тем, что: «в Соединенных Штатах огнестрельное оружие используется в целях самообороны гораздо чаще, чем на самом деле используется в преступлении» [5].

Между 1987 и 1990 годами американский криминолог Дэвид Мак Дауэлл установил, что огнестрельное оружие применялось для защиты во время совершения преступления 64 615 раз в год (всего 258 460 раз за весь период). Это равняется двум случаям из 1000 инцидентов (0,2%), произошедших за этот период, включая преступления, в которых нападавшим вообще не использовалось огнестрельное оружие. При насильственных преступлениях, нападениях, грабежах и изнасилованиях огнестрельное оружие применялось в целях самообороны в 0,8% случаев.

Согласно другим исследованиям, проведенным американскими криминологами и криминалистами Гэрри Клеком и Марком Герцем, в США предотвращается ежегодно 2,45 миллиона преступлений, причем в

большинстве случаев до момента наступления события жертва никогда не применяла оружие [6].

Также, некоторые исследования показывают, что само наличие оружия может служить катализатором агрессивных мыслей и служить импульсом для совершения противоправных поступков. В своем эксперименте психолог Леонард Берковиц и Энтони Лепаж в 1967 году исследовали этот «эффект оружия». В конечном счете, когда участников эксперимента провоцировали, их реакция была значительно более агрессивной, когда в комнате присутствовало оружие (в отличие от более безобидного предмета, такого как теннисная ракетка) [2, с. 51]. Таким образом, довольно часто оружие в конфликтных ситуациях служит «чеховским ружьем», которое в кульминации пьесы обязательно должно выстрелить.

Самоубийства. Более ясная картина проявляется в случае, когда идет речь о самоубийствах с применением короткоствольного огнестрельного оружия. В США большинство людей, совершивших самоубийство, использовали огнестрельное оружие, также большинство смертей от огнестрельного оружия являются именно самоубийствами. В 2017 году более половины из 47 173 самоубийств в стране были связаны с применением огнестрельного оружия. Министерство юстиции США сообщает, что около 60 % всех смертей от огнестрельного оружия являются самоубийствами [12].

Данная статистическая картина не позволяет нам однозначно говорить о пользе введения в гражданский оборот короткоствольного нарезного огнестрельного оружия.

Для проведения сравнительного анализа было решено исследовать статистические данные, используемые МВД Российской Федерации и Генеральной прокуратурой Российской Федерации. Ввиду различных подходов и взглядов на исследуемый объект, а именно на уровень преступности с применением огнестрельного оружия, а также отсутствие некоторых показателей в принципе, таких как показатель количества применений огнестрельного оружия в целях самообороны и при самоубийствах,

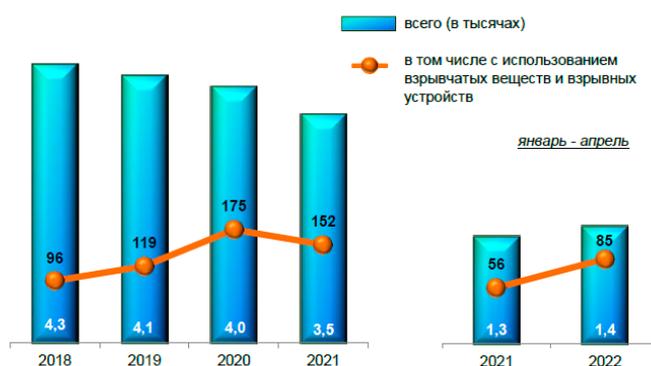

выведение причинно-следственной связи между введением короткоствольного нарезного огнестрельного оружия и данными явлениями становится проблематичным.

По данным Главного информационно-аналитического центра МВД Российской Федерации за 2021 год в стране произошло 152

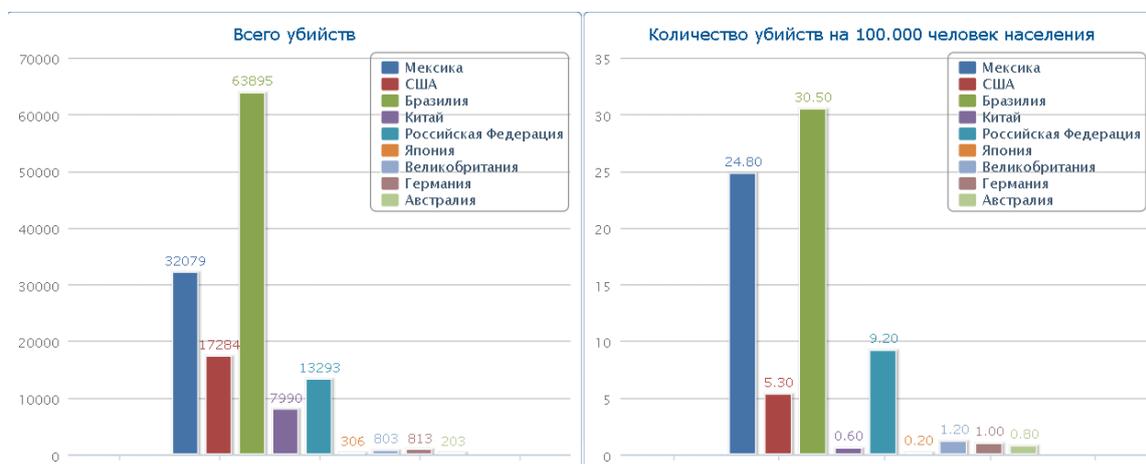
тысячи преступлений с использованием огнестрельного оружия и взрывчатых веществ. По сравнению с аналогичным показателем за предыдущий год произошло снижение подобного рода преступлений на 23 тысячи случаев [3] (рисунок 2).

ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШЕННЫЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО И ГАЗОВОГО ОРУЖИЯ, БОЕПРИПАСОВ, ВЗРЫВЧАТЫХ ВЕЩЕСТВ И ВЗРЫВНЫХ УСТРОЙСТВ

По данным портала правовой статистики, Российская Федерация в международном рейтинге на 2022 год занимала 4 место

по количеству убийств за год, уступая Бразилии, Мексике и США [10] (рисунок 3).

Согласно этой статистике, Россия находится на 4 месте по уровню совершенных убийств и на 3 месте по уровню преднамеренных убийств на 100 000 населения, опережая по данному показателю США. Несмотря на столь небольшую разницу в показателях между Россией и США, данная статистика охватывает лишь количество совершения преднамеренных убийств, исключая из статистики количество самоубийств и

несчастных случаев, по которым США занимает лидирующее место в мире.

Исходя из вышеизложенного, возможно привести ряд доводов, по которым, с нашей точки зрения введение короткоствольного нарезного огнестрельного оружия в гражданский оборот является нецелесообразным на данном этапе развития российского общества:

- 1) статистика США не дает

однозначной информации по применению огнестрельного оружия в целях самообороны, но предоставляет довольно точные данные об уровне убийств (среди которых за последнее десятилетие участились массовые расстрелы), самоубийств и несчастных случаев, связанных как с огнестрельным оружием в целом, так и с короткоствольным нарезным в частности.

2) Высокая частота применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции (зачастую необоснованного) в отношении гражданских лиц, что ведет к нарушению прав и свобод граждан. Данное явление также является следствием свободного оборота оружия среди населения, что вынуждает сотрудника полиции воспринимать каждого гражданина, как потенциальную угрозу.

3) Общее повышение уровня преступности и увеличение количества

смертельных исходов при совершении преступлений с применением огнестрельного оружия.

4) «Эффект оружия», побуждающий к необоснованному применению огнестрельного оружия и катализирующий конфликты между лицами.

5) Повышение уровня летальности при попытках самоубийств, который достигает 97%.

Данные проблемы являются для США не новыми и пути к их преодолению до сих пор обсуждаются.

Российская Федерация же, встав на путь легализации оружия, столкнется только лишь с дополнительными проблемами, не решив проблему с уровнем преступности путем, по которому идут другие страны, а лишь увеличит нагрузку на государственный аппарат и увеличит количество совершаемых преступлений в обществе.

Использованная литература

1. Федеральный закон «Об оружии» от 13.12.1996 №150 – ФЗ (последняя редакция) // [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12679/ (дата обращения 04.10.24).
2. Берковиц, Л. Агрессия: причины, последствия и контроль: лучший в мире учебник по психологии агрессии / Леонард Берковиц; [пер. А. Боричев, Л. Царук, Л. Ордановская]. – СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. – 510 с.
3. Главный информационно-аналитический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://xn--b1aew.xn--p1ai> (дата обращения: 04.10.2024).
4. Декрет СНК РСФСР «О сдаче оружия» от 10 декабря 1918 г. // СУ РСФСР. 1917. 1918. № 93. Ст. 993
5. Как часто частные лица используют оружие для самообороны в год в Соединённых Штатах? // [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://skeptics.stackexchange.com/questions/> (дата обращения: 12.10.2024).
6. Насилие с применением огнестрельного оружия в Соединенных Штатах // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://news.rambler.ru/usa/42713396-nasilie-s-primeneniem-ognestrel'nogo-ozuzhiya-v-ssha> (дата обращения 04.10.2024).
7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1649-1825 гг. (ПСЗ-I). - СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1830. – Т.11. – № 8760.
8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 12 декабря 1825-28 февраля 1881 гг. (ПСЗ-II). – СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1876. – Т.49. – № 55480.
9. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. 1 марта 1881-1913 гг. (ПСЗ-III). – СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1900. – Т.17. – № 14808.
10. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://crimestat.ru> (дата обращения 04.10.2024)
11. Равнюшкин, А.В. Правовые вопросы оборота огнестрельного оружия в Соединенных Штатах Америки / А.В. Равнюшкин // Сибирское юридическое обозрение. – 2022. – Том 19. – № 4. – С. 356-373.
12. Самоубийства в Соединенных Штатах // [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/Suicide_in_the_United_States (дата обращения: 12.10.2024).

13. Страны с самым высоким и низким уровнем преступности по итогам 2022 года // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://dzen.ru/a/Y75ZVMTNmnTXF949> (дата обращения: 09.10.2024).
14. Субанова, Н. В., Шелковникова, Е. Д. Теоретические и правовые основы разрешительной системы оборота оружия в России (советский период) / Н. В. Субанова, Е. Д. Шелковникова // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. – 2016. – № 5(227). – С. 116-121.

References

1. Federal Law «On Weapons» dated 13.12.1996 No. 150 - FZ (latest revision) // [Electronic resource] - Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12679/ (date of access 04.10.24).
2. Berkowitz, L. Aggression: causes, consequences and control: the world's best textbook on the psychology of aggression / Leonard Berkowitz; [trans. A. Borichev, L. Tsaruk, L. Ordanovskaya]. - St. Petersburg: prime-EVROZNAK, 2007. - 510 p.
3. Main Information and Analytical Center of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation // [Electronic resource] - Access mode: <https://xn--b1aew.xn--p1ai> (date of access: 04.10.2024).
4. Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR «On the surrender of weapons» of December 10, 1918 // SU RSFSR. 1917. 1918. No. 93. Art. 993
5. How often do individuals use weapons for self-defense per year in the United States? // [Electronic resource] - Access mode: <https://skeptics.stackexchange.com/questions/> (date of access: 12.10.2024).
6. Gun Violence in the United States // [Electronic resource] – Access mode: <https://news.rambler.ru/usa/42713396-nasilie-s-primeneniem-ognestrelnogo-oruzhiya-v-ssha> (date of access 04.10.2024).
7. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. First Collection. 1649-1825 (PSZ-I). - St. Petersburg: Type. II Separate SEIVK, 1830. – Vol. 11. – No. 8760.
8. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Second Collection. December 12, 1825-February 28, 1881 (PSZ-II). - St. Petersburg: Type. II Separate SEIVK, 1876. – Vol. 49. – No. 55480.
9. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Third Collection. March 1, 1881-1913 (PSZ-III). – SPb.: Type. II Dep. SEIVK, 1900. – Vol. 17. – No. 14808.
10. Portal of Legal Statistics of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation // [Electronic resource] – Access mode: <http://crimestat.ru> (date of access 04.10.2024)
11. Ravnyushkin, A.V. Legal issues of firearms circulation in the United States of America / A.V. Ravnyushkin // Siberian Legal Review. – 2022. – Vol. 19. – No. 4. – Pp. 356-373.
12. Suicides in the United States // [Electronic resource] - Access mode: https://en.wikipedia.org/wiki/Suicide_in_the_United_States (date of access: 10/12/2024).
13. Countries with the highest and lowest crime rates at the end of 2022 // [Electronic resource] - Access mode: <https://dzen.ru/a/Y75ZVMTNmnTXF949> (date of access: 10/09/2024).
14. Subanova, N.V., Shelkovnikova, E. D. Theoretical and legal foundations of the permit system for weapons circulation in Russia (Soviet period) / N.V. Subanova, E. D. Shelkovnikova // Law in the Armed Forces - Military Legal Review. - 2016. - No. 5 (227). – Pp. 116-121.

УДК 343.97

**КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЕМЕЙНОГО НАСИЛИЯ
В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН**

**ХУСУСИЯТҲОИ КРИМИНОЛОГИИ ЗҶУРОВАРӢ ДАР ОИЛА
ДАР ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН**

**CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF FAMILY VIOLENCE
IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN**

ШОМУРОТЗОДА Ф.
SHOMUROTZODA F.

*Адъюнкт Академии управления МВД России, майор милиции
Адъюнкти Академияи идоракунии ВҚД Россия,
майори милитсия
Adjunct at the Academy of Management of the Ministry of Internal
Affairs of Russia, Major of militia*

E-mail:
yuldashev.firdavs@inbox.ru

Научная специальность: 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право (5.1.4. Уголовно-правовые науки).

Ихтисоси илмӣ: 12.00.08 – Ҳуқуқи ҷиноятӣ ва криминология; ҳуқуқи иҷрои ҷазои ҷиноятӣ (5.1.4. Илмҳои ҷиноятӣ-ҳуқуқӣ).

Scientific specialty: 12.00.08 - Criminal law and criminology; penal law (5.1.4. Criminal law sciences).

Рецензент: БЕЛЯЕВА Л.И. - профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (научный руководитель).

Тақриздиҳанда: БЕЛЯЕВА Л.И. - профессори кафедраи сиёсати ҷиноятӣ Академияи идоракунии ВҚД Россия, доктори илми ҳуқуқ, профессор, Ҳуқуқшиноси шоистаи Федератсияи Россия (роҳбари илмӣ).

Reviewer: BELYAEVA L.I. - Professor of the Department of Criminal Policy of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific supervisor).

Аннотация: В статье рассматриваются криминологические особенности преступлений, связанных с семейным насилием, характерных для Республики Таджикистан. Используются статистические данные по насильственным преступлениям, совершенных в сфере семейных отношений за период с 2010 по 2023 гг., материалы уголовных дел, данные анкетирования практических сотрудников УМВД Республики Таджикистан по Согдийской области. Характеризуется состояние, динамика такого рода преступлений, основные направления их профилактики. Дается криминологическая характеристика семейного насильника и его жертвы.

Ключевые слова: семейное насилие, криминологическая характеристика, причины, условия, личность преступника, потерпевший, криминологическая профилактика.

Аннотатсия: Дар мақола хусусиятҳои криминологии ҷиноятҳои марбут ба зӯрораӣ дар оила, ки хосси Ҷумҳурии Тоҷикистон мебошанд, баррасӣ шудааст. Маълумотҳои оморӣ

оид ба ҷиноятҳои зӯрварӣ дар соҳаи муносибатҳои оилавӣ дар давраи аз соли 2010 то соли 2023, маводди парвандаи ҷиноятӣ ва маълумотҳои пурсиши кормандони амалии РВҚД Ҷумҳурии Тоҷикистон дар вилояти Суғд истифода шудаанд. Ҳолат, динамикаи ин намуди ҷиноятҳо ва самтҳои асосии пешгирии он тавсиф карда шудаанд. Хусусиятҳои криминологии таҷовузгари оилавӣ ва қурбонии ӯ оварда шудаанд.

Вожаҳои калидӣ: зӯрварӣ дар оила, хусусиятҳои криминологӣ, сабабҳо, шароитҳо, шахсияти ҷинояткор, ҷабрдида, пешгирии криминологӣ.

Annotation: The article examines the criminological features of crimes related to domestic violence, typical for the Republic of Tajikistan. Statistical data on violent crimes committed in the sphere of family relations for the period from 2010 to 2023, materials of criminal cases, data from a survey of practical employees of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan in the Sughd region are used. The state, dynamics of such crimes, the main directions of their prevention are characterized. A criminological characteristic of a domestic abuser and his victim is given.

Key words: domestic violence, criminological characteristics, causes, conditions, personality of the offender, victim, criminological prevention.

Семейное насилие является весьма распространенным и одновременно трудным для изучения и организации противодействия ему социальным явлением [10, с. 106]. Не случайно, что данная проблема является одной из самых обсуждаемых в научной литературе, в том числе в работах российских (Л.И. Беляева [2;3;4], А.Н. Ильяшенко [9], Д.В. Попов [16], В.С. Харламов [20] и др.) и таджикских исследователей (М.К. Назаров [12], М. Шарипова [22], Р.Р. Юлдошев [23] и др.). Резонансные случаи семейного насилия периодически становятся объектом внимания средств массовой информации, дополнительно актуализируя обсуждение этой проблемы в научной среде.

В Главном информационно-аналитическом центре МВД Республики Таджикистан (далее – ГИАЦ МВД РТ) и Агентстве по статистике при Президенте Республики Таджикистан ведется учет преступности как по всей республике, так и по отдельным регионам, включая Согдийскую, Хатлонскую области, Горно-Бадахшанскую автономную область, город Душанбе и районам республиканского подчинения. Так, в соответствии с статистическими данными Агентства по статистике при Президенте Республики Таджикистан, с 2018 по 2023 гг. Согдийская область характеризуется самым высоким уровнем криминогенности среди регионов страны [1]. Также, исследование данных ГИАЦ МВД Республики Таджикистан за период 2014-2023 гг. подтвердило, что именно

в этом регионе фиксируется наибольшее количество насильственных преступлений в сфере семейных отношений. На долю Согдийской области приходится более половины таких преступлений, зарегистрированных по статьям 104-106, 109-112, 117, 120 и 138 Уголовного кодекса Республики Таджикистан (далее – УК РТ) [17].

Поэтому, выбор Согдийской области в качестве региона для сбора эмпирических данных был обусловлен указанными обстоятельствами. Проведенное исследование, включающее анализ материалов уголовных дел и анкетирование сотрудников органов внутренних дел, способствовало углубленному изучению насильственных преступлений, совершенных в сфере семейных отношений.

Анализ научных работ позволяет сделать ряд выводов относительно понятия и видов семейного насилия как предмета криминологического исследования. В частности, мы разделяем мнение о том, что под семейным насилием следует понимать совокупность умышленных противоправных деяний, совершаемых в сфере семейных отношений, т.е., лицами и в отношении лиц, проживающих совместно и ведущих общее хозяйство [7; 8]. Учитывая широкое понимание категории «семья», не имеет значения конкретная степень родства или свойства, либо даже отсутствие таковых между данными лицами. Например, социально-культурной спецификой Таджикистана является наличие

сильных мусульманских традиций, допускающих присутствие фактически-брачных отношений мужчины с несколькими женщинами, при этом формально-юридически брак может быть заключен только с одной из них [21, с. 81-82]. Несмотря на уголовно-правовой запрет многоженства (ст. 170 УК РТ), данная практика в республике продолжает сохраняться (в период с 2010 по 2023 гг. зарегистрировано 296 таких преступлений) [17].

В этой связи, в рамках семейного насилия, характерного для Таджикистана, следует рассматривать в том числе противоправные деяния, совершенные мужчинами, сожительствующими с несколькими женщинами. Так, изучение материалов уголовных дел, рассмотренных судами Согдийской области РТ с 2015 г. по 2024 г. показало, что сожителями было совершено 17,7 % рассматриваемых преступлений. Учитывая, что многоженство запрещено законом и факты его относительно немногочисленны, можно сделать вывод о том, что в случаях сожительства мужчины с несколькими женщинами риск для последних стать жертвой преступления существенно выше.

Сложность изучения семейного насилия, равно как и выработки мер противодействия ему во многом обусловлена тем, что семья как социальный институт носит достаточно закрытый характер и, помимо норм права, в значительной мере регулируется иными социальными нормами [11, с. 62]. Влияние таких патриархальных ценностей и традиций, как непререкаемый авторитет «главы семьи», гендерное неравенство, допустимость применения насилия в отношении несовершеннолетних членов семьи, решение конфликтных ситуаций между родственниками без привлечения правоохранительных органов, принцип «не выноси сор из избы» в полной мере проявляют себя в таджикском обществе, в особенности в сельской местности [15; 19].

В этой связи, необходимо отметить высокую латентность рассматриваемой группы преступлений, обусловленную факторами закрытости семейных отношений и культурными особенностями таджикского социума [13].

О.Т. Тохирзода отмечает, что причинами сокрытия фактов насилия в таджикском обществе, как правило, являются такие обстоятельства как: нахождение жертвы в беспомощном и зависимом состоянии от правонарушителя, устоявшиеся гендерные стереотипы, боязнь женщины остаться одной, страх за свое будущее и будущее детей, осуждение со стороны родственников, соседей и др. [18]. Таким образом, приведенные выше данные статистики отнюдь не отражают полную картину семейного насилия в республике. В пользу этого тезиса говорят и данные исследования, проведенного в Таджикистане в 2023 г. группой национальных и международных консультантов в рамках совместной инициативы Европейского Союза и ООН по борьбе со всеми формами насилия в отношении женщин и девочек (НОЖД), которые позволяют утверждать, что истинное число насильственных преступлений, совершаемых в семейной среде в 2-2,5 раза выше, чем в официальных статистических данных [14].

В целом, анализ динамики преступлений, связанных с семейным насилием в Республике Таджикистан показал, что за последние пять лет на 7,3 % (с 3258 в 2019 г. до 3058 в 2023 г.) снизилось число зарегистрированных органами правопорядка жалоб. Существенно сократилось число случаев умышленного причинения тяжкого (- 60 %) и средней тяжести вреда здоровью (- 39,9 %), истязаний (- 69,6 %) и убийств (- 69,2 %) в семейной среде. В то же время практически не изменилось количество возбужденных дел по фактам посягательств на половую свободу и неприкосновенность, умышленное причинение легкого вреда здоровью и побоев. Тревогу вызывает и тот факт, что 14% всех убийств, совершенных в республике в 2023 г. произошли в семьях [1; 17]. Таким образом, не смотря на снижение абсолютных показателей посягательств на жизнь, их относительные показатели продолжают оставаться довольно высокими. Среди преступлений против здоровья можно констатировать улучшение ситуации лишь по тяжким посягательствам, в то время как число побоев и умышленного причинения легкого вреда здоровью продолжает оставаться на прежнем уровне.

Причины и условия, способствующие совершению насилия в семье, включают в себя социальные, экономические, психологические и морально-нравственные факторы (безработица, низкая заработная плата, искажение правосознания, межличностные конфликты (неуважение, ревность и др.), алкоголизм, наркомания и др.).

В рамках данного исследования были проанализированы материалы 110 уголовных дел, рассмотренных судами Согдийской области республики в период с 2015 г. по июнь 2024 г., по преступлениям, связанным с насилием в сфере семейных отношений*. Исследование показало, что в большинстве случаев 27,2 % причиной преступных посягательств становился межличностный конфликт на почве ревности. В 25,4 % случаев насилие было обусловлено жилищными, бытовыми, иными социальными проблемами. Алкогольная и наркотическая зависимость провоцировали семейное насилие в 21 % случаев. 18,2 % преступлений произошли вследствие отсутствия между членами семьи взаимопонимания и взаимоуважения. В 8,2 % случаев имели место иные причины.

Также в рамках исследования было проведено анкетирование 170 практических работников (следователей, дознавателей, участковых инспекторов)**. Результаты анкетирования показали, что большинство из них считает основными факторами, провоцирующими семейное насилие: конфликтно-агрессивный характер субъекта, совершающего насильственные деяния (28,8%); социальные, трудовые, жилищные и иные, напрямую не связанные с семейными отношениями, проблемы (16,4 %); конфликтно-агрессивный характер потерпевшего (14,7 %); разногласия в вопросах организации семейно-бытовых отношений (воспитания детей, распределения финансов и прочее) (14,7 %). Анализ детерминант семейного насилия позволяет сделать вывод о том, что в предупреждении такого рода преступлений существенное значение имеют

общекриминологические мероприятия, направленные на устранение социальных, экономических, политических и идеологических факторов совершения преступлений насильственного характера в семье.

Упомянутый выше анализ материалов уголовных дел показал, что, как правило, к семейному насилию прибегают лица в возрасте 35-45 лет. Несоввершеннолетние выступают субъектами таких преступлений в 9,6 % случаев. 84,7 % лиц, привлеченных к уголовной ответственности, составили мужчины. То есть в большинстве случаев – это мужчины, главы семейств, имеющие жену и, как правило, несколько детей, чаще всего, не имеющих постоянной работы (79,8 %). Чаще всего жертвой таких преступлений являлась жена преступника (24 %) либо его сожительница (10,2 %). В 13,8 % насилию подвергалась дочь, в 8 % случаев – сын. Таким образом, наиболее виктимной группой, характерной для семейного насилия выступают женщины, находящиеся в брачных либо родительских отношениях с преступником.

В подавляющем большинстве случаев местом совершения таких преступлений является жилище семьи (92,7 %). Временем совершения изучаемой группы преступлений чаще всего является вечер (43,6 %). На ночь приходится 27,2 % изученных фактов семейного насилия, на день – 22,7 %, на утро – 6,5 %. По сезонам года совершение данного рода преступлений распределено примерно равномерно: весна – 24,5 %, лето – 25,5 %, осень – 18,1 %, зима – 31,9 %. Таким образом, частота проявления семейного насилия обусловлена нахождением вместе членов семьи, в которой имеет место неблагоприятная криминогенная ситуация. С этим связано увеличение числа преступлений в вечернее и ночное время, а также зимой. Поскольку большая часть таких преступлений происходит в жилище, в отсутствие посторонних очевидцев, информация о них часто не попадает в правоохранительные органы, что является

* Процент выборки составил 17,3 % от общей совокупности такого рода преступлений по статьям 104-106, 109, 110, 111, 117, 120, 138 и 139 УК РТ расследованных в указанный период в Согдийской области Республики Таджикистан.

** Процент выборки составил 40 % от общей штатной численности сотрудников УМВД Республики Таджикистан по Согдийской области по должностям: следователь, дознаватель, участковый инспектор

одной из причин упомянутой выше латентности.

Безусловно, существенную роль в предупреждении семейного насилия имеют меры специальной криминологической профилактики. Проблематика их разработки и реализации является активно дискутируемой темой в современной юридической науке [5;6].

Среди основных направлений деятельности правоохранительных органов и социальных служб по профилактике семейного насилия следует выделить: мероприятия по устранению условий совершения преступлений насильственного характера в семье; мероприятия по ликвидации конфликтных взаимоотношений внутри семьи; своевременное прогнозирование семейного насилия. По мнению опрошенных практических работников, наибольший эффект при предупреждении сотрудниками ОВД насильственных преступлений в сфере семейных отношений оказывают:

- периодическое посещение семьи с конфликтными отношениями (35,3 %);
- постановка семьи на профилактический учёт (28,2 %);
- предупреждение инициаторов конфликта о возможном применении

юридических мер, в том числе уголовной ответственности (22,4 %);

- профилактические беседы (14,1 %).

Это свидетельствует о том, что угроза потенциального наказания и внимание к проблеме со стороны правоохранительных органов существенно влияют на поведение лиц, склонных к насилию в отношении своих родственников и близких.

Таким образом, криминологическая характеристика семейного насилия в Республике Таджикистан имеет как общие черты с такого рода преступлениями в других странах, так и свои специфические особенности. Учитывая высокую латентность таких преступлений и их глубокие социально-культурные корни, требуется комплексный подход к их профилактике. Это включает в себя улучшение социально-экономических условий, повышение уровня жизни, проведение образовательных программ по гендерному равенству и правам человека, а также изменение общественного мнения в отношении насилия в семье через средства массовой информации и общественные организации. Кроме того, важно укреплять институты, занимающиеся защитой прав жертв семейного насилия, обеспечить последним доступ к юридической и психологической помощи.

Использованная литература

1. Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.stat.tj/ru/>.
2. Беляева, Л.И. Законодательство государств-участников СНГ о предупреждении насилия в семье и жестокого обращения с детьми / Л.И. Беляева // Социально-психологические, уголовно-правовые и криминологические проблемы семейно-бытового насилия. Сборник материалов международной научно-практической конференции. – Баку: Изд-во Шярти чап вярэги 22, 2016. – С. 165-171.
3. Беляева, Л.И. Нарушения прав ребенка и их социальные последствия / Л.И. Беляева // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2017. – № 4 (40). – С. 106-111.
4. Беляева, Л.И. Предупреждение семейного насилия в отношении женщин: правовые основания и проблемы правоприменения / Л.И. Беляева // Уголовный закон Российской Федерации: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования. Сборник материалов межвузовской научно-практической конференции. – Иркутск: Изд-во Восточно-Сибирского института МВД РФ, 2018. – С. 103-106.
5. Бердалиев, К.Ч. Институциональные основы предупреждения семейного насилия: организационно-аналитические параметры / К.Ч. Бердалиев // Известия ВУЗов Кыргызстана. – 2021. – № 5. – С. 133-136.
6. Бурсянин, В.П. Организация профилактики правонарушений в сфере семейного насилия во взаимодействии с общественностью / В.П. Бурсянин // Законность. – 2021. – № 12 (1046). – С. 28-29.
7. Гришко, Н.А. Преступное насилие, совершаемое женщинами в семейно-бытовой сфере: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Наталья Александровна Гришко. – Курск, 2019. – 213 с.

8. Ефимова, М.П. К вопросу о понятии семейного насилия / М.П. Ефимова // Вестник Северо-восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: История. Политология. Право. – 2020. – № 3 (19). – С. 45-53.
9. Ильяшенко, А.Н. Противодействие насильственной преступности в семье: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис... док. юрид. наук: 12.00.08 / Алексей Николаевич Ильяшенко. – М. 2003. – 511 с.
10. Летова, Н.В. Семейное насилие как негативное социальное явление современного общества / Н.В. Летова // Государство и право. – 2022. – № 12. – С. 106-111.
11. Лифанова, Т.Е., Стаканова, М.В., Старченко, М.А., Гончарова, И.А. Историкосоциальные факторы возникновения семейного насилия / Т.Е. Лифанова, М.В. Стаканова М.А. Старченко, И.А. Гончарова // Russian Economic Bulletin. – 2023. – Том 6. – № 6. – С. 61-66.
12. Назаров, М.К. Семейное насилие как социальная проблема в Республике Таджикистан / М.К. Назаров // Вестник Таджикского государственного Университета. – 2019. – №7. – С. 166-170.
13. Назархудоева, Л.Т. Современная семья в Таджикистане: состояние и проблемы функционирования и развития (социально-философский анализ): дис ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Лола Тошбековна Назархудоева. – Душанбе. 2016. – 153 с.
14. Обзор и анализ законодательства и политики Республики Таджикистан, затрагивающих сексуальное и гендерное насилие в отношении женщин и девочек, и их соответствие международным стандартам. – Душанбе, 2023. – С. 19-36.
15. Оймахмадов, Х.Д. Социальные причины, факторы риска и пути преодоления домашнего (семейного) насилия в отношении детского населения Республики Таджикистан / Х.Д. Оймахмадов // Вестник Таджикского национального университета. – 2023. – № 8. – С. 209-213.
16. Попов, Д.В. Насилие в составах преступлений против семьи и несовершеннолетних: дис... кан. юрид. наук: 12.00.08 / Дмитрий Владимирович Попов. – М. 2018. – 168 с.
17. Статистические данные ГИАЦ МВД Республики Таджикистан по насильственным преступлениям, совершенным в сфере семейных отношений (семейное насилие) за период с 2010 по 2023 гг. от 15 августа 2024 г. № 37/895.
18. Тохирзода, О.Т. Домашнее насилие как социально-негативный феномен и предмет разбирательства по уголовным делам частного обвинения (по материалам Республики Таджикистан и Российской Федерации) / О.Т. Тохирзода // Труды Академии управления МВД России. – 2022. – № 2 (62). – С. 175-182.
19. Хамроев, Х.У. Появление насилия в семье и его нежелательные последствия / Х.У. Хамроев // Государственное управление. – 2022. – № 2 (56). – С. 299-304.
20. Харламов, В.С. Теория и практика противодействия преступному насилию в семье (системное криминологическое и уголовно-правовое исследование: дис... док. юрид. наук: 12.00.08 / Валентин Станиславович Харламов. – СПб. 2018. – 718 с.
21. Хушкадамова, Х.О. Семейно-брачные отношения в современном таджикском обществе / Х.О. Хушкадамова // Социология власти. – 2010. – С. 79-88.
22. Шарипова, М. Насилие в отношении детей: теоретический и эмпирический анализ: на материале социологических исследований по Таджикистану: дис...канд. социолог. наук: 22.00.04 / Муборак Шарипова. – Душанбе. 2002. – 151 с.
23. Юлдошев, Р.Р., Хайруллоев, Ф.С. Закон Республики Таджикистан «О предупреждении насилия в семье»: Проблемы законодательного регулирования и правоприменительной практики / Р.Р. Юлдошев, Ф.С. Хайруллоев // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. – 2016. – Т. 15. – № 2 (31). – С. 23-26.

References

1. Agency on Statistics under the President of the Republic of Tajikistan // [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.stat.tj/ru/>.
2. Belyaeva, L.I. Legislation of the CIS member states on the prevention of domestic violence and child abuse / L.I. Belyaeva // Social, psychological, criminal and criminological problems of domestic violence. Collection of materials of the international scientific and practical conference. – Baku: Publishing house Shyarti chap varyagi 22, 2016. – Pp. 165-171.

3. Belyaeva, L.I. Violations of children's rights and their social consequences / L.I. Belyaeva // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2017. – No. 4 (40). – Pp. 106-111.
4. Belyaeva, L.I. Prevention of domestic violence against women: legal grounds and problems of law enforcement / L.I. Belyaeva // Criminal law of the Russian Federation: problems of law enforcement and prospects for improvement. Collection of materials of the interuniversity scientific and practical conference. – Irkutsk: Publishing house of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2018. – Pp. 103-106.
5. Berdaliev, K.Ch. Institutional foundations for the prevention of domestic violence: organizational and analytical parameters / K.Ch. Berdaliev // News of Universities of Kyrgyzstan. – 2021. – No. 5. – Pp. 133-136.
6. Bursyanin, V.P. Organization of offense prevention in the field of domestic violence in interaction with the public / V.P. Bursyanin // Legality. – 2021. – No. 12 (1046). – Pp. 28-29.
7. Grishko, N.A. Criminal violence committed by women in the family and domestic sphere: dis. ... Cand. of Law: 12.00.08 / Natalya Aleksandrovna Grishko. – Kursk, 2019. – 213 p.
8. Efimova, M.P. On the concept of domestic violence / M.P. Efimova // Bulletin of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov. Series: History. Political Science. Law. – 2020. – No. 3 (19). – Pp. 45-53.
9. Ilyashenko, A.N. Counteracting violent crime in the family: criminal-legal and criminological aspects: dis... doc. jurid. sciences: 12.00.08 / Alexey Nikolaevich Ilyashenko. – M. 2003. – 511 p.
10. Letova, N.V. Domestic violence as a negative social phenomenon of modern society / N.V. Letova // State and Law. – 2022. – No. 12. – Pp. 106-111.
11. Lifanova, T.E., Stakanova, M.V., Starchenko, M.A., Goncharova, I.A. Historical and social factors in the emergence of domestic violence / T.E. Lifanova, M.V. Stakanova M.A. Starchenko, I.A. Goncharova // Russian Economic Bulletin. – 2023. – Vol. 6. – No. 6. – Pp. 61-66.
12. Nazarov, M.K. Domestic violence as a social problem in the Republic of Tajikistan / M.K. Nazarov // Bulletin of the Tajik State University. – 2019. – No. 7. – Pp. 166-170.
13. Nazarkhudoeva, L.T. Modern family in Tajikistan: state and problems of functioning and development (socio-philosophical analysis): diss ... Cand. Philosophical Sciences: 09.00.11 / Lola Toshbekovna Nazarkhudoeva. – Dushanbe. 2016. – 153 p.
14. Review and analysis of the legislation and policy of the Republic of Tajikistan affecting sexual and gender-based violence against women and girls, and their compliance with international standards. – Dushanbe, 2023. – Pp. 19-36.
15. Oymakhmadov, H.D. Social causes, risk factors and ways to overcome domestic (family) violence against children in the Republic of Tajikistan / Kh.D. Oymakhmadov // Bulletin of the Tajik National University. – 2023. – No. 8. – Pp. 209-213.
16. Popov, D.V. Violence in crimes against the family and minors: diss. cand. jurid. sciences: 12.00.08 / Dmitry Vladimirovich Popov. – M. 2018. – 168 p.
17. Statistical data of the State Information Center of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan on violent crimes committed in the sphere of family relations (family violence) for the period from 2010 to 2023 dated August 15, 2024 No. 37/895.
18. Tohirzoda, O.T. Domestic violence as a socially negative phenomenon and the subject of proceedings in criminal cases of private prosecution (based on the materials of the Republic of Tajikistan and the Russian Federation) / O. T. Tokhirzoda // Works of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – No. 2 (62). – Pp. 175-182.
19. Khamroev, H. U. The emergence of violence in the family and its undesirable consequences / H. U. Khamroev // Public administration. – 2022. – No. 2 (56). – Pp. 299-304.
20. Kharlamov, V. S. Theory and practice of combating criminal violence in the family (systemic criminological and criminal-law research: diss... doc. jurid. sciences: 12.00.08 / Valentin Stanislavovich Kharlamov. – St. Petersburg. 2018. – 718 p.
21. Khushkadamova, Kh.O. Family and marital relations in modern Tajik society / Kh.O. Khushkadamova // Sociology of power. – 2010. – Pp. 79-88.
22. Sharipova, M. Violence against children: theoretical and empirical analysis: based on sociological research in Tajikistan: diss... candidate of sociological sciences: 22.00.04 / Muborak Sharipova. – Dushanbe. 2002. – 151 p.

23. Yuldoshev, R.R., Khairulloev, F.S. Law of the Republic of Tajikistan "On the Prevention of Domestic Violence": Problems of legislative regulation and law enforcement practice / R.R. Yuldoshev, F.S. Khairulloev // Bulletin of the Volgograd State University. Series 5: Jurisprudence. – 2016. – Vol. 15. – No. 2 (31). – Pp. 23-26.

ТАРТИБИ
ҚАБУЛИ МАВОД БА МАЧАЛЛАИ ИЛМИИ
«ОСОРИ АКАДЕМИЯИ ВКД ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН»*

Мақола ба Шубъаи ташкилӣ–илмӣ ва таъбу нашри Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон дар намуди чопӣ ва ё ин ки электронӣ пешниҳод карда мешавад.

Дар маҷаллаи илмӣ мақолаҳое, ки натиҷаҳои тадқиқоти илмие, ки ба таҳассусҳои илмии соҳаи ҳуқуқии зерин: 12.00.01 – Назария ва таърихи ҳуқуқ ва давлат; таърихи таълимот дар бораи ҳуқуқ ва давлат (5.1.1. Илмҳои ҳуқуқии назариявӣ–таърихӣ); 12.00.02 – Ҳуқуқи конституционӣ; ҳуқуқи муроғиати судии конституционӣ; танзими ҳуқуқии ҳокимияти маҳаллӣ (5.1.2. Илмҳои ҳуқуқӣ–оммавӣ (ҳуқуқӣ–давлатӣ)); 12.00.08 – Ҳуқуқи ҷиноятӣ ва криминология; ҳуқуқи иҷроӣ ҷазои ҷиноятӣ (5.1.4. Илмҳои ҳуқуқӣ–ҷиноятӣ); 12.00.09 – Ҳуқуқи муроғиати ҷиноятӣ (5.1.4. Илмҳои ҳуқуқӣ–ҷиноятӣ); 12.00.11 – Фаъолияти судӣ; фаъолияти прокурорӣ; фаъолияти химояи ҳуқуқ ва фаъолияти хифзи ҳуқуқ (5.1.2. Илмҳои ҳуқуқӣ–оммавӣ (ҳуқуқӣ–давлатӣ)); 12.00.12 – Криминалистика; фаъолияти судӣ–экспертӣ; фаъолияти оперативӣ–ҷустуҷӯӣ (5.1.4. Илмҳои ҳуқуқӣ–ҷиноятӣ); 12.00.14 – Ҳуқуқи маъмурий; ҳуқуқи муроғиати маъмурий (5.1.2. Илмҳои ҳуқуқӣ–оммавӣ (ҳуқуқӣ–давлатӣ)) мебошанд, чоп мешаванд.

Мақола бояд дорои аннотатсия, вожаҳои калидӣ ва рӯйхати адабиёт бо забони тоҷикӣ, русӣ ва англисӣ бошад. Номи мақола ба забонҳои тоҷикӣ, русӣ ва англисӣ бо ҳуруфи сиёҳ ва БО ҶАРФҲОИ КАЛОН, бе сархат ва дар мобайни матн ҳуруфчинӣ мешавад.

Ба мақола бояд маълумот дар бораи муаллифон ба забони тоҷикӣ, русӣ ва англисӣ бо ишораи Н.Н.П., ҷойи қор (номи ташкилот), вазифаи ишғолкарда, дараҷаи илмӣ, унвони илмӣ ва суроғаи почта (хизматӣ), ҳамчунин суроғаи электронӣ замима шаванд.

Мақола бояд бо расми муаллиф (–он) ва ному насаби муаллиф ба файл ҳамроҳ карда шавад, мисол: Раҷабов Н.. JPG.

Мутобиқи мавзуи мақола муаллиф УДК–и онро нишон медиҳад.

Шакли электронии мақола дар намуди файли MS Word дар андозаи *. doc бояд мутобикат кунад.

Файл бояд дорои ному насаби муаллиф(–он) бошад, мисол: Раҷабов Н. doc, Раҷабов–Собиров. doc

Ба мақола ҳуҷҷатҳои зерин замима мегарданд:

1) иқтибос аз протоколи ҷаласаи кафедра (дар сурати будани он аз ҷойи қори муаллиф) бо тавсия барои чоп;

2) хулосаи экспертӣ дар бораи надоштани маълумоти барои чопи оммавӣ манъшуда, бо муҳри нишонии муассиса тасдиқшуда;

3) тақриз аз ҷониби мутахассисе, ки дорои дараҷаи илмии доктор ё номзади илм (агар муаллиф(он) номзад, унвонҷӯ, аспирант ё адъюнкт) бошад, имзои муқаррарӣ бояд ки аз ҷониби дастгоҳи кадрӣ ҷойи қори асосии онҳо (бо муҳри муассиса) тасдиқ шуда бошад.

Ҳаҷми мақола бояд на кам аз 5 ва на зиёд аз 20 саҳифа (барои докторон ва номзадҳои илм) ва на зиёда аз 12 саҳифа (барои докторантон, унвонҷӯён ва адъюнктон) бошад. Рақамгузори саҳифаҳо гузошта намешавад.

Мақола бояд бо ҳарфҳои муқаррарӣ, дар шакли электронӣ бо гарнитурҳои Times New Roman Tj, Times New Roman бо фосилаи байнисатрии ягона (одинарный) ҳуруфчинӣ шуда бошад. Фосилаи сархат бояд ки якхела ва баробар ба 1,25 см. бошад.

Андозаи ҳуруфи асосӣ бояд ба 14 баробар бошад.

Рақамгузори иқтибосҳо ба адабиёт бо рақамҳои арабӣ дар қавсҳои мураббаъ оварда мешаванд, масалан: «Ҳамчунонки аз ҷониби К.Х. Солиев ишора гардидааст [2, с. 34–40], чунин самара хангоме зоҳир мегардад, ки...». Рӯйхати адабиёт бояд дар мутобикат бо стандартҳои давлатии «Иқтибоси библиографӣ» мураббаъ гардад. Рӯйхати адабиёти истифодашудае, ки муаллиф ба он таъя мекунад, дар охири мақола оварда мешавад. Поварақ (ҳам дар дар зери ҳар саҳифа ва ҳам дар охири ҳар мақола) иҷозат дода намешавад. Ҳамаи мақолаҳо аз системаи «Антиплагиат. ВУЗ» гузаронида мешаванд. Ҳиссаи матни асли набояд аз 70% кам бошад.

Мақолаҳо ва маводи чопӣ ба суроғаи 734012, ш. Душанбе, кӯчаи М.Мастонгулов, 3, тел: +(992) 226 28 92 ва ё тариқи суроғаҳои интернетии E-mail: muzafarovsz@mail.ru, k.lila-73@mail.ru ирсол карда шаванд.

* Ақидаи ҳайати таҳририя метавонад ба нуктаи назари муаллифони мақолаҳо мувофиқ наояд. Барои мазмуни мақолаҳо ва маълумоти саҳеҳ муаллифонашон масъул мебошанд. Хангоми пурра ё қисман чоп ё ба ҳар тарз истифода бурдан, истинод ба сарчашма ҳатмист.

**ПОРЯДОК
ПРИНЯТИЯ МАТЕРИАЛОВ В НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«Труды Академии МВД Республики Таджикистан»***

Статья представляется в Организационно-научный и редакционно-издательский отдел Академии МВД Республики Таджикистан в печатном и/или электронном варианте.

В научном журнале печатаются статьи, содержащие результаты научных исследований, соответствующие следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки: 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве (5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки); 12.00.02 – Конституционное право; право конституционного судебного процесса; правовое регулирование местной власти (5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки); 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право (5.1.4. Уголовно-правовые науки); 12.00.09 – Уголовно-процессуальное право (5.1.4. Уголовно-правовые науки); 12.00.11 – Судебная деятельность; прокурорская деятельность, правоохранительная деятельность и правозащитная деятельность (5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки); 12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность (5.1.4. Уголовно-правовые науки); 12.00.14 – Административное право; административно-процессуальное право (5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки).

Статья и печатные материалы должны быть снабжены аннотациями, ключевыми словами и списком литературы на таджикском, русском и английском языках.

Название статьи набирается на таджикском, русском и английском языках полужирным шрифтом ЗАГЛАВНЫМИ БУКВАМИ без абзацного отступа и центрируется относительно полосы набора. К статье должна быть приложены сведения об авторе(ах) на русском, таджикском и английском языках с указанием Ф. И. О., места работы (название организации в именительном падеже), занимаемой должности, учёной степени, учёного звания и полного почтового (служебного и домашнего) адреса, а также адреса электронной почты.

Статья должна быть снабжена фотографией автора(-ов); иметь в названии файла фамилию автора, *например*, Раджабов Н. JPG. В соответствии с тематикой статьи автором указывается её УДК. Электронная версия статьи представляется в виде файла MS Word в формате *. doc

Файл должен иметь в названии фамилию автора (-ов), *например*, Раджабов Н. doc, Раджабов-Собиоров. doc. К статье прилагаются следующие документы:

- 1) выписка из протокола заседания кафедры (при ее наличии по месту работы автора) с рекомендацией к опубликованию;
- 2) экспертное заключение об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, заверенное гербовой печатью учреждения;
- 3) к статье должны быть приложены рецензии от специалиста, имеющего ученую степень доктора или кандидата наук (если автор(ы) статьи является кандидатами наук, соискателями, аспирантами или адъюнктами), подписи рецензентов должны быть заверены кадровым аппаратом по основному месту их работы. Объем статьи должен быть не менее 5 и не более 20 страниц (для докторов и кандидатов наук) и 12 страниц (для докторантов, адъюнктов, соискателей). Номера страниц не представляются.

Статья должна быть набрана шрифтом нормальной жирности, прямого начертания гарнитуры Times New Roman или Times New Roman Tj и с одинарным межстрочным интервалом. Абзацный отступ должен быть одинаков и равен 1,25 см. Кегль (размер) основного шрифта должен быть равен 14 пунктов;

Нумерация ссылок на литературу осуществляется арабскими цифрами в квадратных скобках, *например*, «Как указывается К.Х. Солиевым [2, с. 34–40], данный эффект проявляется при ...».

Список использованной литературы должен быть оформлен в соответствии с ГОСТ – «Библиографическая ссылка». Список использованной литературы, на которую ссылается автор, приводится в конце статьи. Сноски (как внизу каждой страницы, так и в конце статьи) не допускаются. Все статьи проверяются через систему «Антиплагиат.ВУЗ». Доля оригинального текста должна быть не менее 70 %.

Статьи и печатные материалы направляются по адресу: 734012, г. Душанбе, ул. М. Мاستонгулова, 3, тел: +(992) 226 28 92. E-mail: muzafarovsz@mail.ru, k.lila-73@mail.ru.

* Мнение редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы. При полной или частичной перепечатке или воспроизведении любым способом ссылка на источник обязательна.

ORDER
ADOPTION OF MATERIALS IN THE SCIENTIFIC JOURNAL
«PROCEEDINGS OF THE ACADEMY OF THE MIA OF REPUBLIC OF TAJIKISTAN»*

The article is submitted to the Organizational–Scientific and Editorial-Publishing Department of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan in printed and / or electronic versions.

The scientific journal publishes articles containing the results of scientific research, corresponding to the following scientific specialties and the branches of science corresponding to them: 12.00.01 – Theory and history of law and state; history of doctrines about law and the state (5.1.1. Theoretical and historical legal sciences); 12.00.02 – Constitutional law; the right of constitutional litigation; legal regulation of local authorities (5.1.2. Public law (state law) sciences); 12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law (5.1.4. Criminal law sciences); 12.00.09 – Criminal Procedure Law (5.1.4. Criminal Law Sciences); 12.00.11 – Judicial activity; prosecutorial activity, law enforcement and human rights activities (5.1.2. Public law (state–legal) sciences); 12.00.12 – Criminalistics; forensic activities; operational–search activity (5.1.4. Criminal law sciences); 12.00.14 – Administrative law; administrative and procedural law (5.1.2. Public law (state law) sciences).

The article should be provided with annotations, key words and a list of literature in Tajik, Russian and English.

The title of the article is typed in Tajik, Russian and English in bold in CAPITAL LETTERS, with no indentation, and is centered on the dialing line.

The article should contain information about the author (s) in Russian, Tajik and English languages, indicating the name, place of work (name of the organization in the nominative case), position held, academic degree, academic title and full postal and home) addresses, as well as e–mail addresses.

The article should be provided with a photograph of the author (s); To have in the title of the file the author's surname, for example: Radzhabov N. JPG.

In accordance with the subject matter of the article, the author indicates her UDC.

The electronic version of the article is presented as a MS Word file in *. doc

The file should have the name of the author (s) in the title, for example: Radzhabov N. doc, Radzhabov–Sobirov. doc.

The following accompanying documents are attached to the article:

1) an extract from the minutes of the meeting of the department (if available at the author's place of work) with a recommendation for publication;

2) an expert opinion on the absence of information prohibited for publication in the open press, certified by the stamp of the institution;

3) reviews should be attached to the article from a specialist who holds a doctorate or candidate of science degree (if the author (s) of the article are candidates of science, candidates, graduate students or adjuncts), the signatures of reviewers must be certified by the personnel at the main place of their work.

The volume of the article should be at least 5 and not more than 20 pages (for doctors and candidates of sciences) and 12 pages (for doctoral students, adjuncts, applicants). The page numbers are not set.

The article should be typed in the font of normal fat content, the direct outline of a Times New Roman or Times New Roman Tj headset and with a single line spacing. The indentation should be the same and equal to 1.25 cm.

The size of the main font should be 14 points;

The numbering of references to literature is carried out by Arabic numerals in square brackets, for example: "As indicated by KH Soliev [2, p. 34–40], this effect is manifested when ...".

The bibliography should be made in accordance with GOST – "Bibliographic reference". The list of references used by the author is given at the end of the article. Footnotes (both at the bottom of each page, and at the end of the article) are not allowed.

All articles are checked through the system "Antiplagiat.VUZ". The share of the original text should be at least 70%.

The articles are sent to the following address: 734012, Dushanbe, M. Mastogulov str., 3, tel: + (992) 226 28 92. E–mail: muzafarovsz@mail.ru, k.lila–73@mail.ru.

* The opinion of the editorial board may not coincide with the point of view of the authors of publications. Responsibility for the content of publications and the reliability of the facts are borne by the authors. In the event of complete or partial reprinting or reproduction by any means, a reference to the source is required.

*734012, ш. Душанбе, кӯчаи М.Мастонгулов, 3
Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон*

*734012, г. Душанбе, улица М. Мастонгулова, 3
Академия МВД Республики Таджикистан*

*734012, Dushanbe, M. Mastogulov Street, 3
Academy of the MIA of the Republic of Tajikistan*

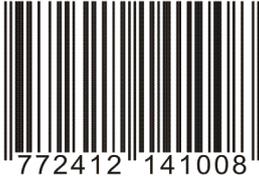
Phone: + (992 37) 226 28 92

Fax: + (992 37) 226 60 43

Ба матбаа 21.12.2024 таҳвил гардид.
Барои чоп 30.12.2024 ба имзо расид.
Қоғази офсетӣ. Андозаи 60x84 ¹/₈.
Ҷузъи чопии шартӣ 28. Адади нашр 100 нусха.
Супориши № Нархаш шартномавӣ.

Дар Матбааи РТМТ ва Н-и ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон ба табъ расидааст.
734018, ш. Душанбе, кӯчаи Борбад, 5.

ISSN 2412-141X

9 772412 141008 >